

БОРИС ПАЛАНТ

Сурра
LEX

СУРА ЛЕХ,
СЕБ ЛЕХ

Борис Палант

Дура LEX

Dura lex sed lex.[1]

Автор выражает благодарность:

Валерию Тодоровскому за то, что побудил меня писать.

Георгию Вайнеру и Сергею Устинову за их мудрые советы.

Александру Галину за «разбор полетов» во время наших долгих прогулок вдоль Гудзона.
Ларисе Казарян за тактичную и профессиональную редакторскую работу.

Вместо предисловия

В Америке каждый адвокат является обладателем титула «эсквайр», и это абсолютно оправдано. Сейчас объясню, почему. В Англии эсквайр — нижний дворянский титул, к аристократии эсквайры не принадлежали. Вообще слово имеет латинское происхождение: *scutarius* на латыни означает «щитonosец», и обычно эсквайр прислуживал рыцарю в качестве оруженосца. Если хозяин-рыцарь терял в бою щит или пику, эсквайр подносил ему новые; если хозяина тяжело ранили или убивали, оруженосец должен был продолжать сражение вместо него. Постепенно рыцари поняли, что гораздо выгоднее вместо себя сразу посылать в бой эсквайра — зачем ждать, когда ранят или убьют? Эсквайр, таким образом, это тот, кто ведет бой за кого-то или от имени кого-то, и родство миссий средневекового эсквайра и современного адвоката очевидно — и тот и другой должны защищать.

Эсквайрами нас никто, кроме как в шутку, не величает, да и вообще в Америке дворянские титулы, к сожалению, запрещены. Три буквы «Esq.», следующие за фамилией, означают, что обладатель «титула» является членом коллегии адвокатов какого-то штата. Адвокат, лицензированный в одном штате, практиковать в другом штате, за некоторыми исключениями, права не имеет. Поэтому я эсквайр только в штате Нью-Йорк, а в штате Нью-Джерси, где живу, я обыкновенный гражданин.

Ранним утром я бреду от стоянки машин к офису. Сыро, моросит. На углу Дуэйн-стрит и Бродвея вижу грека, продающего сосиски. На нем толстая фуфайка. За четверть века в нижнем Манхэттене сменились почти все бизнесы, остались только грек да я. Мы приветствуем друг друга. Пока он выдавливает на мою сосиску кетчуп и горчицу и накладывает длинной вилкой капусту и лук (лук, конечно, не всегда), мы перебрасываемся парой слов.

— Холодно? — спрашиваю я в январе.

— Холодно, — отвечает грек, разравнивая капусту на сосиске. На его руках шерстяные перчатки без пальцев.

— Жарко? — спрашиваю я в июле.

— Очень, — говорит грек, вытирая пот со лба. Весь день ему стоять на нью-йоркском зное, от которого его никак не спасает выцветший зонтик с нарисованной на нем сосиской и надписью «Sabrett».

Иммиграционная служба США на противоположной стороне Бродвея. Как приятно выходить из этого здания, выиграв дело.

— Ну что, стоим? — весело спрашиваю грека.

— Стоим, — говорит грек, выдавливая кетчуп на горячую сосиску.

Я улыбаюсь греку. Я не только выиграл дело, но и заработал кучу денег. Мысленно прикидываю, сколько надо продать сосисок и банок с колой, чтобы получить такую сумму, и снова улыбаюсь несчастному греку. Он, дурак, улыбается в ответ.

Но бывают дни, когда я думаю: «Лучше бы мне быть водопроводчиком». Один такой день — и радости от десяти, нет — от ста побед как не бывало. Лень, глупость, не повезло — какая разница, проиграл и хочу быть водопроводчиком, сосисочником, кем угодно, но только не адвокатом, только что испортившим жизнь своему клиенту. Как я завидую тогда беззаботному греку, от которого не зависит ничья жизнь, который никак не может нагадить человеку, разве что продать ему отравленную сосиску. Хорошо ему выдавливать кетчуп из красной банки и горчицу из желтой, насвистывая какую-то чепуху. Весь день он может думать о чем хочет или вообще ни о чем не думать. А мне надо готовиться к следующему поединку — очередной рыцарь посылает меня в бой.

В книге вы не найдете рассказов о «звездных» часах моей карьеры. Обеды в английских клубах, секретные встречи с членами европейских королевских фамилий, частные самолеты и яхты — все это я оставляю за скобками. Во-первых, не могу нарушить конфиденциальность, во-вторых, не хочу вылезать за счет знаменитостей, превратившись в сплетника.

Правда ли все, что я написал? Если скажу, что правда, то рискую подвергнуться суровым санкциям вплоть до ареста, суда и лишения адвокатской лицензии — ведь в некоторых рассказах защитник явно нарушает закон. Но в данном случае я выбрал стезю не адвоката, а всего-навсего писателя, а посему относитесь к рассказам как к художественному вымыслу, что в данном случае означает: не было, но запросто могло быть, или: было, но не со мной.

Борис Палант, Esq.

Наумчик

Эльвира

Наум был моим первым большим клиентом. Меня приняли в Адвокатскую коллегия штата Нью-Йорк в феврале 1984 года, а в октябре я уже открыл свой собственный офис. Поднял у одного адвоката комнату, в которой с трудом помещались два стула и стол. Договорился, что внесу плату через месяц, дал объявление в «Новое русское слово», где платить надо было тоже через месяц, и стал ждать клиентов. Уходя вечером из офиса домой, переводил звонки на домашний телефон. Мобильных телефонов тогда не было, да и компьютеры были у очень немногих. Дома, отвечая на звонок, я всегда говорил: «Юридический офис», — поскольку не знал, друг звонит или клиент.

В одно октябрьское воскресенье около девяти часов вечера зазвонил телефон, и я как всегда ответил: «Юридический офис».

— Меня зовут Наум, — сказал мужской голос. — Меня с подружкой задержали позавчера на американо-канадской границе...

— Где подружка?

— В Шамплейне. Там иммиграционная тюрьма... Вызволить бы ее оттуда надо...

— Когда будете готовы туда ехать?

— Сейчас, — не раздумывая, ответил Наум.

— Да ведь дело к ночи идет.

— Называйте цену — я плачу.

Мне еще никто не говорил этих волшебных слов. Набравшись духу, я сказал:

— Эта поездка будет вам стоить тысячу долларов, а если надо будет еще туда ездить, то вы будете платить тысячу долларов за каждую поездку.

— Хорошо. Где вас подобрать?

Я назвал адрес, и минут через сорок снизу позвонили. В машине было двое: Наум — высокий, грузный, лет шестидесяти, с очень крупными еврейскими чертами лица, и Гена — усатый парень лет тридцати пяти. Гена сидел за рулем. Машина была маленькая «Ниссан Сентра».

Мы переехали Вашингтонский мост и выскочили на Палисэйдс Парквэй. Мы ехали в Шамплейн, на север. Моросил дождь. Все курили. Наум рассказывал мне, что произошло позавчера на границе. * * *

Когда дела забросили Наума в Грецию, в Афинах жило очень мало русских. Через одного из них он познакомился с молодой русской женщиной по имени Эльвира, которая недавно вышла замуж за пожилого греческого коммуниста и переехала на постоянное место жительства в Афины.

Пока грек-коммунист подтачивал устои капитализма, Наум и Эльвира гуляли по уютным афинским улочкам, заходя в таверны пропустить по стаканчику вина. Наум рассказывал Эльвире о себе и об Америке. Он все больше влюблялся в молодую красивую Эльвиру, а Эльвира, слушая рассказы Наума, в Америку. Наступил день, когда Наум, объяснившись Эльвире в любви, предложил ей бежать в Америку, где он, состоятельный бизнесмен, позаботится о ней. Эльвира ответила, что Наум ей тоже небезразличен.

На следующий день Эльвира попыталась получить американскую визу, но ей это не удалось.

В американском консульстве сказали, что визу ей надо получать в стране своего гражданства, то есть в СССР. Кто-то из местных знакомых Наума посоветовал пойти в канадское консульство, что Эльвира и сделала. Канадцы и впрямь оказались мягче своих соседей по континенту и тут же поставили туристическую визу в ее советский паспорт.

Бежать решили ночью, пока муж-коммунист спит. Очевидно, муж был не бедный человек — жили он с Эльвирой в двухэтажном особняке. Перед рассветом Наум пробрался в сад и расположился под балконом. По сигналу, поданному Наумом, Эльвира прыгнула с балкона прямо ему в руки. Шестидесятилетний Наум выдержал удар достойно — он несколько раз складывал руки в люльку, показывая, как он ловил Эльвиру. Через несколько часов влюбленные уже сидели в самолете на Монреаль, поскольку Наум заранее забронировал авиабилеты.

«Ниссан Сентра» уже давно пересек границу штата Нью-Джерси и двигался на северо-запад, к Олбани. Холодало с каждой милей. В дороге Наум ничего не рассказывал ни о своем бизнесе, ни о том, какие дела привели его в Грецию. Зато рассказал, что во время войны был майором в разведке. Он говорил о боевых операциях, в которых участвовал, и как все его слушались в батальоне.

Прибыв с Эльвирой в Монреаль, Наум озаботился все той же проблемой: как все-таки переправить подругу в Америку? Ничего не придумав, Наум решил, что ключ к решению задачи лежит не в Канаде, а в Америке. Поселив Эльвиру в скромном монреальском отеле, он улетел в Нью-Йорк, пообещав вернуться через пару дней.

Наш шофер Гена был близким другом Наума. Именно с ним Наум встретился для выработки плана действий по переброске Эльвиры из Канады в США. Составление такого плана оказалось весьма простой задачей для бывшего майора разведки. Основные пункты плана сводились к следующему: они поедут в Монреаль с грин-картой жены Гены (Эльвира и жена Гены были приблизительно одного возраста), а обратно они уже поедут втроем. Так как у всех троих будут грин-карты, то Наум предположил, что границу они проскочат без проблем.

На следующий день Наум с Геной поехали в Монреаль на старом Наумовом «Бьюике». Эльвира приняла план друзей с воодушевлением. Положив грин-карту Гениной жены в сумочку, она села в машину, и друзья помчались обратно к границе. За пару миль до границы им стало страшно. («Хоть я и майор разведки, в разных ситуациях побывал, смерти в глаза смотрел, а все равно было страшно», — сознался Наум.) «Бьюик» съехал с главной дороги и стал на обочине. Наум вынул из сумки бутылку водки. Друзья распили бутылку, закусили жвачкой, чтобы сбить запах, и выбросили бутылку в кусты. На душе стало легче, и друзья ясно поняли, что проскочить границу не такая уж большая проблема.

На КПП машину остановили, и работник иммиграционной службы что-то спросил. Оказалось, что единственным человеком в машине, кто мог сносно общаться на английском, была Эльвира, которая, как потом выяснилось, закончила пятигорский иняз. На вопрос пограничника Наум что-то брякнул, типа «американ», Гена ничего не ответил, а Эльвира сказала, что у всех грин-карты. Пограничник вежливо пригласил припарковаться возле офиса и зайти для проверки документов.

Наум признал, что распитие бутылки водки в двух милях от границы было тактической ошибкой.

— Страшно, блядь, понимаешь? Ну и выпили. Как перед атакой. Я же на войне разрешал своим подчиненным выпить перед ответственным делом. Ну, наверное, от нас разило, да и по-английски я слабовато.

В погранпункте всех попросили предъявить документы. Эльвира начала рыться в сумочке, ища грин-карту Гениной жены (как потом она, смеясь, рассказывала, она совсем забыла свое

новое имя). Попутно она вынимала и другие важные предметы. Так иммиграционный инспектор увидел советский паспорт и греческий документ — вид на жительство. Все три документа Эльвиры — советский, греческий и американский — были на разные фамилии.

Арестованы были все трое. «Бьюик» как транспортное средство, использовавшееся для контрабанды нелегалов, конфисковали. Наума и Гену тут же на месте оштрафовали и отпустили (времена были другие), а Эльвиру оставили сидеть в тюрьме до выяснения, кто она такая, и дальнейшей депортации в страну гражданства или обратно в Канаду.

Все это Наум успел рассказать, пока мы ехали.

Около трех часов ночи мы решили заночевать в мотеле. Не было смысла приезжать в Шамплейн глубокой ночью или рано на рассвете. Наум хотел снять один номер на троих, но я сказал, что буду ночевать только в отдельном номере. Он что-то проворчал, но спорить не стал. Мотель был очень холодным — мы уже были в Адирондакских горах, и в конце октября там холодно. Раздеваться казалось невыносимо, пришлось спать в костюме, я только галстук снял — был тогда еще неопытным путешественником. Перед сном мы выпили коньяку в номере Наума и Гены (у Наума оказалась небольшая бутылка) и покурили. Наум опять вспомнил про майорство.

На следующее утро в Шамплейне мы нашли иммиграционную тюрьму, а в ней Эльвиру, к которой пропустили только меня. Эльвира была блондинкой лет тридцати пяти, с немного выдающейся нижней челюстью. Ее рассказ о бегстве полностью совпадал с Наумовым. Описывая прыжок со второго этажа, она изобразила руками люльку. Я позавидовал Науму. Единственный путь зацепиться в Америке, объяснил я ей, — это просить политическое убежище. Эльвира сказала, что ей нравится в Америке и что она пойдет на все, лишь бы остаться жить в этой чудесной стране.

— Здесь такие симпатичные тюремщики, — хихикнула она.

Мы провели два часа, обсуждая, как и за что ее преследовали в СССР и почему оставаться в Греции ей также было небезопасно. Ключевую роль в нашей легенде играл муж-коммунист-рогоносец, который якобы грозился сдать Эльвиру советским агентам в Афинах за вольнодумство. Я проверил, знает ли Эльвира, кто такие Сахаров и Солженицын. Она знала.

Затем надо было решать вопрос, где будет находиться Эльвира до судебного разбирательства ее ходатайства о политическом убежище. Начальник иммиграционной тюрьмы настаивал на депортации заключенной в Канаду. Он при мне звонил в Канаду, чтобы убедиться, что ее примут назад. Канадцы дали согласие. Но Эльвира оказалась американской патриоткой и сказала, что лучше сидеть в тюрьме в Америке, чем возвращаться в Канаду.

Я вышел в зал ожидания и попросил Наума наменять мне долларов десять мелочью. Затем начал звонить нью-йоркским сенаторам и конгрессменам из телефона-автомата. Сначала звонок в справочную, чтобы узнать нужный номер, затем звонок влиятельному лицу. Пробиться к заместителям, которые могли решать серьезные вопросы, было очень трудно, но я пробивался, потому что был молод и неопытен. Я говорил, что сейчас на наших глазах творится произвол, а может, и хуже, что русскую диссидентку, пока мы тут разговариваем, отдадут красным на растерзание и нужно немедленно звонить начальнику тюрьмы, чтобы приостановить депортацию. Сейчас, на двадцать шестом году практики, я не представляю, как бы я мог повторить свои действия. Каждому сенатору я звонил по пять раз, спрашивая у заместителей, соединились ли они с начальником тюрьмы. Я шантажировал бюрократов тем, что мой следующий звонок будет в «Нью-Йорк таймс», которая с удовольствием напечатает статью о выдаче диссидентки Советам из-за попустительства сенатора такого-то (по-моему, я

в основном заседал на офис сенатора Альфонса Д'Амато). Очевидно, до начальника тюрьмы дозвонились — Эльвира осталась в Америке дожидаться суда.

Перед тем как отпустить нас, иммиграционные работники захотели побеседовать с Наумом. Расспрашивали, чем он занимается. Наум ответил, что пенсионер по здоровью. В Греции был просто так, туристом. Наума прямо спросили, был ли он когда-нибудь агентом КГБ, и Наум с возмущением ответил, что нет. Служил ли он в армии? Наум ответил утвердительно. Когда, в каком чине? Наум сказал, что был призван в 47-м году, комиссовался по здоровью в 48-м в чине рядового. Переводил я, потому что больше некому было переводить. * * *

На обратном пути Наум похвалил меня за настойчивость. Про свой настоящий чин майора он даже не вспоминал. Гена радовался за друга и всю дорогу напевал:

— Все в порядке, Ворошилов на лошадке...

Где-то остановились и выпили за успех. Из дальнейших разговоров я понял, что Наум женат и что у него есть взрослая дочь. Он попросил, чтобы я сначала зашел к нему и объяснил жене, что ничего страшного не произошло, что просто недоразумение вышло на границе, но машину, увы, забрали навсегда. Наум уверял, что жена нюхом чувствует, что замешана женщина.

Жил Наум в скромной квартире в Бруклине, на Брайтоне. Его жена Софа была толстой крашеной еврейкой. На месте Наума я бы тоже руки люлькой складывал для кого угодно и где угодно. На ужин Софа подала яичницу-болтанку, густо намазанную красной икрой, и коньяк. Яичницу есть было невозможно. Софа называла Наума «Наумчик». Когда она задавала мне вопросы о том, где мы были и что делали, Наумчик ей говорил:

— Ты же видишь, Софочка, что человек кушает. Дай человеку покушать спокойно.

Через пару дней из тюрьмы позвонила Эльвира и спросила, когда суд. Я этого не знал. Потом она начала звонить каждый день, говоря, что ей больше не вмогут сидеть в тюрьме. Наконец она попросилась в Канаду. Я договорился о дате ее передачи канадским властям с условием, что она будет впущена обратно в США, чтобы участвовать в судебном заседании по поводу ее ходатайства о политическом убежище.

Наум решил полететь со мной в Монреаль, чтобы организовать встречу Эльвиры на канадской стороне. В аэропорту Ла Гвардия зашли в бар, и Наум заказал коньяку. Он пил коньяк вкусно, причмокивая, как родниковую воду. Наум был одет как джентльмен — брюки, пиджак, рубашка с галстуком, плащ. Все, правда, старое, с пятнами, и галстук повязан так, что доходил только до третьей пуговицы рубашки сверху. И тем не менее он выглядел презентабельно. Копна седых волос, зачесанная назад, добавляла романтичности и одновременно солидности. Он был похож на Жана Габена.

В Монреале по моему совету Эльвира также подала прошение о политическом убежище. В отличие от Соединенных Штатов в Канаде Эльвире полагался бесплатный адвокат. Список бесплатных адвокатов Эльвире вручили, как только она оказалась на канадской стороне. Из этого списка мы выбрали адвоката со звучной фамилией Клермон, которому я помог составить петицию, чтобы она не отличалась от той, которую мы подали в США. Через несколько дней я снова прилетел в Монреаль, чтобы участвовать в судебном слушании. Мой французский был тогда еще неплох, и я даже выступил в качестве эксперта по Советскому Союзу. Второе заседание назначили чуть ли не через год. Эльвира осталась в Канаде, где получила право на работу.

Через несколько месяцев пришло оповещение о судебном слушании по делу Эльвиры в США в городе Буффало. Поскольку Эльвира не имела права самостоятельно передвигаться по территории США, мы с Наумом полетели в Монреаль, чтобы доставить ее обратно в

иммиграционную тюрьму города Шамплейн. Ночь Эльвира провела в знакомой ей тюрьме, а наутро ее повезли в воронке в Буффало.

Это был мой первый суд, мое первое дело о политическом убежище. Сначала Эльвиру допрашивал я — это называется прямой допрос. После меня ее допрашивал иммиграционный прокурор Майкл Рокко (он уже давно сам судья) — это был перекрестный допрос. После прокурора Рокко Эльвиру допросил судья. Во время часового перерыва мы с Эльвирой и Наумчиком пили кофе, курили. Тогда в коридорах судов можно было курить. Наконец судья вернулся, чтобы зачитать решение. Зачитывал он его долго, и я никак не мог понять, получает Эльвира политическое убежище в США или нет. С одной стороны, мямлил судья, в Советском Союзе преследуют инакомыслящих, с другой стороны, он не понимает, почему Эльвира не попросила политического убежища при первой же возможности, то есть еще в Греции, хотя, с третьей стороны, допускает, что Эльвира могла бояться влиятельного мужа-коммуниста и поэтому имела веские основания для опасения, что Греция вернет ее в СССР. В конце концов судья утвердил ходатайство Эльвиры. * * *

Вечерним самолетом мы вылетели из Буффало в Нью-Йорк. Весь восточный берег, насколько хватало глаз, был залит огнями, встречая Эльвиру. Она прижалась к иллюминатору, не обращая на нас внимания. Когда она вышла в туалет, Наумчик спросил меня, куда ее поселить в Нью-Йорке. Я ответил, что не знаю.

— Ты же адвокат! — злобно сказал Наумчик.

В аэропорту мы расстались. Наумчик умолял меня поехать к нему после того, как мы определим Эльвиру в какой-нибудь мотель в Бруклине. Ему нужно было алиби для жены, но, помня яичницу с красной икрой, я отказался.

На следующий день мне позвонил Гена. Он сообщил, что Наумчик «побежал на реку топиться». «Где он взял реку в Бруклине?» — подумал я.

Оказалось, что жена нашла в кармане брюк Наумчика визитную карточку мотеля, в который он упрятал Эльвиру, и еще какие-то порочащие его улики. А через несколько минут Софа уже звонила мне. Она кричала, обвиняла меня в пособничестве. А потом позвонил и сам живой Наумчик. Он сказал:

— Я погорэл! — и попросил встретиться.

Выпили коньяку. Наумчик прослезился, признался, что не знает, что делать, что жена его «за яйца держит». Я спросил, что он имеет в виду, и Наумчик намекнул, что жена может его сдать кое-куда за кое-какие делишки. Но вдаваться в подробности Наумчик не стал.

Через некоторое время я случайно встретил Эльвиру в ресторане «Кавказский», где она работала официанткой. Обслуживая нас с женой, она рассказала, что Наумчика больше не видит и что хозяин ресторана, грузинский еврей Иосиф, настаивает на сексе с ней, как, впрочем, и со всеми другими официантками.

— Он нас всех трахает на разделочном столе в подвале, — рассмеялась Эльвира.

Через несколько лет мне кто-то сказал, что Эльвире отрезало ногу каким-то транспортным средством.

Пятая поправка

Чем на самом деле занимался Наумчик, я узнал вскоре после того, как Эльвира получила политическое убежище. Он в панике прибежал ко мне в офис: утром к нему приходили сотрудники ФБР, но разговор не состоялся, потому что с ними не было переводчика. Он только понял, что их интересовали его частые визиты в Грецию — он побывал там около десяти раз, а главное — их цель. Они ушли, оставив визитные карточки и пообещав вернуться с переводчиком.

В то время из СССР можно было эмигрировать только по приглашению родственника из Израиля. Разумеется, у подавляющего большинства советских евреев, включая меня, родственники были фиктивными. Вызов от «родственника» стоил бешеных денег, иногда до тысячи двухсот долларов. Именно этим бизнесом и занимался Наумчик по следующей схеме: он летел в Израиль, где у него был свой человек в Министерстве абсорбции, получал от этого человека вызовы на нужные имена и фамилии, платил ему и затем из Израиля с пачкой вызовов летел в Грецию. Там он встречался с капитаном советского судна, совершавшего регулярные рейсы в Грецию, передавал ему вызовы, уплатив за их доставку на территорию Советского Союза и дальнейшую рассылку по адресатам. Таким образом Наумчик накопил немалую по тем временам сумму в двести тысяч долларов. Учитывая, что Наумчик не декларировал никакого дохода и, соответственно, никогда не платил налога, над ним нависла достаточно серьезная опасность, причем не столько со стороны ФБР, сколько со стороны Налоговой службы США. Прокуратура им тоже вполне могла заинтересоваться, так как Наумчик «сидел» на федеральных и штатных пособиях и прочих льготных программах, включая бесплатную медицину и талоны на питание.

Я позвонил по номеру на одной из визитных карточек и узнал от ее владельца, что Налоговая служба США уже интересуется Наумчиком. Работник ФБР, с которым я говорил, настаивал на срочной встрече с Наумчиком. Встреча, сказал я ему, может состояться только в присутствии адвоката, и мне нужно несколько дней, чтобы поговорить с клиентом и узнать его версию событий.

Я понимал, что слишком зелен, чтобы вести такое дело, и оттачивать свое адвокатское мастерство на Наумчике было бы несправедливо по отношению к нему. Поэтому я предложил свести его с более опытными адвокатами — командой, состоящей из налогового специалиста Барри Лейбовитца и бывшего прокурора Пола Моргенстерна.

Встреча состоялась у меня дома. Барри и Пол внимательно выслушали Наумчика (я переводил), сокрушенно покивали головами и сказали, что дела его плохи. Наумчик попросил коньяку.

— Сколько мне могут дать? — спросил он.

— До двадцати пяти, — ответил Пол.

Наумчик налил еще фужер. Осушил и начал ходить по комнате, что-то бормоча. Барри и Пол сидели молча. Они знали, когда говорить и когда молчать. Я тоже сидел молча и учился.

— Это конец! — сказал Наумчик.

Пол и Барри не пошевелились и не попросили меня перевести его слова.

Наумчик подошел вплотную к сидящему Барри и хрипло спросил:

— Сколько ты хочешь за то, чтоб спасти меня?

Я шепотом перевел Барри вопрос.

— Двадцать пять тысяч, — четко произнес Барри.

— Так спаси! — зарычал Наумчик не своим голосом, размахнулся и изо всей силы опустил ладонь правой руки на подставленную ладонь Барри.

Как Барри среагировал, я не представляю! До сих пор поражаюсь, как Наум и Барри поняли друг друга настолько, что их ладони могли встретиться для дикого, спонтанного рукопожатия. Я никак не предвидел именно такую реакцию Наумчика, именно такой его жест, а Барри вот уловил. Договорились встретиться послезавтра в офисе.

На следующий день мне позвонила дочь Наумчика Ира и гнусавым голосом сказала:

— Шо значит папа заплатит двадцать пять тысяч? Унего шо, деньги на кустах растут? Ничего не делайте, я поговорю с другим адвокатом.

Через час позвонил и сам Наумчик. Он извиняется, но вчера он погорячился. Он очень хочет, чтобы я участвовал в деле, но мои ребята загнули уж очень большую сумму.

Вскоре позвонил адвокат, которого наняла дочка Ира, и пригласил зайти к нему в офис. Это был очень старый еврей, звали его мистер Гольдберг. Говорил он медленно, жевал губы, руки у него дрожали. Он попросил меня рассказать все, что я знаю о бизнесе Наумчика. Меня он слушал с закрытыми глазами. Задал несколько пустяковых, на мой взгляд, вопросов, например: как я думаю — составляют ли преступления действия Наумчика по советским законам? а по израильским законам? Я ответил, что Америке наплевать на советские законы, что же касается израильских, то вряд ли есть состав преступления, поскольку десятки тысяч евреев, включая меня самого, уехали по липовым приглашениям несуществующих родственников.

Гольдберг сказал:

— Не горячись. Знаешь ли ты о Законе о коррупции иностранных должностных лиц? Наум платил работнику Министерства абсорбции Израиля, а значит, его можно подвести под эту статью. Что касается налогов, то где находятся сбережения Наума?

Я ответил, что в наволочке. Гольдберг приказал немедленно удалить деньги из квартиры Наума в безопасное место. Затем он начал анализировать ситуацию:

— Не удивлюсь, если обнаружится, что Наума сдал его партнер из Израиля. Хотя на него мог настучать и кто-нибудь из обиженных клиентов — не то приглашение, не вовремя вручили, ошибки в имени и т. д. Теперь давай считать деньги Наума. Ты посчитал по отметкам в его паспорте для постоянных жителей США, что за последние два года он был в Израиле десять раз и в Греции шесть раз. Допустим, что первые четыре визита в Израиль ушли на то, чтобы найти нужного человека и достаточно сблизиться с ним. Следующие шесть визитов уже были «рабочими». Ты говоришь, что цена приглашений на русском рынке колеблется от восьмисот до тысячи двухсот долларов. Допустим, средняя цена составляет ровно тысячу долларов. Как ты думаешь, сколько за одну поездку он делал приглашений? Давай прикинем его расходы. Ты подсчитал по отметкам в паспорте, что продолжительность его вояжей составляла от семи до восемнадцати дней. В среднем, будем считать, двенадцать дней. Самолет из Америки в Израиль, транспорт из Израиля в Грецию, самолет из Греции в США — на все максимум две тысячи долларов. Гостиница за две недели — максимум тысяча долларов. Питание — еще тысяча. Итого, расходы — четыре тысячи. Если он везет с собой двадцать заказов, то чистая выручка будет составлять двадцать тысяч минус доля израильтянина минус доля капитана минус четыре тысячи. Если он отдает, как он говорит, тридцать три процента израильтянину и капитану вместе, то за каждую среднюю поездку он привозит около десяти тысяч долларов. В таком случае ему нужно совершить как минимум двадцать пять поездок, чтобы отложить двести тысяч — ведь на жизнь в Америке тоже деньги уходят. Но он совершил всего шесть поездок. Значит, каждый раз он ездил примерно с сорока заказами, что принесло ему двести сорок тысяч, из которых сорок тысяч ушло на жизнь. Все это звучит

логично. Наум совершил шесть поездок за два года, что понятно — ведь ему же нужно время, чтобы собрать заказы.

— Согласен, — сказал я. — Только зачем нам все эти рассуждения? Только для того, чтобы проверить, правду ли нам говорит Наум?

— И для этого тоже. Не сомневайся, что работники Налоговой службы уже осведомлены о цене одного вызова. Затем они будут исходить из презумпции того, что Наум занят обычным рентабельным бизнесом. Они быстро подсчитают его транспортные и гостиничные расходы. У них не будет только данных о том, сколько он платит израильтянину и капитану. Конечно, если они знают об их существовании. Но они предположат, что кому-то он все же должен платить за вызовы и их доставку в СССР, и выйдут примерно на те же цифры, что и мы насчитали.

— Значит, Наум не заплатил налоги примерно с двухсот сорока тысяч долларов, — подытожил я. — Что ж, если коса найдет на камень, с половиной своих сбережений он должен будет расстаться. Плюс штрафы за задержку выплаты налогов плюс проценты на задержанные выплаты.

— Ну, это мы еще посмотрим. Да и дело не только в финансовых потерях. Людей сажали в тюрьму и за меньшие суммы. Ты знаком с Пятой поправкой Конституции США?

— Конечно. Человек имеет право не отвечать на вопросы, если ответы могут быть использованы против него.

— Абсолютно верно. Так вот, я возьму на себя Налоговую службу, а ты ФБР. Мы разрешим Науму ответить на вопрос, как его зовут, и это все! На все остальные вопросы у нас будет только один ответ — Пятая поправка! — Мистер Гольдберг вдруг помолодел, руки его перестали дрожать. — А хотят, чтобы Наум все рассказал, — пусть предоставят ему иммунитет против уголовного преследования. Тогда у Наума не будет выхода, он должен будет все рассказать, но за это ему ничего не будет. Да, ему придется заплатить налоги; скорее всего, мы отобьем штрафы, но он в тюрьму не пойдет! Ты знаешь, что значит для шестидесятилетнего человека сесть в тюрьму на несколько лет?!

— Мистер Гольдберг, я никогда еще не представлял человека на допросах ФБР. Неужели я должен запретить Науму отвечать на вопросы, касающиеся его адреса, его семейного положения?

— Послушайте, молодой человек, — Гольдберг вскинул очки на лоб, — я же сказал, что мы разрешаем только назвать свое имя, и даже в этом вопросе я взял бы Пятую поправку, учитывая антрепренерские наклонности нашего клиента. Вот, например, о женитьбе — откуда вы знаете, что он не оформил с женой фиктивного развода? Или насчет места жительства — откуда вы знаете, какой адрес или адреса он сообщает в различные организации? Нет, давайте уж брать Пятую поправку по всем вопросам, за исключением имени. Теперь — наш гонорар. За присутствие на допросе Наум нам заплатит десять тысяч долларов: пять вам, пять мне. Если после допроса его все-таки привлекут к уголовной ответственности, он заплатит нам еще десять тысяч за работу на подготовительном этапе, и если мы с прокурором не договоримся до суда и суд все же состоится, Наум нам заплатит еще десять тысяч за представительство на суде.

Наум согласился на наши условия с радостью. Дочь Ира, которая сопровождала Наума на встречу со мной и мистером Гольдбергом, сказала:

— Так вам, адвокатам, выгодно, шоб был суд, вы же там все заодно. А шо мой папа такого сделал, шо такие деньги? Он делал, шоб людям хорошо было и шоб все были довольны.

В ближайшем баре я объяснил Науму суть Пятой поправки Конституции США. Наум выпил пару фужеров коньяку и рассказал мне, как он из Греции совершил тайный вояж в Одессу. Еще из Афин он позвонил в Одессу своей сестре, чтобы она его встречала на пристани. И вот корабль причалил, а Наума с его грин-картой, но без советской визы на берег не пускают. Смотря увлажненными глазами мимо меня, он вспоминал:

— Стою я, блядь, на палубе, а сестра на берегу. Смотрим мы друг на друга, плачем. И пью я водку из бутылки, как воду. * * *

Встреча с представителями ФБР и Налоговой службы проходила в одном из кабинетов на Федерал Плаза, 26. В этом здании размещаются Иммиграционная служба, ФБР и еще ряд федеральных агентств. С одной стороны стола сидели агент ФБР и агент Налоговой службы, напротив — Наум, слева от него я, справа — мистер Гольдберг.

Мистер Гольдберг сразу заявил, что его клиент честнейший человек. Да, он допускает, что у государственных служб могли возникнуть вопросы, и он с радостью разрешит своему клиенту на них отвечать, если ему предоставят иммунитет против уголовного преследования.

В иммунитете Науму отказали тут же. Стенографистка привела Наума к присяге («правду, только правду и ничего, кроме правды»), и агент ФБР приступил к допросу.

— Ваше полное имя?

Наум представился, не забыв назвать и отчество.

— Когда и где вы родились?

Наум дернулся, чтобы ответить, но тут вступил я:

— Пятая поправка!

Агент ФБР удивленно посмотрел на меня, а я на Гольдберга. Гольдберг одобрительно едва кивнул головой.

— Ваш адрес?

— Пятая поправка, — радостно сказал я.

— Но я же могу посмотреть все эти данные в его личных документах, которые он сам заполнял! — вскричал фэбээровец.

— Вот и смотрите, — матерел я с каждой секундой.

— Вы работаете? — продолжал допрос фэбээровец.

— Пятая поправка! — неумолимо ответил я. — Давайте, — говорю, — мы вам все честно расскажем, только предоставьте моему клиенту иммунитет. Поверьте мне, что по вашей линии мой клиент не сделал ничего предосудительного, он никак не ущемил интересы США, он не работал ни на какую разведку. Повторяю — мы готовы все рассказать, если вы предоставите иммунитет.

— Знаете ли вы такого-то?

Фэбээровец назвал имя израильтянина, с которым работал Наум, из чего стало ясно, кто сдал Наума.

Лицо Наума подало сигнал, что это имя было ему известно, но мимика стенографии не подлежит, а тут уже и я с Пятой поправкой подоспел.

Через несколько минут цирк с ФБР закончился. Наступил черед агента Налоговой службы. Он сумел продвинуться в своем дознании примерно настолько же, насколько его коллега из ФБР.

Разъяренные агенты прекратили допрос и пообещали, что так этого дела не оставят и что в самом скором времени Наум будет арестован и ему будут предъявлены самые суровые обвинения. Мистер Гольдберг с серьезным видом выслушал эти тирады и сказал:

— Господа, вы стоите на страже законов. Наш главный закон — Конституция США, и Пятая поправка — одно из главных ее положений. Я удивлен, что вас так расстроил тот факт, что наш клиент сегодня воспользовался ею в полной мере. Хорошего вам дня, господа!

Наума так и не арестовали, ему не было предъявлено никаких обвинений. ФБР и Налоговая служба больше никогда не беспокоили Наума.

Я заработал пять тысяч долларов за час работы. * * *

После 1986 года Наум пропал на много лет. Году в 1994-м он позвонил мне из какого-то среднеамериканского штата, куда, как сказал, переехал жить с женой и дочкой. Наум спросил, смогу ли я ему помочь с иском к одному известному брайтонскому миллионеру, которому он когда-то одолжил десять тысяч долларов. Я не поверил и отказался. Через десять минут после того, как я повесил трубку, позвонила дочка Наума Ира и сказала:

— Шо вы папу слушаете, он сошел с ума.

Еще через несколько лет ко мне в офис вдруг ввалился Наум. Он был стар, немой, от него дурно пахло. Он лег на диван в офисе.

— Умираю, — сказал он.

Я пытался выяснить у него номер его домашнего телефона. Он не мог вспомнить. Я начал обшаривать карманы Наума и нашел, наконец, записную книжку. Увидел в ней запись «Ира» и номер мобильного телефона. Позвонил, и на самом деле ответила его дочь. Я сообщил ей, что папа лежит в моем офисе и собирается умирать.

— Я сейчас его заберу, я в Нью-Йорке.

Рядом с диваном, на полу, валялись бумажки, которые выпали из карманов пиджака Наума. На одной из них я разобрал следующее: «Сегодня, 3 августа 1979 года, я, имярек, взял в долг у Наума (фамилия) десять тысяч долларов. Обязуюсь их вернуть в течение года». Этого имярека знает не только вся русскоязычная Америка, но и многие в бывшем Советском Союзе. Он якобы миллиардер.

Дочь забрала Наума, и больше я его никогда не видел.

Убийца и насильник

Убийца

Очень часто первыми клиентами адвоката становятся его друзья и члены семьи. Одни хотят

экономить, а другим трудно отказать в одолжении. Большая ошибка с обеих сторон.

Юру я знал еще по Харькову. Приехал он в Америку с женой и маленькой дочкой года через два после меня. Тогда каждый знакомый по прежней жизни ценился особенно дорого. Мы вместе гуляли, пили дешевую водку «Гордон», заедая ее жареными цыплятами, которых готовил любитель пожрать Юра. Когда Юра хотел казаться умным, он говорил значительные вещи. Например, что он эмигрировал только ради дочки. Эту фразу я часто слышал от эмигрантов, которые якобы достигли невероятных высот в Кишиневе или Бердичеве, но вот все бросили ради детей и внуков и теперь должны в Америке страдать и довольствоваться жалкими крохами, чтобы дети были счастливы.

Потом я уехал на три года учиться на адвоката. Вернувшись, открыл собственный офис. То, что Юра стал одним из первых моих клиентов, меня не удивило.

Юра работал шофером такси. Однажды весенним солнечным днем, сбросив пассажира в аэропорту Кеннеди, он решил, что пора закругляться, и направил свой желтый «Форд» к выезду из аэропорта. Вдруг перед капотом мелькнула тень, Юра ударил по тормозам и тут же почувствовал, что машину тряхнуло.

Человек, которого сбил Юра, был пожилой, но до старости ему не суждено было дожить — он скончался на месте, не приходя в сознание. Юра не покинул место происшествия. Он выскочил из машины, подбежал к лежавшему человеку и накрыл его своей курткой. Все это он рассказал мне в тюрьме, куда его доставили полицейские.

На первом слушании судья решает, отпустить ли человека до суда под честное слово или под залог. Если под залог, то определяется его размер. Я привел на это слушание жену Юры Римму с дочкой Диной. Рассказал, что Юра прекрасный семьянин, любящий отец, кормилец семьи, и государство ничем не рискует, отпуская его до суда под честное слово.

Прокурор усмехнулся и сказал:

— Ваша честь, этот кормилец семьи был лишен водительских прав еще год назад. Кроме того, пока еще не готовы результаты экспертизы, и я не решил, буду обвинять его в непреднамеренном убийстве, в преступной халатности, приведшей к смертельному исходу, или еще в чем-либо.

Я понял, что дела Юры плохи, но у клиентов часто плохи дела.

— Ваша честь, — обратился я к судье, — смысл сегодняшнего слушания не наказать Юрия и его семью, а обеспечить его явку на суд. Я лично знаю Юрия и его семью восемь лет. Это крепкая, дружная семья. Юрий с женой прошли через тяжелую эмиграцию, сейчас они становятся на ноги, и уверяю вас, Юрий не станет убегать от правосудия, поставив под удар любимую жену и ребенка. До того как стать таксистом, Юрий работал столяром, на Украине был парикмахером, и если то, что говорит господин прокурор насчет его водительских прав, правда, он сможет легко трудоустроиться и без водительских прав. Юрий точно явится на следующее слушание.

Судья посмотрел на любимую жену Юрия, сидящую в первом ряду (к тому моменту Римма уже несколько раз требовала, чтобы Юра вышвыривался из квартиры), посмотрел на Юру, не обращающего никакого внимания на любимую жену, и изрек:

— Советник (это он ко мне), я хочу, чтобы вы принесли мне оригиналы его документов — свидетельство о браке, свидетельство о рождении ребенка, его иностранный паспорт, если таковой имеется. Сколько вам для этого нужно времени?

Я подошел к Римме, посоветовался с ней и попросил три дня. Юра, стоявший в наручниках

рядом со мной, обернулся к Римме и обматюкал ее.

— На хуя тебе три дня? — спросил он.

— Пошел на хуй! — ответила Римма.

Но Юра пошел по другому адресу — обратно в тюрьму минимум еще на три дня. К счастью, русско-английских переводчиков в зале суда не было. * * *

Я не знал, что Юра был лишен водительских прав. Я также не знал, что Юра и Римма были разведены еще в Харькове. Тем не менее через три дня что-то нужно было судье показывать. Слава богу, грин-карты у них были на одну и ту же фамилию. И в дочкином свидетельстве о рождении отцом значился Юра. Еще я принес в суд арендный договор и различные счета за коммунальные услуги. Все эти документы в сумме должны были убедить судью, что перед ним муж и жена. Свидетельство о браке, сказал я, было, к сожалению, утеряно во время иммиграционных странствий и мытарств.

Адвокаты в Америке являются офицерами суда и врать не имеют права. Это хороший закон, потому что самый большой враг адвоката — его же клиент. Кто еще может так эффективно «сдать» адвоката, как не собственный его клиент? Но разве об этом думаешь в первый год практики, защищая друга?

Судья был удовлетворен документами и отпустил Юру на свободу до суда, несмотря на то, что прокурор выдвинул на втором слушании весьма тяжелое обвинение — преступная небрежность при управлении транспортным средством плюс управление транспортным средством без прав. Экспертиза показала, что тормозной путь был длинный, а это свидетельствовало о превышении установленной скорости.

Карьера прокурора зависит от процента выигранных дел. Сделки между прокуратурой и обвиняемыми являются распространенной практикой в Америке. При сделке каждая сторона что-то выигрывает и что-то проигрывает. Так, убийца-злоумышленник соглашается признать себя виновным в непреднамеренном убийстве и получает без суда десять лет, тем самым, быть может, сохраняя себе жизнь. А прокурор без суда добивается того, что виновный все же сидит, пусть не по полной программе, но сидит, а не гуляет на свободе. При этом прокурор сохраняет налогоплательщикам миллионы долларов (дело об убийстве в среднем стоит государству от миллиона до двух миллионов долларов). Решив идти на суд, Юра бы рисковал получить до десяти лет тюрьмы. Но с другой стороны, присяжные могли бы счесть, что вина Юры не дотягивала до криминальной, а то и вовсе бы признали его невиновным в наезде на пешехода — тот спешил, переходил дорогу в неположенном месте, солнце светило Юре в глаза и т. д.

Юра, несмотря на свой крайне легкомысленный характер, все же вспоминал о нависшей опасности. Бывало, после второй или третьей рюмки «Гордона» грустно говорил:

— Чует мое сердце, сидеть мне.

Иногда, вспоминая, что в нашей компании есть совестливые люди, говорил что-нибудь исключительно фальшивое, типа:

— Понимаешь, Алик, я убийца. Как мне теперь с этим жить?

Но уже через минуту находил массу способов жить дальше. Да и своя «десятка» волнует больше, чем чужая смерть.

Торговля с прокурором похожа на игру в покер — блефуешь, предполагая карту на руках у противника. Я боялся доводить дело до суда, но показывать свой страх нельзя. Поэтому с

прокурором я старался говорить очень бодро. Карт как у него, так и у меня было очень немного. У него: довольно длинный тормозной путь и езда без водительских прав. У меня: права были у Юры аннулированы за неуплату ерундового штрафа, первое правонарушение, трезв, солнце на самом деле светило Юре прямо в глаза, моментально остановился, накрыл пострадавшего курткой. Мы перебрасывались одними и теми же картами, а день суда приближался. Юра все чаще и чаще проявлял беспокойство и даже перестал жарить цыплят. А я читал другие уголовные дела, чтобы узнать, какой тормозной путь при сухой, солнечной погоде был признан присяжными или судом достаточным для обвинения в преступной халатности.

За неделю до суда я прямо спросил у прокурора, чего он хочет.

— Год тюрьмы, — ответил прокурор.

— Исключено, — сказал я.

— При таком тормозном пути и пять лет получить реально, — продолжал блефовать прокурор.

— Я не знаю, как и чем вы измеряли этот тормозной путь. Место наезда в 100 футах после светофора. До какой же скорости мог разогнаться старый «Форд» на дистанции сто футов? Согласно паспортно-техническим данным, «Форд Краун Виктория» разгоняется до шестидесяти миль в час за одиннадцать секунд. Так что о бешеной скорости говорить не приходится. Ну, может, пару миль сверх нормы, так при чем здесь преступная небрежность?

— А откуда вам известно, что ваш клиент остановился перед красным светофором? А может, был вообще зеленый и он даже не притормаживал? — не унимался прокурор.

— У меня есть показания самого Юрия, что был красный и он остановился. А вот у вас никаких противоречащих этому показаний нет. Значит, был красный, и Юрий остановился! Или вы на перекрестном допросе будете спрашивать Юрия, как выглядит красный свет?

После долгих пререканий мы заключили с прокурором сделку — Юра признает себя виновным в управлении машиной без водительских прав, но наказание за это нарушение получит самое суровое — тридцать суток тюрьмы. В тюрьме штата при хорошем поведении срок сокращается до двух третей установленного. Значит, остается двадцать суток. Минус пять суток, которые Юра уже отсидел (двое суток до первого слушания и трое между первым и вторым) — итого Юре надо было отсидеть пятнадцать суток.

Я был уверен, что Юра даст добро на сделку. Когда я радостно сообщил ему, что прокурор согласился на «езду без прав», но придется отсидеть две недели, Юра помрачнел. Намекнул, что с другим адвокатом он бы вышел сухим из воды. Такое слышать было неприятно, тем более что Юре мое участие не стоило ни цента. Но на сделку Юра тем не менее пошел.

Судья сделку с прокурором утвердил. После официального объявления приговора на Юру надели наручники прямо в зале суда и увели под конвоем в тюрьму на долгие две недели. Уходя, Юра даже не попрощался.

Насильник

Римма в итоге вышвырнула Юру из квартиры, и он поселился у своего друга Гриши в районе Брайтона. Я его не видел уже несколько месяцев с момента расставания в зале суда.

О новом аресте Юры мне сообщил Гриша. Он рассказал, что вчерашний день они провели с бабами, договаривались сегодня пойти вместе в кино, но утром пришли полицейские, арестовали Юру и увезли в тюрьму. Он толком не мог понять, за что, и вспомнил о ружье, которое полицейские нашли у Юры.

Узнав, где сидит Юра, я поехал к нему. Юра шепелявит, и поэтому все, что он говорит, звучит несколько глупее, чем есть на самом деле. В общем, дело было так.

В пятницу вечером после работы Юра и Гриша решили провести вечер с двумя девочками, с которыми Гриша недавно познакомился на Брайтоне. Встретившись, решили купить выпивку с закуской и пойти на квартиру к ребятам. Одна из девушек, Юля, попросила Юру купить кокаина.

— Это не по моей части, — сказал Юра. — Коньячок — с удовольствием, хавку — любую, а большего не проси.

Юля еще немного поломалась, но, видя, что на кокаин Юру не раскрутишь, успокоилась. Юра, как и обещал, купил бутылку коньяку, пару бутылок вина, разных закусок в русском магазине и цыплят, которых Юра обещал зажарить. Пятничный вечер начинал складываться.

Утолив жажду и голод, Юра с Юлей удалились в одну комнату, а Гриша с Таней в другую.

— Ну, мы потрахались, — рассказывал Юра. — После второй палки я достаю из-под матраса ружье, наставляю на нее и говорю: сейчас я тебя пристрелю. А она хохочет. Я говорю: чего ты, дура, хохочешь? Потом оделись и пошли на кухню дальше пить и есть. Гриша со своей тоже вылезли. Потом телик посмотрели. Я еще раз из спальни ружье вынес, наставил на девок и говорю — сейчас пристрелю. Посмеялись. Еще кирнули. Я говорю — пора спать, девочки, а Юля опять начала кокаин клянчить. Я ей говорю, не куплю я тебе кокаина, а промеж рог дам. Потом она куда-то ушла и пришла через полчаса с какой-то херней. Начала эту херню разогревать на кухне на столовой ложке. Я уже спать умираю. Говорю девкам: давайте завтра заходите к нам в три часа дня, мы уже выспимся, в кино пойдем. Девки согласились и ушли. Утром звонок в дверь. Я, сонный, подхожу, спрашиваю, кто там. Тут дверь вышибают прямо на меня. Три мента-долбоеба валятся на меня и руки крутят. Связали жгутом руки сзади и кричат: где ружье? Я им сказал, где ружье. А где патроны? Я им говорю — еще не купил. Взяли они ружье, отвезли меня в полицейское отделение, оттуда сюда привезли. Юлька, падла, из-за того, что я не хотел ей наркоту покупать, сдала меня.

Ознакомившись с материалами дела, я понял, что Юре нужен адвокат, специализирующийся в уголовном праве. Я попросил своего друга, бывшего прокурора Пола Моргенстерна, взяться за дело. Пол согласился при условии, что я буду ему помогать.

Юру представили на так называемое «большое жюри присяжных», которое подписало обвинения: киднеппинг, изнасилование, содомия, незаконное хранение огнестрельного оружия. Признание виновным по любой из первых трех статей грозило 25 годами тюремного заключения.

Большое жюри присяжных состоит из двадцати трех человек, которые решают, отправлять дело дальше на суд или дела вообще нет. За то или иное решение должно проголосовать двенадцать человек. На суде вопрос виновности решает «маленькое жюри присяжных», состоящее из двенадцати человек, и вердикт «виновен» должен быть принят единогласно.

Сначала мы с Полом никак не могли врубиться, откуда взялся киднеппинг. Это преступление предполагает перемещение лица под угрозой физического насилия против его воли. Из того, что рассказывал нам Юра, элементы киднеппинга начисто отсутствовали. Потом из показаний Юли мы узнали, что Юра якобы, угрожая ей физической расправой, переместил ее против ее воли с места встречи на брайтонском углу на Гришину квартиру. Мы поняли, что тут Юля

явно переборщила и на перекрестном допросе ее история рухнет, как картонный домик. Уж слишком много деталей на Юриной стороне — и коньяк, и вино, и цыплята, и будущие показания Гриши, да и Тани, которая вряд ли будет врать, боясь тоже засыпаться. А если мы докажем, что Юля солгала в отношении хоть одного обвинения, то и с другими обвинениями будет легче разобраться, потому что лгун — он везде лгун. Да, секс был, но добровольный. И оральный секс был, но тоже добровольный. Юру мы точно не собирались призывать в свидетели, так как тем самым «открыли» бы его для возможности перекрестного допроса прокурором.

Согласно Пятой поправке Конституции США, никто не обязан давать показания, которые могут быть ему инкриминированы обвиняемому. Однако если мы вызываем Юру как свидетеля для дачи показаний (а обвиняемый может быть и свидетелем, если того пожелает), то мы тогда «открываем» его и для допроса со стороны прокурора. В американской юридической практике обвиняемый в редчайших случаях выступает свидетелем на своем суде. Очень часто клиенты, настаивающие на своей невинности, требуют, чтобы адвокаты вызывали их на допрос в качестве свидетелей. Им кажется, будто они расскажут свою версию событий таким образом, что у присяжных не останется ни малейшего сомнения в их невинности. Разубедить таких людей трудно. Дилетанты понятия не имеют, что опытный прокурор может вести перекрестный допрос так, что показания этих свидетелей покажутся путанными, противоречивыми, поведение будет выглядеть агрессивным, а весь облик — отталкивающим. * * *

Судья и слушать не хотел о том, чтобы Юру выпустили из-под стражи до суда, даже под большой залог. При таких обвинениях, как изнасилование в извращенной форме, аргументы о том, какой Юрий хороший семьянин и любящий муж, звучат не особенно убедительно, тем более что Юра уже не жил с Риммой. Поскольку дело не было сложным в смысле количества свидетелей, наличия улик или необходимости в особой судебно-медицинской экспертизе, то суд состоялся весьма скоро — через пару месяцев. Кстати, какая-то судебно-медицинская экспертиза была проведена: когда Юля пришла сдавать Юру в полицию, ее направили на осмотр в больницу. Кровоподтеков, характерных при изнасиловании (на внутренних сторонах ног), обнаружено не было, как не было и синяков на лице и на теле. Однако признаки пенетрации (проникновения члена во влагалище) были. * * *

Пенетрация должна быть доказана прокурором, потому что это один из главных элементов изнасилования. Без пенетрации нет и изнасилования, а есть только попытка изнасилования.

Суд начинается с отбора присяжных. Прокурор с адвокатом должны отобрать двадцать четыре человека — двенадцать в основной состав и двенадцать запасных. Иногда запасных меньше — от трех до шести. Кандидатов партиями вводят в зал суда, и начинается процесс, который называется

вуар-дир (voir-dire). В переводе с французского — «видеть-говорить». Иными словами, ты видишь кандидата и имеешь возможность с ним говорить. У прокурора и адвоката есть право на отводы по каким-либо причинам и ограниченное право на отводы без всяких причин. Юра обвинялся в тяжелых преступлениях класса «А». В таких делах обе стороны имеют право на двадцать пять отводов без причин. Причиной для отвода является разумное предположение, что данный кандидат не может быть беспристрастным судьей в данном деле. Почему судьей? Потому, что присяжные решают все вопросы по фактам дела. На основании предъявленных улик и услышанных показаний они решают, имел ли место тот или иной факт. Была ли пенетрация? Было ли обоюдное согласие на секс? Имела ли место транспортировка жертвы? Была ли транспортировка добровольной? Были ли угрозы применения физического насилия со стороны обвиняемого? Все эти вопросы относятся к фактической стороне дела и являются прерогативой присяжных.

Судья, в отличие от присяжных, решает вопросы, связанные с законом и его толкованием.

Допустимо ли то или иное вещественное доказательство к рассмотрению присяжными? Были ли вещественная улика или признание получены при нарушении конституционных прав обвиняемого? Имеет ли право адвокат задавать жертве вопросы о ее прошлом сексуальном поведении? Имеет ли право прокурор рассказывать присяжным об уголовном прошлом обвиняемого? Эти вопросы связаны с законами и их трактованием, а посему являются прерогативой судьи. Судья также инструктирует присяжных. Например, инструкция судьи может звучать так: если вы, присяжные, изучив все факты, найдете, что произошла пенетрация, на которую жертва не давала согласия, причем любой разумный человек на месте обвиняемого однозначно бы понял, что согласия на пенетрацию со стороны жертвы он не получил, то вы обязаны признать обвиняемого виновным в изнасиловании. Стороны устраивают прения по поводу инструкций. Например, прокурор может ходатайствовать, чтобы судья удалил слово «однозначно» из инструкции. Понятно, что без этого слова в инструкции осудить человека легче.

Каков был бы для Юры идеальный состав присяжных? Пол Моргенстерн, следуя традиции, считал, что прежде всего мы должны отсеять женщин, которых либо изнасиловали, либо подвергали угрозе изнасилования. Во время

вуар-дир мы имели право задавать прямые вопросы на эти темы, но делать это мы должны были тактично. Ни в коем случае мы не должны были восстанавливать будущих присяжных против обвиняемого.

Вуар-дир происходит на глазах у других кандидатов, и пока адвокат работает с одним, другие с него не спускают глаз. Следующими кандидатами на отсеиваются те, у кого родственники или друзья были жертвами изнасилования. От таких тоже нечего ждать объективности. Как нельзя ее ждать и от родственников полицейских и других представителей правоохранительных органов. Каждый вечер они слушают истории своих пришедших с работы усталых мужей о том, как они в поте лица, рискуя жизнью, ловят преступников, которых потом «отмазывают» ловкие адвокаты.

В Юрином случае к вышеперечисленным «нежелательным» категориям я добавил суффражисток. Эти фурии готовы засудить за взгляд, за слово. Разумеется, на

вуар-дир нельзя будет в лоб задавать вопрос, принимает ли кандидатка активное участие в движении за права женщин. Да и судья не признает участие в этом движении достаточной причиной для отвода. Но ведь у нас есть возможность давать отводы и без причин. Пол согласился, что мы должны аккуратненько прозондировать наших кандидаток по этому параметру. К счастью, многих воительниц за женскую свободу легко идентифицировать по неопрятному виду и недорогим украшениям, в основном индейской тематики.

Пол хотел видеть в составе присяжных как можно больше мужчин. Я — как можно больше людей с высшим образованием, которые бы легко раскусили Юлину ложь и увидели, кто она есть на самом деле. Я хотел умных, циничных скептиков. Пол — мужиков, которые бы симпатизировали Юре. Наши расхождения, впрочем, не были существенными.

Была еще одна проблема: без Юры нам трудно было представить свою версию событий. Если ни Гриша, ни Таня не заикнутся на прямом допросе о наркотиках, то и на перекрестном мы не имеем права касаться этой темы. Юля, понятное дело, на своем прямом допросе не будет заводить речь о кокаине. Но как бы нам хотелось, чтобы наркотики каким-то образом всплыли на суде, — присяжным все сразу стало бы понятно — и мотивация Юли, и что она за человек!

Отбор присяжных прошел довольно быстро, и мы остались им вполне довольны. В основном составе оказалось семь мужчин и пять женщин. Среди мужчин пять белых, один латиноамериканец и один негр. Женщины все белые, три работающие и две домохозяйки. Из

мужчин шесть работающих и один на пособии по безработице. Прокурор выдвинул трех свидетелей — Юлю, Таню и полицейского, совершавшего обыск квартиры при Юрином аресте. Защита выдвинула в качестве свидетеля только Гришу. Конечно, мы поработали с Гришей. Свидетель всегда должен знать, какие вопросы ему зададут на прямом допросе и как на них нужно отвечать. Глуп тот адвокат, который задает своему свидетелю неожиданный вопрос, однако такое бывает. Подготовка также заключается в предугадывании вопросов прокурора на перекрестном допросе и выработке ответов на эти вопросы. Очень часто прокурор задает вопрос свидетелю защиты: вас готовили к моему допросу, говорили, как нужно отвечать? Ответ на такой вопрос один: адвокат проинструктировал меня говорить правду и только правду.

Прокурором была женщина. Чем subtilнее женщина-прокурор, тем больше она сука. Самые страшные суки — красивенькие корейночки. Наша сука была белой. Во время вступительного слова она обещала присяжным доказать на основании результатов судебно-медицинской экспертизы и показаний двух свидетелей, что Юрий совершил целую серию страшных преступлений. Она изложила их суть, а о подробностях будут говорить свидетели обвинения — две девушки-эмигрантки из Советского Союза, которых против их воли затащили на квартиру, где, угрожая ружьем, обвиняемый изнасиловал Юлю как традиционным, так и извращенным способом.

В своей вступительной речи красивый, представительный Пол Моргенстерн обстоятельно объяснил присяжным, как на их глазах рассыплется обвинение против Юрия, и всем станет ясно, что в тот день, когда молодые люди встретились, произошло то, что обычно происходит, когда встречаются молодые люди.

— Мы не знаем, что было между ними, но все, что имело место быть, происходило только с их обоюдного согласия, — сказал он.

Пол также загадочно обещал, что присяжные поймут, «почему сегодня мы все оказались в зале суда».

Сука сделала стойку — она еще не знала, какую бомбу готовит для нее Гриша на прямом допросе, но нюхом почувствовала что-то неладное. Конечно же, ни Таня, ни Юля словом ей не обмолвились насчет наркоты.

Первым номером программы была Таня. На прямом допросе прокурорши она показала, что до роковой пятницы она видела Гришу один раз. Да, она дала ему свой номер телефона. Да, она согласилась на встречу в пятницу после работы. Да, она с Юлей села в машину к мальчишам, но в машине они передумали и попросили их высадить. Однако Юра отказался остановить машину и пригрозил побить Юлю, если она попытается открыть дверь. На квартире у мальчишек она видела, как Юра наставил ружье на Юлю и пригрозил ее убить, если она не пойдет с ним в спальню. Потом она увидела плачущую Юлю, выходящую из спальни. Когда Юра и Гриша, напившись, заснули, они с Юлей выскочили из квартиры и помчались в полицию.

После прямого допроса Тани был перерыв. Пол попросил Юрия не сидеть развалившись и расставив ноги — это не лучшая поза для человека, которого обвиняют в изнасиловании. Мы уже ничего не могли поделать с плотно обтягивающими Юрины причиндалы джинсами «Джордаш». Нас устраивало, что Юра никак не реагировал мимикой на показания Тани. На самом деле Юра не очень хорошо понимал, о чем идет речь, и поэтому лицо его оставалось бесстрастным. Тупым, но нейтральным. Он никак не был похож на библиотекаря, но и зверем не выглядел.

На одном из столов лежало Юрино ружье.

После перерыва Пол занялся Таней вплотную. Оказалось, что она никак не может вписать в

картину ни себя, ни Гришу. Она не могла описать реакцию Гриши на угрозы Юрия, адресованные Юле. Она никак не могла описать даже свою собственную реакцию. Она не могла вспомнить, как далеко от подъезда Юра запарковал машину.

— Сколько примерно ярдов или футов было от места парковки до подъезда?

— Ну, не очень далеко.

— Примерно сколько ярдов или футов?

— Не очень далеко.

— Сколько минут или секунд вы шли от машины до подъезда?

— Недолго.

— А на улице были пешеходы?

— Нет, — догадалась Таня.

Затем Пол спросил Таню, помнит ли она что-либо касающееся покупки выпивки и продовольствия по пути к дому мальчиков. Таня ничего на этот счет не помнила. Пол спросил, ели ли они все вместе. Таня ответила утвердительно, добавив, что они с Юлей были голодны. Пили ли? Нет, ответила Таня.

— А что вы, Таня, делали, пока Юрий был в спальне с вашей подругой Юлей?

— Я была на кухне.

— Вы были одна на кухне?

— Нет, Гриша был тоже на кухне.

— И что вы делали с Гришей на кухне?

— Ничего особенного.

— Гриша угрожал вам каким-либо образом?

— Не очень.

— Да или нет? Если угрожал, то что он делал или говорил? Помните, что вы под присягой и должны говорить только правду.

— Я не помню.

— Вы слышали какие-нибудь звуки из спальни, где, как вы говорите, были Юра с Юлей?

— Не особенно.

— Может быть, вас насторожили какие-нибудь звуки, доносящиеся из спальни? Крики Юли, например?

— Не помню.

Амнезия Тани имела также и цветовой фон. Она сидела вся пунцовая, виновато поглядывая на прокуроршу. Прокурорша наверняка была в ярости, потому что амнезия обычно случается у свидетелей защиты, а не у свидетелей обвинения.

Нужно отметить интересный психологический момент. Адвокат не должен мучить свидетеля слишком долго. Пол ясно и убедительно показал, что Таня врет. Тратить время на стократное доказательство очевидного непродуктивно, мало того — это может вызвать раздражение присяжных, потому что многие из них ставят себя на место сконфуженного свидетеля. Пол задал еще несколько вопросов о том, как Юля выглядела, когда вышла из спальни, — были ли на ней синяки, царапины? Что делали девочки, когда ребята пили коньяк? Удерживали ли их ребята, продолжали ли грозить? Таня отвечала без особого энтузиазма, в основном ссылаясь на плохую память. Вскоре Пол оставил ее в покое. Судья объявил перерыв до следующего утра.

Следующее заседание началось с допроса полицейского. Прокурорша показала ему ружье с привязанной биркой и спросила, участвовал ли он в обыске Юриной квартиры такого-то числа и изъятии оружия. Полицейский подтвердил этот факт. У Пола к полицейскому вопросов не было.

Наконец я увидел Юлю. Худенькая одесская девочка с типичной еврейской внешностью. Юля пришла в суд ненакрашенная, поскольку роль жертвы предполагает страдальческий вид. На лице скорбь от незалеченных душевных ран. Заняв место за кафедрой для свидетелей, она тут же дрожащим голосом попросила стакан воды. Я посмотрел на присяжных — как они реагируют на это представление? Все двенадцать присяжных смотрели на Юлю с любопытством, но сочувствия в их взглядах я не уловил.

Прокурорша начала прямой допрос. Отвечая на вопросы, Юля рассказала, что познакомилась с Юрой в ту самую пятницу, когда все произошло. Они с Таней сели в машину, но быстро передумали и решили не ехать к ребятам на квартиру, но Юра начал угрожать физической расправой и даже один раз ее ударил. Поскольку прокурорша уже видела, что Пол сделал с Таней на перекрестном допросе, она решила упредить некоторые острые моменты. Она сама спросила, как далеко от подъезда Юра запарковал машину, и Юля ответила, что очень близко, что улица была пустыня, рассчитывать на чью-то помощь было бессмысленно, и потому о побеге не могло быть и речи.

Необходимо учесть, что в американских судах свидетели не могут самостоятельно рассказывать свою версию событий, они обязаны только отвечать на вопросы либо своего адвоката, либо прокурора, либо судьи. Если свидетель начнет давать неоправданно длинный ответ на вопрос, адвокат противной стороны тут же выкрикнет: «Возражение!» Судья может спросить, на каком основании выдвинуто возражение, если основание не очевидно. Искусный адвокат, умело используя возражения, может поставить неимоверные преграды к получению информации от свидетеля противной стороны во время допроса. После каждого выкрика «возражение!» судья принимает решение, разрешить ли свидетелю ответить на поставленный вопрос или поддержать возражение, и это означает, что свидетель не имеет права даже рта раскрыть. Если же свидетель успел что-то сказать до того, как судья принял решение по возражению, судья дает инструкцию присяжным проигнорировать ответ свидетеля. Одним из самых серьезных поводов для возражения является вопрос «Что сказал N.?» в том случае, если сам N. может быть вызван в суд для допроса. Не менее важным основанием для возражения является наводящий вопрос. Например, прокурорша не имеет права задать Юле вопросы типа: «Расскажите, как Юрий вас изнасиловал?» или «Вы сказали Юрию, что не хотите вступить с ним в половую связь?», если Юля сама еще не сказала, что она не хотела этой связи и что он ее изнасиловал, не говоря о том, что с самого начала должно быть установлено, что половая связь имела место. Возражения составляют целую науку, входящую в раздел юриспруденции «Вещественные доказательства и улики».

Прокурорша наконец «довела» Юлю до квартиры. Думаю, что колорит допроса живее всего будет передан в его дословном изложении.

Прокурор: Что вы делали, очутившись в квартире?

Юля: Юрий начал приставать.

Моргенстерн: Возражение! Вопрос был «Что вы делали?», а не «Что Юрий делал?»

Судья: Утверждаю.

Прокурор: Наступил ли момент, когда Юрий стал к вам приставать?

Моргенстерн: Возражение! Наводящий вопрос.

Судья: Утверждаю.

Прокурор: Наступил ли момент, когда Юрий пригласил вас в спальню?

Моргенстерн: Возражение! Наводящий вопрос. Мы еще ничего не знаем о спальне.

Судья: Утверждаю.

Прокурор: Что делал Юрий, когда вы очутились в квартире?

Юля: Юрий начал приставать.

Прокурор: Опишите, что именно он начал делать.

Юля: Он грубо схватил меня за руку и потащил в спальню.

Прокурор: Как вы отреагировали на это? Сказали ли вы ему что-либо?

Юля: Я сопротивлялась. Я сказала ему, что не хочу с ним идти в спальню.

Прокурор: А он что?

Юля: Он сказал, что убьет меня, если я с ним не пойду, и втолкнул меня в спальню.

Прокурор: (шепотом, предвосхищая ужас в ответе): Ичто там произошло?

Юля: (сдерживая рыдания): Он изнасиловал меня.

Прокурор: Я понимаю, что вам больно говорить на эту тему, но вы должны понять, что вам нужно полностью ответить на мой вопрос. Скажите, он ввел свой член в ваше влагалище?

Юля начала искусственно рыдать. Слез не было. Я заметил что-то вроде улыбок у некоторых присяжных — настолько очевидна была Юлина игра. Она поднесла стакан с водой ко рту и начала клацать по нему зубами — так тяжело ей было вспоминать надругательство, которое учинил над ней Юра.

Юля: Д-да.

Прокурор: Вы дали на это согласие?

Юля: Нет!

Прокурор: Что вы ему сказали?

Юля: Что я не хочу этого.

Прокурор: Что еще он вам сделал?

Моргенстерн: Возражение! Откуда вы знаете, что он еще что-то сделал?

Судья: Утверждаю. (К прокурору.) Будьте внимательны.

Прокурор: Юрий сделал еще что-нибудь?

Юля: Да.

Прокурор: Что?

Юля: Он сказал, чтобы я... Я стесняюсь об этом говорить.

Прокурор: Я понимаю ваши чувства, но вы должны собраться. Итак, что он сделал?

Юля: Он... Я не могу сказать.

Прокурор: Вы должны, Юля. Я, к сожалению, не могу вкладывать свои слова в ваш рот.

Юля: Он потребовал, чтобы я взяла в рот его член.

Прокурор: Вы дали на это согласие?

Юля: Что вы!

Прокурор: Да или нет?

Юля: Конечно нет!

Прокурор: А он что?

Юля: Он выхватил ружье и сказал, что застрелит меня, если я этого не сделаю.

Прокурор: Какая была ваша реакция на эти слова?

Юля: Я очень испугалась. У него был очень страшный вид, и я ему поверила.

Прокурор: И?

Юля: Что и?

Прокурор: И вы в итоге подчинились его требованию?

Юля: Да, мне пришлось взять в рот его член.

Присяжные, судя по их виду, Юлиной версии поверили слабо. Юля явно произвела на них отрицательное впечатление.

Когда дошла очередь до перекрестного допроса, Пол в очередной раз поступил правильно, решив не терроризировать Юлю, не ловить ее на противоречиях, чтобы не вызвать у присяжных сочувствие к ней. Наоборот, вопросы он задавал очень вежливо, мягко. Спросил, не заезжали ли они в продовольственный магазин, чтобы купить продукты («нет»), не пила ли Юля в тот вечер на квартире у ребят («нет»), сколько времени она провела в квартире («не помню»), рассказала ли она Тане, что произошло в спальне («да»). Когда рассказала? («не помню»), приходила ли ей в голову мысль о побеге? («да»), как она в итоге совершила побег из квартиры? («когда ребята уснули»), когда это произошло? («не помню»), выходила ли она из квартиры и возвращалась ли обратно? («нет»), смотрела ли она телевизор, будучи в квартире? («не помню»), просила ли она Юру купить ей что-нибудь? («нет»).

Отработав Юлю, Пол вызвал первого и единственного свидетеля защиты — Гришу. Гриша, отвечая на вопросы Пола, рассказал, как они с Юрой встретились, как позвонили Тане, как

подобрали девочек на углу, как зашли в русский продовольственный магазин и что купили, как доехали домой, как Юра запарковал машину в двух кварталах от дома (при этом Гриша назвал улицу, где Юра запарковал машину), как они весело шли к дому, где жили Юра и Гриша, как вместе делали салаты, и как Юра жарил цыплят, и как он начал, что вызвало смех и подтрунивание со стороны девочек. Гриша назвал телевизионную передачу, которую они все вместе смотрели, как девочки, которые гораздо лучше знали английский, помогали мальчикам с переводом, как все выпили коньяку и вина, и как потом разошлись по спальням. Гриша, наверное, поскромничал, сказав, что они с Таней только целовались. Никаких подозрительных звуков из Юриной спальни Гриша не слышал. Когда Юра и Юля вышли из спальни, оба выглядели довольными. Пол прямо спросил Гришу насчет Юриной выходки с ружьем, и Гриша подтвердил, что Юра на самом деле глупо пошутил, но все всё равно смеялись, потому что Юра надел советскую шапку-ушанку и был похож на деда Мазая. Шапку-ушанку Гриша кое-как описал, но никто в зале суда, кроме Юры и меня, сравнения с дедом Мазаем не понял, Пол переспросил, и Гриша объяснил, что это такой персонаж из мультика. Я сделал изумленное лицо, и Гриша, увидев мою реакцию, сказал:

— Ну, все из Советского Союза знают, кто это. Это очень смешной персонаж, он охотник, зайцев из ружья стрелял, а весной, когда наводнение, брал их в свою лодку, спасал. И у Юры было ружье.

Прокурорша закричала:

— Возражаю!

Пол спросил, почему. Прокурорша разумно объяснила, что не установлено, что Юля и Таня вообще знают о существовании такого персонажа. Судья поддержал прокуроршу и попросил стенографистку вычеркнуть Гришины реминисценции насчет деда Мазая.

Мне не понравилось, что Пол несколько утратил контроль над Гришей и вообще позволил ему рассказывать всю эту чушь. Присяжные явно не оценили, насколько Юра был смешон в шапке-ушанке с ружьем в руках. Сдругой стороны, прокурорша повела себя неумно, выдвинув возражение против Гришиной чуши про деда Мазая с зайцами. Когда свидетель противной стороны несет чушь, ему обычно дают выговориться.

На вопрос Пола, что девочки хотели на ужин, Гриша буднично ответил:

— Кокаина.

Прокурорша вздрогнула и закричала:

— Возражение!

— На каком основании? — поинтересовался Пол.

— На том, что он цитирует девочек, которые могли быть допрошены адвокатом защиты.

— Я совсем не спрашивал свидетеля, что сказала Юля или Таня. Я спросил, чего пожелали девочки на ужин.

Судья удивленно пожал плечами и провозгласил:

— Возражение не принимается.

Пол продолжал допрос. Главное было достигнуто — присяжные услышали слово «кокаин». Было и так нескучно, но тут присяжные совсем оживились, так как дело приняло совсем неожиданный оборот.

На самом деле вопрос Пола был некорректный и мог вызвать законное возражение, но совсем на другом основании, как наводящий. Например, откуда Пол взял, что девочки вообще хотели что-то на ужин? Особенно после того, как тема ужина была уже Гришей закрыта. Другим основанием могла бы быть неуместность вопроса — какое значение имело желание девочек есть одно блюдо, а не другое в деле об изнасиловании? Судья и сам бы мог отменить вопрос Пола, поскольку неудачно выбранное прокуроршей основание не означает, что судья проигнорирует интересы справедливости ради соблюдения правил интеллектуальной игры, но судья, давно раскусив девочек, явно не собирался подыгрывать им.

Пол спросил, выходил ли во время вечеринки кто-нибудь из квартиры и возвращался ли потом. Прокурорша обжаловала термин «вечеринка», и Пол заменил его на фразу «в пятницу вечером, когда вы все собрались на квартире у Юры и Гриши». Гриша ответил, что Юля выходила и приходила. Заметил ли Гриша, вернулась ли Юля с чем-то? Видел ли он что-нибудь у нее в руках, вынула ли она что-нибудь из кармана или из сумки? Гриша сказал, что видел какое-то вещество, и описал это вещество. Пол спросил, делала ли Юля что-нибудь с этим веществом, и Гриша рассказал, как она поместила вещество в столовую ложку и нагревала его на конфорке плиты, а затем курила выпаренное вещество из особого мундштука или трубки. Пол спросил, знал ли Гриша, что это было за вещество, и Гриша ответил, что думает, что это был крэк — вариант кокаина.

Пол как-то должен был увязать кокаин с Юлиным поступком — сдачей Юры. И тут прокурорша оказалась на высоте. Пол просто не смог пробраться через частокол возражений. Основным возражением было, в вольном переводе, «казала-мазала» (по-английски —

hearsay) — то есть недопустимость показаний с чужих слов, в то время как автор высказывания может быть допрошен на данном процессе. Почему

hearsay запрещен? Хотя бы потому, что поди знай, серьезно говорил человек или шутил. Ведь даже Юрина фраза «сейчас я тебя пристрелю», вырванная из контекста, звучит как угроза.

На перекрестном допросе прокурорша должна была хоть как-то дискредитировать Гришу как свидетеля, показать, что ему нельзя доверять, во-первых, потому, что он лгун, а во-вторых, даже если он не лгун, то у него просто слабая память. Дискредитация свидетеля является одной из основных целей перекрестного допроса. Прокурорше никак нельзя было задавать вопрос, курил ли Гриша крэк вместе с Юлей, поскольку это означало бы признание того факта, что Юля на самом деле выходила за крэком, хотя Юля отрицала факт выхода из квартиры на какое-либо время. Прокурорша поинтересовалась, потреблял ли Гриша когда-нибудь какие-нибудь наркотики. Гриша сказал, что нет. Откуда же тогда Гриша знает, как выглядит крэк? Гриша, еврей из Львова, на такие вопросы отвечал в первом классе. Он сказал, что никогда также не потреблял цветную капусту, но много раз видел, как это делают другие. Присяжные засмеялись. Мы с Полом тоже. Увидев, что все смеются, Юра тоже засмеялся, хотя его знания английского были минимальны и он практически ничего не понимал из происходящего. Даже судья ухмыльнулся.

Гриша так подробно описал всю ситуацию, что подвергать его интенсивному перекрестному допросу было опасно — Гриша бы еще раз в деталях повторил свою версию, которая выгодно отличалась от версии девочек своей конкретикой, и присяжные еще раз услышали бы всю историю в изложении защиты.

Наверное, наступил момент, когда прокурорша осознала, что девушки просто лгали. Но какова была их мотивация? Она не понимала, что человек может «сдать» другого просто за то, что тот отказался купить ему кокаин. Я лично верил Юре, хотя и для меня связка «кокаин — сдача в полицию» казалась очень слабой в смысле установления Юлиной мотивации.

Может быть, Юра чем-то обидел Юлю? Я так и не узнал ответа на этот вопрос.

После допросов был объявлен перерыв. На следующее утро Пол и прокурорша произнесли свои заключительные речи. Оба выступали бледно, потому что Пол не хотел добавлять пафоса в очевидное дело — просто оболгали человека, натравили на него полицию. Пол не ставил перед собой задачи разъяснить, по какой причине Юра был «сдан» Юлей. Его главный аргумент: исходя из показаний свидетеля, которому можно верить, Юра не совершал вменяемых ему преступлений, а другим показаниям верить просто нельзя. Пол прямо сказал присяжным:

— Вы имели возможность не только слышать ответы Тани и Юли, но и наблюдать их поведение. Вы слышали их ответы «не помню» каждый раз, когда им выгоднее было забыть о фактах. Вы слышали, какие расплывчатые ответы они давали на самые простые вопросы. Вы видели, как они себя вели. Выводы сделайте сами.

Прокурорша в своей заключительной речи рассказала, насколько завуалировано может быть изнасилование. Пора понять всем мужчинам, уверяла она, — когда женщина говорит «нет», она имеет в виду «нет». И что тот, кто, получив отказ, тем не менее совершает половой акт, безусловно виновен в изнасиловании. Согласно ее версии, Юра, угрожая ружьем, заставил Юлю сделать ему минет. При этом, гневно объявила прокурорша, пусть присяжных не смущает тот факт, что Юля не кричала и не звала на помощь. Она также отметила, что защита не смогла предоставить доказательство законного владения ружьем.

Присяжные удалились на совещание. Их не было минут сорок, и мы с Полом начали волноваться. Отсутствие Юриной вины казалось нам настолько очевидным, что и десяти минут достаточно для голосования. Наконец они вышли. Я пытался по их глазам понять, какой вердикт они вынесли, но не понял ничего. Старейшина присяжных (одна из женщин) зачитала приговор. Юра был признан виновным только в незаконном владении ружьем. По всем остальным пунктам его признали невиновным.

После объявления приговора Юра был освобожден из-под стражи, он снова стал свободным человеком. Мы с Полом общались с присяжными. Они сказали, что уже после выступления Тани им все стало понятно, а Юля уничтожила даже тень сомнений. Но им тоже непонятно, почему Юля все это затеяла.

Юлина месть была страшной — Юре грозило двадцать пять лет тюрьмы. Понимала ли Юля, что творила? Думаю, что нет. То ли из-за наркоты, то ли из-за всей ее дурацкой, пустой одесско-брайтонской жизни она превратилась в настоящего отморозка, пародию на картинку из журналов, составляющих ее единственное чтение. Вина Юры в том, что он оказался с Юлей в одной машине, на одной кухне, в одной кровати, короче, на одном гектаре.

Отец

В 1985-м, на втором году своей практики, я еще не знал, что можно выиграть самое безнадежное дело и проиграть самое верное. И зависит это не столько от умения адвоката, сколько от самых невероятных факторов, которые в сумме и называются везением или невезением.

Митя хоть и был моего возраста, дружил скорее с моим отцом, нежели со мной. Познакомились они на курсах по уходу за домашними животными, куда оба записались в надежде овладеть американской профессией, которая бы отвечала их интересам и наклонностям. Папа и Митя учились стричь и купать собак и кошек, делать им педикюр и

прически. Никогда не предполагал, что это может быть адской работой — лето в Нью-Йорке жаркое и влажное, а кондиционер в салоне включать нельзя, потому что животное может после ванны простудиться. Вот и стоишь, потеешь, весь в собачьей или кошачьей шерсти.

Еще больше, чем собак и кошек, Митя любил спорт. До эмиграции, на Украине, он занимался беговыми лыжами, стал мастером спорта, завоевал бронзовую медаль на чемпионате Киева. Поселившись в Нью-Йорке, он продолжал получать по подписке «Радянський спорт», который приходил два раза в месяц свернутым в трубочку по несколько экземпляров. Наверное, он был единственным подписчиком «Радянського спорта» за пределами Украины.

Проработав несколько месяцев дог-грумером, Митя устроился помощником тренера по лыжам на олимпийской базе США в Лэйк Плэсиде и таким образом стал еще одним эмигрантом, чья мечта реализовалась в Америке. В Лэйк Плэсиде мало эмигрантов, а в то время их вообще там не было, поэтому неудивительно, что его подругой оказалась американка по имени Бренда. Любимое дело, нормальная американская жизнь, крепкие отношения с Брендой, явно ведущие к браку, — такое счастье долго продолжаться не может.

В один нелыжный день Митя узнал, что он у Бренды не единственный мужчина. Вторым, а может быть и первым, оказался египтянин Махмуд, которому вроде бы в снежном Лэйк Плэсиде и делать было нечего, кроме как разрушать счастье людей. Разговор с Брендой был коротким, прощать измену Митя не собирался. Сокрушался он тоже недолго, потому что по плохим людям долго сокрушаться не следует.

Дальнейшая судьба Бренды оказалась более богатой событиями, чем Митина. Вскоре после того, как Митя с ней распрощался, Бренда вместе с Махмудом укатила в далекий жаркий Египет, где вышла за Махмуда замуж, а через несколько месяцев родила замечательную рыжеволосую девочку. Поскольку Бренда была замужем за Махмудом, то он и значился отцом девочки в ее метрике. Почему Махмуд не всполошился, увидев рыжую Дженнифер, я не знаю. Может быть, он был занят и не врубился в ситуацию, может быть, просто неумный человек, а может быть, так сильно любил Бренду, что цвет кожи и волос ребенка для него не имел никакого значения. Последнее вряд ли, потому что жизнь Бренде Махмуд устроил адскую, то есть мусульманскую. По тому, как он пил виски в Лэйк Плэсиде, Бренда не могла предположить, что Махмуд на самом деле набожный мусульманин, с превеликим усердием исполняющий все предписания Корана, особенно те, которые касаются жен. Не укрыв голову и лицо, Бренда не имела права выходить на улицу, да и в чадре она тоже не особенно могла куда пойти. Махмуд оказался страшным ревнивцем, пару раз отколотил Бренду за какие-то провинности, но ни разу, надо отдать ему должное, не укорил ее за рыжую Дженнифер.

Через год после переезда в Египет Бренде удалось попасть в американское посольство, где она пожаловалась на свою горькую судьбу, а заодно оформила для Дженнифер американский паспорт. Узнав, где была Бренда, Махмуд задал ей хорошую трепку, сказав, чтобы она даже не помышляла о бегстве, иначе он ее убьет, и ему за это ничего не будет по законам шариата. Бренда плакала днями и ночами, вспоминая Лэйк Плэсид, Адирондакские горы и, может быть, даже Митю на лыжне. Украинские евреи с женщинами все-таки обращаются помягче, чем набожные египтяне. Изредка Бренде удавалось бывать в американском посольстве, где она советовалась, как убежать из ненавистного Египта вместе с Дженнифер. Консульские работники особого сочувствия не выражали, но объяснили, что в аэропорту у нее могут потребовать справку от отца, заверенную нотариусом, — что он не против путешествия ребенка за границу. О том, чтобы попросить такую справку у Махмуда, не было и речи — избыток и заберет паспорта. Бренда пыталась переделать свидетельство о рождении Дженнифер и вписать туда в качестве отца Митю, что, как она уверяла дипломатов, соответствовало действительности, но ей сказали, что такой выход из ситуации абсолютно исключен и для изменения в графе «отец» нужно решение суда. Хотя Махмуда нельзя было назвать нежным отцом, да, собственно, его вообще нельзя было назвать отцом в том смысле, как то понимают украинские евреи и большинство цивилизованных людей на земле, суда о

лишении его отцовства он точно не допустил бы.

Наказание Брендзы длилось три года. В конце концов ей удалось отложить нужную сумму денег и купить два билета на Нью-Йорк. В один прекрасный день, выйдя с Дженнифер погулять, домой она не вернулась. В аэропорту, вопреки предостережениям консульских сотрудников, у нее не потребовали никаких справок. Белые мать и дочь путешествуют вместе — что же тут подозрительного?

Прилетев в Нью-Йорк, Брендза там и осталась. В родной Лэйк Плэсид возвращаться ей было стыдно. Сначала она с Дженнифер ночевала у дальних родственников, потом те посоветовали ей подать бумаги для оформления пособия для бедняков — вэлфера, поскольку работать, имея трехлетнего ребенка и не имея няни, трудно.

Офисы вэлфера — самые унылые места в Америке, как, впрочем, наверное, и в любой другой стране, если они там имеются. Длинная очередь, состоящая в основном из представителей цветного населения, неповоротливые клерки, которые мало чем отличаются от людей в очереди. У многих бумажные пакеты с кусками жареной курицы из ближайшей закусочной «Жареные цыплята из Кентукки», банки с кока-колой. Несмотря на бедный вид, очередь дурно не пахнет, не считая, конечно, цыплят из Кентукки. Брендза отстояла несколько часов, пока ей не вручили анкету с инструкциями по ее заполнению.

Заполняя анкету, Брендза честно указала, что отец ее дочери Митя. Она также записала фамилию Мити и его предполагаемый адрес. Просматривая заполненную анкету, женщина-клерк сердито сказала:

— А этот почему алименты не платит? Тут большинство женщин не знают, кто отец ребенка, а если знают, кто отец, то не знают, где он, а если знают, где он, то только потому, что он на том свете, а вы знаете, и кто отец, и где он живет. Почему же вы не требуете с него алиментов? Ну, ничего, мы этого спермодонора быстро достанем!

Плохая бумажка запросто может испортить лучший лыжный день, особенно если этой бумажкой оказывается повестка в суд по делу об отцовстве и алиментах. Какой ребенок? Какие алименты? Какая Дженнифер аль-Касем? И почему надо ехать в Нью-Йорк, добрых семь часов езды от Лэйк Плэсида? О том, что это весточка из далекого, четырехлетней давности, прошлого, Митя даже не догадывался. Но внимательно прочитав повестку еще раз, увидел, что судят его люди штата Нью-Йорк, но не по своему почину, а от имени Брендзы Келм, матери несовершеннолетней Дженнифер аль-Касем. Брендза! Дальнейшее восстановление цепочки событий заняло у Мити несколько секунд. Он понял все.

На первом судебном заседании я увидел глупую аморальную Брендзу и хорошенькую, смешливую Дженнифер с рыжими кудряшками. Она была копией Мити. Митя окинул взглядом Дженнифер, но не поздоровался ни с ней, ни с Брендзой. В зал вошел судья, и все встали. Судья был пожилым, красивым мужчиной. Он тут же нарушил декорум, сойдя с кафедры и пригласив всех сесть за большой овальный стол, стоящий в зале. Людей штата Нью-Йорк представляла адвокат по фамилии Левин — рыхлая женщина средних лет, явно не привыкшая к схваткам, от исхода которых зависела бы ее карьера. Поскольку ее клиентами всегда были люди штата Нью-Йорк, то недостатка в делах не было.

— Дело об отцовстве, — нудно начала Левин. — Предположительный отец в течение трех лет злостно уклонялся от выплаты алиментов.

— Ваша честь, — обратился я к судье. — Мой клиент узнал о том, что он предположительный отец, месяц назад. Ребенок, судя по всему, родился в браке, причем не с моим клиентом, чья фамилия совсем не аль-Касем. Фамилия мамы — Келм, из чего я предполагаю, что миссис Келм была, а может быть, и до сих пор состоит в браке с господином аль-Касемом, отцом Дженнифер. Ни о каком злостном уклонении от выплаты алиментов не может быть и речи.

— Ну, это дело мы быстро решим, — сказал судья. — Назначим тест ДНК, он все и покажет. А можем и не назначать, если господин Куперман (это Митя) признает девочку своей дочкой. Алименты он начнет платить с сегодняшнего дня, поскольку закон разрешает ему не платить задолженность за три года, прошедшие со дня рождения ребенка. Господин Куперман, посоветуйтесь со своим адвокатом, может, примете правильное решение — девочка все-таки на вас похожа. Но это я не как судья говорю, а просто так, по-человечески.

— Ваша честь, давайте сделаем перерыв на полчаса, я поговорю со своим клиентом, — сказал я.

— Замечательная мысль, — поддержал меня судья, встал и вышел из-за стола.

Мы с Митей расположились в парке около суда, взяли по хот-догу с кока-колой.

— Какая Дженнифер красивая девочка! — начал я.

— Да, классная девка, но признавать отцовство я не буду. Я с хорошей девушкой сейчас живу, жениться собираюсь, и вдруг — трехлетний ребенок. Да и получаю я не так уж много.

— Митя, судья ведь все равно назначит тест ДНК, и ты догадываешься, какой результат он покажет.

— Вот когда покажет, тогда и будем говорить, — отрезал Митя. — До какого возраста алименты платят?

— Минимум до восемнадцати, максимум до двадцати двух, если дочка будет учиться в колледже по полной программе.

— Ничего себе! Еще восемнадцать лет алименты платить! Нет, давай уж сражаться до конца.

Мы вернулись в зал суда, и судья назначил тест ДНК. Малышке Дженнифер предстоял болезненный укол.

Результаты теста ДНК показали, что вероятность Митино отцовства составляет 99,96 процентов. Вряд ли кто-либо из мужчин, живущих на земном шаре, мог бы иметь большие основания считать Дженнифер своей дочкой, чем Митя.

Втайне я был рад. То, что Митя отец девочки, ни у кого не вызывало сомнений. Сам Митя, конечно, тоже понимал это. Будучи молодым отцом (а моя собственная дочь родилась за год до описываемых событий), я внутренне порицал Митю за слабодушие — неужели для него все упиралось в деньги? Неужели еврейская кровь Мити оказалась стоячей? Алименты на одного ребенка составляют семнадцать процентов от «грязного», доналогового годового дохода. Есть ли лучший способ потратить эти семнадцать процентов? На еду Мите хватит, на жилье в Лэйк Плэсиде тоже, даже на приличную машину останется. И при этом у него будет возможность общаться с собственной дочерью, брать ее к себе на каникулы, ездить с ней отдыхать, учить ее бегать на лыжах.

Настоящий адвокат, наверное, так рассуждать не должен. Клиент поставил задачу — выполняй. Не можешь — откажись! Я решил позвонить Мите и прямо ему сказать, что представлять его дальше не буду, потому что считаю его поведение свинским. Я мог позволить себе сказать что угодно — мы были друзьями, да и денег с него за ведение этого гнусного дела я не брал.

— Скажи, а какая теперь разница, будешь ты меня представлять или нет, когда на выигрыш у меня шансов практически нет? — спросил Митя, выслушав мои порицания.

— Митя, мне противно играть в суде комедию, что-то говорить, оспаривать результаты теста. В душе я считаю, что ты должен признать отцовство и платить алименты.

— Послушай, эта блядина жила одновременно со мной и этим египтянином. Пусть он и платит алименты, раз женился на ней.

— Ты прав насчет Бренды, но при чем здесь девочка?

— Девочка ни при чем, но когда она родилась, Бренда и Махмуд записали ее своей дочкой. Бренда — мама, Махмуд — папа. Три года спустя оказывается, что папа не Махмуд, а я. Это, ты считаешь, справедливо?

— Митя, мне трудно будет защищать тебя.

— Просто ты испугался результатов теста. Я же не буду тебя проклинать, если мы проиграем дело, я и так тебе благодарен, что ты денег с меня не берешь. Пойдем, отсидим формальное слушание, я ведь все равно по-английски не очень.

— Я подумаю.

Вечером мне позвонил папа и сказал, что настоящие адвокаты своих клиентов не бросают и что я обязан довести Митино дело до конца и постараться его выиграть. Мой папа многие годы работал адвокатом в Харькове, прославился как защитник женщин в бракоразводных процессах. Мне странно было слышать от него пожелание выиграть дело — папа имел также репутацию справедливого человека. Неужели для него дружба с парнем, с которым они вместе учились собак стричь, превыше справедливости?

— Папа, когда ты практиковал в Харькове, тесты на ДНК еще не проводились, может быть, они и сейчас там не проводятся. Митя — отец девочки, они похожи как две капли воды, и тест говорит то же самое.

— Что справедливо, решает судья, а не адвокат. У тебя есть клиент, вот и защищай его. Ты подумай, что сделала его подружка, — мало того, что спала с обоими, так еще и молчала о ребенке три года.

— Папа, она молчала бы всю жизнь. Не она пошла по Митину душу, а вэлфер. Его судит агентство штата, платящее пособие беднейшим людям.

— Ничего, штат Нью-Йорк достаточно богат, чтобы потянуть еще одну девочку. Ты не за штат беспокойся, а за своего клиента. У штата есть свой адвокат.

...Все участники судебного слушания расселись за тем же овальным столом. Судья старался проводить слушание как можно менее формально. Он задавал пустячные вопросы клеркам, поинтересовался, как здоровье болеющего мужа стенографистки, тепло поприветствовал меня и Митю. Пока мы ждали адвоката вэлфера Левин, судья расспрашивал меня и Митю о Советском Союзе. Было уютно сидеть вот так за столом и беседовать с симпатичным пожилым человеком с седыми усами. Небольшая формальность все же присутствовала — на судье была черная мантия.

С толстой папкой в зал вошла Левин и уселась напротив меня, рядом с Брендой. Митя сидел рядом со мной, судья во главе стола. Дженнифер сидела у Бренды на коленях и сосала леденец. В моей папке лежала одна бумажка — результат теста. Глядя на раздувшуюся папку Левин, я гадал, что в ней находится. Наверное, она очень хорошо подготовилась к слушанию и в папке у нее аккуратно сложены распечатанные решения судов по аналогичным делам, нужные статьи кодекса по семейному праву, список вопросов к Брендe и к Мите. Молодец адвокат Левин! А я вот, узнав результаты теста ДНК, никак не подготовился. Но

ведь, наверное, можно было почитать дела по данному вопросу, возможно, были решения, которые могли бы мне пригодиться. Нет, нельзя нанимать друзей в качестве адвокатов. Был бы незнакомый человек, платил бы солидные деньги, уж не пришел бы я в суд с одной бумажкой, а сидел бы, как Левин, с пухлой папкой и оскаленной пастью. И не мучался бы поведением чужого для меня человека и вопросом, лишаю ли я ребенка отца.

— Во-первых, я хотела бы официально предоставить суду результаты теста, — начала адвокат Левин, протягивая судье бумажку с невообразимыми цифрами 99,96 процента.

— Обозначим этот документ как вещественное доказательство номер один, — сказал судья, принимая бумажку. — Да, внушительные цифры.

— Затем я хотела бы задать Бренде Келм несколько вопросов, — продолжила Левин.

— У вас есть возражения? — обратился судья ко мне.

— По существу нет, но как нам известно, миссис Келм была или есть замужем. У нас нет свидетельства о браке, а если она разведена, то и свидетельства о разводе у нас тоже нет. Кроме того, у нас нет свидетельства о рождении Дженнифер. Миссис Левин обещала мне его предоставить, но, наверное, забыла. Предполагаю, что все эти документы есть у миссис Левин.

— Миссис Левин? — поднял брови судья.

— У нас нет свидетельства о браке, но миссис Келм не отрицает факт своего замужества. Мы можем прямо сейчас оговорить, что она замужем за мистером Махмудом аль-Касемом. Что касается свидетельства о рождении Дженнифер, оно на арабском языке, и перевод был закончен только вчера. Вот оригинал свидетельства, и вот перевод.

— Обозначим как вещественные доказательства номер два и номер три. Ну а теперь задавайте вопросы своему клиенту, — заключил судья.

— Миссис Келм, согласно свидетельству о рождении Дженнифер, она родилась пятого мая одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года. Вы подтверждаете этот факт?

— Да, — ответила Бренда.

— Вы замужем?

— Да.

— За кем?

— За Махмудом аль-Касемом.

— Когда вы вышли замуж за Махмуда аль-Касема?

— Когда переехала в Египет.

— А когда это произошло?

— В октябре восемьдесят первого года.

— Вы уже тогда были беременны Дженнифер?

— Наверное.

— Вы наблюдались у гинеколога? Сколько месяцев вы носили Дженнифер?

— Девять.

— Когда у вас были последние месячные в восемьдесят первом году?

— Не помню.

— Когда у вас была последняя интимная встреча с ответчиком?

— Возражаю, — сказал я. — Еще не установлено, что такие встречи вообще имели место.

— Принимаю, — раздраженно сказал судья.

Но раздражен он был не на меня.

— У вас были интимные свидания с господином Куперманом?

— В восемьдесят первом году, — вставил я.

— В восемьдесят первом году, — повторила Левин.

— Да, мы жили вместе, — удивленно ответила Бренда.

— Тогда повторю вопрос, который задала ранее: когда у вас была последняя интимная встреча с ответчиком?

— Не помню, ведь это было четыре года назад.

— Но, может быть, вы помните, были ли у вас месячные после последней интимной встречи с господином Куперманом?

— Не помню. На самом деле не помню.

— Когда вы начали встречаться с господином аль-Касемом?

— В восемьдесят первом году.

— А были ли у вас месячные между последней встречей с господином Куперманом и первой интимной встречей с господином аль-Касемом?

— Возражаю, — сказал я. — Во-первых, миссис Келм ясно сказала, что не помнит, когда у нее были последние месячные в восемьдесят первом году. Она также не определила точно, когда у нее начались интимные встречи с ее мужем.

— Принимаю возражение, — тихо сказал судья. — Миссис Левин, у вас есть еще вопросы к миссис Келм?

— Да, ваша честь. Миссис Келм, попытайтесь вспомнить, были ли у вас месячные после начала интимных встреч с вашим мужем господином аль-Касемом?

— Не помню, — виновато ответила Бренда, поглаживая Дженнифер по голове.

Судья посмотрел на Дженнифер, на Митю, на меня. Вздохнул и сказал:

— Миссис Левин, у вас больше нет вопросов к миссис Келм, не так ли?

— Я хотела бы задать еще пару вопросов, ваша честь, — ответила Левин, несколько обескураженная вторжением судьи в процесс прямого допроса.

— Адвокат ответчика, у вас есть вопросы к миссис Келм? — спросил меня судья, не обращая

внимания на Левин.

— Только один, ваша честь, — ответил я. — Миссис Келм, ваш муж мистер аль-Касем знает, где сейчас находятся его жена и дочь?

— Возражаю! — закричала миссис Левин. — Вы не имеете права утверждать, что Дженнифер дочь Махмуда аль-Касема, пока суд не установил, кто ее отец.

Судья встал:

— Прошу адвокатов ко мне в судебские палаты. Остальным сидеть на местах и ждать нас.

Через заднюю дверь мы проследовали за судьей. Ни до, ни после я не выходил из зала суда через заднюю дверь, ведущую в святая святых — судебские палаты. Палатами оказался обыкновенный кабинет со столом, стульями, книжной полкой и маленьким кофейным столиком у маленького диванчика. Судья пригласил нас с Левин занять места на диванчике, сам сел на стуле напротив.

— Миссис Левин, — начал судья, — я знаю вас уже много лет. То, как вы построили ведение этого дела, для вас нетипично. Какую цель вы преследовали, чего хотели добиться?

— Ваша честь, если у миссис Келм месячные прекратились до того, как она начала встречаться с Махмудом, это означало бы, что она уже была беременна, когда начала встречаться с Махмудом.

— Не только, — вмешался я в разговор. — Она могла быть беременна, сделать аборт или прекратить беременность другим образом, а затем забеременеть снова. Но вопрос «Сколько раз вы были беременны в своей жизни?» Бренде задан не был. Мы также ничего не знаем о состоянии здоровья Бренды — может, у нее проблемы, которые повлияли на ее месячные циклы. На них также могли повлиять различные лекарства, однако мы не знаем, какие лекарства она принимала.

— Но результаты теста... — пролепетала Левин. — Ведь 99,96 процента доказывают вне всякого сомнения, что Куперман отец Дженнифер.

— Миссис Левин, вы понимаете, что четыре сотых процента, — это несколько миллионов мужчин? Или вы думаете, что ни у одного из них не может оказаться на одну сотую процента вероятность больше, чем у мистера Купермана? Да у самого Махмуда эта цифра может быть выше, чем у Купермана! Далее — бремя доказательства лежит на вас. Когда вы пытались отвести вопрос адвоката ответчика, знает ли мистер аль-Касем, где сейчас находятся его жена и дочь, вы предположили, что факт отцовства на данный момент отсутствует, но это ведь не так. Дженнифер родилась в браке, ее свидетельство о рождении идентифицирует отца — Махмуда аль-Касема. Господина аль-Касема с нами на этом слушании нет, но это не значит, что его отцовский интерес по этой причине может быть проигнорирован. Ведь вы даже попытки не сделали вызвать его в суд.

— Миссис Келм с трудом удалось сбежать от него и вылететь в Соединенные Штаты. Он — мусульманский фанатик, запрещавший миссис Келм выходить одной на улицу.

— Ну и как эта информация поможет мне в установлении, кто отец ребенка? В общем так, миссис Левин, как человек я прекрасно понимаю, кто отец ребенка. Мне даже на результаты теста смотреть не нужно было. Но как судья я вынужден заключить, что вы не сумели доказать отцовство Купермана. Да, результаты теста — серьезное вещественное доказательство, но это все, что у вас есть. Против вашей позиции тоже есть серьезные вещественные доказательства — факт рождения ребенка в браке, свидетельство о рождении ребенка, трехлетняя жизнь ребенка в семье. Но у меня есть вопрос к адвокату Купермана,

который, сдаётся мне, не будет счастлив от сегодняшней победы. Как думаете, сможете вы уговорить своего клиента признать отцовство? Пойдите на улицу, покурите, поговорите, а я пока начну следующее заседание. Если он согласится признать себя отцом, кивните, когда войдете в зал, если нет — покачайте головой вправо-влево.

Мы сели с Митей на ту же скамейку в парке рядом с судом, где сидели в прошлый раз. Сосисок Митя не хотел, а я взял одну — с кетчупом, горчицей, капустой и луком. Нью-йоркские сосиски очень вкусные, но их нужно есть между делом. Это не трапеза, а быстрый завтрак или ланч, когда спешишь. А в Нью-Йорке почти все спешат, кроме тех, кто стоит в очереди в вэлферовском офисе.

— Митя, какая девочка! — начал я. — Ведь это же твое счастье, как же ты можешь от нее отказаться? Ты представляешь, сколько радости она тебе принесет? Ты состаришься, она еще будет за тобой ухаживать.

— Я же сказал, что собираюсь жениться. Моя невеста может не понять ситуацию. К тому же я не миллионер, сколько я там получаю, тренируя лыжников? Я просто не потяну алименты. Я дом хочу купить, а с алиментами какой дом? А если материальная ситуация исправится, я тогда сам, без суда, смогу помочь Дженнифер.

Я увидел Бренду и Дженнифер, идущих по направлению к киоску с мороженым. Я знал, что не имею права разговаривать с Брендой, но все равно подошел к ней. Похвалил Дженнифер, предложил купить ей мороженое, но Бренда твердо отказалась. Я спросил, что она думает о сложившейся ситуации.

— Мне лично все равно, мне Митя не нужен, но все же хорошо, когда у ребенка есть папа.

— А почему же, если вы на самом деле так считаете, вы за три года жизни в Египте не сообщили Мите, что у него есть дочь? Даже после возвращения в Америку вы не сделали этого, и Митя так никогда и не узнал бы о ребенке, если бы вэлфер не начал его судить.

— Дура потому что. Стыдно было. А сейчас я понимаю, что хорошо, когда у ребенка есть отец. Я через многое прошла в Египте, наверное, совсем идиоткой стала за три года рабства.

Дженнифер стояла рядом, облизывая вафельный стаканчик с мороженым. Она не подозревала, какой для нее сегодня важный день. Я взял ее на руки и посмотрел на Митю, сидящего метров в двадцати от нас. Я вопросительно поднял брови, затем слегка подбросил Дженнифер в воздух. От Мити не поступило никаких сигналов, но поднятых бровей он мог и не увидеть.

Когда я вошел в зал суда, там было полно народу. Судья посмотрел на меня, и я покачал головой вправо-влево. Судья поджал губы. Через пару часов иск вэлфера был формально отклонен и дело «Люди штата Нью-Йорк против Матвея Купермана» закрыто. Люди проиграли.

Митя женился и купил дом. У него родился сын. Каждый день к мальчику ходят на дом учителя, но не потому, что Митя разбогател, а потому, что у мальчика аутизм.

Мисс Уис

Не так много людей знают хотя бы одного марийца. Одного или даже двух чувашей знают многие, а марийца — считанные единицы. Столица Республики Марий-Эл, так она сейчас называется, — Йошкар-Ола.

До Йошкар-Олы можно добраться поездом — от Москвы это двенадцать часов езды. Можно и самолетом, но тогда нужно лететь в Чебоксары, а оттуда уже автобусом добираться до Йошкар-Олы. Хотя в Йошкар-Оле есть аэропорт, самолеты из Москвы туда не летают.

Одну марийку я знаю. Зовут ее Лена, фамилия ее Ларсен. Это не совсем марийская фамилия, а следовательно, непонятно, откуда она взялась. А когда что-то непонятно, уже есть повод для рассказа.

Лена была пятым, последним, ребенком в неблагополучной семье. Ее маме было сорок восемь лет, когда Лена появилась на свет. Когда у мамы не наступили месячные, врачи сказали: менопауза. А оказалось — беременность. Лена очень любила маму, выхаживала ее в течение девяти лет, когда та заболела раком. Ездил к ветеринарам за какой-то вытяжкой, поила маму с ложечки этим вонючим дерьмом, но без него мама не прожила бы девять лишних лет.

А вот папу Лена не помнит. Наверное, у марийских мужчин такой обычай — уходить из семьи после рождения пятого ребенка. Чтобы помочь маме и самой не подохнуть с голоду, Лена пошла работать в двенадцать лет. Мыла подъезды, коридоры, стирала. В общем, типичная судьба девочки-батрачки середины XIX века. Родилась Лена, кстати, в 1964 году, через сто три года после отмены крепостного права в России.

Поскольку развлечений было мало, можно сказать — вообще не было, в свободное от работы время Лена хорошо училась в школе. Окончив школу, поступила на юрфак, а после юрфака пошла работать в милицию. И замуж Лена вышла за офицера милиции, а свекр у нее был прокурор. Родила Лена мальчика Костю и девочку Юлю. Костя обожал смотреть, как мама надевает милицмейскую форму и пристегивает кобуру с пистолетом. Не каждому ребенку выпадает такое счастье.

Но муж Лены искал счастья в другом месте, а найдя, ушел, оставив Лену с двумя маленькими детьми. Но Лене ли было привыкать к трудностям? Работала она начальником информационно-архивной группы. Как и требовал того устав, постоянно повышала свою квалификацию, следя, чтобы документы были заполнены и заархивированы правильно, а не тятп-ляп, как у предшественницы.

Одно Лене мешало жить — работала она на третьем этаже, ее бывший муж на четвертом, а свекр — на пятом одного и того же здания в центре Йошкар-Олы. И многие, зная ситуацию, подсмеивались над Леной у нее за спиной. Это было унижительно, и Лена решила уехать из Йошкар-Олы, да и вовсе из Марийской республики. И не просто уехать, а за границу, и не одной, а с детьми. Выход из ситуации был прост — выйти замуж за иностранца. Другая, может быть, и засомневалась бы в успехе предприятия, но не Лена. Лена была красива даже без милицмейской формы. Такую мужики берут и с двумя детьми.

Лена зарегистрировалась в местном брачном агентстве, дала им несколько своих фотографий — одну в платье, одну в джинсах и один портрет — и стала ждать. Вскоре пришло на ее имя письмо от гражданина США мистера Стива Ларсена. Мистер Ларсен писал, что влюбился в Лену по фотографиям и готов прибыть в Йошкар-Олу для личного знакомства. Лена ответила: «Приезжайте». В агентстве перевели ее ответ мистеру Ларсену, взяв за перевод одного слова двадцать пять рублей.

В Йошкар-Оле мистер Ларсен галантно ухаживал за Леной: водил по местным ресторанам, покупал ей украшения в самых лучших магазинах. На вид он был невзрачный, но его украшало то, что он был американцем. Потом мистер Ларсен приехал в Йошкар-Олу еще раз и снова водил Лену по ресторанам и даже купил ей шубу за восемь тысяч рублей. Общаться Лене с ним было тяжело — ведь английского она не знала. Но старалась угодить во всем.

После второго визита мистер Ларсен также не сделал предложения. Сказал, что ему нужно

больше времени, чтобы принять решение. На всякий случай Лена начала ходить на курсы английского языка.

Через пару месяцев — сюрприз: мистер Ларсен предложил Лене встретиться в Париже. Лена настолько преуспела в изучении английского, что ответила сама: она с радостью принимает предложение, но вот маленькая неувязка — денег на путешествие в Париж у нее нет. Мистер Ларсен написал, что это дело поправимое, и оплатил Лене авиабилет Москва-Париж-Москва. А уж из Йошкар-Олы, добавил он, Лена сама доберется — за внутренние рейсы он не отвечает.

В Париже мистер ухаживал за Леной не так шикарно, как в Йошкар-Оле, но все равно достойно. Лена узнала, что он, как и она, живет на окраине цивилизации — в городке Уасо в штате Висконсин. В Париже, городе любви, мистер Ларсен наконец сделал Лене предложение, которое Лена с радостью приняла. Через несколько месяцев она с визой невесты и двумя детьми, сделав множество пересадок, первую в Чебоксарах, последнюю в Сан-Франциско, прибыла в город Уасо. Поселились мариетцы в доме мистера Ларсена. Места всем хватило.

После того как отгуляли скромную свадьбу, Стив (ведь он уже муж) сразу объяснил расклад: в Америке все работают, поэтому сидеть дома нечего. Лена хотела немного поучить английский, но Стив сказал, что в процессе работы английский сам выучится. Работать Лене было не привыкать. Пошла она опять мыть полы, как в далеком батрачном детстве. Только не в подъездах, а в психиатрической больнице. Работала тяжело, но знала, ради чего — детям нравилась Америка. Учились они хорошо, быстро освоили английский и через несколько месяцев стали настоящими американцами. Мариетцы переплавляются в американском котле не хуже представителей других национальностей.

Стив, как и обещал, подал в Иммиграционную службу США петицию на Лену и ее детей, и вся семья ожидала вызова на интервью, на котором Стиву и Лене нужно было доказывать, что их брак настоящий, а не фиктивный. За это Лена не волновалась — фотографии, сделанные в Йошкар-Оле, Париже, Уасо, корреспонденция на ее имя, школьные документы детей — все указывало на то, что и муж, и жена, и дети живут по одному адресу и ведут совместное хозяйство. Да и фамилию Лена взяла мужа — Ларсен. Нравилась ей эта фамилия.

На душе у Лены тем не менее было тревожно. Стив был параноидально ревнив и даже глуп. На улице он требовал, чтобы Лена, вышагивая рядом с ним, смотрела только на него. Во время автомобильной поездки Ленина левая рука, согласно инструкциям Стива, должна была покоиться на его правом колене («так делают любящие жены в Америке»). Утром на его объяснения в любви Лена обязана была отвечать более страстными объяснениями, а не отделяться формальным «я тоже тебя люблю». При любом нарушении правил Стив грозил разводом. Лена еще не знала, как по-английски халат или тапочки, но уже знала слово «дворец», которое она слышала по десять раз на день. Развод означал, что Лена и ее дети не получат заветных грин-карт и должны будут паковать чемоданы и возвращаться в Йошкар-Олу.

Наступил день интервью. Офицерша иммиграционной службы не сомневалась в истинности брака. Она листала альбом с фотографиями, иногда прося Лену идентифицировать персонажей. Лена, конечно, знала всех родственников Стива и его сослуживцев. Также убедительны были фотографии Стива на различных школьных мероприятиях Кости и Юли. Грин-карта была выдана, и это событие члены семьи отметили в пиццерии недалеко от дома.

Иммиграционный закон гласит, что если интервью состоялось до двухлетней годовщины брака, то иностранная супруга и ее дети получают условные грин-карты. Через двадцать один месяц после получения условной грин-карты открывается трехмесячное «окно», в течение

которого нужно подать совместную петицию о снятии условности и снова предоставить документы, подтверждающие совместное проживание. Однако в случае развода подавать петицию о снятии условности можно сразу после развода. Разумеется, это уже будет не совместная петиция, а просто петиция от иностранного супруга. Но развод или не развод, а документы в поддержку петиции все равно предоставлять надо, и в ход идут счета, справки, письма — все, что хоть как-то указывает на бывшее совместное проживание.

Марийцы терпеливые люди. Но услышав в тысячный раз «разведусь с тобой», Лена подумала, что такой вариант, пожалуй, будет лучшим. Сын Костя уже закончил школу и пошел служить в американскую армию. Юля тоже подросла, ей исполнилось шестнадцать лет. Однажды, когда Стив совсем разбушевался, Юля позвонила в полицию и сказала, что маму сейчас будут убивать. Полицейские приехали и на всякий случай отвезли Лену и Юлю в приют для избиваемых жен и детей. Стив забрал их через три дня, очень извинялся, обещал, что больше такого не повторится. Но Лена уже приняла окончательное решение. Через несколько дней, с двумя небольшими чемоданами, Лена и Юля сели в самолет на Нью-Йорк. В Бруклине у Лены были подружки, и именно туда она и решила перебраться, чтобы начать новую жизнь. Устроилась работать сиделкой к больной старушке. Почему-то эта профессия очень популярна среди русских в Нью-Йорке.

Вскоре после переезда Лена получила повестку в суд штата Висконсин. В повестке говорилось, что Стив Ларсен просит расторгнуть его брак с Еленой Ларсен на том основании, что Елена Ларсен жестоко обращалась с ним, отчего повергла его в состояние тревоги и депрессии. Стив также просил суд закрепить за ним права на дом, приобретенный еще до заключения брака с Еленой Ларсен, плюс заставить Елену возместить его убытки в связи с браком. В убытки входила цена двух поездок Стива в Йошкар-Олу, полная стоимость билетов как Стива, так и Елены в Париж, отель в Париже, стоимость всех подарков, преподнесенных Стивом Елене, включая сто двадцать долларов за обручальное кольцо. Ленина шуба, купленная им в Йошкар-Оле, была оценена бывшим мужем в три тысячи долларов, хотя по курсу конвертации на день покупки восемь тысяч рублей составляли всего лишь около двухсот пятидесяти долларов.

Американские знакомые Лены по Уасо сказали ей, чтобы она не боялась, так как штат предоставит ей бесплатного адвоката. Когда Лена прибыла в Уасо для участия в судебном слушании, она поселилась у своей подруги. Все друзья Стива пришли ее поддержать. Они сказали, что готовы давать показания на суде против Стива. Но Лене их помощь была не нужна. Прямо в суд она принесла все подарки Стива, включая шубу, сумочку за пятьдесят долларов и обручальное кольцо. В зале суда она отдала Стиву целлофановый пакет со всем этим барахлом и спросила на своем все еще плохом английском:

— Неужели ты все это кому-нибудь подаришь?

Стив ответил:

— Конечно! Это хорошие вещи, не пропадать же им.

Адвокат Лены настаивал, что истинным поводом для развода является как раз жестокость Стива по отношению к Лене, а не наоборот, но адвокат Стива не соглашался, приводя примеры того, как Лена унижала достоинство Стива. В итоге стороны сошлись на том, что официальным поводом для развода будет считаться возникновение непреодолимых противоречий между супругами. И еще адвокат Стива выторговал условие, согласно которому Лена была обязана вернуть Стиву все вещи, украденные ею из дома.

— Покажите список этих вещей, — потребовал адвокат Лены. — И докажите, что мистер Ларсен ими владел до заключения брака.

После оглашения списка и вычеркивания совместно купленных вилок и ложек оказалось, что

один предмет Лена все-таки должна вернуть Стиву. Это был молоток, который когда-то Костя попросил у Стива и затем куда-то его задевал. Что касается затрат Стива на поездки в Йошкар-Олу и Париж, судья сказал, что и слышать об этом не хочет.

Судья и клерки были поражены жадностью Стива и не скрывали этого. Подписывая постановление о расторжении брака, судья посмотрел на Лену и сказал:

— Забыл вас спросить — вы, наверное, хотите пользоваться вашей предыдущей фамилией?

На что Лена ответила:

— Отнюдь нет. Я люблю фамилию Ларсен и буду продолжать ею пользоваться. Она очень красивая.

Услышав эти слова, Стив расплакался прямо в зале суда.

Все это Лена рассказала мне 1 марта 2007 года, когда пришла на консультацию по поводу снятия условности со своей и дочкиной грин-карт. За Костину судьбу можно было не беспокоиться — в армии ему предоставили бесплатного адвоката, и он уже был на пути к американскому гражданству. Лена вытащила из сумки фотографию.

— Это Костя! — с гордостью сказала она. — В руках у него автоматическая винтовка М-16.

Костя был снят на фоне американского флага. Типичный парень из Висконсина, ничего марийского.

— А почему Костя решил пойти служить в армию? — спросил я.

— Когда ему было двенадцать лет, он был в нашем Доме милиции, мне тогда давали старшего лейтенанта. Принимая звание, я поклялась служить не щадя своей жизни. После церемонии Костя подошел ко мне со слезами на глазах и спросил: «Мама, ты на самом деле не будешь щадить своей жизни?» Конечно, говорю, ведь это клятва. «Мама, я тоже хочу служить не щадя своей жизни!» Вот и служит. А недавно он звонит мне, радостный, и рассказывает, что его перевели в полицию при военной прокуратуре. С чего бы, спрашивает, такая честь? Ну, я ему говорю: «А с того, сынок, что ты неглупый и нормативы все выполнил. Помнишь, я тебя учила, как под яблочко целиться надо?» Он смеется: «Мама, какое там под яблочко! Тут у нас такое техоборудование, все компьютеризировано, а какие приборы ночного видения! Все видно как днем, даже лучше!» Боже мой, могла ли я когда-нибудь мечтать, что мой сын будет пользоваться приборами ночного видения и стрелять через компьютерную программу!

Я должен был ехать в Бруклин и предложил Лене подвезти ее. В дороге она рассказала, что в детстве мечтала быть актрисой и в Нью-Йорке зарегистрировалась в агентстве по поиску талантов. Я поинтересовался, какие у нее успехи. Оказалось, что она снялась уже в нескольких фильмах. Я с трудом удержал машину на дороге.

— Да вы не думайте, я в массовках снимаюсь, — рассмеялась Лена. — Но мне все равно нравится. Недавно в «Народном суде» снималась, шестьдесят пять долларов заплатили. Мне часто звонят из агентства с предложениями. А в детстве я в кукольном театре играла. Это было просто здорово! Водишь куклы, а тебя ведь не видно, ты за ширмой, можно делать что хочешь.

— Лена, вы очень счастливый человек, несмотря на тяжелую жизнь.

— Да, я оптимистка. Недавно я к трем гадалкам ходила, и все три мне сказали, что к сорока четырем годам я рожу мальчика.

— Простите, но, по-моему, вам уже сорок три. Пора подсуетиться, чтобы предсказание сбылось.

— Мне еще сорок два. У меня есть друг, с которым я живу. Еврей, кстати. Леней зовут. Мы познакомились через родственников бабушки, за которой я смотрю. Леня предлагает жениться, но я боюсь, что грин-карте это помешает.

— Никак не помешает.

Лена достала из сумки мобильный телефон:

— Але, Леня, адвокат говорит, что мы можем пожениться.

— А чем Леня занимается?

— Водит лимузин. Он замечательный парень, бывший военный. Ему пятьдесят один год. Когда сын в отпуск приезжает, они все время о военной технике разговаривают, на меня внимания не обращают. Двое мужчин сидят, едят, о военных делах разговаривают, и у меня так на душе хорошо. Леня сам продукты покупает, готовит. И ни разу на меня не накричал.

Мы ехали вдоль залива Грейвсенд по направлению к Брайтон-Бич. Догнали громадный теплоход, направляющийся в развлекательный круиз на Бермуды или Карибы.

— Моя нога еще не ступала на теплоход, — сказала Лена.

— Поезжайте с Леной в круиз. Это не так дорого. Получите удовольствие.

— Мне что, я ради детей. Вспоминаю я свою жизнь в Йошкар-Оле, и иногда обидно становится. Звоню девчатам, они обратно зовут. Я ведь один раз титул «Мисс УИС» получила.

— А что такое «Мисс УИС?»

— УИС — это Уголовно-исправительная система. Я и второй раз могла получить, но там только до тридцати можно участвовать. Девчата мне говорили, что я молодо выгляжу, никто и не узнает. Это в милиции-то, где я служила, не узнают! В общем, выкинули меня из конкурса «Мисс УИС». Зато дали титул «Мисс Загадка». * * *

Иммиграционная служба настороженно отнеслась к Лениной петиции о снятии условности с грин-карты — уж слишком скоротечным был брак. Последним документом, который я отослал в региональный иммиграционный офис в поддержку Лениной петиции, был протокол слушаний по бракоразводному процессу в Уасо. Ознакомившись с претензиями Стива Ларсена и ответами Елены Ларсен, иммиграционная служба поверила, что брак между ними был плохой, но настоящий. А хорошего брака для грин-карты и не нужно.

Стократно

В течение многих лет хасид Залман приходил ко мне каждую пятницу, чтобы я мог сделать то, что обязаны делать почти каждый день евреи-мужчины: надеть тфилин и произнести соответствующую молитву. Залман особым образом накручивал ремешок, прикрепленный к одной коробочке тфилина, на мою левую руку, а вторую коробочку, тоже на кожаных ремешках, надевал мне на голову, и я повторял за ним:

— Барух, Ата, Адонай...

В первый раз в жизни я увидел тфилин в Италии в 1976 году, когда эмигрировал из Советского Союза. Я проходил мимо какого-то дома на одной из тихих римских улочек и услышал жужжание, доносившееся из окна первого этажа. Я заглянул в окно и увидел в глубине комнаты пятнадцать или двадцать мужчин, которые что-то бормотали. У всех на лбу были черные лупы, и я подумал, что передо мной съезд часовщиков. Приглядевшись, увидел, что это вовсе не лупы, а маленькие черные кубики, к которым привязаны черные ремешки. И на левой руке у каждого было по такому же черному кубику с ремешками. Уже потом мне объяснили, что в коробочках-кубиках, которые сделаны из кожи кошерного животного, зашиты написанные на пергаменте строки из Библии. Одна коробочка закрепляется при помощи черного ремешка на голове строго посередине над линией волос — это головная коробочка, а другая надевается при помощи ремешков на левую руку на уровне сердца — это ручная коробочка. Черные ремешки головной коробочки ниспадают с плеч, причем левый конец должен достигать пупа, а правый — гениталий. Ремешки ручной коробочки должны обвивать руку семь раз, а потом их нужно хитрым образом завязать вокруг среднего пальца.

Я купил у Залмана тфилин, но забыл, как его правильно наматывать. Так и лежит тфилин дома на книжной полке, в красивом синем бархатном мешочке. Тфилин должен напоминать евреям об исходе из Египта.

Иногда Залмана сопровождал его младший брат Джозеф, тоже в черном костюме, черной шляпе, с торчащими из брюк тесемками-цицис. В руках Джозеф крутил банку с прорезью в крышке — для пожертвований-цедоко. После того, как Залман снимал с меня тфилин, я засовывал в прорезь банки пяти- или десятидолларовую купюру. Джозеф никогда не протягивал мне банку, иногда он вообще приходил без банки, и я должен был спрашивать, куда класть цедоко. Ни Залман, ни Джозеф тему денег не поднимали, и я сам должен был напоминать им о цедоко. Надевать тфилин и давать цедоко — святая обязанность каждого еврея, а Залман и Джозеф просто помогали мне исполнить эту обязанность. На еврейские праздники Залман приносил мне подарки — семисвечник менору со свечками на Хануку, вкусные хоменташы с виноградным соком на Пурим, настоящую мацу из Израиля на Пасху.

Залман спрашивал меня про семью, про детей, и я ему рассказывал басни о том, как мы все ходим в синагогу и как жена моя зажигает свечи по пятницам на заходе солнца. Как я мог признаться ему, что моя жена шикса и что первая моя жена — тоже шикса, а следовательно, мои дети — дочь от первой жены и сын от второй — по еврейскому закону евреями не являются?

Однажды Залман спросил меня, хочу ли я иметь больше денег.

— Денег лишних не бывает, — осторожно ответил я, никак не ожидая деловых предложений от Залмана.

— Ну вот и попроси денег, раз нужны деньги, — просто сказал Залман.

— У кого попросить? — не врубился я.

— Как у кого?! У Бога нашего попроси. У кого же еще? — Залман лучезарно улыбался.

— Я думал, что просьбы наверх должны быть посерьезнее.

— Ничего подобного. Кого же просить, если не того, кто больше всех тебя любит? Бог — твой отец, твой самый лучший друг, так что не стесняйся, проси что хочешь.

— Так и сказать: «Элохейну, хочу денег»?

— Так и скажи: «Элохейну, хочу денег». Ему это очень понравится, ведь ты этой просьбой показываешь свою любовь к Нему.

— Залман, я где-то читал, что если еврей семь раз повторит вслух свою просьбу, Элохейну ее исполнит.

— Не сомневаюсь. Даже одного раза хватит.

Как и Наполеон, я вольтерьянец. Как и Вольтер, я струшу в последний момент и обращаюсь к Всевышнему, тем самым признав Его. Но пока я вольтерьянец, мне трудно представить себя произносящим вслух семь раз подряд «Элохейну, дай денег». Денег, может, он и даст, но что-то во мне сломается, и я стану другим. Так выигрывать нечестно. Мои пальцы потолстеют и покроются перстнями, а может, чего и похуже...

Я никогда специально не ждал Залмана, но каждую пятницу около трех часов дня секретарша сообщала по интеркому: «Опять ваши евреи пришли». И я почему-то был рад их пунктуальности, серьезному отношению к делу. Так и надо делать дело — в любую погоду с радостью приветствовать меня и надевать мне на руку тфилин, предварительно поцеловав его. Я любил смотреть, даже чувствовать, как белые красивые пальцы Залмана вывязывали из черной кожи таинственные буквы у меня на руке. «Барух, Ата, Адонай...»

Время шло. Залман женился и стал ребе. На свадьбу я к нему не пошел, просто поздравил. Я удивился, когда он меня пригласил на свадьбу. Как вообще можно приглашать на свадьбу человека, если не знаешь, как зовут его детей и родителей, да вообще ничего о нем не знаешь? Он не знал, как зовут мою жену, я не знал, как зовут его невесту. Но мне не было неприятно, когда он меня пригласил, я чувствовал, что он это делает искренне.

Однажды Залман пришел ко мне в офис и сказал:

— Сегодня я пришел в последний раз. Хасидская община отправляет меня под Сиэтл, штат Вашингтон, основать там Хабадский центр и объединить вокруг него местных евреев. Я прошу денег у всех, к кому ходил многие годы. Мы должны арендовать помещение, организовать классы по изучению Торы, различные кружки для детей, надо будет нанять на работу несколько человек и платить им зарплату.

Я выписал Залману чек на тысячу долларов и пожелал ему успеха. Он пообещал держать меня в курсе дела и, уходя, сказал:

— Пусть эти деньги вернуться тебе стократно. * * *

Наступил ноябрь 2001 года. В воздухе еще пахло гарью от сотен тонн сгоревшего пластика и чего-то еще, десятков найденных трупов. Большинство улиц нью-йоркского даунтауна были перекрыты, движение автобусов и сабвея изменено, о парковке вообще не могло быть и речи. Стационарная телефонная связь в офисе работала плохо, а мобильная вообще не работала, поскольку ретрансляторная антенна компании «Спринт» находилась на одном из «Близнецов».

Я понял, что в случае катастрофы множество профессий окажутся просто ненужными. Я не знал, молчит ли телефон потому, что нет связи, или потому, что нет клиентов. Я был потрясен случившимся, даже тем, что все расходы по подготовке теракта уложились всего в полмиллиона долларов.

Есть что-то приятное в пустом офисе: когда нет клиентов, нет работы. Не хочется суетиться, куда-то ходить, звонить. Несмотря на то, что на прием не был записан ни один человек, я все равно приходил в офис и просто сидел, пил кофе, читал. Интернет в офисе не работал, связи с миром почти не было. Людей на улице было мало — в воздухе ощущался нездоровый

запах, просто запах болезни. Встретил на улице сапожника Яшу, которому оформлял бизнес несколько лет назад. Его будка была на Черч-стрит, всего в трех кварталах от Всемирного торгового центра. Яша шел подавать заявление на финансовую помощь. Я надеялся услышать какую-нибудь мудрость от простого бухарского сапожника, мне хотелось посмотреть на все произошедшее под каким-то иным углом, но Яша ничего умного не сказал, а только спросил, как лучше заполнить анкету на получение помощи. Стало понятно, что профессия адвоката имеет шанс выжить даже в экстремальных условиях. Идя обратно в офис, я обратил внимание, что с улиц исчезли сосисочные тележки. В самом деле, какой ненормальный будет покупать радиоактивную сосиску, пахнущую сгоревшим компьютером и пеплом секретного досье ФБР? Ходили слухи, что, помимо секретных досье, ФБР хранило во Всемирном торговом центре слитки золота. * * *

Я читал рассказы Кортасара, когда раздался звонок и мужской голос без брайтонского певучего акцента спросил, занимаюсь ли я страховками.

— Не занимаюсь, — грубо сказал я и уже готов был бросить на рычаг трубку, но услышал крик:

— Не бросайте трубку, это важно!

— Я же сказал, что не занимаюсь никакими страховками, — уже мягче повторил я.

— Понимаешь, друг, брата убили, а страховая компания не хочет бабки выплачивать. Мне тебя посоветовали, помоги с них бабки получить, я уже три года с ними воюю.

— А на сколько брат был застрахован? — любопытствовал я.

— На лимон.

— И кто бенефициар страхового полиса?

— Как кто? Я, его брат. Мы друг друга застраховали на миллион долларов, когда начали в Россию по делам ездить. Ну, его в нашей родной Рязани и пристрелили. Восемьдесят пулевых отверстий в «жигуленке» насчитали, больше двух рожков из «калаша» по нему выпустили.

— Приезжайте сейчас, — сказал я.

Апатию будто рукой сняло. К запаху гари примешался еще один весьма приятный запах.

Через час Валентин был у меня в офисе со всеми документами. Лет ему оказалось около тридцати, и выглядел он как серебряный призер чемпионата по борьбе без правил. Золото он бы никак не получил, потому что у чемпиона глаза должны быть другие — холодные, безжалостные. У Валентина глаза были нормальные. Остальные параметры — рост, вес, размер башки и квадратность подбородка — были чемпионскими, даже взгляд с небольшой нахальцей.

Валентин разложил на столе фотографии — «жигуленок», превращенный в сито, брат Кирилл, очевидно, в прозекторской, со страшными кровоподтеками на лице и по всему телу, похороны. Над гробом стоят отец и мать, Валентин, священник. За фотографиями последовали документы: свидетельство о смерти, отчет патологоанатома, свидетельство о захоронении, страховой полис на миллион долларов.

— Почему страховая компания отказывается платить? — спросил я. — Ведь все документы вроде бы есть, что им еще нужно?

— Они считают, что Кирилла на самом деле не убили, что все эти снимки являются

подделкой, то есть снимки настоящие, но мы на них притворяемся. Что батюшка липовый, что свидетельство о смерти куплено, а «жигуленок» мы сами изрешетили и краской внутри побрызгали.

— А какие у них основания так считать?

— Никаких. Они просто считают, что все русские мошенники. Начитались книг про русских и теперь думают, что мы на все способны.

— Вы исправно платили взносы за страховку? Когда вы ее приобрели?

— Когда начали крутить бизнес с Россией, примерно за год до убийства. Мы поняли, что там очень стрёмно, и купили страховки. У меня семья, у Кирилла никого нет, так что все бабки мне причитаются, а я уже сам старикам помогать буду. Вы же видите — на фото молодых баб нет. Кирилл встречался там с одной, но она на похороны не пришла.

— А как вы оказались в Америке?

— У нас у обоих грин-карты. Не поверите, но мы оба свои грин-карты в лотерею выиграли. Два брата в один год выигрывают грин-карты! Мы вообще везучие были.

Страшные фотографии второго «везучего» брата веером лежали перед нами. Родители, стоящие над гробом, уже выплакали все слезы — лица были сосредоточенные, глаза сухие. Папа в мятом темном костюме, со съехавшим набок галстуком с каким-то легкомысленным для случая рисунком — наверное, единственным галстуком в его гардеробе, мама — вылитая старушка некрасовских времен, хотя ей, наверное, не было еще шестидесяти. Типичный батюшка, в рясе, с большим крестом на груди. Брови насуплены. Может, ему и не привыкать, но ужас точно был в его глазах. Было совершенно ясно, что это не артисты, а люди, которых постигло большое горе.

— Как вы думаете, почему его убили? — спросил я.

— Он с собой двадцать штук повез. Его родители предупреждали, чтобы он с деньгами не приезжал, а он любил хвост распустить, особенно в кабаке. Ну, его и выследили. Одно непонятно — говорили, что он из кабака с девкой вышел, а в машине никакой девки не было.

— Какая разница, была девка или нет, — мы же не убийство раскрываем, а всего лишь пытаемся доказать страховой компании факт смерти вашего брата.

— Вот они и не верят, что брата нет, что он погиб. Три года они меня мучают, все время говорят, что скоро выплатят бабки, ну и где эти бабки? Дважды они меня на детекторе лжи допрашивали. Я спрашиваю после допроса: «Ну, что, сдал экзамен? Верите теперь, что братуху убили?» Ничего не отвечают. В прошлом году страховая компания прислала в Рязань двух своих следователей — один из Англии, другой из Южной Африки.

— Неужели негр? — удивился я.

— Зачем негр? Белый. Ближе они не могли следователя достать. В общем, ездили они в Рязань, говорили с предками, с милиционерами, которые нашли машину, с прозектором, с прокурором.

— И неужели никому из них не поверили?

— Раз бабки не выплачивают, значит, не поверили.

— Я постараюсь выбить из них ваши бабки, — сказал я. — В таких делах адвокату полагается десять процентов от полученной вами суммы.

— Что ж, лучше девятьсот тысяч, чем ничего, — заключил Валентин.

Мы подписали договор. * * *

Прежде всего в страховую компанию я направил уведомление о том, что представляю интересы Валентина. Просмотрел еще раз документы — все на месте. Почему страховая компания отказывается выплачивать деньги, какие у нее основания не верить людям и документам? Если следователи на самом деле побывали в Рязани и говорили с родителями Кирилла и Валентина, неужели они не почувствовали горе семьи, не поверили отцу и матери убитого? Почему вообще страховая компания послала в Россию следователя из ЮАР? Ведь в случае суда мы имеем право вызвать его в качестве свидетеля для допроса, а это тысячи долларов лишних расходов для страховой компании — авиабилет, гостиница, ресторанное питание. И таких поездок может быть две, а то и три. Да и приезды англичанина на допросы и судебные слушания вряд ли будут намного дешевле.

Через два дня мне позвонил агент страховой компании мистер Кларк, который вел дело. Он сказал, что очень рад вмешательству адвоката, так как Валентин ему уже всю плешь проел бесконечными звонками. Я спросил мистера Кларка, в чем причина отказа. Очевидно, ему, как и мне, было нечего делать, и он сказал, что зайдет ко мне через пару часов.

Мистеру Кларку было далеко за шестьдесят. Он рассказал, что служил в полиции и вышел в отставку в чине детектива. Как и все чиновники его уровня, мистер Кларк был одет не элегантно, а «прилично» — серые брюки и голубой блейзер, коричневые туфли «с разговором». Обязательно золотой перстень. Недорогие, долларов за сто, часы, подаренные нью-йоркским полицейским отделением в связи с выходом на пенсию. Мистер Кларк был настоящим американцем, его предки, не сомневаюсь, сошли на берег с «Мэйфлауэра» в Плимуте в 1620 году. Мне всегда нравились американцы, чьи предки приплыли на «Майфлауэре», — все честные, открытые ребята, все говорят по-английски без акцента, что, кстати, становится большой редкостью в Америке. А главное, эти люди — соль страны.

На мой повторенный вопрос, какова причина невыплаты страховки, мистер Кларк ответил:

— Носом чую, что здесь что-то неладно. Русские уже несколько страховых компаний нагрели подобным образом, вы себе не представляете, на что они способны. Ничего святого для них не существует.

Я спросил, есть ли у страховой компании конкретные претензии к документам или свидетельским показаниям, и мистер Кларк, несколько замявшись, сказал, что ничего конкретного нет, но отчеты следователей о поездках рекомендуют дальнейшее расследование.

— По какому пути вы собираетесь идти, что именно вы будете расследовать? Может быть, я могу вам помочь в чем-то? — предложил я.

— Есть несколько направлений, но я не уполномочен обсуждать их с вами, — ответил мистер Кларк.

— Какова тогда цель вашего прихода? — поинтересовался я.

— Я думал, что у вас могут быть еще какие-нибудь доказательства смерти.

— Какие? Скажите, что вам нужно, и я их для вас достану.

— Да что угодно.

— Вас устроит, если я предоставлю документы с апостилем?

— А что это такое?

— Это легализация документов, которую обязаны принять как доказательство их подлинности все страны — члены Гаагской конвенции одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

— Как нам это поможет, если орган, выдавший свидетельство о смерти, коррумпирован? Такой документ одновременно и подлинный, и фальшивый.

— У вас есть доказательства или хотя бы подозрения, что данный документ был выдан в результате взятки? В России ежедневно умирают тысячи людей, многие оставляют наследство. Неужели никаким российским документам доверять нельзя?

— Все гораздо проще. Доверять документам можно, но когда речь идет о выплате полиса в миллион долларов, нужно еще и проверять. Помните, что Рейган сказал Горбачеву? «Доверяй, но проверяй».

— Вы даже запомнили русский вариант, который Рейгану написала Кондолиза Райс?

— На этом мои знания русского, пожалуй, заканчиваются. Ну еще знаю «наздоровье» и «ньет».

— Итак, подытожу — процесс ускорить нельзя, потому что вы ищете то, не знаете что. Правильно?

— Мы ищем несомненные доказательства, а в чем они состоят, мы еще пока не знаем.

— Кто конкретно ищет?

— В основном этим занимается южноафриканец.

— Кстати, почему следователь из Южной Африки?

— Его назначили на эту работу в штаб-квартире компании. Вы же знаете, у нас офисы по всему миру. Может, он хорошо по-русски говорит.

— А если он представит положительный отчет и рекомендует выплату, кто принимает в компании решение удовлетворить претензию по страховому полису?

— Я. Но даже мое заключение должно быть утверждено наверху.

— Вы можете предоставить мне отчет следователей о поездке в Россию? Кстати, сколько было поездок?

— Одна или две поездки. Весь отчет не дам, это внутренний документ, но могу дать заключение на основании отчета. Пришлю его вам по факсу.

— Но вы же знаете, что если мы вчиним иск, то вы будете обязаны предоставить нам весь отчет.

— А вы что, к суду привлекать нас уже собираетесь?

— Мистер Кларк, если я обнаружу, что мошенником является страховая компания, а не мой клиент, то речь будет идти не о миллионе долларов, а о большей сумме. В наказание, так сказать.

— И в чем же состоит наше мошенничество?

— В умышленном составлении лживого отчета или в игнорировании подлинных документов и

показаний свидетелей. Худший для вас сценарий — мошенничество, лучший — недобросовестность. И то и другое увеличит размер выплаты моему клиенту. Русские мошенники, конечно, на все способны, но им все же есть чему поучиться у американских. У вас свой нюх, у меня — свой. Что-то здесь неладно, мистер Кларк.

Мы распрощались. * * *

В отчете, присланном мистером Кларком, сообщалось о двух поездках. Первая поездка была освещена гораздо более подробно, чем вторая. Так, во время первой поездки, которая состоялась с 6 по 17 февраля 2000 года, следователь Кислофф из Йоханнесбурга и следователь Чиповски из Лондона встретились со следующими свидетелями: старшим следователем по особо важным делам Кривцовым С.Н., заместителем прокурора г. Рязани Снежиным В.П., прозектором морга при Четвертой городской больнице города Рязани Гойфером Я.Д., лейтенантом милиции Стаскиным Е.Г., священником отцом Федосием (Николодворянская церковь), отцом предположительно покойного Калугиным Ильей Ивановичем, матерью предположительно покойного Калугиной Клавдией Викторовной, начальником ЗАГСа Московского района г. Рязани Кривошеевой Н.К., врачом «Скорой помощи» Московского района г. Рязани Асеевым Н.Н., директором ресторана «Элита» Струком Р.Я., официанткой ресторана «Элита» Ашариной С.П.

Следователь Кривцов показал, что по факту убийства открыто уголовное дело. Зампрокурора Снежин подтвердил этот факт и добавил, что преступление еще не раскрыто, но личность потерпевшего установлена — Калугин Кирилл Ильич. Автомобиль «Жигули», в котором обнаружили труп, принадлежал Калугину Илье Ивановичу, отцу предположительно убитого Калугина Кирилла Ильича. Лейтенант Стаскин рассказал, как случайно обнаружил в кювете автомобиль «Жигули» с восьмьюдесятью пулевыми отверстиями на левой стороне кузова. Рядом с «Жигулями» был обнаружен труп с многочисленными пулевыми ранениями. Лейтенант Стаскин не обнаружил никаких документов на трупе или в машине. Прозектор Гойфер предоставил отчет вскрытия — смерть наступила в результате поражения жизненно важных центров. В общей сложности Кирилл Калугин получил девятнадцать пулевых ранений, шесть из них смертельные, включая два ранения в голову. Врач «Скорой помощи» Асеев показал, что констатировал смерть немедленно по прибытии на место происшествия. Начальник ЗАГСа Кривошеева подтвердила правильность оформления и подлинность свидетельства о смерти Калугина Кирилла Ильича, двадцати семи лет. Отец Феодосий рассказал, что Илья Иванович и Клавдия Викторовна уже несколько лет являются прихожанами его прихода, но что с их сыновьями Кириллом и Валентином он знаком не был. Он подтвердил свое участие в похоронах и панихиде. На вопрос, не показалось ли ему что-то странным в похоронах, отвечать отказался и попросил иностранных следователей удалиться.

Родители предположительно покойного в ходе допроса плакали, рассказывали, какой Кирилл был хороший сын, но что он неблагоразумно взял с собой в ресторан крупную сумму денег. Директор ресторана «Элита» Струк в день происшествия был в Арабских Эмиратах, а официантка того же ресторана Ашарина подтвердила, что в тот вечер, когда произошло убийство, она обслуживала предположительно убитого Калугина Кирилла Ильича и неустановленную особу женского пола, вместе с которой он вышел из ресторана. Ашарина детально описала заказ потерпевшего, в котором заметно большое количество крепких алкогольных напитков — бутылка водки емкостью 750 мл и бутылка армянского коньяка емкостью 500 мл. Это совпадает с показанием прозектора Гойфера о большом количестве алкоголя в крови потерпевшего. Ашарина, однако, не могла вспомнить, ссорился ли потерпевший с кем-либо из посетителей ресторана или со своей компаньонкой. Ашарина не смогла опознать покойного по фотографии трупа, которую ей предъявили, но она сразу опознала Калугина Кирилла Ильича по его фотографиям, сделанным за несколько месяцев до его предположительной смерти.

Итак, какие из вышеперечисленных показаний могли показаться подозрительными для Кислофф и Чиповски? Их было несколько:

1. За полтора года никакого сдвига в раскрытии тяжелого преступления.
2. Отсутствие каких-либо документов на месте преступления, устанавливающих личность убитого.
3. Официантка не смогла опознать своего клиента по фотографии, сделанной в прозекторской, несмотря на то, что лицо было не так уж сильно обезображено.
4. Отказ отца Феодосия отвечать на вопрос, не заметил ли он чего-либо странного во время похорон или панихиды.
5. Мог ли человек, выпивший 750 мл водки (а может, и какое-то количество коньяку впридачу), даже теоретически вести машину? Кислофф и Чиповски вполне могли предположить, что такое невозможно. Кстати, Кирилл, как и Валентин, был высоким, атлетически сложенным парнем. Рост 187 сантиметров, вес 95 килограммов.
6. Куда подевалась спутница предположительно покойного Калугина Кирилла Ильича и почему она не была до сих пор идентифицирована?

Ответ на первый вопрос простой — это скорее правило, нежели исключение. По второму пункту — документы вместе с деньгами могли быть украдены. Если ограбление было главным мотивом нападения и убийства, то убийцы вытащили из кармана все, что могли. Почему Ашарина не опознала Кирилла по фотографии, сделанной в прозекторской, неизвестно. Я, кстати, просмотрев фотографии Кирилла, когда он был жив, тоже не опознал бы его по фотографии трупа. Но если знать, что на фотографии труп Кирилла, моментально находишь сходство. Сомнение по пятому пункту: выпив такое количество спиртного, даже крупный мужчина не сможет вести машину долгое время (место происшествия находилось в семнадцати километрах от ресторана и в двенадцати километрах от дома родителей Кирилла). Значит, могли подумать Кислофф и Чиповски, за рулем был не Кирилл. С другой стороны, езда по окраинным улицам Рязани не должна быть таким уж напряженным занятием — мало машин, практически нет пешеходов, наверняка мало светофоров. Куда подевалась спутница Кирилла, на самом деле очень интересно, но, возможно, именно потому, что она не была найдена, преступление и не было раскрыто.

Но ведь Кислофф и Чиповски не преступление раскрывали, а просто устанавливали факт смерти Кирилла. Почему неэффективность рязанских сыскных органов должна подвергнуть сомнению сам факт смерти? Я мысленно поставил себя на место иностранных следователей. Поговорив с зампрокурора и старшим следователем, они пришли к выводу, что их просто пытаются одурачить — ведь так следственные органы не работают. Их бездеятельность настолько вопиющая, что заграничные следы отметили даже возможность проведения хоть какой-то следственной работы. А это значит, заключили для себя Кислофф и Чиповски, что власти просто в доле, то есть Валентин, брат якобы убитого Кирилла, вступил в сговор с руководителями местных правоохранительных или иных организаций с целью обмануть страховую компанию.

Второй визит в Рязань в июне 2000 года совершил один Кислофф. Отчет его крайне скуп. Хотя он встречался с несколькими людьми, в отчете не содержится никаких новых сведений или комментариев самого Кислофф. Он встречался с родителями Кирилла. Судя по всему, он пытался их разговорить — а вдруг отец или мать случайно проговорятся, что Кирилл жив-здоров. Не проговорились. Кислофф далее встречался с лейтенантом Стаскиным и зампрокурора Снежиным. Стаскин вообще ничего нового не поведал, да и что, собственно, он мог добавить к тому, что уже рассказал, описывая расстрелянный «жигуль» и труп? Снежин объяснил, что намеченные пути расследования завели следствие в тупик. Попытки найти

посетителей ресторана частично увенчались успехом — удалось установить личности семи посетителей и допросить их. Никаких скандалов, споров или острых ситуаций они не заметили. Два музыканта, игравшие в тот вечер, тоже ничего подозрительного не заметили. Личность спутницы Кирилла установить не удалось, никто из ресторанного персонала ее не знал.

Это было все, что дала вторая поездка Кислофф в Рязань. Заканчивался его отчет рекомендацией совершить еще одну поездку длительностью минимум в две недели с целью продолжить допрос вовлеченных в дело лиц.

Приятно, когда ты можешь сосредоточиться на одной проблеме, всего на одной проблеме. Других дел просто нет. Ты можешь спокойно пить кофе, курить, смотреть на выжимку отчетов Кислофф и Чиповски как на свежий кроссворд. А можешь представлять себя Шерлоком Холмсом, у которого, насколько я помню, рабочий стол не был завален делами и счетами, которые надо оплатить. Кстати, менеджеры здания, в котором находится мой офис, уже разослали письма всем съемщикам, что скидок в связи с терактом одиннадцатого сентября не будет.

Когда-то мне на глаза попала любопытная статья о том, что среднего американца отделяет от банкротства сумма, равная его трехмесячной зарплате. Хорошо, пусть я не средний американец, я все-таки адвокат. Значит, между мной и банкротством не трехмесячный, а пяти- или даже шестимесячный доход. Посчитал — вроде так и есть. Впечатляет. Да, так что там с южноафриканцем и рязанцами? Я перечитывал отчеты, пытался применить метод ретродукции, который использовал Шерлок Холмс в своей блестящей работе сыщика, но безрезультатно. От меня ускользала главная нить — я не преступника должен найти, а просто доказать факт смерти Кирилла Калугина. И все, что надо сделать, — доказать, что Кирилла Калугина больше нет на белом свете. Или доказать, что каждый живущий на белом свете не является Кириллом Калугиным. * * *

Про индукцию и дедукцию знают все — от частного к общему и наоборот. Если мозги присутствуют хоть в небольшом количестве, простые логические операции становятся вполне доступны. Но есть и третий метод логического рассуждения — ретродукция, как назвал его отец семиотики Чарльз Пирс. Ретродукция требует воображения и даже таланта. Она включает в логическое рассуждение интуицию. Именно логика, помноженная на интуицию, позволяла Холмсу, Пуаро, Честертону и мисс Марпл находить гениальные решения, скрытые от Ватсонов и им подобных. Ретродукция строится на догадке, и очень часто великие открытия были сделаны именно благодаря гениальной догадке. Кстати, почему люди правильно угадывают гораздо чаще, чем это позволяет теория вероятности? Наверное, потому, что догадливый человек не просто тыкает пальцем в небо, а сначала отсеивает никуда не ведущие варианты решения. И уже из оставшихся реально возможных вариантов выбирает наиболее правильный. Я понял, что при помощи обыкновенной формальной логики мне поставленную задачу не решить. В самом деле, для чего нужно думать над тем, какой документ примет страховая компания в качестве доказательства смерти Кирилла, если она уже отвергла подлинное свидетельство о смерти, отчет прозектора, производившего вскрытие, и свидетельство о захоронении?

Для обострения интуиции требуется подъем духа. Именно за этим я решил выйти на улицу. Гадкий запах небоскребных останков заставил меня прослезиться и закашляться. Я пошел по Дуэйн-стрит в сторону Гудзона. Пройдя квартал, посмотрел налево — туда, где еще совсем недавно высились «Близнецы». Там шла работа, пытели какие-то машины и механизмы, но их было не столько видно, сколько слышно, — «граунд зеро» оцепили забором. Иногда желтый бульдозер взбирался на большую кучу мусора и начинал то ли разравнивать ее, то ли наоборот — укрупнять. Кое-какие конторы на Черч-стрит, ведущей прямо к «граунд зеро», уже открылись, но обычной суеты, характерной для даунтауна, не было и в помине. И все это разрушить стоило всего полмиллиона долларов!

При адекватных финансовых ресурсах можно решить любую решаемую проблему. Нужно доказать, что Кирилл мертв, и мне на это выделено сто тысяч долларов? Отлично, даже меньшей суммы будет достаточно. Полечу в Москву, добьюсь встречи с высшими чиновниками страны, ведающими свидетельствами о смерти, оплачу экспертизу на самом высоком уровне и получу справку на бланке Кремля о том, что Кирилл Ильич Калугин таки-да, скончался от множественных ранений, несовместимых с жизнью, и захоронен на таком-то участке такого-то кладбища. В конце концов, найму детективов из Лондона или Парижа, которые за сто тысяч выроют Кирилла Ильича в присутствии высочайших чиновников, возьмут у трупа кусочек биоматериала для анализа ДНК и отправят все это в лучшие лаборатории, где сравнят результат этого анализа с результатами анализа ткани у брата Кирилла Валентина и отца Ильи Ивановича. Правда, возникает вопрос — если я за свой счет проделаю все эти упражнения, что останется мне?

Прогулка не доставляла мне большого удовольствия — все напоминало о том, как нас — американцев, христиан, евреев, Запад — опустили. Я вернулся в офис и позвонил Валентину, чтобы узнать, как отнесется он и его родители к идее эксгумации трупа Кирилла на предмет взятия пробы материала для анализа ДНК.

— Исключено! — отрезал Валентин. — Предки об этом и слышать не хотят. Англичанин, кстати, выдвигал эту идею, так батя чуть его не звезданул промеж глаз.

Итак, тест ДНК как решение (самое простое, кстати, решение) проблемы отпадает. Кстати, почему? Да, эксгумация не самая приятная процедура, можно сказать, почти оскорбление для родных и близких покойного, но речь все-таки идет о миллионе долларов. Религиозная ли тут причина, или Валентин и его родители темнят? Я еще раз выложил на стол фотографии похорон. Долго всматривался в лица Ильи Ивановича и Клавдии Викторовны, но ничего, кроме горя, не увидел. Что касается Валентина, то хотя он не производил на меня впечатления кристально чистого человека (будто кто-то на меня такое впечатление производил), но до такого цинизма, как инсценировка убийства и похорон родного брата, он, по виду и речам, все же не дотягивал. С другой стороны, на что не способен новый русский, чтобы «срубить» миллион? Может, детектив-ветеран Кларк прав, говоря, что носом чует, что что-то в этом деле неладно.

Я положил все документы по делу Валентина и Кирилла в портфель и отправился домой. Сабвеем добрался до Вашингтон Хайтс, где утром бросил машину, переехал Вашингтонский мост и через пять минут был у себя дома в благополучном штате Нью-Джерси. * * *

Воскресенье 9 сентября 2001 года мы с моим сыном Крисом провели на Манхэттене. Крису тогда было шесть лет. С нами был мой друг Алик с дочкой Сашей, которой тогда исполнилось одиннадцать лет. Все вместе мы катались на катере «Зверь», названном так за бешеную скорость, которую он развивал. «Зверь» подлетел к статуе Свободы, остановился, чтобы мы могли на нее полюбоваться, затем рванул с места и помчался описывать по воде восьмерки. Громко играла музыка, члены команды наполняли воздушные шарики водой и обливали ею счастливых пассажиров. Вдруг слева по борту мы увидели еще одного «Зверя» — красного (мы были на синем «Звере»). Катеры поравнялись, и начался морской бой. Члены команды и пассажиры обоих катеров бросали друг в друга бомбы-шарики с водой, а капитаны ругались между собой через громкоговорители, грозя потопить противника.

Мы были мокрые и голодные, когда сошли на причал в даунтауне. Купили возле Всемирного торгового центра сосисок и кока-колы и расположились на лавочке между «Близнецами» перекусить и отдохнуть. Дети задирали головы вверх, пытаясь сосчитать сто десять этажей, но этажи «Близнецов» счету не поддавались. Если Эмпайр тяжел и солиден, то «Близнецы» были ажурны, легки, почти невесомы — два стоячих пирожных безе. Алик лег на парапет, чтобы в объектив аппарата полностью попал один из «Близнецов», а я в это время сфотографировал его сзади.

Девятого сентября был такой солнечный и теплый день, какие бывают обычно перед резкой сменой погоды. Как будто Господь Бог говорил: «Вот как я умею, но следующего такого дня вам придется ждать долго».

Итак, мы с моим ближайшим другом и нашими детьми были в самом печальном месте на Земле за два дня до трагедии. За прошедшие годы меня ни разу не посещала мысль, что, окажись мы в том же самом месте двумя днями позже, очутились бы прямо под горящими обломками. Поэтому сам факт нашего пребывания у «Близнецов» за сорок пять часов до нападения для меня просто курьез. А вот башен больше нет. * * *

Я ждал интуитивного озарения, как поэт ждет вдохновения. На полу в своем домашнем кабинете я разложил документы и фотографии. Но озарение не приходило. Решив обратиться к первоисточнику, достал с полки «Знак четырех» Конан Дойля.

Я помнил, что в первой главе «Знака», которая называется «Наука дедукции», Шерлок Холмс объясняет доктору Ватсону, что хорошему детективу необходимы три вещи: умение наблюдать, умение делать дедуктивные выводы и знания. Обсуждая профессиональные качества французского сыщика Франсуа ле Виллара, Холмс отметил, что тот обладает хорошим логическим аппаратом и быстрой «кельтской» интуицией, но в минус ему можно записать отсутствие знаний. Холмс тут же на примере показывает Ватсону, как важны все три качества в детективной работе. Он говорит Ватсону, что тот утром был на почте на Уигмор-стрит, откуда отправлял телеграмму. Изумленный Ватсон, который никому не рассказывал об этом незначительном эпизоде, в полном недоумении — откуда Холмсу об этом известно? Холмс терпеливо объясняет, что на канте ватсоновских башмаков налипла красная глина. Ну и что? — продолжает изумляться Ватсон. А то, говорит Холмс, что сейчас на Уигмор-стрит ведутся ремонтные работы, и такая же красная глина, характерная, кстати, только для этого района, разбросана по пешеходным дорожкам. Поскольку я не видел, чтобы вы утром писали письмо, и рулон марок на вашем столе остался нетронутым, то отправлять с почты вы могли только телеграмму.

Была ли это чистая дедукция? Конечно нет. Мало ли что мог делать Ватсон на Уигмор-стрит — встречаться с другом, просто куда-то идти по этой улице. Холмс лукавит, когда говорит Ватсону: «Я никогда не строю догадок, этот процесс губителен для логического мышления». На самом деле Холмс не только дедуцирует, но еще и догадывается, интуичит. Он отмечает менее вероятные сценарии и угадывает наиболее вероятный среди оставшихся. Конечно, ему необходимо быть прекрасным наблюдателем — заметить глину определенного цвета, отметить в памяти, что Ватсон утром ничего не писал и что марки остались нетронутыми, а также что на Уигмор-стрит ведутся земляные работы. И знания здесь тоже необходимы — о том, что красная глина характерна именно для района Уигмор-стрит. Остальное — интуиция, игра острого ума.

А что знал и подметил тот, кто планировал теракт одиннадцатого сентября? Он знал, что в Америке легко научиться водить большой самолет, что никто внимания не обратит на студентов, которые в течение нескольких месяцев отшлифовывали на тренажере виражи и так и не удосужились изучить посадку — наиболее трудный маневр для самолета. Далее — он знал, что легко получить американскую студенческую визу, что человеку без какого бы то ни было статуса легко затеряться в стране, да и искать его никто не будет, он знал, сколько времени лететь из Бостона до Манхэттена и сколько из аэропорта Ньюарка до того же Манхэттена. А возможность захвата самолета была догадкой, основанной на интуиции: два человека, вооруженных ножами для резки картона, смогут легко обезоружить весь экипаж и направить самолет на одно из зданий Всемирного торгового центра. Второй самолет — на второе здание. Где же тут интуиция? В понимании Америки образца того времени, в просчитывании реакции пассажиров и экипажа. Много было вариантов, всякое могло случиться на борту, да, по сути, и случилось в самолете, предназначенном для Белого дома, но рухнувшем благодаря сопротивлению пассажиров в Пенсильвании. Что ж, для

террористов три попадания из четырех возможных — отличный показатель.

Я должен догадаться, как выбить миллион долларов из страховой компании. Юридическое решение вопроса неприемлемо, потому что оно занимает годы, а у меня нет ресурсов на многолетние судебные битвы. Моя практика была на грани краха, как будто в нее на полном ходу врезался самолет. Заканчивались те самые три месяца, которые отделяют среднего американца от банкротства. Но я не средний американец, я эмигрант, поэтому у меня есть еще три месяца в запасе. * * *

Я забыл, как надевать тфилин, забыл ловкие манипуляции с ремешком ребе Залмана. Я закрыл дверь кабинета и взял с книжной полки тфилин. Вынул коробочки и, поцеловав их, сжал одну коробочку тфилина в левой руке, а другую надел на голову. Сказал что помнил из молитвы. Затем четко произнес вслух семь раз подряд: «Элохейну, я хочу быстро заработать деньги на деле Валентина и Кирилла Калугиных. Помоги, Элохейну».

Сел на стул, чувствуя себя, как девочка, которую лишили девственности против ее воли. Внутри пусто — теперь мне надо просто расслабиться и не мешать Элохейну. Выпил рюмку виски и пошел спать.

Но Элохейну не давал мне заснуть. Он ворочал меня с боку на бок, нагревал подушку, заставлял нашего пса, боксера Рокки, храпеть громче обычного. «Думай!» — приказывал мне еврейский Бог. Что такое думы, как не разговор с самим с собой? Думы вообще могут существовать только в форме внутреннего диалога. Я задаю себе вопрос и сам же на него отвечаю. Этот процесс требует массу энергии, и через пять минут я почувствовал, что проголодался. Спустился вниз и сделал себе чай с бутербродом. Итак:

1. Страховая компания не хочет выплачивать по страховому полису, потому что не верит, что Кирилл Калугин мертв.
2. Мистер Кларк лично не верит в то, что Кирилл мертв; он считает, что Кирилл с Валентином, а может быть, с группой сообщников из российских служб, пытаются получить деньги мошенническим путем.
3. Мистер Кларк основывает свои выводы на заключении агентов Кислофф и Чиповски плюс собственное мнение, что русские способны на все.
4. Российские документы в глазах мистера Кларка и его начальников не имеют практически никакой доказательной ценности.
5. Кислофф и Чиповски не верят в смерть Кирилла Калугина.
6. Два самых сильных аргумента в пользу страховой компании — показания официантки Ашариной, которая обслуживала Кирилла и его спутницу, и неспособность российских сыскных органов хоть как-то продвинуться в раскрытии преступления.
7. Спутница Кирилла, которая могла бы пролить свет на убийство Кирилла, не найдена.

Какие из вышеперечисленных факторов я могу изменить в свою пользу? Найти спутницу Кирилла я не могу. Заставить официантку Ашарину изменить свои показания я не могу. Заставить русских раскрыть преступление я не могу. Все, что я могу, это воздействовать на Кислофф, Чиповски и Кларка, споря с ними, пытаюсь их переубедить. Перевоспитывать старого Кларка, чьи предки высадились в Новой Англии почти четыреста лет назад? Быстрее довести дело до суда. Кислофф и Чиповски? Каково было их поведение в Рязани, было ли их мнение предвзятым? Чиповски предложил эксгумацию, но родители Кирилла и слушать об этом не хотели. Кислофф два раза побывал в Рязани и рекомендует третью поездку. Чего он хочет добиться? С кем поговорить? С официанткой Ашариной? Не нужно ему с ней говорить,

его устраивает то, что она уже сказала. С лейтенантом милиции Стаскиным? О чем? Тот нашел машину и труп, но не знал до этого момента Кирилла и опознать его не мог. С зампрокурора Снежиным и старшим следователем Кривцовым? С ними как раз есть о чем поговорить, но если они в сговоре с братьями Калугиными, то ничего не скажут, а если нет, то им просто нечего добавить к уже сказанному. Зачем же нужна Кислофф третья поездка? И почему его вторая поездка была такой короткой? Почему он не встретился с официанткой Ашариной, а только с родителями Кирилла, лейтенантом Стаскиным и зампрокурора Снежиным? Возможно, Ашарина в это время уехала в отпуск в Сочи. Но ведь и Ватсон, возможно, просто гулял по Уигмор-стрит, а не шел на почту давать телеграмму. Где-то я должен начинать угадывать. Вот и начну с Ашариной. *Cherchez, как говорят, la femme.* * * *

Наутро я позвонил Валентину и спросил, много ли у него осталось в Рязани надежных друзей.

— Ну есть парочка, — вяло ответил Валентин.

— Попроси одного из них сходить в «Элиту» и узнать, был ли у официантки Ашариной отпуск в июне двухтысячного года?

— Да ведь это было полтора года назад, кто же будет помнить?

— Валентин, мне надо знать, выходила ли Ашарина на работу в июне двухтысячного года. Полтора года не такой уж большой срок. Может, она сама скажет твоему другу, а может, ресторанный бухгалтер скажет или подруги Ашариной. Не такая уж это большая тайна. Но мне эта информация необходима.

— Попробуем достать ее, — согласился Валентин.

— Я также хотел бы знать, обращалась ли Ашарина за заграничным паспортом.

— Это исключено. У меня нет концов ни в ЗАГСе, ни в милиции.

— Валентин, я хочу знать об Ашариной как можно больше. Например, записывалась ли она на курсы английского языка, стала ли она лучше одеваться — любые подробности ее жизни для меня важны. И я хочу фотографию Ашариной.

Прошло две недели с тех пор, как я говорил с Валентином по телефону. За эти две недели я узнал номера рабочих телефонов Кислофф и Чиповски, а также позвонил мистеру Кларку, чтобы узнать, состоялась ли третья поездка в Рязань агента Кислофф. Мистер Кларк сказал, что да, такая поездка действительно имела место в апреле 2001 года, но отчета по ней у него нет. Будьте добры, мистер Кларк, обратился я к нему, запросите отчет Кислофф и направьте мне его краткое содержание.

Позвонил Валентин и сказал, что Ашарину никто найти не может. Она уволилась из ресторана, и неизвестно, где она. Я попросил его раздобыть телефон родителей официантки, и на следующий день он мне дал номер ее мамы, которая тоже живет в Рязани. Звали маму Ашариной Нина Сергеевна. Я позвонил ей и сразу же спросил, не переехала ли ее дочь на постоянное место жительства в Йоханнесбург.

— Нет, что вы, она пока только гостит там, — ответила добрая Нина Сергеевна.

Я пожелал ей и ее дочери счастья и повесил трубку. Затем позвонил Валентину и спросил, видел ли он когда-нибудь Ашарину.

— Конечно, много раз в кабаке видел, — ответил Валентин.

— Ты можешь описать ее?

— Ну, нормальная баба.

— Валентин, опиши ее, пожалуйста, подробнее, Красивая ли она, толстая или худая, как она вела себя с посетителями? Была ли она, так сказать, доступной, принимала ли ухаживания со стороны мужиков?

— Светка, хоть ей уже и за тридцать, эффектная баба, очень фигуристая. Как говорил наш батя, «правительственный товар». Ну, хозяин «Элиты» Струк, конечно, проехался по ней, а в остальном ничего о ней не знаю.

Я долго думал, как говорить с Кислофф. Понятно, что у него роман с Ашариной, и он пригласил ее в гости в Южно-Африканскую Республику. Вполне возможно, он по какой-то причине не виделся с ней во время своего второго визита в Рязань и потому рекомендовал страховой компании поехать туда в третий раз. Но что мешало ему самому, за свои деньги, поехать в Рязань в любое время? Неужели он хотел просто сэкономить три тысячи долларов, слетав за счет компании? С другой стороны, почему бы и нет? Перелет, гостиница, суточные, надбавка к зарплате за работу в трудных условиях — того и гляди десять тысяч наберется, а не три.

В этой истории теперь были все ингредиенты — деньги, убийство, любовь. Но главный разговор — с Кислофф — был впереди. С ходу вывалить ему свои предположения или постараться заманить в ловушку? Я обратил очи к Элохейну, ища совета. Молчание. А потом вдруг сам себе сказал: «Не мошенничай с мошенником». Не то чтобы большая мудрость, может быть, даже совсем трюизм, но ведь сказал же я это сам себе. Решил проверить — не борись с борцом, не беги наперегонки с бегуном, не фехтуй с мушкетером. Вроде правильно — профессионалы тебя в своем виде спорта скорее всего одолеют. Для меня это означало, что Кислофф, будучи мошенником, быстро раскусит мое мошенничество. С другой стороны, любое мое честное заявление он воспримет как блеф. Но нет, все-таки не мошенничай с мошенником!

Телефон долго звонил в далеком Йоханнесбурге, давая мне собраться с мыслями. Наконец трубку подняли, и я попросил к телефону агента Кислофф. Назвал свое имя, сказал, что я адвокат и звоню из Нью-Йорка по делу страхового полиса Калугина.

— Агент Кислофф слушает.

Я представился.

— Чем могу помочь? — скорее формально, чем участливо, спросил Кислофф.

— Вы можете мне помочь, если немедленно рекомендуете мистеру Кларку из Нью-Йоркского офиса выплату полной суммы по страховому полису Валентину Калугину, брату убитого в Рязани Кирилла Калугина, — ровно миллион долларов.

— Я еще не закрыл этого дела, — спокойно сказал Кислофф. — Думаю, что в течение нескольких месяцев дело будет закрыто.

— Долго, мистер Кислофф, очень долго.

— Миллион долларов большая сумма, и нужно исключить все возможные ошибки. Для этого страховые компании и нанимают нас, следственных агентов.

— Мистер Кислофф, вы уполномочены говорить со мной по этому делу?

— В очень ограниченном формате.

— Давайте я расскажу, почему вы дадите рекомендацию выплатить страховку, но прежде я

дам вам два часа на проверку, кто я и что я, — чтобы вы не думали, что вас шантажирует кто-то из Рязани. Вы сами найдете мой рабочий номер телефона и перезвоните мне в офис, и мы тогда поговорим.

— И вы уверены, что я проделаю это упражнение?

— Уверен.

— А если я откажусь?

— Если вы до сих пор не повесили трубку, не откажетесь. Но я назову вам одно имя — Светлана Ашарина.

В Йоханнесбурге бросили трубку на рычаг.

Прошло два часа — телефон молчал. Я сидел и смотрел на телефон, как проигравшийся гэмблер на однорукого бандита в казино. Затем дал инструкции секретарше, что если будут звонить из ЮАР, то сказать, что я занят и просил ни с кем не соединять. И вообще ни с кем из ЮАР меня не соединять, пока я не разрешу, а отвечать — занят, на встрече с клиентом, в суде, на совещании — что угодно, в зависимости от времени звонка.

Первый звонок из ЮАР был на следующий день, затем два звонка в один день, снова звонок на следующий день. Пятый звонок был уже на мой мобильный телефон.

— Это Николай Кислофф, — почему-то по-русски представился Кислофф. Можем сейчас поговорить?

— Я вас слушаю, Николай.

— Скажите, что вы имели в виду, когда назвали то имя, которое вы назвали?

— Николай, я могу вам перезвонить из офиса? Я сейчас веду машину.

— Нет, мы поговорим сейчас — в офисе легче записывать разговор. Я слышал, что у вас в штате Нью-Йорк дурацкий закон — если одна сторона в телефонном разговоре знает, что идет запись, этого достаточно, чтобы запись была допущена к рассмотрению в суде в качестве улики.

— Николай, скажите честно, вы встречались со Светланой во время второй поездки в Рязань в июне двухтысячного года?

— Нет, именно поэтому мне нужна была третья поездка. Светлана в июне двухтысячного года была в Москве, и я не смог ее найти. Она последняя, кто видел Кирилла Калугина живым, и нет ничего удивительного, что я захотел допросить ее подробнее.

— Нет, Николай, вы меня обманываете. Вы бы хотели допросить ее подробнее, если бы представляли интересы Валентина, а не страховой компании. Во время вашего первого визита она показала, что не смогла опознать Кирилла в трупе, найденном возле машины. Какой для вас смысл был в более пристрастном допросе Светланы? Не верю я вам, Николай.

— Ну как хотите. Компания со мной почему-то согласилась.

— Не удивляюсь. Агент рекомендует дополнительный допрос свидетеля. Компания не станет вдумываться, зачем он нужен, потому что никакой менеджер не предположит, что такой допрос может только повредить компании. Раз агент предлагает — значит, это в интересах компании. Утвердить. Точка.

— Но вы, я вижу, считаете иначе. Зачем же, по-вашему, я рекомендовал третью поездку? Чтобы просто встретиться со Светой?

— Ага.

— Почему вы считаете, что после нашего разговора я рекомендую выплату по страховому полису?

— Потому что я растолкую Кларку, что вы устроили себе эту поездку не в интересах компании, а в своих собственных. И не только Кларку, но и Дисциплинарной комиссии по страхованию, генеральному прокурору, главному прокурору штата Нью-Йорк и всем, кому сочту нужным. И это в дополнение к иску на три миллиона долларов за сознательную и предумышленную задержку выплаты по страховому полису, несмотря на наличие полного доказательства смерти застрахованного Кирилла Калугина.

— То есть вы хотите сказать, что я решил просто съездить в Рязань за счет компании? Это смешно, я получаю в год больше ста тысяч долларов.

— Вот этот аргумент вы и выдвинете в суде. Не сомневаюсь, что присяжные вам поверят. Как будто не было случаев, когда миллионеры прокалывались на сущем дерьме. Кстати, средняя зарплата попадающихся на краже вещей из универмагов превышает двадцать пять тысяч долларов в год. Крадет, Николай, не нищий, а гнилой.

— Не понял. Что вы сказали?

— Гнилой. Это сленг, спросите у Светы — она объяснит. А вам предстоит интересный год, Николай. До скорой встречи в Нью-Йорке. В суде.

Николай Кислофф больше не звонил, да и необходимости в его звонках не было, так как через день мне позвонил мистер Кларк и сообщил, что высылает чек на сумму в один миллион шестьдесят девять тысяч долларов — сумма полиса плюс набежавший процент. Мой гонорар, соответственно, составил сто шесть тысяч девятьсот долларов.

Прощаясь со мной, мистер Кларк сказал:

— И все-таки не нравится мне эта история. Не доверяю я русским, хоть ты тресни.

Учитывая, что южноафриканский агент страховой компании Николай Кислофф тоже, судя по всему, этнический русский, я не мог с ним не согласиться. * * *

Наступил сентябрь — самый священный месяц у евреев. В первую же сентябрьскую пятницу ко мне в офис пришел Залман. Он принес толстый альбом с фотографиями — молельный дом Хабад-хаус, еврейские праздники — Рош-Ашана, Йом-Киппур, Суккот, Ханука, Пурим. На фотографиях много евреев из бывшего Союза — их я узнаю сразу. Залман лучезарно улыбается и рассказывает о своих достижениях. Его рассказ не очень меня волнует, хотя мне приятно, что у Залмана все получается. Он сыплет цифрами — столько-то было привлечено евреев в первый месяц, столько-то во второй, столько-то детей изучают Тору. Я вспоминаю, как, будучи аспирантом в университете в Буффало, ходил по пятницам в Хабадский центр на Мэйн-стрит есть фаршированную рыбу. Не потому, что соскучился по деликатесу, а просто денег почти не было, а обеды хасиды устраивали бесплатные. В Буффало ко мне тоже по пятницам приходил хасид. Звали его Цви. У него были длинные кудрявые пейсы и очки с толстыми стеклами. Он немного сутулился. Однажды на праздновании Пурима хасиды попросили Цви показать свою силу и ловкость. Не снимая лапсердака и не сходя с места, Цви сделал обратное сальто. Потом поправил на голове ермолку и отжался несколько раз на указательных пальцах. Кто-то из присутствующих мне сказал, что Цви воевал во Вьетнаме, служил в каких-то элитных частях.

Залман перевернул последнюю страницу альбома и сказал:

— Мы сейчас арендуем помещение, а у нас должно быть свое собственное. Твоя помощь нужна как никогда. Мы собираемся купить дом на большом участке, сделать площадку для детей, молельную комнату, зал для празднований, кухню. Нужны деньги.

Я ответил Залману, что пойду посоветуюсь со своим партнером.

Я зашел в соседнюю комнату к Валерию и сказал, что хотел бы выписать чек на тысячу долларов.

— Ты же знаешь, что у нас сейчас негусто, — свел брови Валера.

— Знаю, но в прошлом году я дал ему тысячу, и он бросил на прощание: «Пусть эти деньги вернуться тебе стократно».

— Ну, вернулись?

— Ты же знаешь, что да — дело Калугиных. За несколько часов работы, в основном состоящей из раздумий, одной встречи и нескольких телефонных разговоров, мы получили больше ста тысяч долларов.

— Ну, тогда дай ему штуку.

Я вернулся к себе и уже начал выписывать чек, когда по интеркому позвонил Валера и прошипел:

— Слушай, выпиши ему две штуки, а?

Истории про негров

Племянник императора

Я этнический адвокат. Большинство моих клиентов — выходцы из бывшего СССР. Никогда моим клиентом не будет Сергей Брин, один из создателей Гугла, не говоря уже о Билле Гейтсе, основателе Майкрософта. Таким ребятам, как они, нужны мощные юридические фирмы, в которых одни партнеры специализируются на налоговом праве, другие — на корпоративном, третьи — на контрактах, четвертые — на интеллектуальном праве и т. д. Мой клиент — обычный иммигрант, иногда иммигрант-бизнесмен, иногда — процветающий иммигрант-бизнесмен, а иногда — просто нелегал. Один день я работаю над рабочей визой, другой — составляю контракт на продажу дома, третий — безболезненно вожу друзей на машине. Но о слиянии миллиардодолларовых корпораций я могу только в книжках прочитать или в кино посмотреть.

Я никогда не думал, что мне доведется представлять интересы члена императорской семьи. Звали моего клиента Монро, и принадлежал он к клану Селассие. Дядя его был когда-то министром обороны. Я видел фото дяди — на его груди было больше медалей, чем у Брежнева и Суворова вместе взятых. Судя по количеству дядиных наград, Эфиопия вела войны на всех фронтах, повсюду побеждая, потому что за проигранные битвы

главнокомандующим медали не дают. Несмотря на боевые заслуги, а скорее, из-за них, дядя выпал из фавора. Успел он наворовать, однако, немало — я также видел его фото на фоне собственного замка во Франции.

Монро вышел на меня через эфиопскую принцессу, внучатую племянницу императора Хайле Селассие, которая вступила в мorganатический брак с евреем Осей и счастливо жила с ним в Джерси-Сити. Монро сказал, что хотел бы попросить политического убежища в США.

На интервью иммиграционный работник никак не мог разобраться в интригах эфиопского двора. На вопрос, кто его преследовал, Монро отвечал:

— Хайле, император Эфиопии.

— За что?

— За дядю.

— А что дядя сделал?

— Дядя хотел дать свободу и землю людям, — отвечал Монро заученные фразы. — Я всячески помогал дяде, и Хайле пообещал меня убить, хотя он мой другой дядя.

Затем иммиграционный работник посмотрел в свой справочник, откуда узнал, что в 1974 году императора Хайле Селассие низложили и власть перешла к хунте Дерг. Но Монро конечно же был готов к такому повороту. Он рассказал, что Дерг начала преследование всех связанных с режимом Хайле, начиная с дяди — военного министра. Те же, кто был в кровном родстве с кланом Селассие, мог в любую минуту угодить в тюрьму или его могли привязать к пальме и расстрелять. Дело происходило в середине восьмидесятых, когда в политическом убежище отказывали только ленивым. А Монро ленивым не был, в нем текла королевская кровь. Он выучил, за что один дядя преследовал другого, и как он оказался на стороне прогрессивного дяди, и как затем Дерг расправлялась с обоими дядьями. Получив политическое убежище, Монро открыл автомастерскую и начисто забыл козни эфиопского двора и опричников из Дерга.

Долгое путешествие

Эфиопия в Восточной Африке, а Сенегал — в Западной. Сенегалец Мама-ду устроился к Монро работать автомехаником. Он тоже подал на политическое убежище. Будучи обделен королевскими генами, Мама-ду не знал о своей стране ничего. Ни какой там строй, ни кто против кого, ни кому принадлежат дворцы и банки. Он не имел ни малейшего понятия о том, какие могли быть чаяния у простого сенегальца и за что нужно бороться. При этом он здорово чинил самые сложные машины. Мама-ду не мог мне толком объяснить, как он попал в Америку. Сказал, что сел на корабль, долго плыл и наконец приплыл в Америку. В какой порт он приплыл, сказать Мама-ду не мог. Я подвел его к карте мира, занимающей одну из стен в конференц-зале. Показал ему Сенегал, затем Америку. Если плыть через Атлантический океан, портов по дороге нет, и весь путь займет не более недели.

— Сколько дней ты плыл в Америку? — спросил я Мама-ду.

— Наверное, три месяца, — ответил он.

— Ну как же ты мог находиться в пути три месяца? Посмотри — вот Африка, вот Америка. Расстояние не такое уж большое. Вы куда-нибудь заходили по дороге?

— Нет. Не помню.

А там, где ты высадился на берег, было тепло?

— Тепло.

— В каком месяце ты высадился? Или в каком отчалил?

— Не помню.

— А как ты высадился?

— Мой приятель Законде сказал, чтобы я вылезал из трюма. Я вылез. Ночью на лодке Законде отвез меня на берег.

— А какие деревья ты увидел на берегу?

— Пальмы.

— А что в трюме было?

Это я спросил не просто из любопытства. Может, Мама-ду был замешан в контрабанде чем-то нехорошим, хотя в таком случае вряд ли бы он мне сказал правду.

— Бананы. Я их ел во время путешествия. Ночью я иногда выходил на палубу подышать свежим воздухом. Законде приходил ко мне и говорил, что все спят и можно выйти. Он приносил мне продукты с кухни.

Итак, банановоз доставил Мама-ду в Майами, где он сошел на берег. Затем Мама-ду каким-то образом попал в Нью-Йорк. По-английски Мама-ду почти не говорил, изъяснялся на диком французском, который я, признаюсь, не понимал, либо на каком-то сенегальском диалекте. Я попросил Мама-ду прийти с кем-нибудь, кто смог бы перевести ему мои инструкции. Он пришел с джентльменом средних лет, в очках в золотой оправе. Звали джентльмена Мохаммед Диоп. Мистер Диоп работал в ООН и подрабатывал переводом с различных африканских диалектов. Оказалось, он прекрасно разбирается в политической ситуации Сенегала, как, впрочем, и любой другой африканской страны. Он быстро набросал мне план легенды. В следующий визит он принес мне потрясающей красоты документы, среди которых был ордер на арест Мама-ду и ордер на обыск его квартиры. Никогда ничего подобного на Брайтоне не изготавливали. Куда нашим цидулям до африканских золотых печатей, разноцветных блямб, шелковых тесемок и прочей канцелярской атрибутики! За новую историю своей жизни Мама-ду отвалил Мохаммеду Диопу тысячу долларов. И еще тысячу Диоп получил за сопровождение нас на интервью в роли переводчика. Нет и не было в русскоязычной общине такого переводчика! Мама-ду мог нести на своем диком наречии все что угодно — переводил-то все равно многоопытный Диоп. А кто его мог проверить? Кто в Иммиграционной службе знает диалект малеке?

Конечно, Мама-ду дали политическое убежище, и, я считаю, это был справедливый результат. Когда некая русская женщина Клава, выдавая себя за еврейку, не получила статуса беженки, это тоже был справедливый результат. На вопрос, почему ее избили антисемиты на улице, Клава ответила, что они признали в ней еврейку.

— А как это они так умудрились? — спросил иммиграционный работник.

— Так на мне ж магендовид был, — не растерялась Клава.

— Значит, на Ханукку, в декабре, когда в Москве морозы и люди кутаются в шубы, вы этот магендовид, наверное, поверх шубы повесили, чтобы всем лучше было разглядеть? — еще

больше не растерялся иммиграционный работник.

И отказал. Справедливо? Справедливо!

Судьба негра в Харькове

Негры рождаются не только в Африке. Джастин, например, родился в одном городе со мной — в Харькове. Отец Джастина родом из Ганы. В Харькове он получил диплом врача и женился на украинке Тане. Как верная жена, Таня последовала за мужем с годовалым Джастином в Африку. Таня рассказывала, как плохо с ней обращались в Гане родственники мужа:

— Гораздо хуже, чем мои родственники обращались с ним в Харькове.

С большими трудами Тане удалось вернуться с Джастином в Украину, где они и прожили следующие пятнадцать лет. Джастин ходил в харьковскую школу, а Таня работала медсестрой. Когда Джастину стукнуло шестнадцать, Таня поняла, что в Харькове он либо сопьется, либо угодит в тюрьму. Джастин вырос необыкновенно красивым — почти европейские черты лица при шоколадной коже. Он пользовался большим успехом у девушек, а в юном возрасте это развращает. Каким-то образом Тане удалось получить американскую визу для себя и Джастина. За полгода в Нью-Йорке Джастин заговорил по-английски так, будто он родился в Америке. Почувствовав себя главой семьи, он начал серьезно учиться и вообще полностью преобразился — стал образцовым молодым человеком. Большинство подростков, попав в Америку, портятся. Джастину Штаты пошли на пользу. Одиннадцатый класс он закончил лучше всех в классе. В школе осталось учиться один год, и Джастин начал получать предложения от лучших американских колледжей. Все университеты Лиги плюща предложили ему стипендии, только выбирай. Негр, который хорошо учится, в Америке ценится на вес золота. Двухязычный отличник Джастин тянул на платину. Он выбрал Гарвард.

Заполняя анкеты для поступления, Джастин впервые осознал, что он в стране нелегально. В школе у него никогда ни о чем не спрашивали, мать работала за наличные, проблем со статусом просто не возникало. И вдруг блестящее будущее Джастина оказалось под вопросом. Выход был один — просить политическое убежище в Соединенных Штатах.

Я долго мучал Джастина вопросами о том, как его преследовали в Харькове. Из его ответов я понял, что в шестидесятые и семидесятые годы евреи были в гораздо худшем положении в Советском Союзе, чем негры в восьмидесятые. Ну, может, кто-то когда-то и сказал что-то плохое в адрес Джастина. Он сам был удивлен тем, что его «черножопым» называли только один раз, а вот грузин, армян и прочих нацменов так обзывали в его присутствии много раз. Я спросил, занижали ли ему учителя отметки из-за цвета его кожи. Джастин ответил отрицательно. Я спросил, хочет ли он обратно в Харьков.

— Ни в коем случае! — ответил Джастин.

— Почему?

— Потому что там для меня нет будущего. Я перерос Харьков. Мне не интересны отношения с друзьями, не интересна учеба, не интересен досуг в Харькове. Но я не подвергался дискриминации. Скорее, ей подвергалась моя мать за то, что когда-то вышла замуж за негра. И то — разве можно назвать дискриминацией сплетни соседок? А остальным на прошлое замужество мамы было наплевать. Как и моим друзьям было наплевать на мой цвет кожи. Ну, для новых знакомых я некоторое время казался экзотикой, но через короткое время ко мне привыкали. Наверное, язык и манера поведения более важны, чем цвет кожи.

Я все больше и больше удивлялся интеллектуальному развитию Джастина. Наблюдательность, способность к анализу, тонкость, даже рафинированность в изложении мыслей предполагали гораздо более зрелого человека, чем семнадцатилетний парень. Выслушав Джастина, я сказал:

— Чтобы получить политическое убежище, нужно доказать, что тебя преследовали либо на основании твоей религии, либо политического мнения, либо расы, либо этнической принадлежности. Другим надо что-то выдумывать, выдавать себя за тех, кем они не являются. Тебе же ничего этого не надо делать. Убежище, а с ним и Гарвард, у тебя в кармане.

— Что мне нужно сделать?

— Тебе нужно вспомнить все случаи из твоей харьковской жизни, когда ты был унижен, оскорблен, обделен, побит только из-за того, что ты негр. Я не буду делать эту работу за тебя. Каким бы незначительным ни показался тебе эпизод, в котором с тобой поступили плохо, я хочу о нем знать. От незаслуженной «тройки» по геометрии до синяка под глазом. То же самое касается твоей мамы. Она должна записать все «комплименты», которые услышала от соседок в свой адрес. Может быть, ей было трудно устроиться на работу после возвращения из Ганы. Может быть, ее вызывали в КГБ на допросы. Может быть, на работе к ней плохо относились, увидев цвет кожи сына. Я жду вас обоих через неделю с описанием преследований. Чем больше вспомните, тем лучше. Наиболее тривиальные эпизоды я не включу в ходатайство, но я хочу иметь выбор.

— То есть ты хочешь, чтобы я все выдумал?

— Я рассказал тебе о правилах игры. Я прошу тебя не выдумывать, а вспомнить. Ты удивишься, сколько эпизодов преследования и дискриминации придут тебе на ум, если сконцентрируешься на этом. Не ты первый.

Через неделю Джастин и Таня пришли ко мне в офис с записями своих воспоминаний. Большинство случаев было мелочью, не дотягивающей до преследования или дискриминации, которая, кстати, не является поводом для предоставления политического убежища, если только она не была злостной и систематической. И тем не менее в их записях было достаточно материала для составления вполне солидного ходатайства о предоставлении политического убежища в США.

Я не сомневался, что в иммиграционной службе к Джастину отнесутся лояльно и некоторый недобор в кровавости событий будет с лихвой компенсирован благосклонным отношением к жертве преследований. Я подумал, что если интервьюирующим офицером будет белый, то он не посмеет добавить к советским преследованиям унижительное недоверие со стороны американских властей с их подмоченной репутацией в отношениях с негритянской расой. Если же интервью будет проводить чернокожий работник, то уж он-то точно должен утвердить ходатайство Джастина, хотя бы из чувства расовой солидарности. Сценарии с азиатскими иммиграционными работниками и работниками — выходцами из СССР я полагал самыми трудными, а поэтому уделил им наибольшее внимание. Джастин должен был не только знать свою легенду, но уметь отвечать на любые, даже самые неожиданные, вопросы, а главное — добиться того, чтобы иммиграционный работник верил каждому его слову.

В настоящую подготовку клиента к интервью на получение политического убежища обязательно должно входить актерское мастерство. Помню белоруса Васю, громадного увальня, которого якобы зверски избили в отделении милиции города Бобруйска за его антисоветскую деятельность. Агент иммиграционной службы Прохазка (чех по национальности) попросил Васю показать, как его били. Я оторопел — этой сцены мы с Васей не проходили. Однако Вася не растерялся, бросил на пол свою сумку и стал бить по ней

ногами, приговаривая: «Получай, сволочь!» А потом... повалился на пол и заплакал. Мы с Прохазкой стали поднимать Васю с пола и успокаивать. Прохазка побежал за водой. Я с изумлением и уважением смотрел на «диссидента» Васю. Конечно, Прохазка дал ему убежище.

С Прохазкой я встречался не раз. Однажды я представлял правнука великого русского сказочника. Сказочник (на то время уже покойный) никогда не считался диссидентом, хотя его дочка, безусловно, таковой являлась. Но мой клиент шел по мужской линии, а не по женской. Прохазка задал клиенту несколько вопросов, а затем сказал:

— Я вижу, вы из очень известной семьи. Не могли бы вы назвать произведения каких-нибудь диссидентских авторов, которые вы прочитали?

Я обрадовался — уж в этих вопросах клиент мог блеснуть, но в комнате повисла тишина. Клиент оцепенел. Молча он смотрел на Прохазку, не в силах выдавить из себя ни одного имени, ни одного названия. Поняв, что тянуть дальше нельзя, я положил руку на плечо клиента и сказал:

— Спокойно. Сейчас вечер, ты у прадедушки на даче. Как ты помнишь, у прадедушки каждый вечер собирались друзья-писатели. Все сидели вокруг стола и пили чай с пряниками. Ну-ка, вспомни, кто сидел за столом. А теперь вспомни тетю Лиду, вспомни друзей дедушки и прадедушки. Начинай называть их.

Шлюзы открылись, и Прохазка был опрокинут водопадом имен, названий, разных занимательных случаев и подробностей. Прохазка (а он знал русский и читал много тех же самых книг, что и мой клиент), рассмеялся от радости и утвердил просьбу о предоставлении убежища.

Разрабатывая с Джастинем легенду, я объяснял ему, что выдумка, ни на чем не основанная, верный путь к провалу. Во-первых, должна быть фактологическая привязка, во-вторых, эмоциональная. Чистая выдумка есть скорее всего ложь. Выдумка с привязками есть скорее всего правда. Как пример чистой лжи я привел ему случай с Ниной.

Нина приехала из России. Умные люди в Бруклине посоветовали ей подать прошение о политическом убежище, дали адрес волшебника Йоси, который, согласно молве, нужную легенду «на пустом месте сделает». Йосия спросил у Нины, желает ли она быть еврейкой. Услышав ответ, покачал головой и сказал, что Нина может выбирать из двух очень разных, но одинаково эффективных категорий преследуемых лиц: баптистов и лесбиянок. Йосия честно предупредил, что путь баптизма потребует усилий: нужно знать Нагорную проповедь и массу других деталей, выделяющих баптизм из общей христианской религии. Учиться Нина не хотела, а поэтому выбрала второй путь. Йосия, как и обещал, разработал подробную легенду о том, как Нине туго приходилось из-за ее сексуальной ориентации. В техникуме ее били и ребята, и девчата, а преподаватели только подзадоривали хулиганов. Власти тоже всячески мешали однополым совокуплениям — постоянно устраивали налеты на квартиру Нины и ее подружки.

Читая легенду Нины, я удивлялся, откуда Йосия так хорошо знает быт лесбиянок — легенда изобиловала интимными подробностями. Конец истории был печален — переодетые милиционеры забили подружку Нины до смерти. И вот теперь Нина боится возвращаться, ибо ее ждет такой же финал. Прочитав легенду, я уставился на Нину. Нина невинно смотрела на меня, потом хихикнула и сказала:

— Вы не думайте, я не лесбиянка.

— Вы читали эту легенду? — спросил я.

— Читала, — ответила Нина. — У меня в прошлом месяце интервью по ней было в иммиграционной службе.

— Ну и чем закончилось интервью? — спросил я.

— Раз я у вас, понятно, чем, — логично ответила Нина. — Теперь меня в иммиграционный суд вызывают. Йося не адвокат и пойти со мной в суд не может.

— Нина, тут такое понаписано, что никакой адвокат вас не вытащит. Это абсолютно проигрышное дело. Как вы могли согласиться на такую легенду? Здесь же одна чушь! — начал я распекать Нину.

— Дело в том, что у меня есть жених-американец. Как вы думаете, брак с ним меня спасет?

— Нина, вы же под присягой минимум час рассказывали иммиграционному офицеру, что вы лесбиянка. Какой брак? Кто поверит, что этот брак настоящий? Неужели вы не понимаете, что, выбрав с Йосей лесбийскую легенду при подаче документов, вы тем самым перекрыли себе возможность настоящего брака? Тут или пан, или пропал!

Нина всплакнула.

— Какая я идиотка! — сквозь слезы сказала она. — Неужели ничего нельзя сделать?

Нина совершила две большие ошибки. Первая — ее легенда не имела никаких привязок к ее личной жизни. Она не знала не только, что такое лесбийская любовь, но и что значит быть избитой, затравленной и униженной. Разумеется, ей на интервью не поверили. Вторая ошибка — легенда долгое время будет сказываться на жизни Нины. Как, на самом деле, лесбиянка может в одночасье поменять ориентацию и выйти замуж, если только не фиктивно? Это все равно что мужик расскажет на интервью, как потерял член в результате преследований, а затем попросит грин-карту на основании женитьбы на американской гражданке. Конечно, есть люди с бисексуальной ориентацией, но аргумент, построенный на бисексуализме, неминуемо повлечет за собой вопрос: если вы бисексуалка, то почему вы об этом вспомнили только сейчас, в Америке, когда вам ничто не угрожает, и совершенно не помнили об этом вашем свойстве в России, когда вас били и мучали за лесбиянство?

Для того чтобы врать правдоподобно, нужно «прожить» свою легенду. Эту простую истину замечательно раскрыл в своем романе «Маленькая барабанщица» Джон Ле Карре. Вместе с агентом израильской разведки героиня романа проделывает полностью все путешествие, которое она якобы совершила с арабским террористом. Израильянин знает все привычки и повадки араба и в общении с героиней ведет себя в точности так, как вел бы себя араб. В итоге героине, попавшей в лагерь палестинцев, практически не приходится врать — она честно рассказывает, как они ехали, о чем говорили, как занимались любовью. Утаивает она только одну маленькую деталь — вместо араба в реальной жизни был офицер израильской разведки. «Прожив» всю дорогу, испытав все нюансы отношений, героиня теперь может обмануть подозрительных палестинцев.

Иностранцу, просящему политическое убежище, как и Маленькой барабанщице Ле Карре, нужно играть самое себя. Нужно почувствовать боль и унижение еврейского парня, попавшего в Советскую армию, или боль негритянского парня, которого лупят озверелые украинские расисты, или унижение и страх лесбиянки в российском уездном городе, где ее терзают все кому не лень. По Ле Карре, все эти соискатели должны были бы на самом деле пройти через избиения, оскорбления и однополый секс, но такой подход к делу я клиентам, по известным причинам, предложить не могу.

Вместо этого я предлагаю представить себя на месте своего героя, то есть себя же, но в иных обстоятельствах. Вспомните плевков в рожу, который вы получили в третьем классе от

хулигана Витьки, и совместите этот плевок с участковым милиционером или с предводителем антисемитской банды. Удар по носу футбольным мячом, который вы испытали в детстве, пусть будет нанесен тяжелым кулаком лейтенанта КГБ Егора Остапчука после того, как вы гордо ему ответили, что друзей не выдаете.

Джастин слушал мои наставления и делал какие-то записи. На одной из встреч он попросил меня пооскорблять его немножко, чтобы потренироваться в приведении себя в нужное эмоциональное состояние. Я согласился.

— Грязная черножопая скотина! — начал я.

Джастин рассмеялся и сказал, что такие оскорбления его совсем не трогают.

— Тупая обезьяна, где хвост потеряла? — тужился я.

Джастин опять рассмеялся:

— Это меня тоже совсем не трогает.

— Джастин, — серьезно сказал я, — ты знаешь, почему тебя пригласили в Гарвард? Дело в том, что в Америке происходит обратная дискриминация, то есть теперь дискриминируют белых. Ты получил приглашение только потому, что ты черный, а следовательно, требования к тебе будут предъявляться совсем другие, заниженные. Ты получишь «А» там, где еврею поставили бы в лучшем случае «Б». Так белые люди извиняются перед черными за рабство, в которое черных продавали в основном сами же черные. Но рабство не имеет никакого отношения к ай-кью — коэффициенту умственного развития. Евреям тоже, знаешь, не сладко приходилось, а вот коэффициент этот у них почему-то самый высокий.

— И какой же у негров Ай-Кью?

— На одно стандартное отклонение ниже среднего. То есть при среднем коэффициенте сто, у вас, брат, он порядка восьмидесяти пяти.

— А у евреев какой?

— На одно стандартное отклонение выше среднего, то есть в районе ста пятнадцати. Так как, спрашивается, евреи могут учиться с неграми в одной школе, в одном классе, где учителя должны равняться на худших? А между ними разница в два стандартных отклонения!

— Тем не менее я учусь лучше многих белых.

— Не путай способность соображать с накоплением элементарных знаний. Ты прекрасно знаешь, что в Нью-Йорке белые студенты учатся почти так же хреново, как и черные, поскольку, как и черные, они просто не учатся. А ты, в отличие от них всех, учился. На этом фоне ты и выбился в люди. Ты представляешь, что тебя ждет в Гарварде? Там все учатся, хотя и там тебе будут делать послабления.

— К чему ты мне все это рассказываешь?

— Ты же просил меня пооскорблять тебя, чтобы дать тебе эмоциональную привязку.

— Ты на самом деле веришь во все это?

— Джастин, это не вопрос веры, это, к сожалению, научный факт. Но не сомневаюсь, что твой ай-кью ничуть не ниже моего.

— Мой сто тридцать пять. А какой твой?

— Сто двадцать семь. Я довольно продвинутый еврей, а ты экстраординарный негр. Для тебя все пути открыты, только получи это убежище.

— Я не чувствую себя униженным. У меня почему-то нет боли за негров — честно, меня это не трогает. Я думаю, что мне не нужна эмоциональная привязка. Неужели со своими ста тридцатью пятью очками я не обведу вокруг пальца офицера иммиграционной службы, у которого в лучшем случае сто десять?

— Так думать — большая ошибка. У собаки, которая натренирована вынюхивать наркотики, ай-кью вообще ноль, а обмануть ее практически невозможно.

— Именно потому и невозможно, что ноль. У нее нет сомнений, ее нельзя пустить по ложному следу. Или кокаин есть, или его нет, а думать и гадать, взвешивать все «за» и «против», короче, заниматься умственной деятельностью собака не может. А работник иммиграционной службы хоть и с большой натяжкой, но все-таки человек. И его ай-кью по определению не очень высокий, иначе бы он работал в другом месте.

— Джастин, о чем мы сейчас говорим? Ты же будешь иметь дело не со средним работником, а с конкретным, у которого ай-кью может быть выше твоего. Ведь ты тоже не средний негр. Вот и встретятся экстраординарный негр и экстраординарный работник иммиграционной службы. Только проиграть, как, впрочем, и выиграть, в этом поединке можешь только ты. Как ты думаешь, почему мы одному актеру верим, а другому нет? «Быть или не быть, вот в чем вопрос». Один актер продекламирует — дрожь по телу идет, другой — зевнуть хочется. Наше эмоциональное восприятие, наверное, не так уж сильно зависит от ай-кью. Я знал довольно тупых людей с повышенной эмоциональностью. Итак, почему мы одним верим, а другим нет?

— Наверное, мы не верим тем, кто говорит что-то, что не совпадает с нашим опытом.

— Неверно, Джастин, ведь оба актера говорят один и тот же текст. Почему мы одному верим, а другому нет?

— Мы инстинктивно верим или не верим.

— Конечно, но не в этом дело. Просто у хорошего актера есть второй план. Первый план — это текст, второй — это прочувствование текста. Это Маленькая барабанщица, которая проделала путешествие с арабом, хотя это был и не араб. Джастин, ты будешь рассказывать, как тебя преследовали, но пока ты внутренне через это преследование не пройдешь, тебе не поверят.

— Я знаю несколько человек, которые получили убежище в Америке. Неужели все они готовились к интервью по этому методу? Неужели сотни тысяч человек, которые получили убежище в Америке, работали над созданием второго плана? Или всех их преследовали? Почему-то я сомневаюсь, что из подающих наберется хотя бы десять процентов настоящих жертв преследований. По крайней мере, все, кого я знаю, со смехом рассказывали об интервью.

— Джастин, какое тебе дело до статистики? Тебя должно интересовать только одно дело — твое собственное. Я тебе могу рассказать десятки, если не сотни случаев из моей практики, когда убежище давали чуть ли не за красивые глаза. У меня был случай, когда работница иммиграционной службы — негритянка не задала моему русскому клиенту ни одного вопроса по поводу преследований. В самом начале интервью выяснилось, что мой клиент, как и ее сын, работал охранником в школе. Полчаса они проговорили о том, какая это сучья работа, что дети сейчас настоящие преступники и что надо рвать когти с этой работы, пока цел. Ну и в конце, между делом, утвердила просьбу об убежище. Клиент долго меня благодарил после интервью, думая, что я конечно же дал негритянской мамаше взятку. Парень был из Ташкента, иначе он думать и не мог. Так вот, я не знаю, кто попадется тебе. Умный Прохазка,

добрая негритянка-мама, сволочная китаянка, с трудом говорящая по-английски, иммигрант из СССР — это может быть кто угодно. Джастин, готовься к интервью как к самому важному событию в жизни. Это твои личные Олимпийские игры.

Джастин пришел через две недели. Он вынул тетрадь и сел напротив меня. Репетиция началась. Я — работник иммиграционной службы, он — негр, которого преследовали в Харькове. Через несколько минут «дружеской» беседы я понял, что легенда Джастина гротескна. По его словам выходило, что в Харькове его чуть ли не линчевали. Он рассказал, как одноклассники повесили его головой вниз в лесопарке, и он так висел добрый час, пока прохожий его не выручил, затем расисты-хулиганы его топили в водохранилище в пригороде Харькова, но он спасся благодаря умению задерживать дыхание на две минуты. Били Джастина часто и повсюду — до и после школы, во дворе, в парках и даже во Дворце пионеров. Однажды в кинотеатре, когда зрители увидели, что среди них негр, они потребовали, чтобы он немедленно удалился, иначе они его выкинут из зала.

— Не верю я тебе, Джастин. Ты мне напоминаешь одного клиента, который пришел ко мне с разработанной легендой — настолько гротескной, что я отказался его представлять.

— Неужели адвокат может отказаться от денег? Какая тебе разница, если клиент платит?

— Джастин, по-моему, если пациент требует, чтобы хирург ему вырезал аппендицит консервным ножом, хирург должен отказаться, даже если пациент обещал ему хорошо заплатить. Так вот, клиента звали Гена. На консультации он рассказал, что в Союзе работал адвокатом и что хочет остаться в Америке. Собирается просить политическое убежище на том основании, что его как еврея преследовали. Тогда все выдавали себя за евреев. Бруклинские, настоящие евреи по этому поводу торжествовали и негодовали одновременно. Еще бы — в Союзе мы должны были выдавать себя за русских и украинцев, а теперь вот они выдают себя за нас! Нас также изумляла неспособность американцев отличать еврея от нееврея. Адвокаты и псевдоадвокаты, специализирующиеся на политических убежищах, пользовались этой неспособностью и «пекли» евреев пачками.

Гена был абсолютно не похож на еврея. Он скорее был похож на антисемита. Да и говорил он о евреях в лучшем случае пренебрежительно — сказывалось, что попал он в «еврейскую» профессию, то есть стал адвокатом, а пробиться, судя по всему, не смог. Вот и затаил Гена обиду на евреев. Гена сказал, что легенду он уже разработал и хочет, чтобы я выслушал ее и высказал свое мнение.

Согласно легенде, «еврея» Гену особенно третировали в Советской армии. Обзывали жидом, заставляли вне очереди мыть полы в казармах, били, устраивали темную. Кульминацией истории было нападение на Гену ночью группы из нескольких солдат. Пятеро держали Гену за руки за ноги, а один перочинным ножиком вырезал у него на правой ягодице шестиконечную звезду.

Я с изумлением смотрел на Гену — в своем ли он уме? Гена, однако, спокойно и даже нудно прочитал легенду до конца — мобилизация, юридический институт, работа адвокатом. Там и сям вкрапления, связанные с посещениями синагоги, поеданием мацы и другими еврейскими религиозными ритуалами. Я начал задавать Гене вопросы о еврейских праздниках, но он перебил:

— Меня интересует только одно: что вы думаете насчет жопы? Не перегнул ли я палку?

Я не стал каламбурить. Нахмурился и серьезно спросил:

— Вы собираетесь на интервью показать фотографии вашей задницы с нарисованным шрамом?

— Я что, дурак? — удивился Гена. — Какой нарисованный! У меня есть на Брайтоне знакомый хирург, который мне настоящий магендовид на жопе вырежет. Ишрам будет выглядеть так, как будто ему много лет. Он пластический хирург!

— И вы собираетесь снять штаны на интервью и показать задницу? — с недоверием спросил я.

— Вот тут-то мне и нужен ваш совет! — сказал Гена. — Там я был адвокатом и знал все ходы-выходы, а здесь вы адвокат. Как вы думаете, стоит мне снимать штаны на интервью?

— Гена, это не юридический вопрос, а психологический. Посмотрите, как ситуация складывается, кто интервьюер — девушка или мужик, — начал я нести ахиною.

— А перед кем лучше снять — перед девушкой или перед мужиком? — не унимался Гена. — Вы извините, что я так детально спрашиваю, я ведь все-таки был адвокатом.

— Гена, ваша легенда скучна, неправдоподобна, а кульминация гротескна.

— Хорошо, я заплачу — разработайте вы мне легенду, а жопу я беру на себя.

Может быть, Гена на самом деле заполучил магендовид на жопу и показывал его на интервью. Но свидетелем этому я не был, потому что отказался представлять его. Никакой он не еврей. Ни реальный, ни виртуальный. * * *

— Джастин, мы встретимся через неделю. Ты мне снова расскажешь, как тебя преследовали. Учти, что у тебя нет справок из больниц, где тебя якобы лечили от побоев, у тебя нет справок из милиции, куда ты якобы обращался за помощью, у тебя нет никаких вещественных доказательств того, что ты говоришь правду. Легенда должна быть короткой и мощной. Ты украинский в школе учил?

— Да, как и все. А что, мне надо будет легенду по-украински рассказывать?

— Хотелось бы, но не придется. Если ты помнишь из школьной программы по украинской литературе, был такой письменник Васыль Стефанык.

— Не память?таю.

— Горький про нього казав, шо вин пышэ «сыльно, стысло, страшно»! Зрозумив?

— Зрозумив. А шо такэ «стысло»?

— Коротко, емко.

— Ты хочеш, чтобы у меня было, как у Стефаника?

— Именно так. Чтоб все три «с» у тебя были! Когда ты мне рассказываешь, как тебя вверх ногами вешали, мне не страшно, а смешно. Тоже «с», но не то.

Джастин в итоге разработал довольно приличную легенду. Мы много раз встречались, подолгу сидели, играли в «адвоката дьявола». Я пытался ловить его на всяких мелочах, а он должен был выпутываться из любой ситуации, сохраняя при этом образ негра, которого преследовали на Украине. Нельзя отвечать на вопросы едко, нельзя слишком умно, нельзя риторически, нельзя двусмысленно, нельзя долго думать над тем, над чем думать долго нельзя. Нужно помнить даты, места, имена. Учебник для работников иммиграционной службы подчеркивает, что правда всегда конкретна, а ложь, наоборот, — обща, размыта. Необходимо показать страх: если ты не боишься, то убежища не получишь. Страх не должен быть параноидальным, он должен иметь корни в реальности.

Не удивительно, что, проведя столько времени вместе, мы с Джестином сдружились. Есть виды деятельности, которые особенно сближают, и игра в «адвоката дьявола», безусловно, к ним принадлежит. Адвокат дьявола обязан подвергать сомнению любое заявление противника, ничего не принимается на веру. Мы часто сидели с Джестином на лавочке в парке Форт Трайон, одном из самых красивых парков Нью-Йорка, и играли в «адвоката дьявола», попеременно меняясь ролями. Однажды Джестин спросил, почему такое замечательное упражнение на логику называется игрой в «адвоката дьявола».

Я рассказал ему, что в 1587 году Папа Сикст V ввел должность адвоката дьявола, в чьи функции входило оспаривать и подвергать сомнению любые заслуги кандидата на канонизацию. Чтобы быть канонизированным, полагалось совершить чудо. У кандидата на канонизацию был свой адвокат — «адвокат Бога», который объяснял, почему совершенное кандидатом действие должно быть квалифицировано как чудо. Адвокат дьявола, будучи более скептическим персонажем процесса, объяснял «чудо» либо как случайность, либо как явление природы, подчиненное физическим законам.

— Неужели церковь до сих пор играет в такие игры? — спросил Джестин.

— К сожалению, нет. В одна тысяча девятьсот восемьдесят третьем году Папа Иоанн Павел II отменил эту замечательную игру, и причисление к лику святых приняло чуть ли не массовый характер.

— Меня в Гарвард зачисляют, кого-то к лику святых причисляют. То, что когда-то было трудным, стало легким. Но продолжим нашу игру. Итак, ты Джестин, а я работник иммиграционной службы. «Вы говорите, что поехали на водохранилище в компании школьных товарищей. Не эти ли самые, как вы их называете, «товарищи» подвесили вас вверх ногами в лесопарке всего двумя месяцами раньше?»

Проходившая мимо еврейская старушка оглянулась и перекрестилась. * * *

Когда я решил, что Джестин знает легенду и может гармонично с нею жить, я отправил в иммиграционную службу его ходатайство о политическом убежище. Мы провели несколько месяцев в ожидании вызова на интервью, периодически встречаясь, чтобы не забыть детали легенды и не потерять с таким трудом пойманный образ.

Наконец Джестина вызвали на интервью. Высокий, красивый, в светлой рубашке, темных брюках и синем блейзере, он выглядел лучше, чем негр с агитационного плаката. Все сто тридцать пять пунктов ай-кью сверкали на его высоком лбу. Потрясающая белоснежная улыбка. Два абсолютно родных языка — русский и английский. Приглашения из Гарварда, Корнелльского и Колумбийского университетов, Йеля.

Мы сидели в приемной и ждали, когда нас позовут. Вокруг располагались некрасивые албанцы в шерстяных брюках и грязных кедах, африканки с оттопыренными попками и разными предметами, вставленными в волосы, несколько поношенных евреев из Молдавии и Белоруссии, не успевших или не захотевших иммигрировать в общем потоке, конечно же низкорослые китайские фермеры, якобы притесняемые политикой контроля за деторождаемостью. Я посмотрел на Джестина. Он весь сник. Лицо побледнело, от улыбки не осталось и следа, он придвинулся, почти прижался ко мне. Он сказал что-то шепотом, но я не расслышал. На губах у него появилась серая накипь. Я взял его за руку и сказал:

— Не бойся, это начинает светиться второй план, это именно то, что нам нужно. Да, забыл сказать: если спросят, чем собираешься заниматься, не надо рассказывать про Гарвард и Йель. Перед тобой может сидеть человек, чьи родители читать и писать не умели, а он сам с трудом закончил двухгодичный колледж. В общем, сориентируешься на месте, но не перегни палку.

Прошел час, нас все еще не вызывали. Я рассматривал будущих граждан США, сидевших в зале. Не надо было быть Ломброзо, чтобы понимать, что ни один из них не принесет никакой пользы стране, а многие скорее всего принесут вред. Из всей толпы только Джастин представлял человеческую ценность — как будущий специалист, как законопослушный гражданин, как налогоплательщик. В том, что Джастин будет зарабатывать много, а следовательно, и много платить налогов, я не сомневался. Периодически открывалась дверь, выходил работник иммиграционной службы и выкрикивал, страшно коверкая, очередное имя. Обычно никто из сидящих в зале на вызов не реагировал. Имя выкрикивалось снова, на этот раз с иным ударением. На третий или четвертый выкрик человек и имя находили друг друга.

Поскольку фамилия Джастина была абсолютно саксонской, признали мы ее сразу. В дверях стоял пожилой негр с папкой в руке. В папке, очевидно, было дело Джастина. Как и все работники иммиграционной службы, одет негр был бедно, но в отличие от многих своих коллег наш негр был обут в туфли, а не в черные сникерсы. И галстук его был повязан не поверх фланелевой клетчатой рубашки, как у агронома совхоза, а поверх белой сорочки. Негр поздоровался и пригласил следовать за ним.

Кабинет интервьюера всегда небольшой. Стол, сбоку компьютер на подставке, стул для самого интервьюера и два стула напротив. На стене полка, на ней пособия по иммиграционному праву, внутренние распоряжения и прочие скучные документы. На столе или на полке фото интервьюера в кругу любимых членов семьи — супруги, детей, внуков, рядом табличка с его именем и фамилией. К одной из стен прикреплена небольшого размера американский флаг. Нередко в интерьере можно обнаружить предметы юмора — газетную вырезку с карикатурой, приклеенную липкой лентой к стене, или кофейную кружку со смешной надписью типа «Иди к черту, сегодня понедельник». Встречаются мелкие сувениры от благодарных соискателей на статус политического беженца — русские матрешки, индийские фигурки, вьетнамские плетенки, китайские трубочки с кисточками. Поскольку ни о каком подношении лично интервьюеру не может быть и речи, то, наверное, все эти нехитрые подарки распределяются в равных дозах между работниками.

Пока мистер Уилкокк (так звали чиновника) читал легенду, мы с Джастином успели заочно познакомиться с его скромной, но достойной семьей. Полная жена в кругу детей в школьной форме — наверное, учительница. Сын в академической мантии и шапочке на праздновании окончания колледжа, дочь-тинэйджер в розовом платье в Диснейленде. А вот и сам мистер Уилкокк — молодой, в армейской форме. Крепкая, хорошая семья.

Закончив читать, мистер Уилкокк сказал:

— Ну и натерпелся ты, сынок. Желаю тебе счастья в Америке, да поможет тебе Бог.

Пожал Джастину на прощание руку, благословил еще раз. Когда мы уже вышли в коридор, мистер Уилкокк спросил:

— Как собираешься жизнь устраивать, сын?

— Пойду служить в морскую пехоту, — четко ответил Джастин.

— Отличное решение! — похвалил мистер Уилкокк и благословил Джастина в третий раз.

Я вспомнил харьковчанку Маню Бухман, которая устроилась работать в иммиграционную службу. Она беспощадно валила харьковских евреев на интервью по предоставлению политического убежища. Плохо зная английский, Маня тем не менее отказывалась проводить интервью на русском языке, настаивала на переводчике и сыпала несчастных бывших сограждан на чем только можно. Если какой-нибудь харьковский еврей брехал ей, как он в синагогу ходил, Маня спрашивала:

— Это в каком же году вы туда ходили?

— В восемьдесят пятом, — растерянно отвечал еврей, а торжествующая Маня ему тут же засаживала по самые помидоры:

— В Харькове единственная синагога находилась на Пушкинской улице, но в означенный вами период там размещалось спортивное общество «Спартак». Так что в восемьдесят пятом вы могли в этой синагоге в баскетбол играть, а не Богу молиться.

Негр Уилкоккс — адвокат Бога. Маня Бухман — харьковская манда. * * *

Харьковские негры — одно из самых малочисленных негритянских племен. Из этого племени, кроме Джастина, у меня был еще один клиент — очаровательная десятилетняя Джессика. Мама Джессики вышла замуж за африканского негра, который учился в Харькове в Политехническом институте. Смесь харьковской мамы с африканским папой дает особый генетический дистиллят: как и Джастин, Джессика была умницей и красавицей.

Я не забивал Джессике голову игрой в «адвоката дьявола» и теорией второго плана. На первой встрече мама Джессики (тоже почему-то Таня) сказала:

— А вы спросите ее, как над ней издевались в школе.

— Джессика, — спросил я, — скажи, как к тебе относились твои одноклассники?

— Плохо! — уверенно ответила Джессика.

— Ты можешь рассказать, что именно они говорили или делали?

— Конечно, могу. Они меня обзывали.

— Как?

— Они называли меня... уткой.

— И это все?

— Да.

— Тебе было обидно?

— Очень.

— Таня, — обратился я к маме, — вы понимаете, что такое дикое издевательство, которому была подвергнута Джессика, не дает права на убежище.

— Это не все, — сказала Таня. — Джессика чемпионка Харькова среди детей по фигурному катанию, а на чемпионат Украины ее не взяли.

— Таня, это все несерьезно. Кстати, а где ваш муж?

— В Харькове. У него там пивной бар. Ему два года назад хулиганы глаз выбили, потом в больнице Гиршмана протез вставили.

— А почему он не уедет на родину, если с ним так плохо обращаются в Харькове?

— Он не может бар бросить, у него все деньги в бар вложены. Кстати, дети Джессики уткой обзывали, а учителя обезьяной. Вы же не спросили у нее про учителей. Классная руководительница при мне ее обезьяной назвала. Я забрала Джессики из школы, так к нам

потом из райОНО приходили, грозились лишить родительских прав. Я им сказала, что не пущу девочку в школу, где над ней учителя издеваются. Созвали специальную комиссию, назначили Джессике осмотр у психиатра, он дал заключение, что может в школу идти. А Джессика плачет, не хочет. Это она перед вами комедь разыгрывает, а на самом деле она каждый день плакала, просила, чтоб я разрешила ей дома остаться. Да и за фигурное катание не смейтесь. У Джессики было золото по Харькову, а в Киев поехала девочка, которая взяла серебро. Джессика прекрасно поняла, почему ее не взяли, — как негритяночка может представлять Харьков на этом засратом чемпионате?

Я посмотрел на сидящую рядом с мамой Джессику. Она действительно была похожа на утку — большой утиный нос, который, правда, ее совсем не портил. Она играла с куклой, что-то бормоча по-русски с типичным харьковским акцентом.

Выходило, что дело есть. Я почувствовал, что выиграю это дело, потому что по коже пошел легкий зуд — предвестник выигрыша. Зудит — значит, не терпится, хочется побыстрее выиграть. Я попросил Таню собрать все медицинские справки по поводу выбитого глаза мужа, а также все документы, относящиеся к угрозам райОНО лишить Таню и Уильяма (так звали мужа) родительских прав. Все это она принесла через пару недель. Среди документов были две фотографии ее мужа Уильяма — на одной его лицо анфас с двумя глазами, на другой — с одним. Глазной протез лежал рядом на столе зрачком к зрителю. Жутковатые фото, но зато отвечают принципу Васыля Стефанька — все три «С» на месте: «сыльно, стысло, страшно».

На интервью, если не знаешь английского, нужно являться со своим переводчиком. Таня сказала, чтобы я не беспокоился, — у нее есть отличный кандидат на эту роль. Зная, сколько загубленных дел лежит на совести плохих переводчиков, я потребовал встречи с ее кандидатом.

Кандидатом оказался высокий негр по имени Кабина. У Кабины были красивые бакенбарды, и он прилично говорил по-русски и по-английски. Родом он был, как и муж Тани, из Ганы. Так же, как и одноглазый Уильям, Кабина учился в Харькове, женился на украинке, и у него был сын-мулат. Несколько лет назад Кабина выехал с женой и ребенком в США, где вся семья получила политическое убежище. Поговорив с Кабиной, я убедился, что лучшего переводчика нам не достать — описание преследований будет исходить из уст не просто переводчика, но и жертвы аналогичных преследований. Вопрос только в том, откуда иммиграционному работнику было знать, что Кабина тоже жертва? Теоретически функция Кабины заключалась в переводе, а не в рассказе о самом себе.

— Кабина, мне нужно, чтобы ты каким-то образом совместил функции переводчика с функцией свидетеля, причем сделал это мягко, почти незаметно, — сказал я ему в конце разговора.

— Не волнуйся, все будет в порядке, — ответил Кабина. — Уверяю тебя, что мы хорошо побужём после этого, отмечая победу.

— Кабина, а сколько ты можешь выпить? — поинтересовался я, почувствовав в его голосе повышенный интерес к спиртному.

— Литр водки запросто! — гордо ответил Кабина.

— Это ты в Харькове так научился пить?

— В Харькове и в Киеве.

— Жена за это не ругает?

— Первая ругала, мы развелись. Сейчас я опять женат.

— А откуда вторая жена?

— Из Луганска.

— Кабина, ты только на украинках женишься? Где ты ее нашел?

— Мы здесь познакомились, на вечеринке. Ты прав, я люблю только украинских девушек.

Кабина становился мне симпатичнее с каждой новой подробностью своей жизни и личности. Я подумал о множестве знакомых и клиентов, не могущих найти себе мужа или жену, жалующихся, что в иммиграции достойных людей не найти днем с огнем. А вот Кабина любит украинских девушек и находит их повсюду. Просто надо знать, кого любишь. И не комплексовать. Ведь это в Харькове негр посланец цивилизации, а в Америке... сами понимаете.

— Кабина, если тебе удастся вставить на интервью двадцать копеек про то, как тебя преследовали на Украине за черный цвет кожи, с меня бутылка сразу же, в тот же день, независимо от исхода дела. Если же мы выиграем дело, то с меня поход в русский ресторан.

— Идет, — протянул мне большую морщинистую ладонь Кабина. * * *

И вот я снова в иммиграционном центре, где интервьюируют подавших прошение о политическом убежище. Джессика забралась Кабине на колени и крутила его бакенбарды. Кабина счастливо смеялся и щекотал ее. Резвились они, разумеется, на русском языке, потому что Джессика только пошла в школу и еще не успела как следует выучить английский. Таня была настолько умиротворена этой картиной, что о предстоящем испытании даже не вспоминала. По моей просьбе Таня также привела на интервью подругу Свету, о роли которой я расскажу ниже.

Наконец нас вызвали. Нашим интервьюером оказался молодой белый человек с интеллигентным лицом. «Не лучший вариант», — подумал я.

— Офицер Мюррей, — представился белый и жестом пригласил нас в свой кабинет.

Его кабинет мало чем отличался от десятков других, уже виденных мною. Прикрепленный к стене звездно-полосатый, рядом текст присяги на верность Соединенным Штатам, несколько несмешных карикатур, вставленных в рамку, двухдолларовая кружка с какой-то идиотской надписью, фото Мюррея на Филиппинах.

Мюррей быстро пробежал глазами документы, затем уставился на Кабину:

— А вы кто?

— Я переводчик, — четко ответил Кабина.

— Не понял. Вы что, русский язык знаете? — недоверчиво спросил Мюррей.

— Конечно знаю, — с улыбкой ответил Кабина. — Я ведь тоже приехал сюда из Украины и тоже в свое время просил политическое убежище.

— Об этом потом, — сказал Мюррей.

— Об этом уже, — перебил его Кабина, окончательно цементируя фундамент для получения бутылки водки. — Мне дали убежище.

Мюррей привел Кабину к присяге, в ходе которой Кабина поклялся правдиво и полно

переводить показания Тани и Джессики. Но насчет Джессики у меня были другие планы. Я сказал Мюррею, что не хотел бы травмировать ребенка пересказом тех ужасов, которые с ней происходили на Украине.

— К сожалению, ребенок не может один сидеть в зале ожидания, — ответил Мюррей.

— Мы привели с собой женщину, которая за ней присмотрит.

Мы с Мюрреем отвели Джессику к Свете.

Мюррей проводил интервью сухо. Посмотрев на фотографию Уильяма с двумя глазами, потом на фотографию с одним, поморщился. Таня очень хорошо отвечала на вопросы — чего там играть, когда ее на самом деле хотели лишиться родительских прав. Кабина, уловив сухость и педантичность Мюррея (ведь советская выучка!), переводил в той же сухой, педантичной манере. Было видно, что Мюррея впечатлило знание Кабиной русского языка — он несколько помягчел. Таня рассказала, как соседки и коллеги называли ее негритянской подстилкой. Рассказывая о присланной к ним домой комиссии из райОНО, Таня расплакалась. Мюррей предложил бумажные носовые платки, и Кабина вытер Тане глаза. У него были громадные руки и длинные пальцы, которыми он действовал с такой ловкостью и изящностью, что я доверил бы ему вытащить соринку из собственного глаза. В конце интервью Мюррей обратился к Кабине:

— Неужели в России на самом деле так плохо относятся к черным?

— В России не знаю, а на Украине ужасно, — ответил Кабина и вздохнул. — То, что приключилось с Таней, Уильямом и Джессикой, типично для смешанных браков между украинками и африканцами. Я знаю много таких семей, которые еле ноги унесли с Украины и получили убежище кто в Канаде, кто в Америке, кто в Англии.

— А почему они не едут в Африку? — полюбопытствовал Мюррей.

— Вы будете удивлены, но в Африке эти семьи ожидают примерно те же мытарства, что и на Украине. Это в Америке брак между белой женщиной и черным мужчиной больше не сенсация, а в большинстве стран это все еще повод для преследования. Мою жену тоже называли негритянской подстилкой и заставили уйти с работы. Когда мы шли по двору, из окон в нас кидали пустыми консервными банками. В песочнице моему сыну проломили голову. Там на самом деле плохо, — заключил Кабина.

Мы вышли на улицу. Кабина сиял — он честно заработал бутылку водки. Таня тоже улыбалась, хотя за результатом интервью надо было прийти аж через две недели. Но никто из нас не сомневался в победе.

— Ох, как мы бухнем! — все время повторял Кабина.

Все сели ко мне в машину, и мы поехали из Роуздейла, где располагается центр по предоставлению политического убежища, в Манхэттен.

— Что вы собираетесь делать в Америке? — спросил я Таню.

— То, что я и сейчас делаю — стричь, — ответила Таня. — Выучу английский, открою когда-нибудь салон.

— А как относятся к Джессике в школе?

— Она счастлива. Ее там просто носят на руках. Не зная английского, она тем не менее стала лучшей в классе по математике. Учителя не могут ею нахвалиться. Знаете, несмотря ни на что, в Харькове все-таки было хорошо поставлено образование.

— Стоп! Стоп! — вдруг заорал Кабина. — Не видишь разве — мы ликерный проезжаем!

Я остановил машину и направился в магазин выполнять свое обещание.

— «Финляндию», пожалуйста! — крикнул мне Кабина, приоткрыв окно машины.

Таня и Джессика получили убежище. Мы с Кабиной иногда переговариваемся по телефону, но в ресторан до сих пор не ходили — то он занят, то я. Но мы еще бухнём за победу, ой как бухнём!

Беслик и Леван

Я не знаю, почему Айлин решила заговорить об этом после почти двенадцатилетней супружеской жизни. Ну молчу я во время секса, наверное, большинство мужиков молчат. И дело тут совсем не в том, что Айлин американка по рождению, а я стал американцем только после того, как принял присягу на верность США. Как будто если бы я занимался любовью с русской, то тархтел бы во время этого дела на своем родном языке не переставая.

Мы сидели на кухне и пили чай. Было за полночь. Наш сын Крис спал в своей комнате. У него был насморк, он громко сопел и похрапывал. Айлин была в красивой ночной рубашке, а на мне болтались фланелевые пижамные штаны десятилетней давности.

— Неужели ты не можешь сказать хоть одно ласковое слово? — спросила Айлин. — Ну хотя бы «honeу» или «baby», ну назвал бы зверьком каким-нибудь смешным, или птичкой симпатичной.

— Айлин, это будет неестественно. Ты думаешь, почему я с Крисом все время по-русски говорю? Да потому, что в моем английском отсутствует колоссальный слой — язык детства. Мне никто не пел на ночь колыбельных песен по-английски, воспитательница в детском саду не хвалила и не ругала меня по-английски, я не знаю детских считалок, загадок, слов, которыми дети называют обычные предметы. Если я начну притворяться американцем, общаясь с американским ребенком, он раскусит меня в два счета. А дети не любят лжеамериканцев, лжерусских, вообще всяких «лже». Почему же ты настаиваешь, чтобы я стал лжеамериканским любовником, говорил «baby», «honeу»? Меня тошнит от этого. Клянусь, если бы ты, кончая, произнесла какое-нибудь русское слово с акцентом, у меня бы от возмущения пропала эрекция. И вообще — почему для тебя так важно, чтобы я что-то говорил?

— Не знаю. В фильмах все говорят ласковые слова друг другу. И мне бы хотелось услышать что-нибудь ласковое, хорошее.

— В американских фильмах во всех любовных сценах любовники одеты. Давай уже все делать, как в американских фильмах.

— А как бы русская женщина сейчас на моем месте намекнула тебе, что ей хочется секса?

— Наверное, взяла бы меня за руку и повела в спальню, ничего не говоря.

— Какие скромные русские девушки!

— Да уж скромнее американок. Настоящая русская на первом свидании ноги бы не

расставила.

— Я сейчас обижусь.

— Для русской отношения важны, а не просто секс. Даже русские проститутки часто воспринимают мужчину не только как клиента, но и как человека. С ним дружат, иногда даже любят.

— Личный опыт?

— Нет, читал.

— В общем, русская блядь приличнее, чем порядочная американка. Fuck you, Boris!

Айлин взяла меня за руку и повела в спальню. Мы разделись, и Айлин сказала одну из пяти выученных ею русских фраз: «Я лублу тебя». Эрекции у меня как не бывало. Но тут, на мое счастье, зазвонил телефон. Часы показывали полвторого ночи.

Я поднял телефонную трубку и с притворным раздражением сказал: «Хеллоу».

— Здорово, Боря, — ответил мне звонящий из Москвы знаменитый артист Исаак Розен. — Тут ребят наших у вас взяли. Да ты знаешь одного — Беслика Бароева. Ты уж помоги, чем можешь. Запиши телефон человека, который в курсе дела. Позвони ему завтра утром.

Я не решился спросить Розена, какого черта он звонит мне посреди ночи. Когда открылся железный занавес и русские получили возможность приезжать в Америку, я столкнулся еще с одной чертой русского хамства. Русские звонили тогда, когда им было удобно. Им было наплевать, что в Америке ночь, а некоторые, казалось, даже не подозревали, что разница во времени между Москвой и Нью-Йорком составляет восемь часов.

Осетина Беслика я встречал несколько раз в Москве. Он приходил в эстрадную студию «Столица», где Исаак был художественным руководителем. Я не знал, по каким делам приходил туда Беслик — певцом или артистом он не был. Часто он сопровождал знаменитого криминального авторитета Роберта Папашвили, но кем он был в команде Роберта, я не знал. Однажды, находясь в офисе «Столицы», я зашел по малой нужде в туалет. Выхожу и вижу — по коридору идет Беслик. Протягивает мне руку для рукопожатия и вдруг отдергивает:

— Ты же только что в туалете был!

Я растерялся и сказал:

— Вообще-то, Беслик, я руки после посещения туалета мою.

Но Беслик не передумал, и рукопожатие не состоялось. Один раз я с Бесликом летел одним самолетом из Нью-Йорка в Москву, но наши места были в разных салонах, и общались мы мало. Беслик был громадного роста, со сломанным носом и нечистым лицом. Он выглядел да, наверное, и был свирепым бандитом.

В «Столице» я встречал очень разных людей: знаменитых артистов, певцов, конференсье, а также спортсменов — борцов, боксеров, хоккеистов. Ну и Роберта с Бесликом.

Я положил трубку и повернулся к Айлин.

— И кто же звонит в такое время? Судя по всему, кто-то важный из Москвы.

— Да, это был Розен.

— Скажи, а почему ты Розену позволяешь то, что никому другому не позволил бы?

— Много дел в России завязано на Розене, у него связи везде — от президента до самых крупных преступников.

— Так что, секса уже не будет? Тебя уже Розен трахнул?

— Айлин, ну почему ты опять должна все проговаривать?! Будет секс, будет. Только завтра, не сегодня.

— Какой ты глупый! Звонок русского мафиози забрал у тебя несколько минут счастья, а тебе все равно. Ну, допустим, заработаешь ты на этом деле несколько тысяч долларов. Что ты на них должен купить, чтобы получить столько же счастья, сколько тебе даст секс с женой, которая тебя любит?

— Но мне ведь надо кормить жену, которая меня любит! И ребенка, которого мы любим. Ведь ради вас я снимаю телефонную трубку в два часа ночи и не посылаю звонящего на хер. Ради вас я положил на алтарь еще одну ночь любви.

Айлин хрюкнула и повернулась лицом к стенке. Перед тем как заснуть, я услышал, как она проворчала:

— Нет, в России все еще понятия не имеют о часовых поясах! Долбаная страна! * * *

К десяти часам утра я был в уголовном суде в Манхэттене. В предбаннике нашел Беслика, сделал вид, что очень рад его видеть. Беслик оборвал меня:

— Чего ты со мной первым здороваешься? Не видишь, вот человек сидит, с ним первым и здоровайся.

Беслик кивнул на маленького щуплого человечка лет пятидесяти, с тонкими усиками на щербатом лице. Я протянул руку, представился. Он протянул свою:

— Леван.

— Ты Левану в основном помогай, — сказал Беслик. — А меня уже во вторую очередь толкай.

— Беслик, у каждого должен быть свой адвокат. Я не имею права представлять вас обоих, мне судья не разрешит.

— Ну и где второй адвокат? — агрессивно спросил Беслик.

— Откуда я знаю? Мне ночью Исаак позвонил, попросил помочь. Я ведь уголовными делами не занимаюсь, пришел только на первое слушание, а там вам наймут настоящих уголовных адвокатов.

— Хули ты мне паришь? — нотой выше, чем хотелось бы, сказал Беслик. — Ты делай все что нужно, за бабки не беспокойся, но чтоб мы отсюда сегодня же вышли. И чтоб котел отдали и одежду. Котел уже, наверное, эти суки помыли — золотой «Ролекс». Ладно, хер с ним, с котлом.

Я сказал Беслику, что вернусь со вторым адвокатом. Позвонил связному, чей телефон дал мне Исаак, обрисовал ситуацию, сказал, что могу привести второго адвоката, но деньги нужны сразу. Договорились встретиться через час в моем офисе, который находится в пяти минутах ходьбы от уголовного суда.

— Сигарету дай, — потребовал Леван перед тем, как я вышел.

Я дал.

Придя в офис, начал звонить знакомым уголовным адвокатам. Наконец нашел свободного — толстяка Хайми. Хайми был средним адвокатом, никаких громких дел никогда не вел, но тем не менее в нашем здании — а у нас почти все помещения занимают адвокаты — считался надежной рабочей лошадью. Хайми запросил за поход в суд пятьсот долларов.

Связной, ничем не примечательный парень лет тридцати, пришел не один: его сопровождал качок. На качке была кожаная куртка, под которой вздымалась могучая грудь. Когда он снял куртку, я увидел громадные бицепсы, натянувшие рукава футболки до предела. Про себя я удивился, как таким вообще визы дают. Связного звали Рома, качка — Славик. Они дали пятьсот долларов для Хайми. Я спросил насчет своего гонорара.

— Беслик рассчитается, когда выйдет, — сказал Рома.

— Я не думаю, что он сегодня выйдет. Я просмотрел показания фэбээровцев, там серьезно — киднеппинг. Их вряд ли выпустят под залог, а если и выпустят, то под очень большой залог. Речь может идти о десятках, если не сотнях, тысяч долларов. Люди, которые будут вносить залог — деньги или недвижимость, — должны быть безупречно прозрачными — их будут проверять. Но в любом случае это произойдет не сегодня.

— Ладно, мы подойдем через пару часов, — сказал Рома.

Когда Хайми прочитал обстоятельства ареста, он прямо в суде прошипел:

— Какие пятьсот долларов?! Ты что, не видишь, на сколько это дело тянет?

Я объяснил Хайми, что он нужен всего лишь на одно слушание, что его и меня заменят, что заработать пятьсот долларов за час работы тоже не кисло, особенно когда нечего делать.

Первое слушание почти всегда посвящено одной теме — залого. На слушании мы с Хайми рассказали, что наши клиенты добропорядочные бизнесмены и что, очевидно, вышло большое недоразумение, поскольку какой может быть киднеппинг человека, с которым у наших клиентов самые добрые отношения. Просто жена Армена (человека, которого якобы катали против своей воли Беслик и Леван в его же собственном автомобиле) разволновалась, когда ее муж не вернулся через два часа, и вызвала полицию, а наши клиенты не говорят ни слова по-английски, отсюда и досадное недоразумение.

Прокурор выслушал все это и сказал:

— Вполне возможно, ваша честь, перед вами люди, приехавшие совершить заказное убийство. Выпустить их было бы большой ошибкой. Давайте сперва разберемся, кто они такие, прежде чем принимать решение, выпускать ли их под залог, и определять сумму залога.

— Разумно, — подытожил судья и назначил следующее слушание через неделю. * * *

Всю следующую неделю местная братва занималась поисками адвокатов. Я решил ни при каких обстоятельствах не принимать в этих поисках участия, понимая, что в случае успеха лавры мне достанутся небольшие, а вот в случае провала хлопот не оберешься. Провал казался вполне реальным. В течение недели я несколько раз заходил в тюрьму проведать Беслика и Левана. Моральное состояние моих подопечных было ужасным, особенно Беслика. У него была малоаппетитная привычка — давить прыщи на лице. За неделю его лицо превратилось в настоящий гнойник. Беслик громко ругался матом и доказывал мне свою невиновность. Я пытался объяснить Беслику, что верю ему на все сто, но беда в том, что я не судья и не прокурор. Я просил его рассказать, как было дело, но из Бесликовых криков ничего

не мог понять. Что бы я ни спрашивал, Беслик орал, что не может больше сидеть. Во время третьего визита я сказал ему:

— Беслик, или ты начнешь сам себе помогать, или дело будет плохо. Ты понимаешь, в чем тебя обвиняют? Тебе шьют киднеппинг. Я знаю, что у вас не было никакого оружия, но даже без оружия за киднеппинг можно получить несколько лет тюрьмы.

— Какая, блин, тюрьма? Я же тебе ясно сказал, что ничего мы этому пидору не сделали, а он, сука, с Шихманом бабки украл. Выйду — урою. И Шихмана, и Армена, козла гребаного.

— Беслик, расскажи все по порядку. Кто такой Армен, кто такой Шихман? Кто у кого что украл?

— Они думают, что с общака можно бабки украсть и удрать в Африку? И в Африке достанем! Козел вонючий! Пидор долбаный! Не могу я здесь больше сидеть! Тут один русский пацан есть, он сказал мне, что менты удивляются, чего я здесь сижу.

Не один раз я слышал эту фразу — «сами менты удивляются, чего я сижу, ведь против меня ничего нет». Очевидно, «менты» используют этот прием для успокоения заключенных. Они делают вид, что солидаризуются с ними во время предварительного заключения, всячески поддерживая в заключенных мысль, что дело против них гнилое и рассыплется еще до суда. Потеряв бдительность, некоторые заключенные не только тише себя ведут, но и с адвокатами особенно не работают — чего бабки тратить, если все равно дела нет?

На одном из свиданий Леван попросил меня передать Буряту, что он сидит и чтобы Бурят подождал кого-нибудь в помощь, потому что видит, что он никому «на хер не нужен». Он также попросил довести до сведения местной братвы, что, как только выйдет, пасть порвет каждому за то, что медленно вытаскивают его из тюрьмы. Я спросил Левана, через кого мне найти Буряту и кому передать про пасть. Он сказал, что Буряту можно найти через Веню, а для остального вполне сгодится хозяин ресторана «Прибой». * * *

Веня пользовался большим авторитетом среди брайтонской братвы — он имел какие-то дела с итальянцами. Телефон Вени мне дал связной Рома. Когда я позвонил Вене и произнес слово «Бурят», он повесил трубку. Через некоторое время он мне перезвонил и сказал, что надо быть осторожным и не бросаться словами по телефону. К вечеру он заехал ко мне в офис.

Веня был крупный носатый парень, его запястье украшал массивный золотой «Роллекс», а лицо — большие, один к одному, вставные зубы. Выглядел Веня не как бандит, а как крупный жулик. Он не матерился, был вежлив, хотя и сразу перешел на «ты». Веня только что отмазался от большой неприятности, связанной с бензином. Ему грозило много лет тюрьмы, но адвокат его спас. Звали адвоката Джон Бэйкер. Ему теперь Веня молился и его именем клялся. Веня сказал, что Бэйкер будет защищать Беслика, а для Левана он найдет такого же сильного адвоката.

Джон Бэйкер жил на Ист-Сайде, в районе девяностых улиц. Как и Веня, Джон был обладателем золотого «ролллекса» и больших протезных зубов. Он не курил, но говорил хриплым, прокуренным голосом. Был он невысокого роста, плотный, лет ему было примерно сорок пять. Даже у себя дома одет Джон был безукоризненно — дорогие брюки, рубашка в крупную синюю полосу, правда, без галстука, золотые запонки. До частной практики Джон в течение десяти лет работал помощником прокурора в Бронксе. Джон радушно принял меня, предложил кофе. Мы сели в гостиной. Из других комнат доносились голоса детей. Через несколько минут пришел коллега и друг Джона адвокат Барри Арнитц. Барри был одет скромнее, но зато элегантнее, чем Джон: на нем был серый костюм, белая сорочка и аккуратно завязанный темно-синий галстук в белую горошину.

Вскоре подтянулись Веня, Рома и Славик. Веня и Джон расцеловались. Потом несколько секунд постояли, похлопывая друг друга по плечам, глядя друг на друга и улыбаясь. Потом снова обнялись и расцеловались. Я позавидовал Джону: таких отношений с клиентами я еще не наработал.

С преувеличенным вниманием, вытащив блокноты и ручки, Джон и Барри выслушали десятисекундный отчет Вени о том, что произошло. Веня знал гораздо меньше, чем я, и я решил его дополнить. Я рассказал Джону и Барри, что Беслик и Леван явились к Армену в его коннектикутский дом, усадили в его же автомобиль и поехали кататься. Через два часа жена Армена позвонила в полицию и ФБР. Она дала номер и марку машины, и вскоре полицейские обнаружили соответствующий описанию автомобиль припаркованным недалеко от дома. Полицейские пристроились для наблюдения за углом, потушив огни. На всякий случай они вызвали подкрепление. Через несколько минут подъехали и фэбээровцы, а затем невдалеке зажужжал вертолет. Беслик и Леван не знали, что в Америке вертолет просто так над тобой не жужжит.

Очевидно, жена Армена не жалела красок, описывая Беслика и Левана, потому что брали их жестко. Как рассказывал Беслик, все двери машины были распахнуты одновременно, и он увидел «амбалов с автоматами и еще одного амбала, стоящего на капоте с прожектором в одной руке и автоматом в другой». «Амбалы» в одну секунду выдернули Беслика и Левана из машины и повалили их на землю, заломив руки за спину. Как следовало из протокола показаний потерпевшего, Армен успел сказать фэбээровцам:

— Спасибо, вы спасли мне жизнь.

Джон и Барри переглянулись и хором сказали:

— Аванс двадцать пять тысяч с каждого. Это гонорар до суда.

— Они стоят этих денег, — сказал Веня. — На моем суде Джон делал из прокурора что хотел.

— Вечером мы принесем бабки, — сказал Рома. — И чтоб завтра утром вы уже были у Беслика и Левана в тюрьме.

— Ну вот и хорошо, — обрадовался я. — Теперь я вам больше не нужен, дело в надежных руках специалистов.

— Как это не нужен?! — вскричал Рома. — Ты думаешь, Беслик и Леван поймут хоть слово из того, что эти двое будут им заливать?

— Ну, раз я нужен, тогда принесите и мне бабки, — сказал я. — Для начала десять штук, а там видно будет.

— Я же сказал, Беслик с тобой расплатится, — начал раздражаться Рома.

К тому времени я практиковал уже восемь лет, и любые уговоры подождать с оплатой у меня автоматически, как говорят американцы, «падали на глухие уши». Расклад мне стал понятен — дела Беслика и Левана плачевны, Исаак больше из Москвы не звонил, да он и не подписывался платить за мои юридические услуги. Я сказал Роме:

— Делайте что хотите, но без десяти тысяч вы меня больше не увидите. Я уже и так потратил кучу времени на походы в тюрьму, на судебное заседание, да и сейчас я здесь не ради своего удовольствия. Я проявил свою добрую волю, а вот вы еще нет. Я буду у Джона вечером, когда вы принесете деньги. Если вы заплатите, завтра я еду с Джоном в тюрьму, а нет — Джон поедет один, а вы потом с Бесликом сами объясняйтесь.

Все это я перевел Джону и Барри, которые быстро уловили, что без меня их миссия (а следовательно, и гонорар) были под угрозой. Джон посмотрел на Веню, Веня медленно моргнул, и Джон обратился к Роме и Славику.

— Нам очень нравится работать с Борисом, — красивым голосом сказал Джон, делая ударение на первый слог в моем имени. — Мы ему доверяем и хотим, чтобы он был в команде.

Я подумал, что на суде присяжные слушают Джона раскрыв рот. Он был из тех адвокатов, которые на простом человеческом языке рассказывают присяжным, как все случилось «на самом деле», как будто он при этом присутствовал. У каждого адвоката свой почерк, свой способ общения с присяжными. Знаменитый Барри Злотник обычно объясняет присяжным как бы с профессорской кафедры, почему прокурор так и не смог доказать вину его клиента. Джон, в отличие от Барри, не ставит себя выше присяжных, наоборот, он наравне с ними. Злотник делает паузы в речи, Джон замолкает только по приказу судьи.

Вечером я получил десять тысяч долларов, и мы с Джоном и Барри, которым вручили на двоих пятьдесят тысяч, договорились отправиться на следующий день в тюрьму.

Дома я рассказал Айлин о новом деле, описал ей Беслика, Левана, Рому, Славику, Колю и американских адвокатов Джона Бэйкера и Барри Арнитца.

— Эти русские опасные типы, — сказала Айлин. — Выйди из дела. Ты ведь уже выполнил просьбу твоего влиятельного друга из Москвы. Достаточно! Выйди из дела!

— Они, кстати, не русские. Беслик — осетин, а Леван — армянин.

— А, ну тогда другое дело, — язвительно сказала Айлин. — Только я помню, ты сам рассказывал, что кавказцы еще опаснее. Что ты о них знаешь? Знаешь ли ты, как они ведут себя в разных ситуациях? Ведь они как дикари, оказавшиеся в незнакомой среде. Вместо того чтобы быть тебе благодарными за то, что ты навещал их в тюрьме, что ты пытался им помочь, они думают, что ты делал это из слабости. Помяни мои слова — ты пожалеешь, нет — мы все пожалеем, если ты не избавишься от этого дерьма.

— Ну а что насчет Джона и Барри? Они американские адвокаты, а не этнические, как я. Сегодня их клиенты осетин и армянин, в прошлом месяце они защищали итальянских мафиози, а завтра будут защищать каких-нибудь китайских бандитов. Лишь бы клиент платил, остальное их не касается. И почему ты называешь уголовное дело дерьмом? Тогда любое уголовное дело — дерьмо. Клиенты платят именно за то, чтобы мы их вытаскивали из дерьма.

— Джон и Барри — особые люди. Вспомни «Механический апельсин» — там бандиты становятся полицейскими. Случайно получилось так, что Джон и Барри стали адвокатами, но запросто могли стать и бандитами — у них психология такая. Не волнуйся за Джона и Барри — они запросто найдут общий язык с Бесликом и Леваном. Ты — нет. * * *

Наступило утро, и я уже собирался выезжать из дома, когда позвонил Джон и сказал, что Беслика и Левана перевели в Коннектикут по месту совершения преступления. Джон обещал выяснить, в какой именно тюрьме находятся клиенты, и перезвонить. Я тут же сообщил Роме эту новость и предупредил, что скорее всего потребуются коннектикутские адвокаты. Рома присвистнул и назначил встречу у меня в офисе на два часа дня. Пришел он, как всегда, со Славиком и совсем молодым парнем в спортивном костюме и куртке. Парня звали Коля. Рома сказал, что Коля только что прилетел из Москвы, чтобы оказать поддержку Левану. Коля был гораздо меньше качка Славика, хотя чувствовалось, что он очень крепкий парень. У него было особенное лицо. У Славика было лицо чемпиона спартакиады, у Коли было лицо убийцы. Не маньяка, не психа, а профессионального убийцы. Славик реагировал на жизнь

вокруг, мог улыбнуться, пошутить. Коля был нейтрален. Слушал он внимательно, но сосредоточенность ничем не выдавал, просто смотрел на меня и слушал. Он не хмурил брови, не переспрашивал, не уточнял, не делал никаких лишних движений руками. Выслушав мой доклад о состоянии дел, он встал и ушел. Рома и Славик расслабились.

— Ну, что будем делать? — спросил Рома.

— Думаю, что вам нужно искать хороших адвокатов в Коннектикуте. Желательно из бывших прокуроров, которые знают расклад, знают прокурора, который будет вести дело, знают судью, в общем, местных тяжеловесов. Даже если Джон и Барри лицензированы в Коннектикуте, в чем я сомневаюсь, я бы все равно взял местных адвокатов. Но я никого там не знаю.

Через пару часов позвонил Джон Бэйкер и сказал, что завтра утром мы едем в Коннектикут.

— Ровно в восемь отъезжаем, — сказал Джон. * * *

Вечером я исполнил просьбу Левана и поехал в «Прибой» рассказать хозяину Сереже Карповичу о наказании, которое ждет братву за лень и халатность. Еле упросил Айлин поехать со мной, так как не знал, придется ли мне выпить с Сережей. Айлин сначала отказывалась, потом накричала на меня:

— Ты же знаешь, я ненавижу этот ресторан! Из-за тебя я стану русофобкой. Невыносимо смотреть, как русские прожигают жизнь — напиваются до смерти, танцуют, потя как свиньи, свои идиотские танцы — смесь рока с гопаком времен Ивана Грозного. К счастью, я не понимаю по-русски — слушать, о чем они говорят, было бы просто невозможно. Да и все равно ничего в этом ресторане не услышишь из-за грохота, который вы называете музыкой!

— Айлин, я ведь еду по делу. Если бы не дело, «Прибой» был бы последним местом на земле, куда я хотел бы пойти. Давай одевайся — пора выходить.

— Нет, Борис, ты туда едешь не просто по делу. Что-то в этом ресторане тебя притягивает как магнит, я только не знаю, что именно. А ты знаешь, почему тебя туда тянет?

В чем-то Айлин была права. С одной стороны, пошлость русского кабака и его посетителей меня раздражала, но с другой — вид накрытого стола с расставленными тарелками и приборами, вазочками с соленьями, ведерком со льдом, из которого торчит бутылка водки, певица, готовящаяся запеть русские эстрадные песни с неимоверно пошлыми словами, — все это меня притягивало, манило, обещало что-то, чего я когда-то недополучил. Айлин недаром испытывала отвращение к русским кабакам — в них витал соленый русский секс, сладко пахло русское блядство. Американка, мать моего ребенка, чувствовала, что мое предательство начнется в русском кабаке с селедки, квашеной капусты и глупой песни.

Я знал Сережу Карповича и раньше. Он пользовался уважением в общине как правильный, живущий по понятиям бизнесмен. Конечно, сидел, еще в Союзе. Сережа накрыл стол на втором этаже. Поскольку была пятница, на первом этаже шло шоу — банкеты с тостами. Тетя Маня поздравляла Миланочку с батмицвой и дарила ей песню «Миллион алых роз». Какой-то еврей, отмечавший пятидесятилетие и успевший сделать бабки уже на первой фазе перестройки, нанял баб в кокошниках, которые, пока оркестр отдыхал, пели частушки с переделанными под его биографию словами. Друзья еврея поздравляли его, будто официально чествовали первого секретаря обкома в крупном украинском городе в середине шестидесятых. Отмечались его инициативность, принципиальность, честность. Снова грянул оркестр, поздравляя Левочку и Ниночку с серебряной свадьбой. Только оркестр отыграл про негаснущий костер, зазвенели балалайки, и через боковой вход бабы в кокошниках внесли в зал на руках... еврея-юбилера.

Я удивился режиссуре: ведь еврей пять минут назад гулял вместе со всеми своими друзьями за одним столом. После того как бабы водрузили его на стул, а стул вместе с евреем балалаечники поставили на стол, стало ясно, чей праздник главнее. Опять пошли тосты про честность и принципиальность еврея с пожеланиями богатырского здоровья и кавказского долголетия. Балалаечники затянули а-ля народную песню со словами «Ай ты наш еси, Лазарь Иосифович!». В песне перечислялись былинные подвиги Лазаря Иосифовича. Из слов стало ясно, что на каких-то переговорах Лазарь Иосифович ловко обкрутил американскую компанию и заставил ее подписать контракт с украинцами. За столом еврея не смеялся никто.

Не смеялся и Сережа, вместе со мной взиравший сверху на все это действие. Его единственный комментарий был:

— Видать, этот Лазарь бабки неплохие срубил!

Я давился от смеха, глядя на Лазаря Иосифовича, и пытался объяснить Айлин смысл происходящего. Айлин даже не улыбнулась. Затем Сережа вспомнил, по какому поводу я пришел.

— Ну что там с твоими орлами? — буднично спросил он.

— Надоело им сидеть, говорят, местная братва им не помогает. В России, мол, они бы уже давно на свободе были. Леван обещал разобраться, когда выйдет.

— Не понял, — сказал Сережа. — Адвокатов им наняли, что еще мы можем для них сделать? Здесь не Совок, я что — побегу судье взятку давать? Ты бы объяснил им, что здесь совсем другой расклад.

— Я уже давно это сделал, но мне кажется, они не могут врубиться в ситуацию. Сережа, им грозит большой срок, но как только я начинаю говорить о серьезности положения, у них тут же блок возникает — они и слушать ни о чем не хотят, повторяют, что ничего не сделали и шить им нечего.

— Боря, чем я могу им помочь? Ты знаешь, что я с судьями в гольф не играю. Честно говоря, они мне уже осточертели. Ведут себя как-то несолидно. Угрозы Левана мне по барабану, но раз он так поставил дело, то пошли они оба на хер. Срань поганая.

— Что мне им сказать?

— Скажи что хочешь. Скажи, что не нашел меня. Заказывай, не стесняйся, и не вздумай платить. Эй, Гоша, чтоб на этом столе все было по высшему разряду, сам проследи. И счет мне принесешь. Даже типов (с ударением на последнем слоге) не брать!

— Айлин, тебе нравится еда в нашем ресторане? — спросил он вдруг Айлин по-английски.

— Очень вкусно! — ответила Айлин.

— Хорошую ты себе бабу нашел, хоть и американку, — вздохнул Сережа. — Ну, отдыхайте.

Сережа отошел, и к нашему столу тут же подсел какой-то человек, который сказал, что узнал меня и хочет задать всего один юридический вопрос.

— Можно? — жалобно спросил он.

— Задавайте.

— Я приехал в Америку четыре года назад. Родился я в Ленинграде, но во время войны мою

семью эвакуировали в Казахстан.

— Итак, ваш вопрос.

— Сейчас, я же должен рассказать вам свою историю, иначе вы вопроса не поймете.

— Понимаете, я здесь с женой. Она американка, нас не понимает, и ей уже очень скучно. Можно, вы мне расскажете свою историю в другой раз?

— Так это ваша жена? — Ленинградец встал, взял руку обомлевшей Айлин и поцеловал ее.

— Хороший у вас муж, очень хороший. Можно я с ним немножко поговорю? — сказал ленинградец на ломаном английском. — I speak to your husband. OK?

— No, not OK! — закричала Айлин, поскольку оркестр начал играть. — My husband and me go home.

Айлин схватила меня за руку и потащила к выходу. На тарелках остались шашлык, семга, балык, соленья и прочие деликатесы.

Мы выскочили из ресторана. Вокруг шумел и вонял пищевыми отходами Брайтон. Евреи и китайцы закрывали лавки, утрамбовывали мусор в громадные мешки, с грохотом опускали ставни лавок. С еще большим грохотом над Брайтон Бич-авеню проползал сабвей. Свежие, нарядные евреи входили в рестораны, а их уже накачанные, размазанные, растрепанные и вспотевшие от танцев собраты оттуда выходили. Американская мечта — русская жратва и русское веселье при американских конституционных правах — осуществлялась на глазах.

Валет подкатил мою синюю «Альфа-Ромео», я сунул ему пятерку, открыл для Айлин дверь, залез сам и со злостью врубил первую, доведя предварительно обороты до трех тысяч. Айлин дернулась назад:

— Fuck you, Boris.

Мы выехали на Белт Парквей и помчались к мосту Верразано.

— Борис, выйди из этой игры, — сказала Айлин, закуривая.

Айлин очень редко курила, одну-две сигареты в месяц.

— Это ты так говоришь потому, что насмотрелась моих соплеменников, — ответил я, сбавляя скорость. Я не был пьян, но быть остановленным полицией все равно не хотелось. — Ну ладно, они представляют собой не лучшее зрелище, а ирландцы в своих барах, ты думаешь, гораздо лучше? Тоже, наверное, напиваются, только не водкой, а скотчем. Те же сорок градусов. Ну не танцуют они при этом, а сидят в твидовых пиджаках и бухают виски не залпом, а маленькими глоточками. Просто образ ирландца в баре тебе ближе, чем образ танцующего русского еврея, или, что еще хуже, еврейки.

— Ты еще из меня антисемитку сделай. Я не пытаюсь настроить тебя против твоих соплеменников, не в них дело. Бывает так — зайдешь в какое-то место и сразу понимаешь, чем это место дышит. В ирландском баре свой дух, в русском ресторане — свой. Веселятся или грустят и там, и там. Но в русском ресторане пахнет еще и преступностью. Может быть, это шальные деньги, может, супердорогие шмотки и драгоценности, может, икра на каждом столе, может, заказы песен оркестру — я видела, как главному в их оркестре дали сто долларов за заказ песни. Везде деньги, деньги... И еще — ирландцы не выпендриваются, они сидят тихонько и пьют, играют в карты. А в русском ресторане все друг перед другом выпендриваются. Даже ты выпендривался.

— С чего это ты взяла?

— Слишком часто волосы приглаживал и галстук поправлял. По сторонам зыркал. Не по-ирландски это.

— Я уже сам себе противен. Но при чем тут дело Левана и Беслика?

— При всем, Борис. Для тебя это очередной выпендрейж, а не профессиональная практика. Вот ты сейчас разговаривал с хозяином ресторана об этом деле. Что именно ты хотел с ним обсудить? Только честно.

— Я передал ему, что Леван попросил подключить к делу некоего Бурята и что он недоволен, считая, что работа по их освобождению ведется недостаточная.

— Ну, тут твой Леван эксперт. Он уж точно знает, какая работа достаточная, а какая нет. А кто такой Бурят? Суперадвокат?

— Нет, это вор в законе.

— Объяснишь?

— Бурят — это как крестный отец, но крестный отец командовал только членами своей семьи, а Бурят командует крестными отцами различных криминальных группировок.

— У итальянцев это капо де тутти капи, если ты помнишь Пьюзо.

— Вот Бурят и есть капо де тутти капи.

— А ты хочешь стать консьюери при какой-нибудь группировке? Или при самом Буряте? Честно — хочешь?

— Не знаю.

Айлин рассмеялась.

— Борис — консьюери! — залилась она пуще прежнего. — Как романтично!

— Сейчас обижусь, — сказал я и тоже рассмеялся.

— Если откажешься от участия в деле, можешь меня трахнуть прямо сейчас, в машине, — сказала Айлин, перестав смеяться.

Она обняла меня левой рукой. Мы проскочили мост Верразано, и вместо того чтобы выйти на шоссе 95, я съехал куда-то в сторону, попетлял несколько минут по улицам незнакомого городка и остановился на пустыре. Там в машине мы и занялись любовью. «Альфа-Ромео» оказалась хороша не только для быстрой езды.

Мы добрались домой к полуночи. Так как мы почти ничего не ели в ресторане, то Айлин сразу же полезла в холодильник, достала оттуда ветчину и сыр и сделала бутерброды с чаем.

— Ты принял правильное решение, — сказала Айлин. — Все целее будут. К сожалению, романтично только в книгах бывает, а в жизни все гораздо прозаичнее, скучнее. Да и в «Крестном отце» тоже не так уж весело. Дон Карлеоне теряет старшего сына, Майкл убивает своего родного брата-предателя и мужа сестры. Большая романтика.

Айлин вздрогнула всем телом, показывая отвращение к такой романтике.

— Хотя это и не мое, а твое решение, я к нему присоединяюсь. На прошлой неделе на

Брайтоне произошел дикий случай. В подъезде своего дома был убит выстрелами из пистолета бандит Поплавский. Но убили его вместе с сыном, тоже бандитом. Успел ли Поплавский-старший перед смертью понять, что он наделал всей своей поганой жизнью? Увидел ли в последнее мгновение своей жизни смерть собственного сына? Понял ли он перед смертью, что смерть сына — его вина? Для чего его жена рожала ему сына? Это самая страшная история, которая произошла на Брайтоне. — Ты правильно сделал, что решил выйти из этого дела, — повторила Айлин. Потом заплакала и обняла меня.

Несмотря на поздний час, я позвонил Роме и сказал, что из дела выхожу, а десять тысяч отдам завтра. Сонный Рома никак не отреагировал на мое заявление. * * *

Я крепко спал и еле услышал звонок телефона. Это был Розен.

— Не понял, — сказал Розен вместо приветствия. — Что значит ты выходишь из дела?

— Исаак, не мое это дело, — сказал я. — Я не уголовный адвокат и ничем помочь ребятам не могу. Ничем. Я сделал все что мог, дальше мое участие бесполезно.

— Боря, — мягко заговорил Исаак. — Ты прекрасно знаешь своих американских коллег. Дело даже не в том, сколько денег они берут за свои услуги, а как они эти деньги отработывают. Ты же сам мне рассказывал, что за ними глаз да глаз нужен.

— Когда это я такое говорил?

— Говорил, а не ты, так кто-то другой говорил. Не это важно. Ведь не будут они без тебя относиться к этому делу серьезно. Загудят ребята, хотя ничего они, насколько я знаю, и не сделали. В Москве их даже не арестовывали бы.

— Исаак, мы не в Москве, к тому же я не думаю, что Москва в этом плане может служить образцом. Ты знаешь, что в Москве происходит, сам мне рассказывал.

— Боря, на Беслике и Леване очень многое завязано. Ты не смотри, что они простые ребята. Это только с виду они простые. У Левана все братья в Нагорном Карабахе полегли, он один все свое село кормит. Три сотни людей от него бабки получают. А Беслик, ты что думаешь? Когда скинхеды еврейский погром устроить хотели, ко мне пришел Беслик со своими людьми и говорит: «Исаак, ни один волос с твоей головы не упадет, ни твоя жена, ни один из твоих детей не пострадают». Расположились табором на моем участке, пять дней у меня жили. Я кормил сорок человек, никто из них даже пива не выпил, все были трезвые как стеклышко. Хорошо, что у меня участок большой, да ты помнишь.

Я вспомнил участок Розена. Настоящий парк культуры и отдыха. Там не то что сорок — там четыреста человек разместить можно.

— И ты хочешь, чтобы я таких ребят бросил на произвол судьбы?

— Так и не бросай их, Исаак, — неуверенно сказал я.

— Ты знаешь, Борис, что я приехать к вам не могу. (Это было правдой, в визе Исааку отказали уже пять раз.) Я могу участвовать и помогать только через тебя. Ты участвуешь — значит, и я участвую. Ты выходишь — значит, я вышел. У нас так с друзьями не поступают.

Мы попрощались. На сердце было тяжело. Айлин не спала, лежала с открытыми глазами. Она поняла, что говорил я с Розеном. Она также поняла, что из игры я не выхожу. * * *

У Джона был огромный «Кадиллак». Я сел рядом с ним, Барри Арнитц разместился на заднем сиденье. Адвокатам никогда не скучно вместе, у каждого есть боевые истории. Джон представлял многих итальянцев, включая знаменитых мафиози. Рассказывал он живо, в

лицах, ловко копируя то судью, то клиента-бандита, то самого себя. Затем он и Барри долго расспрашивали меня о русских, какие у них порядки, что представляет собой русская мафия. Я сказал, что русской мафии в Америке не существует, поскольку под мафией подразумевается тесное сотрудничество, разумеется через коррупцию, с властями. Насколько мне было известно, русские никого в Америке не успели подкупить, а значит, и мафии нет. Да, есть разные группы, занимающиеся кто рэкетом, кто бензином, кто проституцией, но все это делается без покровительства властей. Барри Арнитц сказал, будто слышал, что русские самые безжалостные и что итальянцы как убийцы им в подметки не годятся.

— Итальянцы — джентльмены, — сказал Барри. — Они никогда не убивают жен и детей соперников. А русские, я слышал, могут.

— Ни хера себе джентльмены! — сказал Джон. — Ты помнишь Винни-Мясорубку из семьи Фальконе?

Я любопытствовал, чем знаменит Винни и откуда такое прозвище.

— Винни отрезал мизинец у владельца мясного цеха, прямо там же заставил работника прокрутить отрезанный палец через мясорубку, а потом скормил его владельцу. Но это было давно, еще в шестидесятых. А в семьдесят пятом он замочил всю семью, включая бабушку, одного стукача и куда-то смылся. Наверное, его тоже убили, потому что то, что он сделал, никому не понравилось.

— Ну вот видишь! — сказал Барри. — Я же говорил, что итальянцы большие джентльмены, чем русские.

— Хорошо, Барри, ты прав. По мне, все они друг друга стоят. Ты еще китайцев вспомни. Те с тебя кожу живьем снимут. Борис, ты лучше расскажи нам про твоих друзей, Беслика и Левана.

Я рассказал что знал про Беслика. Особенно в подробности не вдавался, общих друзей и знакомых не называл, но дал понять, что знаком он мне еще по Москве. Леван крупная фигура в уголовном мире, но не вор в законе. Насколько я понял, Леван был авторитетом, что рангом ниже.

Веня говорил с Джоном о Буряте.

— Веня чуть ли не вставал, когда упоминал его имя. Какой его чин в вашей табели о рангах? — спросил Джон.

Я сказал, что читал про него, но никогда не встречал.

— Вот он вор в законе, — добавил я.

«Кадиллак» въехал на территорию тюрьмы. Мы предъявили удостоверения, прошли в зал ожидания. Там, к своему удивлению, я увидел Колю и подивился его расторопности. Отметил про себя, что среди бандитов тоже есть обязательные, организованные люди. Коля подошел и сказал, что встретиться с Леваном ему не удалось и чтобы я ему обязательно передал, что он здесь. Я еще раз подивился, как легко и быстро американское консульство может выдавать визы, когда захочет. У какой-нибудь старушки, желающей проведать внучку в Чикаго, душу вынут, требуя доказать экономическую связь с родиной, и в итоге визу не дадут, а вот Коле моментально дали. Интересно, какую связь с родиной продемонстрировал Коля? На какую конференцию он вылетел в срочном порядке? Или, что совсем уж невероятно, неужели у братвы есть люди, в чьих паспортах проставлены американские визы просто так, на всякий случай? А может, Коля агент КГБ? Уж больно шустро он разобрался с ситуацией.

Так же шустро добрался сам до Коннектикута. Мои мысли прервал голос охранника — он пригласил Джона и меня зайти в отдельную комнату, где адвокаты встречаются с клиентами.

Через несколько минут в комнату ввели Беслика. На нем был синий тюремный комбинезон. Его лицо превратилось в кровавое месиво — очевидно, Беслик очень нервничал и на этой почве расковырял себя с особой жестокостью. Я представил Джона Беслику. Джон вытащил из портфеля блокнот и приготовился записывать.

— Вытащите меня отсюда, — начал Беслик.

— Что он сказал? — живо спросил Джон.

Я перевел.

— Я лучше в Нью-Йорке сидеть буду, здесь мне конец. — Беслик перешел на крик, и охранник открыл дверь и заглянул в комнату:

— У вас тут все в порядке?

Я успокоил охранника и сказал Беслику, что если он будет кричать, встречу могут отменить. Я также постарался объяснить ему, что в его интересах активно сотрудничать с Джоном, дать ему как можно больше информации.

— Итак, начнем по порядку. Фамилия, имя, семейное положение, адрес, гражданство, — начал задавать вопросы Джон.

Образование у Беслика оказалось среднее, а по профессии он себя считал бизнесменом, что и понятно. Однако описать свой бизнес Беслик затруднился. Чем конкретнее вопросы задавал Джон, тем труднее было Беслику на них отвечать.

— Как вы зарабатываете деньги? — спросил Джон, затем поправился: — Как вы официально зарабатываете деньги?

— Ну, у меня есть доля в казино.

— Это все? — мягко настаивал Джон. — Понимаете, я задаю вопросы не из любопытства, мне надо будет показать, что вы абсолютно легитимный бизнесмен. Какие у вас есть еще источники дохода?

— Он что, в натуре, козел? — спросил меня Беслик. — На хер мне такой адвокат? Откуда ты его взял?

— Беслик, это не я его взял, это твои друзья его наняли. Он бывший прокурор, недавно спас от тюрьмы Веню. Это была Венина рекомендация. Он пытается тебе помочь, но для того, чтобы выстроить стратегию, ты должен дать ему информацию. Он же не может сказать, что ты нейрохирург и оказался в машине с Арменом случайно. Вот ты говоришь, что ты бизнесмен. Теперь расскажи о своем бизнесе. Ты где-нибудь числишься на работе?

— В ассоциации «Золотой век».

— Кем?

— А хер его знает — спроси у бухгалтера.

— Что он говорит? — встрял Джон.

— Джон, я тебе все расскажу, когда будет что рассказывать, — раздраженно ответил я.

Джон понимающе улыбнулся. Работать с ним было приятно.

— Беслик, у тебя доля в казино официально зарегистрирована?

— Ну.

— Беслик, да или нет?

— Ну вы тут в натуре менты. Ты чей, блин, адвокат?

— Твой адвокат Джон, а я ему помогаю. Ты в доле в казино официально или нет? В каком казино? Как оно называется? Где расположено?

Беслик назвал казино и его адрес, но насчет официальности своего долевого участия сомневался. Беслик также сомневался, официально ли он женат. Точно знал, что у него есть сын, но возраст сына знал приблизительно: «малой еще». Вся эту информацию я перевел Джону.

— Как он сам формулирует цель своего приезда? — спросил Джон.

— Цель — бизнес, снять с этих пидоров бабки, — ответил Беслик.

— Уладить финансовые вопросы с должниками, — перевел я.

— Какова сумма долга, кто кредитор и кто должник? — продолжал задавать неприятные вопросы Джон.

Я попросил Беслика рассказать, кто дал деньги, кому и сколько.

— Ребята скинули лимон Шихману через офшорку. Этот пидор приезжал в Москву, наобещал горы, а сам свалил с бабками. Урою гниду.

— Беслик, как вы познакомились с Шихманом? — спросил я.

— Через писателя Илью Горского. Этот гребаный Шихман такого человека уважаемого подставил.

— А при чем здесь Армен?

— Они вместе работают. Такой же гнойный пидор, как и Шихман.

— А где Шихман?

— Свалил, как только узнал, что мы приехали. Еле Армена вычислили.

— Беслик, у вас есть какие-нибудь расписки от Шихмана или от Армена?

— В Москве что-то есть. Что он взял бабки и вернет с процентами. Он обещал вернуть полтора лимона через три месяца. А уже полгода прошло, и ни хера. Мы предупреждали пидора, что он с огнем играет. Мы по-хорошему с ним хотели.

Я рассказал ситуацию Джону. Он покачал головой.

— Значит, кредитора нет, деньги бандитские, нелегальные, расписок на официальную компанию нет. Представить Беслика и Левана как лиц, действующих по поручению компании-кредитора, нереально, — заключил Джон. — Ты объясни ему, что такое киднеппинг. Хотя он такой темный, что вряд ли поймет.

— Беслик, слушай внимательно, — начал я. — В Америке, если должник не платит, долги разрешено получать только через суд. Любая попытка получить долги через угрозы или применение силы является уголовным преступлением.

— Что ты мне лекции читаешь? Тебе бабки заплатили, вытаскивай меня отсюда, а не лекции мне читай. Я сам тебе лекцию прочесть могу. Не могу я больше здесь. А этот мусор (он кивнул на Джона), если не может помочь, пусть отдаст бабки и идет на хер! — почти проорал Беслик.

— Слушай дальше, Беслик, — невозмутимо продолжал я. — Перемещение человека против его воли путем применения силы или угрозы называется киднеппингом. Если прокурору удастся доказать, что Армен не желал перемещаться вместе с тобой и Леваном, то это будет считаться насильственным перемещением, то есть киднеппингом. За это, Беслик, в Америке можно получить до двадцати пяти лет тюрьмы, но в вашем с Леваном случае наверняка меньше, потому что, как я понимаю, физического насилия не было, угрозы применения оружия не было. Но если на суде всплывут такие слова, как «организованная преступность», то это, безусловно, осложнит дело.

— Ты че херню порешь? — опять заорал Беслик. — Это была его тачка! Никуда мы его не увозили, мы же тут дорог не знаем! Ты что, въехать не можешь — они бабки украли. Что за долбаная страна! За свои же бабки сижу! У нас такого наглого беспредела нет.

— Беслик, какая разница, как у вас там? Ты должен знать, как у нас здесь, чтобы вместе с адвокатом построить наиболее эффективную защиту. Кроме того, скоро будет слушание, на котором будет решаться, выпустят ли тебя до суда под залог. Мы что-то должны рассказать о тебе положительное. Поэтому нам важно знать, женат ты или нет, есть у тебя дети или нет, где ты работаешь, есть ли у тебя средства к существованию в Америке, какой источник этих средств. Мы также должны знать подробности вашей встречи с Арменом. Как вы его нашли, как вы к нему пришли? Договаривались ли о встрече заранее? Какой разговор состоялся с Арменом в присутствии его жены? Говорили ли вы что-либо угрожающее, схватили ли вы его, ударили или толкнули хотя бы раз? Что он ответил на предложение прокатиться? Ты должен понять, что Армен и его жена уже показания в ФБР дали, причем не самые для вас хорошие, иначе бы вас тут не держали. Так что рассказывай нам все в подробностях.

Я вкратце перевел Джону свое обращение к Беслику. Джон одобрительно кивнул.

Беслик рассказал, что в «Кинкут» (ни он, ни Леван так никогда и не смогли выговорить «Коннектикут») их привез русский таксист, которого они наняли на весь день. Таксист должен был их ждать недалеко от дома Армена. Они приехали днем, позвонили в дверь, им открыла жена. Сказала, что Армена нет дома и он будет не скоро. Леван сказал, что они никуда не торопятся и подождут Армена. Зашли внутрь, попросили чаю и предупредили, что из комнаты никуда выходить не надо. И звонить никуда не надо. Вопреки заверениям жены, Армен вернулся скоро. Тут же «перебздел», когда увидел Беслика и Левана. Давайте, говорит, выпьем за ваш приезд. Ну, Леван ему и говорит:

— Конечно, выпьем, но сначала, падла сучья, поговорим. У нас мужской разговор. Поехали.

В машине Армен рассказал, что он вообще ни при чем, что Шихман все бабки всадил во что-то на бирже и, наверное, просрал. Мы ему:

— Какое, на хер, просрал? Это что, ваши с Шихманом бабки были? Ты не гони, пидор сраный, волну, потому что нам по хер — с тебя снимать или с Шихмана.

Весь рассказ Беслика я перевел Джону. Затем попросил Беслика повторить еще раз, как их арестовывали. Джон внимательно выслушал, что-то записал.

— Когда вы меня вытащите отсюда? — глухо спросил Беслик. — Я здесь подохну. Здесь никто по-русски не говорит, не с кем слова сказать. — И вдруг заорал: — Я же, блин, человеческим языком прошу — вытащите меня отсюда! Я вам, суки, яйца повырываю!

— Беслик, мне пора к Левану. Пошли, Джон, — сказал я и вышел из комнаты, не попрощавшись с сидельцем.

— Что-то произошло? — спросил Джон, когда мы вышли.

— Да, Джон, он пообещал нас оскопить, если мы его немедленно не вытащим из тюрьмы.

— Неужели? — иронично сказал Джон. — Ты знаешь, у меня было много клиентов итальянцев, латинос, были чернокожие, но никто из них себя так не вел. Этот говнюк всего несколько дней провел в тюрьме, и он уже больше не может! Ну и что он будет делать — побег устроит? Я думал, русские крепкие ребята.

Мне было совсем не обидно за пошатнувшуюся репутацию русских бандитов. Я и сам был поражен слабодушием Беслика. А что, если на самом деле ему влепят десятку? Ну расковыряет свою харю до кости, а дальше что? Этот ублюдок даже не хочет потрудиться понять, как работает здешняя система. Как же они там, в Совке, в аналогичных ситуациях себя ведут? Я достаточно много читал, как блатные держатся в лагерях и тюрьмах, но я также читал, что многие из них знают уголовный кодекс лучше, чем их адвокаты.

Пока я думал о Беслике, вышел охранник и пригласил меня и Барри Арнитца в комнату, где нас уже ждал Леван. Как и Беслик, Леван тоже был в синем тюремном комбинезоне. Лицо заросло щетиной, но вид у него был вполне добродушный, как у какого-нибудь искандеровского персонажа. Леван говорил по-русски с сильным кавказским акцентом.

— Ну, что, билядь, взяли Левана? — промолвил Леван вместо приветствия.

— Здравствуйте, Леван, я привел к вам адвоката, который будет вас защищать. Зовут его Барри. У него к вам есть несколько вопросов. Кстати, Коля просил передать привет, он тут, в комнате ожидания, — сказал я, садясь на стул напротив Левана и жестом приглашая Барри сесть рядом со мной.

— Скажи Коле, что херово Левану. А ты мне скажи, сколько я еще тут сидеть буду? Что я сделаю? Хотел помочь ребятам бабки вернуть, это тут преступлений считается? Меня попросили помочь, сказали, Леван, помоги, я скажешь хорошо. Я добри дело хотел сделать. За это Леван в тюрьму?

Я перевел Барри общий смысл высказываний Левана. Пока мы сидели несколько минут в зале ожидания, Джон успел рассказать Барри, что особого контакта ему с Бесликом установить не удалось. Барри поэтому был настроен на тот же результат.

— Скажи мистеру Ованесяну, что я верю в его абсолютную невиновность. Но в Америке этот вопрос решают присяжные, иногда судьи. Я сделаю все возможное, чтобы дело не дошло до суда, а если дойдет, то чтобы приговор был оправдательным, — мягко, но уверенно сказал Барри.

Имело ли смысл переводить все это Левану, который, не сомневаюсь, понятия не имел, почему дело может или не может дойти до суда и что этот вопрос зависит от так называемого большого жюри присяжных. За всю свою многолетнюю криминальную карьеру Леван не только никогда не сталкивался, но, наверное, и не слышал о присяжных. Ни Беслик, ни Леван ничем себе помочь не могли. Они не понимали роли адвоката, не понимали, что любое заявление рассматривается в суде. Бессмысленно доказывать своему адвокату, что ты невиновен, он и так готов работать на основе этого предположения. Беслик и Леван с

местной братвой на эти темы не разговаривали, и книжек они тоже не читали. Кругозор у них был как у детей: упрощенное понимание мира, никакое — людей. Они были хищниками, способными не только выжить, но даже процветать в очень специфических условиях, а именно в постсоветской России начала девяностых годов. Тем не менее я перевел то, что сказал Барри, Левану.

— Кто это? — спросил Леван, показывая на Барри.

— Ваш адвокат, — ответил я.

— И что он для меня сделал? За что ему бабки дали?

— Леван, сегодня он впервые вас увидел. Ему нужно поговорить с вами, узнать вашу версию того, что произошло, рассказать, какие предстоят слушания, определить список свидетелей, узнать, кто может давать показания против вас, выяснить, есть ли какие-нибудь документы, относящиеся к делу, определить, не были ли нарушены ваши права при аресте и допросе, и, наконец, начать готовиться к слушанию о залоге. Вы же хотите до суда быть на свободе, а не здесь сидеть.

— Ты что говоришь суд? Какой, на хер, суд? Ты думаешь, Леван баран? Я покажу тебе Леван баран. Я хочу улететь на хер из Америка, здесь одни пидорасты.

— Леван, вы должны начать говорить со своим адвокатом. Расскажите ему о себе — когда и где родились, какое образование, где работаете или числитесь, женаты ли вы, есть ли у вас дети. Поверьте, эта информация ему крайне необходима для вашей защиты.

— Слюшай, у меня все в паспорте написан. Эти суки забрала мой паспорт, а вы у них заберите и читай, — устало сказал Леван.

Выслушав перевод, Барри спросил меня, как я представляю себе дальнейшую работу. Я ее никак себе не представлял.

Когда мы вышли, к нам подошел Коля и спросил, передал ли для него что-нибудь Леван. Леван попросил передать, что ему плохо, сказал я и от себя добавил, что, похоже, Леван не понимает ситуацию и не хочет ее понимать.

— Леван понимает все, что ему нужно понимать, — сказал Коля и направился к выходу. * * *

Я приехал домой поздно ночью. Айлин сидела на кухне и пила вино. Я понял, что возлияние было ее формой протеста. Ведь мы договорились, что я выхожу из дела, скрепили наш договор сексом в машине, и я тут же этот договор нарушил.

— Давай я тебе расскажу, как прошла встреча с клиентами. Беслик и Леван — настоящие животные. Как Барри, Джон и я ни старались объяснить им ситуацию, они и слушать не хотели. Все время талдычили одно и то же: больше не можем здесь сидеть, вытащите нас отсюда. Они думают, что они в матушке России, где адвокаты уже давно сунули бы взятку судье или прокурору или еще кому-нибудь повыше, может быть, даже Патриарху всея Руси. И знаешь — в России это бы сработало! Ты можешь себе представить, чтобы Папа Римский замолвил словечко за какого-нибудь итальянского мафиози?!

— Хватит пороть чушь, — сказала Айлин усталым голосом. — Я тоже адвокат. Думаю, то, что ты сейчас делаешь, вряд ли может быть названо юридической защитой. Но мы уже об этом говорили. Беслик и Леван клиенты Джона и Барри, а не твои. Если что-то в этом деле пойдет не так, а «не так» в данном деле означает, что все пошло именно так, как должно пойти, то вся вина ляжет на тебя. Именно ты станешь козлом отпущения, потому что ты свой, а Джон и Барри не свои. Беслик и Леван именно так к тебе и относятся — как к своему. И ты знаешь,

они правы — ты на самом деле свой для них. Раз не хочешь следовать советам жены, прислушайся к моим советам как коллеги — выйди к чертовой матери из этого дела. Ты сам рассказал мне об отце и сыне, русских, которых застрелили в подъезде в Бруклине. Что может быть страшнее, чем такое убийство? Беспик и Леван именно такими убийцами и являются. Слушая тебя, я представляю, как они убивают сына на глазах отца из-за денег. Я понимаю, что Розену важно, чтобы ты оставался в деле, но тебе-то от этого какая выгода? Просто заработать? Я не хочу никаких денег от этих людей.

— Айлин, если я буду поступать, как ты советуешь, я потеряю многих клиентов. Кроме того, мне это дело интересно с профессиональной точки зрения. Хотя я и не занимаюсь уголовным правом, упустить возможность понаблюдать, как это делают такие профессионалы, как Джон и Барри, было бы непростительно. Они ведь одни из лучших в Нью-Йорке.

— Борис, ты пожалеешь о каждой секунде, которую ты проведешь с Беспиком и Леваном. Никакие деньги не оправдают это, ты просто не годишься для такой работы, ты не консьюльери.

Обидно слышать от жены, что ты профессионально к чему-то непригоден. Характер не тот, мозги не те, в общем, что-то не то. Даже если она права, такое слышать обидно. Но не настолько, чтобы прекратить разговор с умной женой, а я на самом деле ценил в Айлин ум. Недаром она закончила юридическую школу с самыми высокими оценками на курсе и получила диплом Summa Cum Laude — высшая степень академического успеха. Я о таком и мечтать не мог.

— Айлин, когда ты предсказываешь неприятности, что именно ты имеешь в виду?

— Сам знаешь, Борис.

— Звучит зловеще. Я хочу, чтобы ты уточнила, какие именно неприятности меня ожидают.

— Не обманывай себя, Борис. Ты знаешь, что в Москве и в русскоязычной общине Нью-Йорка люди гибнут каждый день. Стреляют в банкиров, журналистов, адвокатов, бизнесменов, иностранцев, которые имели дело с русскими. Идет страшная охота — русские охотятся друг на друга и всех, кто рядом с ними. Делится громадный пирог, который называется «Россия-мать». Ставки высоки, цена еще выше — жизнь.

— Насколько я знаю, клиенты еще не убивали своих адвокатов.

— Откуда у тебя

такая информация? Из американских фильмов? Сериалов? Перестань! Ты никогда не был жадным до денег, вот и оставайся таким — уважать больше будут. Не могу поверить, что за десять тысяч баксов ты готов потерять сон и рисковать не только своей жизнью, но и моей и Криса. Ты имеешь дело с безжалостными бандитами, по сравнению с которыми Аль Капоне кажется мальчиком из церковного хора.

Я чувствовал правоту Айлин. Я хотел ее обнять, но она отстранилась. * * *

Проснулся я рано. Услышал, как на кухне разговаривают Крис с Айлин, и спустился к ним. Крис ел хлопья с молоком.

— Не чавкай, — произнес я первые слова за день. — Не понимаю, родился ты в Америке, живешь в Америке, а манеры у тебя как у представителя страны третьего мира.

— Отцепись, папа, — у меня длинный день впереди. Еще восьми нет, а ты уже достаешь меня.

Сказал мне все это Крис по-английски.

— Крис, я же просил тебя отвечать мне по-русски. Ты же мне еще спасибо скажешь, что не давал тебе русский забыть. Еще пару лет тому назад ты мог «Бородино» наизусть прочесть, а сейчас двух слов связать не можешь.

— Мама, поцелуй папу, у него с утра отличное настроение, — сострил Крис, опять же по-английски.

Мне нравилось его чувство юмора. Не харьковское, конечно, но все же неплохо.

— Чем ты расстроен? — спрашивает Крис. — Что-то случилось на работе?

— Ты еще маленький, не поймешь.

— Проиграл дело в суде?

— Нет.

— Твой отец может проиграть больше, чем дело, Крис, — сказала Айлин.

— Что еще он может проиграть?

— Ну, допустим, он проиграл дело в суде. Ты думаешь, адвокаты всегда выигрывают свои дела? Все дела невозможно выиграть, и нет ничего удивительного, если адвокат расстраивается из-за проигранного дела.

— Но ты сказала, что папа может проиграть больше, чем дело. Что еще он может проиграть?

— Спроси папу сам.

Крис подбежал к столу, за которым я сидел, и задал тот же самый вопрос: что большее, чем дело, я могу проиграть?

— Спроси у мамы, Крис. Ведь это она сказала, а не я. Она, наверное, лучше знает. Да и вообще, почему мы все время говорим о проигрыше? Давайте говорить о том, что мы можем выиграть, а не о том, что я могу проиграть.

— А что, кроме денег, ты можешь выиграть, папа? Если ты выиграешь много денег, ты купишь мне маленький настоящий автомобиль с мотором?

— Сын, я выигрываю не только деньги. Чаще всего я выигрываю жизни. Например, человек приехал в Америку и хочет здесь жить. Я ему помогаю в этом деле.

— А что ему мешает здесь жить? Ведь ты же приехал в Америку и живешь здесь, ну и он пусть здесь живет.

— Не так все просто, Крис. Я приехал как беженец, потом стал гражданином Америки, твоя мама и ты здесь родились, вы американцы с самого первого дня вашей жизни. А есть люди, для которых трудно получить разрешение остаться жить в Америке. Поэтому выигрываю я для них жизнь в Америке. А если проигрываю, то опять же их жизнь. В случае проигрыша их отправят в ту страну, где они родились. Вот сейчас, например, я пытаюсь помочь парню-негру из Харькова.

— Негру из Харькова? Ты не говорил мне, что у вас на Украине жили негры. Это ты так шутишь?

— Совсе не шучу. Были у нас и негры, но мало. У нас учились африканские студенты, иногда

они женились на украинках. Джастин, которому я сейчас помогаю, родился в таком браке — папа из Ганы, а мама из Харькова.

— А у меня наоборот — папа из Харькова, а мама из Буффало.

— Скажи спасибо, что я не из Ганы. А то сидел бы передо мной совсем другой мальчик. Наверное, он был бы в сто раз умнее, чем ты.

— Только сидел бы этот мальчик не перед тобой, а перед своим папой из Африки. А мама все равно готовила бы нам завтрак. В Гане хуже жить, чем в Америке?

— Думаю, что да, но не всем. Крис, это сложный вопрос, в другой раз поговорим.

— Я бы хотел жить в Америке.

— Ну вот и живи.

— Мама, папа борется за то, чтобы кому-то разрешили жить в Америке. Это больше, чем деньги.

— В данном случае, Крис, как раз все наоборот. Папа сейчас борется за то, чтобы кое-кого вышвырнули из Америки как можно быстрее. А это гораздо больше, чем деньги.

— Предки, я совсем запутался. Папа говорит, что пытается помочь черному парню из Харькова остаться в Америке, мама говорит, что папа пытается кого-то вышвырнуть из Америки. Что из этого правда?

— Спроси отца, — сказала Айлин.

— Папа, скажи честно — над каким делом ты сейчас работаешь? Ты хочешь кого-то вышвырнуть из Америки или оставить в Америке?

— О'кей, Крис, вот для тебя задача. Ты только что сказал, что любишь Америку и что тебе нравится жить в Америке. Можешь ли ты представить ситуацию, что кто-то находится в такой чудесной стране, как Америка, и тем не менее хочет отсюда убраться как можно быстрее?

Крис минуту подумал и сказал, что такую ситуацию представить не может.

— Подумай хорошо, сынок. Ты любишь мороженое, но это не означает, что ты готов есть его на завтрак, обед и ужин каждый день в течение десяти лет.

— Согласен. Дай подумать. Значит, речь идет о чем-то, чего у твоего клиента слишком много, и больше ему просто не нужно.

— Не имеет значения, слишком много или слишком мало. Что на самом деле важно — это то, что кто-то говорит тебе, что ты можешь есть и чего не можешь. В нашей семье мы с мамой говорим тебе, что можно, а что нельзя, потому что ты еще маленький. Ну а кто может моему клиенту, взрослому дяде, сказать, что можно и чего нельзя?

Крис задумался, но тут Айлин сказала:

— Крис, заканчивай завтрак, и поехали в школу.

— Что? До школы идти минуту, а ты опять его отвозишь! Ты портишь ребенка, Айлин.

— Да, папа, расскажи еще раз, как ты в Харькове ходил в школу пешком в минусовую температуру, когда был маленьким мальчиком, — снова вставил свои пять копеек Крис.

— Да, сынок, пешком ходил, машины у нас не было. И школу закрывали при минус двадцать пять, причем по Цельсию, а не по Фаренгейту. А не как у вас — чуть с неба упало две снежинки, сразу же домой звонят — школа закрыта.

— Борис, если мы через минуту не выйдем, то опоздаем! — крикнула, выходя, Айлин.

— Папа, скажи что-нибудь хорошее, — сказал Крис, напяливая грязную куртку и целуя меня.

— Учись хорошо, сынок, — сказал я и чмокнул Криса в щеку.

Честно говоря, я никогда не думал, что стану таким занудой. Я знаю, что отравляю Крису существование своими замечаниями как нужно есть, как держать ложку, что нужно больше говорить по-русски. Я ему желаю добра, но детство отравляю. Не строю с ним планы, не играю в американский футбол, даже правил этой игры не знаю, не соревнуюсь, кто больше уничтожит каких-то чудиков на компьютере. Короче, я скучный, плохой отец.

— Иногда мне жаль, что мой папа не из Ганы, — отпустил последнюю остроту Крис и пошел в школу. * * *

Обычно я прихожу в офис к одиннадцати часам утра. Принимая первого клиента, пью кофе. В тот день первая встреча была с пожилым богатым американцем Робертом, известным адвокатом, который собирался жениться на молодой украинке Оле, бывшей «Мисс Украина». Я представлял интересы Оли в брачном договоре, и мы должны были обсудить кое-какие щепетильные моменты. Оля платила щедро, деньги на меня ей, разумеется, давал Роберт. Когда я вошел, Роберт и Оля уже сидели в приемной. Я поздоровался и сказал, что через минуту приглашу их в мой кабинет. Когда я шел по коридору, секретарша перехватила меня и сказала, что в офисе сидят люди. Людьями оказались Коля, Рома, Славик и толстый бородатый парень, которого представили как Дику — брата Беслика. Дика развалился в моем кресле, Рома и Славик расположились на диване, а Коля сидел на стуле. Все, кроме Коли, пили кофе, Коля пил воду. Они пришли, чтобы везти меня в Коннектикут. Я сказал, что меня уже ждут давно назначенные клиенты, а за ними еще клиенты, и я не могу вот так взять и уехать.

— Тебе бабки заплатили? — спросил Дика.

— Да.

— Ну вот и работай.

— Дика, у меня есть и другие клиенты, которые мне тоже заплатили. Я им давно назначил встречу, они сейчас ждут меня. Вообще, у меня сегодня день расписан.

— Так что, мой братуха должен в тюрьме сидеть только потому, что у тебя день расписан? На хер ты тогда вообще нам нужен?

— Вот и я об этом, Дика. Не нужен.

— Дика, ты, очевидно, не в курсе, Борис нам нужен. С ним уже есть договоренность, — встрял в разговор Рома.

— Вы че, пацаны? Какая договоренность? Он же, блин, в тюрьму ехать не хочет. Пока он тут бабки рубит, Бес в тюрьме подышает.

— А какой смысл вообще сейчас ехать? Они в Коннектикуте, Джон и Барри нью-йоркские адвокаты. Даже если дело федеральное, я думаю, вам все равно нужно найти местных адвокатов.

— Почему? Ведь Джон очень сильный адвокат. Да и Барри, говорят, сильный. Он профессор уголовного права.

— Ни Джон, ни Барри коннектикутского судью не знают. Дело не во взятках, а просто в отношениях. Я считаю, что вам нужно найти хороших коннектикутских адвокатов. Я никого там не знаю, поэтому помочь ничем не смогу. Звоните, как только найдете.

Вся компания повалила к выходу, матюкаясь между собой. Теперь у них было домашнее задание, что давало мне передышку на какие-то другие дела. Секретарша пригласила в кабинет Роберта и Олю. * * *

Предбрачный договор — необычная штука не только для выходцев из Совка, но даже для умудренных европейцев. Но если подумать, то становится ясно, что любовь и деньги — понятия, вовсе не исключают друг друга. И в России, и в Америке около пятидесяти процентов браков заканчиваются разводом. Но при разводе люди редко любят друг друга так же, как перед свадьбой, и потому готовы друг другу глотки перегрызть, деля имущество и борясь за или против выплаты алиментов. Подписывая предбрачный договор, люди тоже делят имущество, иногда уже существующее, часто — только предполагаемое. И, любя друг друга, заранее устанавливают, как это имущество будет поделено в случае смерти или кто кому что должен будет в случае развода.

В конце девяностых годов у меня была целая полоса клиенток — бывших «Мисс Украина». Всем было от двадцати пяти до тридцати лет, все были красивые, длинноногие, и у всех в женихах были богатые пожилые американцы. Женихи, все без исключения, настаивали на подписании предбрачных контрактов. Подвох они чуяли не напрасно. Будучи адвокатами, бизнесменами или банкирами, короче — реалистично мыслящими людьми, они не могли не задуматься над вопросом, с чего это двадцатисемилетняя длинноногая красавица влюбилась в шестидесятилетнего лысовато-полноватого джентльмена. Вопрос этот для них был риторическим. А следовательно, относиться к ситуации надо было как к сделке. Я тебе — вот это, а ты мне — вот это. Ну и всякие другие условия, типа сколько «этого» получит «мисс» в случае развода, как влияет на размер «этого» длительность брака, рождение общих детей (маловероятно), смерти одного из супругов (конечно же, мужа).

При подписании предбрачного контракта каждая сторона должна быть представлена своим адвокатом. Были случаи, когда невесты пытались (и успешно!) аннулировать предбрачные соглашения на том основании, что не понимали, что написано в бумажке, которую они подписали. Именно поэтому американские женихи настаивали на том, чтоб их русскоговорящих невест представляли русскоговорящие же адвокаты. После объяснения всех условий на родном языке трудно потом в суде утверждать, что ты ничего не поняла из того, что написано в «бумажке». Так возникла рыночная необходимость в русскоязычном адвокате. А поскольку все «мисски» знали друг друга, то и передавали меня из рук в руки.

«Мисске» Оле было двадцать восемь лет, а ее жениху Роберту шестьдесят два. Роберт был партнером в крупной юридической фирме, и его годовой доход составлял порядка двух миллионов долларов. Роберта познакомил с Олей клиент фирмы — новый русский, активно осваивающий рынок недвижимости в Нью-Йорке. В Америку Оля приехала по студенческой визе, которую ей организовал какой-то украинский спонсор. Этот же спонсор в свое время купил для Оли титул «Мисс Украины». Судя по всему, у спонсора появилась более молодая «мисска», и он отправил Олю в почетную ссылку учиться английскому в Америку. Партнер украинского спонсора в Америке и представил Олю Роберту.

Сначала в кабинет вошла Оля, которая принесла мне контракт, приготовленный Робертом. Попросила, чтобы я ознакомился с ним тут же, в ее присутствии. Я сказал, что ей придется поскучать, и она выразила готовность пойти на эту жертву. Пока я читал (а этот процесс занял не менее получаса), она сидела и курила. Иногда звонил ее мобильный телефон.

Говорила Оля с украинским акцентом. Я закончил чтение.

— Ну и шо мне полагается, если я брошу этого козла? — полюбопытствовала Оля.

— Если вы продержитесь в браке пять лет, вам полагается кооперативная квартира, в которой вы сейчас живете.

— А бабки? Вы знаете, сколько стоит содержать эту хату?

— Нет, Оля, все деньги и имущество будут разделены поровну между детьми вашего мужа. У него один сын и две дочки.

— А как насчет моего ребенка? Там шо-нибудь на эту тему сказано? Или мой ребенок ему до одного места? Кстати, его дети с ним не разговаривают. Как узнали про меня, устроили ему веселую жизнь. Одна дочка со мной решила поговорить. Начала меня упрашивать, чтобы я от всего отказалась. Я ей говорю: «Как вам не стыдно! Это же ваш отец!» Но тут же все бабки решают. Так шо мой ребенок?

— Про вашего ребенка тут ничего не сказано.

— Так дело не пойдет! Или этот козел обеспечит мою дочку, или я за него замуж не пойду. На хер он мне нужен с его Америкой? Я ему лучшие годы, а он мне шо?

Оля настолько разнервничалась, что попросила меня пригласить Роберта в кабинет немедленно. По тому, как она говорила, я понял, что английские курсы она еще не закончила. Не представляю, что мог понять Роберт, но смысл криков сводился к тому, что о браке с ней он может забыть. Потом Роберт сказал, что хочет поговорить со мной.

У Роберта был приятный голос, прокуренный дорогими сигарами. Он спросил, чего хочет Оля, и я сказал, что неплохо было бы ежемесячно откладывать какую-нибудь сумму для Олиной дочки. Роберт сказал, что подумает.

В разговор вмешалась Оля. Она спросила, на что максимум она может рассчитывать. Я ей объяснил, что предбрачный договор потому и называется договором, что стороны о чем-то договариваются. Для того чтобы о чем-то договориться, от чего-то добровольно отказаться и пойти на какие-то компромиссы, нужно знать полную финансовую картину противоположной стороны. С миллионером разговор один, а с миллиардером совсем другой. Скрытие своих авуаров и доходов может легко стать поводом для судебного аннулирования предбрачного договора. Роберт приложил к договору список своих владений. Он был, безусловно, богатый человек. Квартира в Манхэттене, дом в Майами, сорокафутовая яхта, земельные участки в Аризоне и Колорадо, доля в ресторане в Нью-Джерси плюс акции и облигации на несколько миллионов долларов. Пока что он предложил оставить Оле только квартиру в Манхэттене, да и то при условии, что брак продержится минимум пять лет.

Оля и Роберт сидели по разные стороны длинного дивана. Договор был еще не подписан, а поэтому любезничать с Робертом Оля не собиралась. На Роберте был клубный пиджак поверх рубашки-джерси, светлые брюки, замечательные зубные протезы. Он был среднего роста, несколько полноват, но сила в нем еще чувствовалась. От него приятно пахло духами. Оля была одета совсем в другом стиле, но тоже дорого — дизайнерские джинсы, свитер с заветным именем и греко-римским орнаментом, очки, поднятые на волосы. Роберт достал какой-то блокнот и ручку и стал что-то быстро записывать. Попросил у меня калькулятор и снова погрузился в записи. Оля с презрением смотрела на него, а потом разразилась потоком наблюдений как о нем, так и об Америке в целом.

Если бы только Роберт понимал, что говорила о нем Оля! Какая женитьба?! В двух футах от него сидел страшный враг, поносящий его матерщиной. Я был адвокатом Оли, но, будучи

мужчиной, не мог не испытывать чувства солидарности с Робертом. Однако Роберт ничего не подозревал. Этот многоопытный адвокат ни по Олиному тону, ни по ее жестикуляции не догадывался, что она говорит о нем! Если бы он понял хоть одну десятую из всего, что было Олей сказано, то, не сомневаюсь, встал бы и дал ей пощечину. И ни о каком браке уже не было бы и речи. И я так этого хотел! Но этого не произошло.

Я спросил Роберта, готов ли он предложить что-либо для Олиного ребенка и для самой Оли в дополнение к квартире. Роберт сказал, что в течение брака, сколько бы он ни продлился, он будет откладывать для Олиной дочки тысячу долларов в месяц, а Оле будет давать на карманные расходы пять тысяч в месяц.

— Ну и жлоб! — сказала Оля, не догадываясь, что многие американцы понимают это слово.

Роберт понял и рассмеялся. Оля гневно посмотрела на Роберта. Затем сказала:

— Сколько я получу в случае его смерти?

Я перевел ее вопрос.

Роберт опять рассмеялся. Откашлявшись, сказал:

— Я подпишу, что все деньги тоже оставляю ей. При нашем образе жизни в день смерти я потрачу свой последний доллар. Но живем мы замечательно. Каждый день тусовки — на яхтах, в ресторанах, в клубах, у друзей, у нас. Мне не надо беспокоиться о детях, они все великолепно устроены. В свое время я не догулял. Я много работал, растил детей, потом умерла жена. Я наверстываю упущенное. В общем, если я умру ее мужем, деньги тоже ее. Да, и лодка в придачу.

Роберт ласково посмотрел на Олю.

— На хера мне лодка? — спросила Оля.

— Что насчет другой недвижимости? — спросил я. — Дом в Майами, земельные участки в Аризоне?

— Я ими больше не владею, — ответил Роберт.

— То есть как это? — удивился я. — Вы же их указали в списке своих владений.

— Список придется уточнить. Я перевел всю недвижимость, кроме манхэттенской квартиры, в траст в пользу детей, так что никакой недвижимостью я больше не владею.

Я объяснил Оле, что произошло. Почему-то ее это не слишком взволновало.

— Ну и хер с ней, с этой Аризоной, — сказала она, закуривая. — Кстати, а что это за ребята у вас были перед нами?

— Мои клиенты. Почему вас это интересует?

— Потому что сразу видно, что хорошие парни. Не то, что мой жлобина.

Оля и Роберт подписали переделанный договор и ушли на очередную тусовку. * * *

Вечером позвонил Рома и сообщил, что завтра утром мы все едем в Коннектикут разговаривать с местными адвокатами. Я сказал Айлин, что уезжаю, возможно, на два дня. Айлин ничего не ответила, только налила себе еще один бокал вина.

Первым адвокатом, с которым мы встретились, был Лэйн Стюарт. Ему было за семьдесят,

лет десять назад он был председателем секции уголовных адвокатов при Коннектикутской коллегии. Очевидно, нью-йоркская братва провела серьезную домашнюю работу, потому что на этом заслуги Стюарта не заканчивались. Он также много лет назад учился в юридической школе вместе с судьей, к которому попало дело Беслика и Левана.

Я рассказал Стюарту всю историю.

— Вы уверены, что оружия не было? — спросил он.

Я был уверен.

— Следы побоев? — продолжал он. — Порча имущества? Магнитофонные записи угроз? Как далеко от дома Армена их арестовали?

Я ответил отрицательно на все вопросы, связанные с насилием и ущербом имуществу. Все передвижения и арест произошли примерно в радиусе двух миль от дома Армена.

— Каково уголовное прошлое клиентов? — спросил Стюарт.

Я кивнул Роме и Коле, приглашая их ответить на этот вопрос.

— У Беслика ходок не было, — сказал Рома.

— У Левана было несколько, одна крупная, остальные по мелочам и давно, — сказал Коля. — Но есть ли смысл об этом говорить, если американцы все равно об этом не узнают?

— Узнают американцы или нет, мы на данный момент не знаем, — начал рассуждать я. — На определенном уровне сотрудничество между российскими и американскими правоохранительными органами, безусловно, существует. Выдадут ли русские информацию по Левану на основании запроса — неизвестно. Если Леван никак не засветился за пределами России и если он не проходит по крупным международным делам, то у Интерпола на него ничего нет. И тем не менее я бы все рассказал Стюарту, а он уже пусть решает, что с нашей информацией делать. Иначе, что бы ни случилось, Стюарт всегда сможет с чистой совестью свалить все на клиента — ведь клиент не все ему рассказал, скрыл, можно сказать, самую существенную информацию.

— Что-то вы долго раздумываете над ответом на самый простой вопрос: у клиентов есть уголовное прошлое или нет? Да или нет? — повысил голос Стюарт.

Все молчали. Я сказал:

— Мистер Стюарт, вы хотите знать правдивый ответ на этот вопрос или вы его не задавали?

Стюарт задумался на несколько секунд, затем сказал:

— Борис (с ударением на первый слог), ты мне скажи, задавал я этот вопрос или нет.

Дальше вести этот диалог было бессмысленно. Понятно, что Стюарт хотел переложить ответственность за сокрытие важной информации на меня. Как и Стюарт, я офицер суда, а значит, не имею права на обман суда. Многие думают, что адвокат должен быть предан только своему клиенту. Это не так. Прежде всего адвокат обязан быть предан суду, всей судебной системе. Роль адвоката в Америке велика постольку, поскольку работает установленная судебная система с ее правилами и порядками. Ни прокурор, нанятый государством, ни адвокат, нанятый клиентом, не имеют права на обман системы, на которую они оба работают и которая их обоих кормит. Конечно, обман все равно происходит практически каждый день — люди есть люди, но за долгую на сегодняшний день юридическую практику я встречал на удивление много юристов как среди судей и прокуроров,

так и среди частных адвокатов, которые ни за что не пошли бы на обман, исполняя свои профессиональные обязанности. Закон и справедливость для них одно и то же, и поэтому соблюдение закона важнее судьбы одного человека.

— У Беслика судимостей не было, а у Левана были, — сказал я, — но никто из присутствующих точно не знает, когда и за что. Боюсь, что и сам Леван этого не знает или не помнит.

— Ладно. Второго адвоката дам вам я. Вам не нужно больше никого искать.

Стюарт снял телефонную трубку и попросил секретаршу с кем-то его соединить. Несколько минут мы сидели молча, затем дверь открылась, и вошел средних лет мужчина с пышными рыжими усами.

— Брайан Макинтайр, — каждому подал руку усач.

Мы тоже представились. Брайан засмеялся и сказал, что все равно не запомнит столько русских имен. Стюарт отрекомендовал Брайана как наиболее опытного судебного адвоката в графстве, действующего председателя секции уголовного права при Коннектикутской коллегии адвокатов.

— Я сейчас Брайану расскажу всю историю, а ты поправишь или дополнишь меня, — сказал Стюарт, обращаясь ко мне.

Несмотря на возраст, Стюарт продемонстрировал, что маразм его мозг никак не затронул. Мне нечего было добавлять, даже имена Стюарт запомнил правильно. Я не удержался и сделал ему комплимент. Стюарт тоже не удержался и стал хвастаться:

— Я двадцать первого года рождения, одного возраста со Скоттом Кроссфилдом. Вы знаете, кто такой Скотт Кроссфилд? Скотт первым в мире достиг двух Мах'ов. Это было в пятьдесят третьем году.

— На X-15, если не ошибаюсь, — решил показать я свою эрудицию.

— Ну нет, на «ракетосамолете» X-15 он сделал почти три Мах'а, но это было в шестидесятом. Ему тогда не хватило трех сотых до трех Мах'ов. А два Мах'а он сделал на «Дугласе Д-558-II».

— Нам надо ехать, — сказал Рома по-русски. — А вы тут ни о чем болтаете.

— Рома, заткнись, — тихо сказал Коля. — Дай людям поговорить.

— Так вот, — продолжал Стюарт. — Скотт был моим инструктором. Мы много вместе летали, да и сейчас летаем, но уже не вместе. А при деменции, как сам понимаешь, много не полетаешь. Кстати, и Брайан летает, он бывший летчик морской авиации. А сейчас наши с Брайаном «Сессны» один и тот же механик обслуживает. Как ты думаешь, Брайан, потянем мы это дело?

— Потянем, Стюарт, чего ж не потянуть, — бодро отвечал бывший морской летчик. — Как только нас наймут, тогда и тянуть начнем. Как я понимаю, клиенты тут у нас в местной тюрьме загорают. Они, надеюсь, за себя постоять сумеют, если что. А то тут у нас полно залетных ребят из Бриджпорта — понимаете, о ком я говорю. С ними иногда тяжело бывает общаться.

Все поняли, что Брайан говорил о неграх.

— How much? — спросил Рома, как будто торговал курицу на Брайтоне.

— Мы с Брайаном опытные адвокаты, — не спеша начал Стюарт. — В качестве аванса каждому из нас вы заплатите двадцать пять тысяч. За эту сумму мы будем сопровождать подзащитных до суда. Если будет суд, вы заплатите каждому по двести тысяч. Если мы добьемся того, что прокурор отзовет обвинения и суда не будет, вы заплатите каждому еще по двадцать пять тысяч премиальных.

Ребята зашептались. Славик спросил меня, отдадут ли бабки Джон и Барри.

— Понятия не имею. Они один раз ездили в Коннектикут и два раза встречались с вами для обсуждения дела. Пусть они потратили на это дело кругом-бегом пятнадцать часов, включая время в пути. Пусть их ставка пятьсот долларов в час. Значит, если они с вас удержат пятнадцать тысяч на двоих, это будет дорого, но справедливо. Но в любом случае меня это не касается.

— Не кисло, — сказал Славик. — Мы им дали пятьдесят штук, а они, ни фюя не сделав, отдадут нам только тридцать пять. Это, по-твоему, справедливо?

— Я высказал свое мнение, а сколько они вам вернут — не мое дело. Я с ними до вас знаком не был.

В другое время я бы с удовольствием поговорил со Славиком, чтобы узнать, как он понимает справедливость. Не сомневаюсь, у нас было бы о чем поспорить.

Коля достал из сумки небольшой пакет и вручил его Стюарту.

— Это за Левана, пересчитайте, — сказал он на очень неплохом английском.

— Коля, а с чего ты взял, что Левана будет представлять Стюарт, а Беслика Брайан? — спросил Дика, тоже вынимая пакет из сумки. — Или теперь ты тут главный?

— Пожалуйста, дайте мне квитанцию о получении денег и подготовьте договор о юридическом представительстве к завтрашнему дню, — сказал Коля Стюарту, игнорируя Дику и всех остальных.

— Коля, ты чо? Ведь Стюарта не ты нарыл. Давай Брайан будет Левана представлять, а Стюарт Беслика, — не унимался Дика.

Коля отозвал Рому в сторону и что-то тихо сказал ему, еле шевеля губами. Рома кивнул несколько раз, как послушный ученик перед учителем. Затем Рома отозвал в сторону Дику и что-то прошептал ему на ухо. Дика выматюкался и сказал:

— Ну, глядите, если что не так. Не посмотрю ни на какие авторитеты.

Однако вопрос, кто кого будет представлять, был исчерпан.

Стюарт попросил всю нашу компанию сходить на ланч, а он тем временем попытается связаться с судьей и попросить его провести слушание о возможности освобождения Беслика и Левана до суда под залог как можно быстрее.

В ближайшем дайнере было немногочисленно. Все заказали гамбургеры с жареной картошкой и по двойной порции водки. Коля заказал рыбу и томатный сок. Выпили.

— Почему водка теплая? Они что, не знают, как водку подавать? — возмутился Дика.

Я попросил официанта принести льда, и все побросали кусочки льда в свои стаканы с водкой. Коля молча пережевывал рыбу, не смотря на нас. Дика начал рассказывать об очередных убийствах братков и банкиров в Москве. Когда он дошел до эпизода, в котором лично

принимал участие, Коля встал из-за стола и вышел из закуской. Дика увлеченно рассказывал о том, как он стрелял, отстреливался, давил на педали, крутил рулем, махал кулаками, ловко кому-то отвечал. Было видно, что он врет. Никто однако не улыбался и не пытался его подначивать. Вскоре вернулся Коля, заказал себе чаю с лимоном. Остальные заказали еще по порции водки. Дика сказал: «Вообще-то мне пить не положено, я мусульманин», — но выпил свою порцию. Дика похож был на человека. То ли вранье делало его таким, то ли готовность засмеяться или хотя бы улыбнуться. Мы расплатились. Дика заплатил за меня. Коля заплатил сам за себя.

Когда мы вернулись в офис Стюарта, нас ждал сюрприз — слушание назначено на завтра. Стюарт и Брайан потребовали от нас любой положительной информации о Беслике и Леване. Но что нового мы могли сообщить? Оба не женаты, у обоих есть внебрачные дети. Дика сказал, что у Беслика никаких судимостей нет. Коля вспомнил, что у Левана их тоже нет. Версия, выработанная мною, звучала так: мошенник Шихман обманным путем получил в России деньги, которые либо растратил, либо проиграл на бирже. Да, банковская система в России еще неразвита, банки постоянно лопаются, причиняя тем самым колоссальный ущерб вкладчикам. Поэтому неудивительно, что многие компании держат весьма существенные суммы в сейфах, нанимая при этом охрану. Господа Беслик и Леван как раз и представляли охранные структуры, нанятые для обеспечения целостности наличных денег. Оба солидные бизнесмены с опытом ведения охранного бизнеса. Цель их поездки — выяснить, куда подевался Шихман, который упорно не отвечал на звонки. У Шихмана им было поручено узнать, что произошло с деньгами, и доложить российским компаниям, давшим ему деньги. К Армену ни у компаний, ни тем более у Беслика и Левана вообще никаких претензий нет и быть не может. Просто они узнали, что Шихман то ли являлся партнером, то ли одно время сотрудничал с Арменом. А предложили они Армену покататься, чтобы не мешать его жене, а заодно посмотреть красивые окрестности. Я предупредил ребят, что Беслику и Левану не мешало бы знать, какие именно компании отправили их в этот вояж и что эта информация должна быть предоставлена к завтрашнему утру.

Рома со Славиком укатили в Нью-Йорк, чтобы утром вернуться обратно. Дика, Коля и я остались в Нью-Хейвене. Мы с Дикой поселились в одном номере, Коля снял себе отдельный номер. В ближайшей аптеке я купил зубные щетки и пасту. Когда Дика снял рубашку, я увидел множество шрамов на его теле. Наверное, не все, что он рассказывал, было враньем. Мы лежали на кроватях и разговаривали. Он не задал ни одного вопроса об Америке. Ну, спросил, сколько стоит какой-то джип, и еще что-то. Я спросил его, как он смог так быстро получить визу. Оказывается, через какую-то академию. Было Дике двадцать семь лет. Он был доволен своей опасной жизнью. Несколько раз повторил, что за старшего братишку порвет обидчика на части. Спросил, могу ли я достать на ночь блядей. Совсем не огорчился, узнав, что нет. Рассказал, какая у него хорошая квартира в Москве, что у Беслика доля в казино, а у него, Дики, много разных деловых интересов — и торговые точки, и бизнесы, и различные поручения. Немного красуясь, рассказал, как выбивал бабки из каких-то бизнесменов, — обычные истории, никаких захватывающих подробностей. Кто-то не хотел платить за крышу, тогда Дика наезжал, иногда грозил пистолетом, иногда бил по морде. Иногда приходилось воевать с другими бандами. В общем, бульварное чтиво.

Я сказал Дике, что могу показать ему страшный прием, который обеспечит ему победу в любой схватке. Дика оживился, вскочил с кровати и принял боевую стойку. Я сказал, что он должен быть готов после того, как я скажу «три». Я медленно досчитал до трех. Дика стоял в боевой стойке. Затем я сказал:

— Да, забыл еще об одном условии. Закрой на секунду глаза. — Дика послушно закрыл глаза.
— Открывай! — крикнул я.

Когда он открыл глаза, то увидел зубную щетку у своего горла.

— Дика, я же предупредил тебя, что ты должен быть готов после того, как я скажу «три». Ты мертв.

Дика оторопел. Затем нервно рассмеялся. Потом сказал:

— Я тебе говорю «три». Ты теперь всегда должен быть готов.

— Дика, друзья не говорят друг другу «три». Это только для врагов. Забери свое «три» назад.

— Хер с тобой, беру свое «три» назад.

— Тогда почисти зубы и ложись спать. У нас завтра длинный день.

Я выключил свет, лег и повернулся лицом к стенке.

— Кто такой Коля? — спросил я.

— Первый раз его вижу. Комсомольская харя. Убивать таких надо, — ответил Дика. * * *

Утром я разбудил Дику и отправился будить Колю. Из-за двери слышалось учащенное дыхание. Я постучал, и через секунду дверь открылась. Коля был весь в поту — делал зарядку. Договорились встретиться через полчаса на завтраке. Когда я вернулся, Дика уже опять спал. Я растолкал его и сказал, что братуха надеется на него. Дика не мог понять, который час. Он был неопытным путешественником и совсем необразованным человеком и потому не сразу въехал в понятие разницы во времени, которое я попытался ему растолковать, пока он собирался.

Молча позавтракав, мы взяли такси и поехали в суд.

Постепенно в зале суда собрались все участники: наша группа, Рома, Славик, какой-то незнакомый мне приличный на вид мужчина, а также, к моему удивлению, Джон Бэйкер и Барри Арнитц. Коля представил меня приличному мужчине, который назвался доктором Вайсманом.

— Передай Левану, что залог за него даст доктор Аркадий Вайсман, с которым они дружили в семидесятых годах в Москве. Не забудь — доктор Вайсман, дружили в семидесятые годы в Москве, — быстро инструктировал меня Коля. Наконец пришли Стюарт и Брайан. Они попросили меня пойти с ними на встречу с Бесликом и Леваном, которых уже привезли из тюрьмы.

Мы со Стюартом расположились в комнате для встреч с клиентами. Ввели Левана.

— Это что, нови адвокат? — язвительно спросил Леван.

— Леван, это самый опытный в Коннектикуте адвокат. Коля его видел. Что вы еще хотите?

— Чтоб он меня защищал и вынул отсюда.

— Мистер Ованесян, слушайте меня внимательно. Вы бизнесмен, — начал Стюарт. — Вы приехали в Америку впервые в жизни, чтобы мирно уладить некоторые финансовые вопросы. Вполне возможно, российская фирма — ваш клиент — стала жертвой мошенников. Ваша задача состояла в сборе информации. Мы понимаем друг друга?

Я перевел. Леван исподлобья смотрел на Стюарта. Затем сказал, обращаясь ко мне:

— Скажи, он меня вытащит отсюда? Сколько он бабок хочет? Скажи Коле, чтоб дал ему бабок.

— Леван, ему уже заплатили, и немало. Но он не пойдет к судье взятку давать. Здесь так не делается. Ну, может, иногда и случается, но Стюарт этого точно делать не будет, и разговор об этом вообще не шел. Леван, сегодня будет решаться вопрос, выйдете ли вы из тюрьмы под залог. И еще — залог за вас заплатит доктор Вайсман, с которым вы дружили в Москве в семидесятые годы. Доктор Аркадий Вайсман, запомните это имя. Что касается цели приезда, то у компании, которую вы обслуживали в качестве менеджера по охране, украли деньги, и вам поручили выяснить все обстоятельства и доложить по приезду в Москву.

Мы вышли из комнаты, и я тут же пошел в другую, туда, где меня ожидали Беслик и Брайан. Они сидели молча по разные стороны стола. Беслик ковырял лицо, Брайан читал книгу. Как только я вошел, Беслик заголосил:

— Когда же вы, меня, блядь, отсюда вытащите?

Брайан удивленно посмотрел на Беслика. Затем обратился ко мне:

— Объясни ему, что он непродуктивно проводит время с адвокатом. Кроме того, я поздоровался с ним, а он со мной нет. Он что, не знает, как сказать «хэллоу»? По-моему, весь мир знает это слово. От меня сейчас зависит его дальнейшая жизнь, он должен доверять мне больше, чем отцу родному. Я не обижаюсь, мне уже заплатили, и в нашем договоре нет обязательства здороваться, но наше сотрудничество будет более эффективным, если мы будем соблюдать элементарные человеческие нормы.

Я посмотрел Беслику в глаза и сказал:

— Беслик, тебе грозит десять лет тюрьмы. Твое с Леваном дело ведет прокурор Гросс, сын федерального судьи Ирвина Гросса. Он самый безжалостный прокурор в Коннектикуте. Судья, к которому попало дело, Эндру Масси, является старшим окружным судьей. Он известен своей суровостью и принципиальностью. Через несколько минут Гросс и Масси увидят тебя впервые. Они будут внимательно наблюдать за тем, как ты себя ведешь, как держишься. Смотри, Беслик, от тебя многое зависит. Вот сидит твой адвокат, бывший морской летчик. Его зовут Брайан. Он с тобой поздоровался, а ты с ним нет. А ведь Брайан с Масси в одном клубе. Они вместе в гольф играют, есть такая игра. Поздоровайся с ним, Беслик, улыбнись ему. Хоть ему ребята деньги и дали, он не официант в шашлычной на ипподроме, и жопу тебе за твои бабки лизать не будет.

Беслик ележно улыбнулся, протянул руку Брайану и заискивающим голосом сказал «хэллоу». Брайан пожал Бесликову руку и сказал:

— Вот так мне больше нравится.

Через несколько минут мы все сидели в зале суда, ожидая прихода Питера Масси. Прокурор Гросс был молодым и тщедушным. У него была типичная еврейская внешность: крупный орлиный нос, высокий лоб, черные вьющиеся волосы. Он олицетворял образ жертвы антисемитизма в Советском Союзе — интеллигентный, subtilный, беззащитный. Еще и очкарик. Гросс тихо говорил с молодой женщиной. По акценту я понял, что женщина — местный судебный переводчик. Я прислушался. Гросс обращался к ней по имени, звали ее Марина. Маринин английский был дрянной, со множеством ошибок.

Я всегда удивлялся тому, как легко стать судебным переводчиком. А получить сертификацию переводчика при Иммиграционной службе США вообще проще пареной репы. До перестройки в Нью-Йорке главным переводчиком с русского на английский и с английского на русский была старая полька Данута, которая знала русский примерно так же хорошо, как я польский, — то есть две-три фразы. Выходцы из бывшего СССР ее понимали с большим трудом, а иногда просто не понимали, потому что, не зная русских слов, она ничтоже сумняшея употребляла польские слова. Адвокат, как бы хорошо он ни знал второй язык, не имеет права

переводить для своего клиента. Поскольку я никогда не проходил сертификацию переводчика в Иммиграционной службе (а для чего?), то слово Дануты было закон. Сколько раз я говорил ей после слушаний: «Данута, я понимаю, что вам надо зарабатывать на жизнь, но вы это делаете за счет чужих жизней. Как вы можете спать спокойно?» Данута отвечала что-то нехорошее по-польски. Несколько раз я не выдерживал и подавал ходатайство о дисквалификации Дануты. При этом я должен был указать на конкретные ошибки в ее переводе. Ходатайства, как ни странно, удовлетворялись, но карьеру Дануты под угрозу не ставили. Данута была антисемиткой, и за годы своей плодотворной работы она выпила столько еврейской крови, что по этому параметру уступала только Богдану Хмельницкому.

С одной стороны, слабый английский язык Марины мог помешать процессу, но с другой стороны, в случае неблагоприятного исхода у нас появлялся повод подать ходатайство на аннулирование слушания на основании неквалифицированного перевода.

Вошел судья Масси, и все встали. Первым в наручниках ввели Левана. Он был очень маленький, совсем нестрашный. Левана посадили рядом со Стюартом. Через проход, с правой стороны, сидел за своим столом прокурор Гросс с помощницей. Марина сидела у торца адвокатского стола. Прокурорский и адвокатский столы отделял от зрителей деревянный барьер. Посторонних среди зрителей не было, только те, кто специально приехал на процесс.

— Ну так что у нас сегодня? — поверх очков спросил Масси.

— Киднеппинг, ваша честь, — ответил Гросс.

— Большое недоразумение, ваша честь, — поправил Стюарт.

— Лэйн, по-моему, я имею дело только с недоразумениями, — пошутил Масси, обращаясь к Стюарту по имени. — Ладно, попробуем его решить. Мистер Гросс, что у вас есть на подсудимого Ованесяна? Какой материал поступил от полиции и что предоставило ФБР?

— Ваша честь, мистер Ованесян впервые приехал в страну несколько дней назад. Разумеется, на него у нас ничего нет, но преступление, в котором он обвиняется, таково, что об освобождении под залог не может быть и речи. Вместе со своим напарником они похитили из дома бизнесмена Армена Аганбегяна и в течение нескольких часов вымогали у него деньги, угрожая убить его, жену и детей. Оказавшись на свободе, гражданин России мистер Ованесян в любую минуту может удрать, выехав из страны.

— Одну минуту, ваша честь, — вмешался Стюарт. — Давайте не путать факты с вымыслом. Я не знаю, какие показания дал Армен Аганбегян, но у меня другие сведения. Да, у некоторых американских граждан возникли трудности с возвратом одолженных денег российской компании, и мистер Ованесян с мистером Бароевым вылетели в Нью-Йорк для выяснения обстоятельств. Во время их задержания ни в машине, ни на них не нашли никакого оружия. За рулем сидел сам мистер Аганбегян, на теле и лице которого впоследствии не было найдено никаких следов насилия. У мистера Ованесяна был изъят российский паспорт, а без него его не посадят ни на один заграничный рейс. Или у нас появился новый закон, согласно которому ни один иностранец не подлежит освобождению под залог? Тогда пусть уважаемый прокурор расскажет нам всем об этом законе.

— Мистер Стюарт, закон старый, и вы его знаете не хуже, чем я. Сегодня мы обсуждаем риск побега от правосудия подсудимого Левана Ованесяна. В худшем для него, но вряд ли для общества, случае ему грозит до двадцати пяти лет тюремного заключения в федеральной тюрьме. По-моему, это достаточная мотивация, чтобы постараться покинуть территорию Соединенных Штатов при первой же возможности. Да, его паспорт у нас. Но единственный ли это его паспорт? Для вашего сведения, ваша честь, у большинства граждан России, задержанных на территории Коннектикута, оказывалось по два, а то и три паспорта. Откуда

нам известно, что у друзей, а скорее у сообщников, мистера Ованесяна не хранятся еще пара паспортов на его имя?

— Мистер Гросс, у вас есть хоть какие-нибудь сведения, указывающие на эту возможность? Пытались ли вы получить ордер на обыск?

— Ваша честь, в Нью-Йорке даже не могли толком установить, где мистер Ованесян и мистер Бароев провели два дня с момента их приезда до ареста. Ни мистер Ованесян, ни мистер Бароев не могли назвать ни адреса, ни фамилии знакомых, у которых они жили. В основных нью-йоркских гостиницах их фамилий тоже не нашли. И мистер Стюарт после этого будет настаивать на том, чтобы их выпустить под залог?

— Ваша честь, в этом зале сидят друзья мистера Ованесяна. Не сомневаюсь, что любой из них с удовольствием предоставит мистеру Ованесяну кров, сообщив при этом все свои данные.

— У меня несколько вопросов к другу мистера Ованесяна, — сказал судья. — Кто этот друг?

Марина все это время якобы переводила Левану диалоги между судьей, прокурором и адвокатом. Поскольку я сидел в первом ряду, то слышал ее «перевод». Это были фразы типа: «прокурор против залога, говорит, что у вас много паспортов», «адвокат просит вас освободить, говорит, что вы честный человек и что у вас один паспорт». Леван никак не реагировал на то, что говорила Марина.

Стюарт сказал, что рад представить суду доктора медицины Аркадия Вайсмана.

Доктор Вайсман встал, направился к подиуму и занял место для свидетелей. Отвечая на вопросы Стюарта, доктор Вайсман рассказал, что в Америке он с 1979, а практикует в Бруклине с 1983 года. Женат, один ребенок. Владеет домом на Манхэттен Бич, в котором и размещается его лечебно-медицинский центр, плюс у него есть кооперативная квартира на Оушен Парквэй. С Леваном Ованесяном дружил в течение семидесятых годов, пока находился в отказе. Леван Ованесян, сказал он, помогал еврейским отказникам, пряча их от ареста и устраивая на работу в точки общественного питания.

— Долг платежом красен! — со слезой в голосе сказал доктор Вайсман. — Сейчас мой друг в беде, и я готов его приютить и обеспечить явку на следующее слушание.

Прокурор Гросс попросил доктора Вайсмана предоставить суду три последних налоговых отчета, которые конечно же оказались у доктора с собой. Судья просмотрел налоговые отчеты и спросил Гросса, есть ли у того сомнения, что перед ним доктор Вайсман.

— У вас есть с собой какой-либо документ, подтверждающий ваше имя, адрес и профессию? — спросил Гросс.

У доктора Вайсмана с собой оказалось все. Он попросил разрешение взять свой портфель и извлек оттуда водительские права, сертификат о натурализации, диплом об окончании Первого Медицинского института с сертифицированным переводом, штатную лицензию на медицинскую практику в качестве хирурга стопы, удостоверение врача, аффилированного с госпиталями Святого Винцента и Святого Луки, свидетельство об успешном окончании специальных курсов по хирургии стопы, личные поздравления от мэра Бруклина и члена Ассамблеи штата Нью-Йорк в связи с благотворительной деятельностью в пользу детей Израиля, письмо с благодарностью от посла Израиля в США, диплом о присуждении титула «Человек года», выданный всеамериканской организацией «Юнайтед Джуиш Эппил».

Стюарт победоносно смотрел на Гросса. Я изумился — когда Коля успел найти Вайсмана и так подготовить его? Мне было интересно, осмелится ли Гросс подвергнуть сомнению хоть

одно заявление такого заслуженного человека, как доктор Вайсман, или позволит навесить себе и судье по тонне лапши на каждое ухо.

Стюарт вручил по пакету с копиями всех документов судье и прокурору.

— Доктор Вайсман, вы понимаете, что вы будете ответственны за явку Левана Ованесяна на следующее судебное заседание? — сурово спросил судья.

— Разумеется, ваша честь, — отвечал доктор Вайсман.

— Я требую залог в миллион долларов, — вдруг сбросил с себя оцепенение Гросс. — Мы даже не знаем, кто перед нами. Имеет ли мистер Ованесян семью, женат ли он? Есть ли у него дети?

— У мистера Ованесяна есть взрослый сын в Москве. Жена мистера Ованесяна умерла много лет назад, он вдовец, — ответил Стюарт. Я не мог понять, когда он успел с Колей так плотно поработать над делом. — Мы готовы предоставить свидетельство о рождении сына к следующему слушанию...

— Я бы также хотел письмо от компании, якобы направившей его в командировку в Америку, — продолжал Гросс. — Плюс сертифицированные копии документов, подтверждающие финансовые сделки, о которых вы говорили.

— Мы постараемся предоставить и эти документы. Я не знаю их объем и поэтому не берусь обещать сопроводить их сертифицированными переводами к следующему слушанию.

Судья пожевал губами, посмотрел на маленького, тихого Левана, затем обратился к Стюарту:

— Лэйн, ты понимаешь, что твой клиент будет жить в Нью-Йорке, в другом штате? Как вы собираетесь работать над делом?

— Ваша честь, друзья будут привозить мистера Ованесяна ко мне в офис. Иногда дорога из Бруклина до Коннектикута занимает меньше времени, чем пересечь Манхэттен.

— Смотри, Лэйн, не вляпайся на старости лет, — улыбнувшись, сказал Масси. — Назначаю залог в сто тысяч.

Доктор Вайсман поблагодарил судью и тут же вышел из зала в сопровождении Коли, чтобы оформить залог. Как я узнал позже, он заложил свою квартиру, которая была полностью выплачена и стоила двести тысяч долларов.

В зал заседаний ввели Беслика. Пока он шел от двери до своего места рядом с адвокатом, он увидел сидящего в зале Дику.

— Ты что же, пидор, так поздно приехал? — вдруг довольно громко зашипел Беслик.

Все остолбенели — это было явное нарушение правил поведения в суде.

— Немедленно переведите, что он сказал! — вскочил со своего стула Гросс, обращаясь к Марине.

— Он сказал: «Fuck you, why did you come so late?» — вольно перевела Марина.

Тут я не выдержал, встал и сказал:

— Ваша честь, я нью-йоркский адвокат и, поскольку говорю на английском и русском, помогаю мистеру Стюарту и мистеру Макинтайру работать с мистером Ованесяном и мистером

Бароевым. До того как я стал адвокатом, я работал переводчиком и преподавателем английского языка. В Советском Союзе я получил диплом переводчика, а в Америке — степень магистра по специализации «лингвистика». Я заявляю, что перевод фразы, сказанной подсудимым Бесликом Бароевым, в исполнении переводчицы является неправильным. Мало того, переводчица сейчас сидит и слушает меня и при этом даже не думает переводить то, что я говорю, подсудимому, в то время как это ее прямая обязанность.

— Я протестую! — громко вмешался Гросс. — Мы не знаем, кто этот человек и что он вообще делает в зале суда.

— Ваша честь, разрешите представить мне нью-йоркского адвоката, который любезно согласился мне помочь в этом деле, — опомнился Брайан.

Марина, получив от меня выговор, стала шептать Беслику перевод моего выступления. Беслик вроде бы понял, что допустил оплошность, потому что сник и уставился в пол.

— Ну, и что он все-таки сказал? — спросил судья Масси переводчицу.

— Он сказал... он сказал... — Марина смотрела на меня, словно бы ища поддержки. — Он сказал: «Pidor, why did you come so late?»

— Вы согласны с этим переводом? — спросил меня судья.

— Да, ваша честь.

Никому в голову не пришло спросить, а что, собственно говоря, означает слово «пидор». Ведь не просто так Марина употребила выражение «fuck you» в первоначальном варианте перевода. Несмотря на то что эпизод с матюком вроде был исчерпан, неприятный осадок у всех остался. Судья взглянул поверх очков на Брайана и спросил, есть ли у мистера Бароева такой же высокопоставленный друг, как у мистера Ованесяна, а также кем является джентльмен, к которому только что так не вовремя и, вероятно, не вполне корректно обратился мистер Бароев.

Брайан ответил, что джентльмен этот брат мистера Беслика Бароева Диканор Бароев, который специально прибыл из Москвы для оказания поддержки брату. Брайан также заверил судью, что в течение пары дней спонсор для залога будет найден.

Когда Марина закончила перевод последней фразы, Беслик обернулся в зал и свирепо посмотрел на Дику.

— Мистер Макинтайр, может быть, вы привели с собой в суд людей, которые лично знают мистера Бароева и могут о нем сказать что-нибудь положительное?

Я тихо прошептал Брайану:

— Попроси пятиминутный перерыв.

Брайан услышал. Мы с ним вышли в коридор. К нам присоединились Стюарт и нью-йоркские адвокаты Джон Бэйкер и Барри Арнитц.

— Господа, я, наверное, единственный, кто знает Беслика и с чистой совестью может сказать, что видел его во время деловых встреч в Москве, причем в обществе таких людей, как генерал армии, генеральный конструктор крупнейшего в России производителя самолетов, всемирно известная балерина, хоккеисты команды Высшей лиги НХЛ, а также различные чины Министерства внутренних дел Российской Федерации. Пусть Брайан выставит меня как свидетеля, я постараюсь помочь Беслику, — сказал я.

— Как же я могу выставить тебя как свидетеля, если я только что сказал судье, что ты адвокат в команде защиты, — резонно заявил Брайан.

— Брайан, Масси разрешит тебе сменить ампула Бориса, — сказал Стюарт. — Он все равно не лицензирован в Коннектикуте.

Джон Бэйкер спросил меня, для чего я хочу выступить свидетелем. Ответить на его вопрос мне было трудно. С одной стороны, я совершенно не был обязан выступать в роли свидетеля и поручаться за Беслика, особенно учитывая, каким мерзостным типом он был. С другой стороны, мне хотелось сделать приятное Исааку Розену. Особенного риска для себя я не видел.

Мы вернулись в зал суда, и Брайан обратился к судье с просьбой выставить меня в роли свидетеля. Масси удивился. Прокурор Гросс просто взвился от негодования.

— Не понимаю, кто перед нами — адвокат, свидетель, сообщник?! — закричал он. — Я решительно протестую.

— А я протестую против инсинуаций! — В ответ мне тоже пришлось повысить голос. — Я лицензирован в штате Нью-Йорк, а не в Коннектикуте. Я согласился помочь Лэйну Стюарту и Брайану Макинтайру именно потому, что лично знаю Беслика Бароева. При этом я не зарегистрирован в вашем суде как его адвокат. Да, я позволил себе вмешаться в процесс, когда увидел, что переводчица исказила слова мистера Бароева. Я руководствовался принципами справедливости, и ваша переводчица могла, да и сейчас может оспорить мое заявление. Но она этого не сделала, а наоборот — исправила свою ошибку! Когда судья спросил, есть ли у мистера Бароева хоть один знакомый в зале суда, который может сказать о нем что-нибудь положительное, я понял, что если промолчу, то погрешу против правды. Что касается вашей инсинуации, будто я являюсь сообщником мистера Бароева, то, по-моему, мистер Бароев пока еще невиновный человек. Вы забыли, мистер Гросс, что я ваш коллега и, так же как и вы, являюсь офицером суда. Оскорбив меня, вы оскорбили этот суд, включая судью.

Гросс побледнел от гнева и сказал:

— Хорошо, я сниму свой протест, но знайте — если хоть что-либо из ваших показаний не будет соответствовать истине, я подниму вопрос о вашем исключении из Нью-Йоркской коллегии адвокатов.

— Хочу заверить суд, что угроза мистера Гросса не только преждевременна, но и абсолютно необоснованна. У него нет никаких оснований полагать, что наш нью-йоркский коллега собирается делать ложные заявления суду. Наш коллега прекрасно помнит положения Этического кодекса адвоката и не нуждается в напоминаниях мистера Гросса. — Брайан перевел дух, выпил воды и попросил меня занять место свидетеля.

В течение следующих двадцати минут Брайан задавал вопросы о моем образовании и практике, затем перешел к обстоятельствам нашей встречи с Бесликом Бароевым. Я рассказал, где мы познакомились, что после знакомства виделись еще несколько раз и на встречах присутствовали выдающиеся спортсмены, артисты, политические деятели и высокопоставленные сотрудники правоохранительных органов Российской Федерации. Мои ответы не содержали ни одного слова неправды, хотя и давали абсолютно ложную картину. Зазеркалье имеет положительную сторону — можно врать и говорить правду одновременно.

Прокурор Гросс тоже задавал мне вопросы. Каких клиентов я представлял в России? Какую именно работу я для них делал? Памятуя о том, что мои ответы могут быть проверены и перепроверены, я отвечал с особой тщательностью. Где надо — конкретно, где надо — общо. Многих российских клиентов я вообще не указывал, потому что понимал, что не мог

рассказать о работе, которую я для них делал. Я также не смог бы рассказать, что я делал для некоторых моих американских клиентов. То есть, конечно, мог бы, но не прокурору и не в зале суда.

Масси слушал мои ответы с большим интересом. Я решил воспользоваться случаем и говорил о том, что произошло и происходит в России после перестройки. Я готовил почву для суда над Леваном и Бесликом загодя и поэтому просвещал всех американцев в зале суда, от судьи до адвокатов, на тему «Россия начала 90-х годов». И старался делать это с юмором, придумывая смешные эпизоды, которые вполне могли бы быть. Я пытался заранее посеять зерна симпатии к нашим страшным клиентам. Даже Гросс реагировал на смешные случаи, не говоря уже о престарелом Масси.

Выпендриваясь перед судом, я чувствовал себя ужасно. Ведь на самом деле мне больше пришлось бы по нраву возглавлять расстрельный взвод для Беслика Бароева и Левана Ованесяна. Зачем я устроил клоунаду, так ли мне было необходимо спасти подонков и бандитов? Причина точно была не в надежде на большое финансовое вознаграждение. Неужели просто потому, что хотел выиграть? Вот есть передо мной противник, потомственный юрист прокурор Гросс, моложе меня на несколько лет, и у него блестящее будущее, он станет федеральным судьей, как его папа, а потом уйдет в политику, может, станет сенатором, может, губернатором. А я приехал сюда, никого не зная, пусть даже и с английским языком. Я прошел юридическую школу и сдал тяжелейший экзамен на лицензию, который длился два дня по восемь часов. Для Гросса, наверное, это было пустяком, а для меня персональными Олимпийскими играми. Хотя нет, в один год со мной экзамен на лицензию сдавал также один из Кеннеди. Сдавал он, бедняга, этот экзамен раз пять или шесть. И вот наши пути с Гроссом пересеклись. Его дело правое, и я знаю это, ну и что? Гросс против меня, а за ним мощь всей государственной машины. А у меня что? Деньги в размере десяти тысяч долларов, которые давно уже были отработаны? Мне тяжело вспоминать тот день в Коннектикуте — я не знал, что смогу настолько низко опустить планку самогигиены. Я также знал, что если бы моя Айлин была в зале суда, она подала бы на развод на следующий же день. Айлин была американка, настоящая, честная, цельная.

В итоге очарованный мною судья Масси решил выпустить Беслика из тюрьмы без всякого залога, при условии что жить он будет... у меня дома. Плюс еще несколько условий, а именно: комендантский час с восьми вечера до восьми утра, когда Беслику не разрешено покидать мой дом, и ножной электронный браслет. Браслет будет связан особым образом с моим номером телефона, и, в случае если Беслик отойдет от телефонного аппарата на расстояние более пятидесяти футов, в определенном месте раздастся телефонный звонок, оповещающий о нарушении комендантского часа. Нарушение грозило автоматическим заключением Беслика в тюрьму до суда. Закрывая заседание, судья Масси строго-настрого запретил Левану и Беслику не только приближаться к Армену Аганбегяну и его дому на расстояние меньшее, чем двести футов, но также звонить ему или пытаться связаться с ним каким-либо образом.

Судебный пристав сказал, что на оформление бумаг уйдут сутки и мы сможем забрать Левана и Беслика завтра в два часа дня. Пока я вел машину, думал, как преподнести Айлин новость о страшноватом госте, который вселится завтра в наш дом. Конечно, Айлин будет против, да и какой нормальный человек согласился бы жить под одной крышей с таким чудовищем? Ведь главная причина, по которой мы боимся попасть в тюрьму, — не боязнь изоляции или ограничения в перемещении в пространстве. Это боязнь оказаться в замкнутом пространстве с такими людьми, как Беслик. Но выбора, приводить или не приводить Беслика к себе домой, у меня не было. Если я нарушу постановление суда и отвезу Беслика в любое другое место, я попаду в ту же тюрьму, что и Беслик. Из адвоката я превратился в подельника.

К четырем часам дня я был в офисе. Тут же позвонил Рома и сказал, что зайдет через час с

одним человеком обсудить кое-какие вопросы. * * *

Рома пришел с писателем Ильей Горским. По виду Горского нельзя было сказать, что он очень радовался скорой свободе Левана и Беслика. Илья был бледен. Рома попросил Илью рассказать, при каких обстоятельствах он познакомился с Бесликом (с Леваном он знаком не был), как свел Шихмана с братками и что обещал им Шихман. Я спросил Илью, знает ли он, где прячется Шихман. Илья сказал, что не знает, хотя часто говорит с ним по телефону. Из этих телефонных разговоров Илья понял, что Шихман ни на какое сотрудничество не пойдет и максимум, на что мы можем рассчитывать, это поговорить с его адвокатом, с которым Илья знаком. Я понимал, что на Шихмана надежды мало. Во-первых, он трясется за свою шкуру, во-вторых, американцы могут ему тоже чего-нибудь предъявить за растрату чужих, пусть и бандитских, денег. Да и вообще что это за сделка для лицензированного финансового брокера — получить деньги неизвестно от кого через оффшорную компанию, а затем пустить их на ветер? Брокер ведь может инвестировать деньги клиента только согласно инструкциям самого клиента. Другое дело, если Шихман одолжил деньги — тогда он имел право распоряжаться ими как хочет, поскольку инвестировал их от своего имени, а не от имени клиента. Но одолженные деньги надо отдавать, а деньги клиента, инвестированные согласно инструкциям, но проигранные, отдавать не надо — риск есть риск, и, давая инструкции, клиент знал, на что идет. Чем выше риск, тем выше отдача и, соответственно, оцутимее проигрыш. Это простое правило знают все.

Мне было важно знать, на каких условиях Шихман на самом деле брал деньги у братвы. Я предполагал, что вряд ли он читал бандитам лекции о механизме фьючерсных сделок и соотношении прибыли к степени риска. Теоретически возможно, что бандиты от лица и под прикрытием какой-нибудь официальной российской компании могли пожаловаться американским властям на поведение Шихмана и финансово-брокерской компании, где он числился. Тут пахло и мошенничеством, и просто кражей, и отмыванием денег, и нарушением всех мыслимых и немыслимых параграфов закона, касающегося биржевых операций. Чтобы избежать наезда со стороны американских правоохранительных органов, Шихман, не исключал я, пошел бы хотя бы на то, чтобы признать свой долг какой-нибудь российской компании, а также дать показания, что знает Беслика и Левана (а он их знал) как порядочных и благопристойных людей. Значит, у Беслика и Левана с Шихманом могут быть общие интересы.

Я позвонил адвокату Шихмана Айре Гринбауму. Его офис оказался в одной минуте ходьбы от моего, и мы договорились встретиться через час. На эту встречу со мной пошел Илья Горский. Разговор с Гринбаумом был недолгим. Я намекнул, что для мистера Шихмана есть определенные выгоды в сотрудничестве с нами в уголовном процессе против Беслика и Левана. Выслушав меня, Гринбаум сказал, что ни о каком сотрудничестве не может быть и речи, настолько в тяжелом депрессивном состоянии находится мистер Шихман — он просто невменяем. Затем добавил:

— Борис, между нами, он серет кирпичами уже две недели. Где-то прячется, даже жена не знает, где он. Он звонит жене и мне каждый день и спрашивает, не приходили ли за ним. Я спрашиваю: а кто должен прийти? Вместо ответа я слышу один плач. Вообще-то у брокера очко должно быть посильнее. В любом случае Шихман расплавился и ни на что не годен. Да, и еще один момент. У меня есть распоряжение от мистера Шихмана немедленно связаться с ФБР, как только будет предпринята попытка со стороны ваших клиентов выйти на него. Так что очень хорошо, что вы связались со мной, а не начали его искать.

Мы с Горским вышли от Гринбаума на Бродвей.

— Подонок этот Шихман! И эти два недоноска на мою голову! — Лицо Горского посерело. — Понимаешь, Шихман на самом деле хорошо отработал мои бабки, ну я и посоветовал его в Москве ребятам, но не этим, а совсем другим! А там уже пошло-поехало.

Я понял, что Горский, независимо от того, был ли он в доле с Шихманом, беспокоился, как бы ему тоже не предъявили счет. На содействие Горского Беслик и Леван, таким образом, не могли рассчитывать. Не будет же он рассказывать суду, с кем он свел Шихмана, пусть даже через посредников, а о том, чтобы предложить ему лгать под присягой, не могло быть и речи. Во-первых, адвокаты таких предложений не делают, во-вторых, не каждый умеет лгать. Грасс разделяет Горского под орех на перекрестном допросе, да и не был Горский в такой ситуации, как я, когда можно, ничем особенно не рискуя, болтать правду от вольного. Я ведь болтал в основном о России, немножко о Беслике, а Горскому пришлось бы говорить о конкретной сделке — с именами и датами.

Я пришел домой поздно вечером и сказал Айлин, что завтра ко мне на несколько дней прилетает из Москвы известный циркач-силовик. Не мог же я сказать Айлин правду — что я привезу Беслика в наш дом на неопределенное время. * * *

На следующий день Горский зашел ко мне в офис, чтобы вместе ехать в Коннектикут забирать Левана и Беслика. Братва добиралась своим ходом. Мы с Горским сели в мою синюю «Альфа-Ромео» и только отъехали от гаража, как получили сильный удар по правому зеркалу — это открыл дверь водитель запаркованного фургона. Зеркало раскололось, и корпус его повис.

— Плохая примета, — сказал Горский. — Я, пожалуй, останусь. Передай привет ребятам, скажи, что я болен.

Горский вылез из машины и пошел в сторону Бродвея ловить такси.

Я кое-как зафиксировал болтающееся зеркало и погнал в Коннектикут. Когда приехал, все уже были в сборе, включая Лэйна и Брайана. После подписания необходимых бумаг Леван и Беслик увидели, наконец, солнце свободы. Когда пошли к машинам, я обнаружил, что Коли и Дики с нами нет. Леван и Беслик сели в машину к Роме и Славику, но подошел Брайан и сказал: «Борис, пусть Беслик едет с тобой, так спокойнее будет. Везешь его прямо к себе на дом. Если с ним будут какие-то проблемы, немедленно дай знать».

Сначала Беслик упирался, но когда я напомнил ему, что он все еще находится на территории тюрьмы, он сразу успокоился и пересел в «Альфю». Рома крикнул, чтобы я следовал за его машиной — по пути будет небольшая остановка.

В машине Беслик буйствовал, задирает без конца штанину и, показывая ножной браслет, кричал, что его, как какую-то скотину, на цепь посадили. Я отвечал, что большого выбора у него не было. Беслик не выказал ни малейшей благодарности за то, что я его вытащил. Понимал ли он, что очутился на свободе благодаря мне?

Еще в Коннектикуте передняя машина свернула с главного шоссе и покатила по местной дороге на восток, к океану.

— Куда мы едем? — спросил я.

— Хавать, наверное, — буркнул Беслик и затих.

Мы подкатили к небольшому отелю. Рома подошел к нам и сказал, чтобы мы посидели в машине минут десять, а затем поднялись в комнату под 311-м номером.

— Рома, ты понимаешь, что Леван и Беслик на свободе под залогом? Кто нас ждет в комнате триста одиннадцать и вообще что происходит?

— Не бзди, все в порядке, — ответил Рома.

— Рома, я бы уехал, но я должен привезти Беслика к себе. Я отвечаю за него.

— Тебе же сказали не бздеть, — вдруг ласково вмешался Беслик. — Ну, посидим, перетрем дела, покушаем, все в порядке будет.

Я и посейчас не знаю, как правильно себя вести в подобных ситуациях. Сказать, что если мы сейчас же не поедем с Бесликом ко мне домой, то я разворачиваюсь и еду обратно докладывать о нарушении Бесликом режима? Вряд ли это разумно. К тому же комендантский час начинался в восемь часов вечера, и у нас еще было часа четыре в запасе. Да и что дурного в остановке? Ну, проголодались.

Мы с Бесликом посидели в машине десять минут и поднялись в номер триста одиннадцать. Это был большой номер из двух комнат, что необычно для дешевых отелей, стоящих недалеко от главных магистралей. В гостиной мы увидели всех плюс Колю, Дику и незнакомого мне человека.

— Ну, здорово, Армен, браток, — сказал, входя, Беслик.

Поняв, кто незнакомец, я струхнул не на шутку. Если судья или прокурор узнают об этой встрече, мне конец. Конец моей адвокатской лицензии, конец карьеры, а может быть сценарий и похуже — обвинение в соучастии в преступлении.

— Рома и Коля, можно вас попросить выйти со мной на минутку? — обратился я к наиболее рассудительным из присутствующих.

— Сыды, еб твою мат, — негромко сказал Леван, обращаясь ко мне. — Говори, что этот мраз должен дэлат, чтоб ми отсюда уехаль.

Я посмотрел на Армена. Перевел взгляд на Колю и Дику.

— На нем нет микрофона, — сказал Дика. — Мы его раздевали и осматривали три раза. Он при нас позвонил жене и сказал, что едет в Нью-Йорк по делам. Он знает, что с ним будет, если что не так.

Я снова посмотрел на Армена. Он улыбался Беслику и Левану и говорил, что все будет в порядке и что он заберет свои показания обратно.

— Ти знаеш, что тебе будэт за то, что ти нас сдаль? — спрашивал его Леван.

— Леванчик, о чем ты говоришь? Разве я вас сдавал? Жена, дуреха, перепугалась, позвонила в полицию, дала номер машины. Да и она вас, по большому счету, не сдавала. Просто переволновалась, что меня долго нет.

— Мы тебя, суку, зарежем, — сверкнул глазами Беслик. — Ты мне заплатишь по миллиону за каждый день тюрьги.

— Беслик, ну в чем я виноват? Ты же знаешь, как тут менты работают. Они и мне угрожали, — промямлил Армен, не особенно рассчитывая на сочувствие Беслика по поводу угроз «ментов».

— Где Шихман, сука? Когда бабки будут?! — заорал Беслик.

— Тише! — сказал Коля.

— Что, блядь, тише?! Это наши бабки! Урою эту гниду прямо здесь. — Беслик вскочил со стула и замахнулся на Армена. Армен закрыл лицо руками и отшатнулся.

Я присутствовал при федеральном преступлении. Киднеппинг, поскольку я не сомневался, что Армена доставили в эту гостиницу против его согласия, плюс вымогательство плюс угроза

физического насилия или даже убийства. И я был не просто невинным свидетелем — я был соучастником. Я помог Беслику освободиться до суда под мое честное слово. На будущем суде против меня будет выступать тот же Армен, если выживет, а возможно, и другие присутствующие — Рома, Славик, которым прокурор предложит сделку, лишь бы засадить адвоката в тюрьму. У прокуроров осужденный адвокат ценится так же высоко, как тунец-рекордсмен у рыболовов. Я должен был что-то предпринять, чтобы спасти свою жизнь — не от Беслика и Левана, а от Гросса.

Я встал и быстро направился к двери. Одним прыжком Коля оказался рядом со мной.

— Ты сейчас вряд ли помогаешь Левану, а это, я полагаю, твоя главная задача, — сказал я ему. — Сейчас я выйду из комнаты и пойду к своей машине. Я засеку время. Если ровно через две минуты Беслик не будет сидеть рядом со мной, я разворачиваюсь и еду обратно в тюрьму, где доложу, что обвиняемый Беслик Бароев сбежал. Я не боюсь, что вы со мной что-нибудь сделаете, потому что ровно в восемь вечера в моей квартире раздастся звонок для проверки электронного подключения. Если я не сниму трубку, Беслик Бароев будет объявлен в розыск. Вас всех видели в суде и в тюрьме, возможно, даже сфотографировали, а ты, Коля, если не ошибаюсь, оставил свои данные в тюрьме, когда пытался увидеться с Леваном. И еще кое-что. Ни один уважающий себя итальянец не подставит своего адвоката, как сейчас вы делаете это со мной. Адвоката берегут, охраняют, а вы из меня сейчас сделали свидетеля преступления. Чтобы не было большой беды, я Армена забираю с собой. Армен, подойдите ко мне.

— Никуда я не поеду с вами, мне и здесь хорошо, — заблеял Армен. — Мы все здесь свои люди, никто мне не угрожает, правда, ребята? Мы мирно пытаемся решить проблемы. — Армен завертел головой, ища поддержки у Левана и Беслика.

Я понял, что у Армена настоящий стокгольмский синдром — синдром заложника, который принимает сторону своего мучителя. Рома и Славик сидели молча, Дика полулежал на диване, вертя в руке нож и улыбаясь. Коля стоял рядом со мной у двери. Леван сидел в кресле возле Армена, Беслик — на стуле возле стола. Все ждали, что скажет старший — Леван. Но Леван молчал.

— Ты знаешь, кому ты угрожаешь? — обратился ко мне Беслик. — Подо мной сорок стволов, а под Леваном восемьдесят.

— Беслик, здесь у любого больше стволов, чем у вас обоих. Видели, сколько стволов оказалось у жены Армена, когда вас арестовывали? И вертолет оказался, и многое другое. Беслик, если бы не я, ты бы до сих пор был в тюрьме. Пошли.

— Ты что, блядь, приказывать мне будешь? Я тебя ебал, прокурора ебал и всю твою Америку ебал. Много на себя берешь.

Я посмотрел на Колю. Было видно, что ему все это не нравится, но не его дело было решать, его дело было помогать Левану и подчиняться Левану.

— Коля, — начал я, — подумайте о том, кого вам поручено охранять. Мне же суд поручил охранять Беслика Бароева. С Леваном у меня никаких дел нет, но за Беслика Бароева я отвечаю. Не впутывайте Левана в это дело, это мой вам совет. А с Бесликом мы сами разберемся. Я знаю, что он очень умный человек, немного горячий, но умный. Он сейчас подумает и спустится в машину, где я буду его ждать. Меня здесь не было. И никого из вас здесь не было.

Коля посмотрел на Левана. Леван чуть кивнул головой, и Коля отошел от двери. Я покинул 311-й номер. * * *

Беслик и Дика вышли из гостиницы минут через пять и сели ко мне в машину. В дороге Беслика сморило, и он заснул на заднем сиденье. Мы с Дикой тихо разговаривали. Он сказал, что готов был замочить Армена прямо в номере, потому что такое не прощается. Я спросил, как он собирался мочить Армена, и Дика сказал, что ножом. Он вынул из кармана большой охотничий нож.

— Вот этим, чик — и нету. — Он провел рукой по своей шее.

— А как бы ты потом выбирался из Америки?

— Не беспокойся, выбрался бы.

— Ну и какие бы ты проблемы решил, убив Армена?

— Я же сказал — то, что он сделал, не прощается. Я его все равно убью.

— А что было бы с Бесликом, если бы ты убил Армена прямо в номере?

— А я бы и тебя убил. Для чего нам свидетели? А с Бесликом мы не пропадем.

— А Рома и Славик? Или ты думаешь, что они не станут сотрудничать с ФБР и прокурором?

— И бы их убил.

— А Левана? Или он точно не будет сотрудничать с властями?

— Надо будет, и Левана убью. Я за брата всех убью.

— Дика, расслабься. Ты мне симпатичен, есть в тебе что-то доброе, но я почему-то верю, что ты на самом деле можешь убить.

— И убью!

— Обожди, а кто на брата нападает? Почему тебе надо кого-то убить? Например, я пытаюсь спасти твоего брата от тюрьмы. Я знаю местный расклад, а Беслик и ты — нет, поэтому ты и Беслик должны мне доверять. Если я говорю «прыгай!», надо прыгать.

— Куда прыгать?

— Это фильм такой был, по-моему, с Чарльзом Бронсоном. Он охранял там одну бабу, а она все время делала не так, как он говорил, и поэтому влипала в опасные ситуации. Вот он ей и говорит: «Ты должна мне полностью доверять. Если скажу тебе прыгать, ты должна немедленно прыгнуть».

— А кто сказал, что мы тебе доверяем?

— Ты прав, никто.

— Мы никому не доверяем, кроме самих себя. Беслик мне доверяет, а я ему. И это все. * * *

Я высадил Дику в Манхэттене у ресторана «Русский самовар», показал Беслику на часы, когда он сказал, что тоже хотел бы посидеть в ресторане, и по 51-й стрит поехал в сторону Вестсайдского шоссе, чтобы взять курс на север, в сторону Вашингтонского моста. По мобильнику я позвонил Айлин и предупредил, что скоро приеду вместе с циркачом.

— С кем базарил? — спросил Беслик, когда я отключился.

— С женой.

— Что, недовольна, что я у вас жить буду?

— Беслик, моя жена американка, и многие вещи ей непонятны.

— А что, американцы не люди? Если бы ты попал в такое же говно, как я, ты бы жил у меня без вопросов.

— Беслик, и ты будешь у меня жить, но это не значит, что моя жена будет чувствовать себя хорошо. Она не говорит по-русски, ты не говоришь по-английски.

— Сколько у тебя детей?

— Один ребенок, сын. Его зовут Крис. Он понимает по-русски хорошо, так что, пожалуйста, не матерись при нем.

— Ты за кого меня, блядь, принимаешь? Ты знаешь, где мой сын учится? Он в Швейцарии учится, в лучшей частной школе. Ты знаешь, какие бабули мне эта учеба стоит? У меня жена пединститут закончила. Ты сам знаешь, кто мои друзья.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Лучше вези в магазин цветы купить для жены.

— Не сейчас, Беслик. Потом мы ей цветы купим. Да, и вот еще что — я представлю тебя как артиста цирка. Звать тебя будут... Как ты хочешь, чтобы тебя звали?

— А на хера мне это все?

— Беслик, я сказал уже, что моя жена американка, многого не понимает. Я тебя вытащил из тюрьмы, а ты уж, будь добр, помоги мне. Как ты хочешь, чтобы я тебя представил?

— Ладно, хер с тобой. Представь меня Арнольд. Я помню, в цирке был такой силач, Арнольдом его звали. Мудила, правда, был редкий, но очень сильный. Однажды он на спор выпил три бутылки водки и забросил трехпудовую гирю на крышу сарая. Это на «Динамо» было.

— А что из этих двух упражнений было на спор?

— А хер его знает. Оба, наверное. Он плохо кончил.

— Как?

— Трахнул пятнадцатилетнюю дочку какого-то спортивного комментатора, его посадили. В лагере он думал, что раз сильный, то все под него лягут. А его взяли и доской ночью прибили насмерть. В лагере надо законы уважать.

Я подивился тому, что Беслик захотел назвать себя в честь такого неудачника, но, видно, преклонение его перед силой Арнольда было велико.

Я подрулил к дому. Огни везде потушены, тишина. Я открыл дверь, и мы с Бесликом вошли. На цыпочках я проводил Беслика в отведенную для него комнату на первом этаже, показал, где ванная, спросил, голоден ли он. Беслик сказал, что перекусил бы чего-нибудь.

В картине «Люди в черном» пришелец из космоса, напялив на себя обличье убитого им фермера, просит у фермерской жены сахару и подставляет кружку с водой. Жена высыпает в кружку чайную ложку, но чудище просит: «Еще сахару». Жена добавляет ложечку. «Еще сахару!» Жена добавляет еще одну. Наконец лжефермер выхватывает у нее из рук сахарницу, вываливает все ее содержимое в кружку с водой и залпом выпивает. Громко

отрыгивает. Когда смотришь этот эпизод, наступает рвотный рефлекс — так и представляешь, как эта патока перетекает из кружки тебе в глотку. Отрыжкой пришельца, однако, муки зрителя завершаются. С Бесликом судьба меня столкнула раньше, чем вышел на экран фильм Зонненфельда «Люди в черном», что дает мне основание полагать, что Зонненфельд списал чудище-пришельца с Беслика. Оба любили сахарком побаловаться, и манеры у обоих были примерно одинаковые.

Выпив пару чашечек чаю с десятью ложечками сахара, Беслик принялся звонить в Москву. Говорил Беслик часа два. Один из разговоров был с неофициальной женой Люсей, выпускницей пединститута. С ней он говорил не лучше, чем с младшими по чину братками. Мат-перемат, но все же спросил об успехах сына в швейцарской школе. Выслушав отчет, выматюкал Люсю еще раз.

Учеба сына в Швейцарии означала, что в Бесликовой шкале ценностей высокое место занимают такие понятия, как образование, уют, комфорт, тишина, безопасность — все, чем славится Швейцария. Но ни одной секундой своей жизни Беслик не подтверждал приверженность этим ценностям. Наверняка он послал сына в частную школу в Швейцарию только потому, что это было модно среди олигархов и богатых новых русских.

Русские нувориши совершают большую ошибку, посылая детей учиться в элитарные заведения за границей. Чем образованнее и тоньше будет ребенок, тем быстрее он поймет интеллектуальное и духовное ничтожество своего родителя. Я видел детей олигархов, говорящих на трех языках, читавших Шекспира по-английски, а Монтескье по-французски. Их папы говорили на русском новоязе — смеси блатной фени, партийного жаргона и русифицированных английских слов. Но деньги — великая сила, и дети это знают не хуже взрослых. Тоже подлизываются, признаются в любви, произносят гнусные, фальшивые тосты на юбилеях родителей. При этом в лучшем случае стесняются, а в худшем презирают своих предков. Беслик вряд ли задумывался над тем, какую мину замедленного действия он закладывает в свои отношения с сыном, послав того учиться в Швейцарию.

Беслик говорил так громко, что Айлин спустилась со второго этажа, чтобы попросить нас говорить потише. Я перевел ее просьбу Беслику, который даже не оторвался от телефонной трубки, чтобы поздороваться с Айлин. Он просто вышел с трубкой из кухни и пошел в свою комнату.

Айлин налила себе чая и стала невозмутимо пить маленькими глотками. Я наклонился, чтобы поцеловать ее, но она уклонилась.

Закончив говорить по телефону, в кухню вошел Беслик. Никогда еще наша кухня не вмещала человека таких размеров. Все вдруг в ней стало маленьким: и холодильник, и плита, и кухонные шкафчики, и раковина, и стол со стульями. Я сказал:

— Айлин, это Арнольд, Арнольд, это Айлин.

Беслик взял руку Айлин и поцеловал. Айлин не успела отдернуть руку, да у нее и сил бы не хватило на этот жест. Она испуганно смотрела на щербатое, нечистое лицо Беслика-Арнольда, на его непонятные глаза и перекошенный нос. Но через несколько секунд она пришла в себя и представилась.

— You must be a professional wrestler, — сказала Айлин, надеясь, очевидно, сделать комплимент гостю.

Я перевел фразу Айлин и повторил Беслику инструкции по поводу его нового амплуа.

— Слушай, скажи ей, что я в цирке медведей трахаю. Или что я директор цирка. Нет, вспомнил, скажи ей, что я наездник. Я ведь на самом деле клево на лошади езжу, лучше, чем

в любом цирке.

Я перевел для Айлин, что наш гость чемпион по конной выездке.

Айлин пошла наверх и через минуту спустилась с альбомом фотографий. Она села рядом с Бесликом и развернула альбом. Айлин сама была великолепной наездницей и даже была тренером по выездке, когда училась в колледже. В Буффало у Айлин остались две лошади и пони, по которым она очень скучала. Айлин раскрыла альбом и начала показывать Беслику свои фотографии — Айлин на лошади, на пьедестале почета, когда ей вручают кубок за первое место на чемпионате графства Эри, Айлин получает кубок за третье место на чемпионате Вест-Нью-Йорка, снова на лошади, но уже берущей барьер. Беслик с восторгом смотрел на фотографии. Он не спешил, любовался каждой фотографией, рассматривал детали, цокал языком от удовольствия. Никогда я так внимательно не рассматривал лошадиные фотографии Айлин, как их рассматривал Беслик, а одна из ее лошадей меня вообще чуть не убила, когда галопом понесла в конюшню и я еле успел пригнуть голову, а иначе быть мне тем самым майнридовским всадником. Беслик задавал Айлин вопросы про лошадей, а я переводил. Сколько какой лошади лет? Как часто Айлин тренировалась? У многих ли в Америке свои лошади? Сколько стоит хорошая лошадь? Затем Беслик предложил Айлин вступить с ним в бизнес — он будет присылать ей ахалтекинцев, а она их будет в Америке продавать.

— О, ахалтекин! — воскликнула радостно Айлин. — Судовольствием! Вот таким бизнесом я занималась бы! А вы можете доставать ахалтекинцев?

— Я, девочка, все могу, — гордо сказал Беслик. — Переведи, что она клевая баба и мы еще вернемся к этому разговору.

Я начал переводить и осекся. Левая штанина Беслика задралась и из-под нее выглядывал электронный браслет. Я начал отвлекать внимание Айлин от юго-восточного направления — того, где поблескивал браслет. Глазами я показал Беслику на левую штанину, и он ее послушно одернул вниз.

Уже в постели Айлин сказала мне, что Арнольд, несмотря на страшную внешность, очень милый и приятный парень, ничуть не похожий на брайтонских разряженных эмигрантов.

Когда я утром спустился на кухню, все уже были в сборе — Айлин, Крис и Беслик. Айлин жарила яичницу, а Беслик с Крисом ели хлопья с молоком и разговаривали.

— Хороший у тебя сын, — похвалил Беслик. — Рассказал мне про Америку кой-чего.

— И что же, Крис, ты рассказал Арнольду?

— Он меня спросил, кто президент Америки. Я ему сказал, что Клинтон. Он спросил меня, богатый ли Клинтон, и я сказал, что не знаю. А Арнольд сказал, что зачем же становиться президентом, если от этого денег не будет. — Все это Крис сказал по-английски.

— Крис, ты только что разговаривал с Арнольдом по-русски, пожалуйста, продолжай по-русски.

— Мне кажется, у нашего гостя весьма примитивное представление о том, как работает наша политическая система, — сказала Айлин. — Думаю, что оно настолько примитивное, что объяснять ему что-либо нет смысла. Неужели у всех русских такие же представления?

— У многих, но можно ли их за это винить? В течение семидесяти лет они жили при самом дебильном режиме.

— Наоборот. Они жили при таком дебильном режиме именно потому, что имеют такие представления о власти. И если их представления не поменяются, жить им при дебильном режиме еще столько же.

— Арнольд, ты знаешь «Бородино»? — спросил Крис Беслика.

— Какое Бородино?

— Стихотворение Лермонтова «Бородино». Папа сказал, что все культурные люди знают «Бородино» наизусть.

— Нет, Крис, я не знаю «Бородино», но мой сын точно знает. А я знаю другие вещи, которые мало кто знает.

— Какие вещи?

— Я знаю все о лошадях. Я сразу скажу, какая лошадь больная, а какая здоровая. Когда я был маленький, как ты, я с отцом на неделю в горы уходил. Я знаю, как разжечь костер, как содрать шкуру с оленя или медведя, как приготовить еду. Я могу мясо сырым есть.

— Мама, дай Арнольду сырого мяса. Он сказал, что может есть мясо сырым.

— Он шутит, Крис. С чего бы ему сейчас есть сырое мясо, когда я готовлю для вас всех яичницу?

— Мама, я никогда не видел, чтобы человек ел сырое мясо. Ну дай ему хотя бы маленький кусочек.

— Крис, ты видел, как едят сырую рыбу в японских ресторанах? В некоторых ресторанах подают маринованное сырое мясо, это считается деликатесом.

— О чем это они? — спросил меня Беслик.

Я перевел.

— Я бы хотел сейчас суши, — сказал Беслик. — Ты не можешь съездить в какой-нибудь кабак и привезти суши?

— Бес... Арнольд, во-первых, я должен ехать в офис, во-вторых, японские рестораны утром закрыты. Я думал, ты поедешь со мной, с ребятами встретишься.

— Нет, сегодня я хочу отдохнуть. Телик посмотрю. У тебя есть кассеты с русскими фильмами?

— Что-то есть. — Я подошел к полке с кассетами. — «Полосатый рейс» есть. Смотрел?

— По-моему, смотрел лет тридцать назад. Что еще?

— «Трактористы», «Весна на Заречной улице».

— Это еще что за херня?

— Арнольд, Крис еще не ушел. Я же просил тебя не ругаться. Это очень старые фильмы, но мне нравятся. Я иногда их смотрю. В общем, вот тут лежат все кассеты, смотри что хочешь.

— Борис, ты не оставляешь гостя со мной, не так ли? — спросила Айлин.

— Почему же нет? По-моему, вы неплохо ладите. Он устал, хочет посмотреть какие-нибудь

фильмы. Я могу захватить тебя с собой, сброшу где-нибудь в городе, пойдешь в кино. Или поезжай куда-нибудь в Нью-Джерси, если не хочешь оставаться с ним наедине. В котором часу Крис возвращается сегодня из школы?

— Около трех, как обычно.

— Поезжай по магазинам или дуй в бассейн. А хочешь, проведай какую-нибудь подругу. Не волнуйся — все будет в порядке.

Мы с Айлин вместе вышли из дома, я сел в свою «Альфу» и поехал в офис, а Айлин забралась в свой мини-вэн и тоже куда-то отправилась. * * *

Айлин позвонила мне в полчетвертого и сказала, что Крис показал Арнольду, как играть в компьютерные игры, и он теперь играет со всеми шумовыми эффектами, мешая, конечно, Крису делать уроки. Крис тоже хочет играть в компьютерные игры. Я обещал скоро приехать и отвлечь Арнольда чем-нибудь. Айлин перезвонила через полчаса и сообщила, что Крис случайно услышал разговор Арнольда по телефону и понял, что к нам домой едет большая компания. Я попросил позвать Арнольда к телефону.

— Беслик, кого ты пригласил к нам домой? — спросил я напрямик.

— Ну, ребята подъедут, некоторых ты уже знаешь. А что тут такого? Или судья запретил у тебя дома встречаться?

— Беслик, я тебе уже говорил, чтобы ты не делал из адвоката соучастника. Тебе адвокат нужен незапятнанный, чтобы судья ему верил, чтобы прокурор его уважал. Неужели ты не понимаешь, что ты на свободе условно, под мое честное слово, что впереди суд и что этот суд ты можешь проиграть? Почему ты ведешь себя так неосторожно?

— Так что ж, нам теперь и встречаться нельзя?

— Беслик, тебе только кажется, что то, что вы делаете, и то, о чем говорите, не является нарушением закона. В Америке все иначе. Откуда тебе известно, что телефон не прослушивается? Что возле дома не пасутся агенты федеральной полиции и ФБР? Я почти уверен, что наш дом теперь под круглосуточным наблюдением и судья дал разрешение на прослушивание телефонных разговоров.

— Ну, отменить встречу поздно. Ладно, не бзди, мы будем аккуратно, — успокоил меня Беслик.

Пугая Беслика, я пугался сам. Я бы удивился, если бы федералы потеряли к Беслику всякий интерес. Неужели они ничего не понимают? Неужели прокурор Гросс не получил разрешение на прослушивание телефона? Хотя с другой стороны, это означало бы прослушивание телефона адвоката. Как бы то ни было, рисковать в нашей ситуации было нельзя, и я решил немедленно отправиться домой, чтобы хоть как-то контролировать ситуацию.

Когда я подъехал к дому, то сразу увидел один «БМВ» и два «Мерседеса» с нью-йоркскими номерами. Машины блокировали въезд в гараж. Я бросил «Альфу» на улице и вбежал в дом. В гостиной собрались практически все персонажи этой истории, за исключением адвокатов: Беслик, Леван, Дика, Коля, Рома, Славик и писатель Горский. На столе стояли три бутылки коньяка «Хенnessи» и две коробки с печеньем. Крис крутился среди гостей, показывая, где бокалы и тарелки, но Айлин в комнате не было.

— Крис, где мама? — крикнул я, взбегая по лестнице через ступеньку на второй этаж. Его ответа я уже не слышал. Айлин сидела в кресле и читала.

— Айлин, почему Крис не с тобой? Обычно ты не разрешаешь ему крутиться среди

незнакомых людей.

— Кому незнакомых? Ты же их знаешь.

— Как бы да.

— Кто они? Ты думаешь, я совсем идиотка? Крис сказал мне, что настоящее имя нашего гостя Беслик — он слышал его разговоры по телефону. Кому-то он орал: «Это я, Беслик!» Я думала, Борис, что мы можем доверять друг другу. Я думала, мы не только любовники, но и друзья. Какой же ты друг после этого? Ты ебаный лгун, вот кто ты, а совсем не друг.

— Айлин, пожалуйста, успокойся. Для чего Крису все это слушать? Он еще слишком мал, чтобы слышать, как мама называет папу ебаным лгуном, даже если это так и есть на самом деле. Айлин, ну как я мог тебе сказать правду? Что ты прикажешь мне делать, если судья отпустил Беслика под мою ответственность?

— Ты должен был сказать «нет!». «Нет, нет и нет!» А что делать сейчас, я не знаю. Ты мне солгал — ты и ищи выход из сложившейся ситуации. Я с Крисом выеду из дома. Я прекрасно понимаю, что негодяи, сидящие в нашей гостиной, не посмеют причинить нам вреда. Весь вред в том, что они в нашем доме. Страх у меня перед ними нет. А теперь позови Крису — ему нечего там делать.

— Крис, поднимись немедленно! — крикнул я со второго этажа.

— Одну минуту, папа, я только покажу, как работает микроволновая печь.

— Немедленно поднимись!

Я спустился вниз, когда Рома только что открыл первую бутылку и начал разливать коньяк по винным бокалам, которые Крис достал из шкафа.

— Садись, хозяин, с нами, — любезно пригласил меня к столу Леван. — Налейте Борису тоже.

Рома наполнил мой бокал коньяком на четверть.

— За быстрое возвращение домой! — провозгласил тост Леван.

— Да, Леванчик, натерпелись вы тут. Давайте выпьем, чтобы вы скоро оказались среди верных друзей, которые вас так ждут в Москве, — поддержал тост Левана Рома.

— Да и не только в Москве, — сказал Беслик. — Вон в Берлине вся братва на ушах стоит, да, Дика?

— Ага, Бес, — подтвердил Дика и медленно выпил содержимое бокала.

Все, кроме Беслика, выпили. Крис замороженно смотрел на взрослых и так же степенно осушил свой винный бокал, наполненный апельсиновым соком.

— Я слышал, в Берлине Саню Хряпа убили, — сказал Дика.

— Ну и пидораст, — отреагировал на это сообщение Леван.

— Леванчик, Саня ведь хороший пацан был, у него сын маленький остался, — с недоумением сказал Дика.

— Раз убили, значит, пидораст, — отрезал Леван.

— Крис, иди, пожалуйста, наверх, — сказал я, кипя от негодования.

Отвратительная ситуация. Мой сын выпендривался в присутствии бандитов, а разговоры принимали совсем не детский характер.

— Папа, я уже сделал уроки, я немного побуду с вами, мне интересно, — сказал Крис.

— Крис, пошел вон! — непедагогично закричал я.

— Папа, Арнольда на самом деле звать Беслик, — ни стога ни с сего сказал Крис. — А ты разве не знал?

— А ты чего меня продаешь? — без улыбки спросил Беслик и поднес кулак к скуле Криса. — Ты знаешь, что бывает с теми, кто продает друзей?

— Арнольд, я тебя не продавал, — сказал Крис. — Я сказал об этом только папе и маме.

— Пацан прав, — засмеялся Леван. — Ты для него никто, а отец и мать — это святое.

Леван налил себе еще коньяку и чокнулся с Крисом. Крис зарделся. Хотя Беслик был вдвое больше Левана, Крис как-то почувствовал, что Леван главнее.

Леван медленно поставил пустой бокал на стол, оглядел исподлобья присутствующих и сказал:

— Ну ладно. Ты, пацан, ступай наверх, как тебе батя приказаль. А всем остальным я вот что скажу. Мы ведь сюда не игратья приехали. Нам плёхо будет выглядеть, если Бес и я пустые вернемся. Что ты думаешь на этот счет, Илья?

Я взял Криса за руку и повел наверх. Когда я вернулся, говорил Горский:

— А что я могу думать, Леванчик? Я уже с Исааком Розеном говорил на эту тему и все ему объяснил.

— Ты что, Илья, Исаака сюда втягиваешь? — угрожающе спросил Леван. — Мы все тут любим и уважаем нашего Исаака. При чем тут Исаак? Разве он сказаль — дайте Шихману бабки? Это ты сказаль, а не Исаак.

— Леванчик, не кипятись. Да, я сказал, что Шихман хорошо мои бабки прокрутил. Этот разговор был в кабинете Исаака, тебя там не было, там Беслик был, — волнуясь, сказал Горский.

— Ты чего, Илья, на меня стрелки переводишь? — громко рявкнул Беслик.

— Беслик, ты тогда спросил меня, могу ли я поговорить с Шихманом насчет ваших бабок. Я прямо от Исаака набрал его в Нью-Йорке, и Шихман сказал, что время хорошее и что вы можете загонять бабки.

Обстановка за столом накалялась, разговор мне нравился все меньше и меньше. Я встал и сказал:

— Я рад вас принимать у себя дома, но не исключаю, что здесь все прослушивается. Не надо говорить здесь о делах. Давайте просто посидим, выпьем, а о делах вы потом в другом месте поговорите.

— Борис прав, — поддержал Илья. — Давайте просто посидим, выпьем.

— Какой посидим! Нам как в Москву возвращаться? — возвысил голос Леван.

— Чем больше вы здесь будете говорить, тем меньше у вас шансов вернуться в Москву в скором времени. Не забывайте, что вас, Леван, и Беслика до суда под залог выпустили или под честное слово поручителей, — напомнил я.

— Ты что, угрожаешь нам? — тихо спросил Беслик.

— Рома, объясни Беслику, что это не я угрожаю. Рома, ты же врубаешься в ситуацию, ты здесь живешь, ты уже сталкивался с нашей судебной системой. — Я на самом деле надеялся на благоразумие Ромы.

— Бес, успокойся, он тебе ничем не угрожал, — сказал мудрый Рома. — Он тебя из тюрьмы вытащил.

— Какой я тебе, на хер, Бес? — зарычал Беслик. — Вы чего-то не врубаетесь. Нам с Леваном хер забить на ваших судей и прокуроров. Нам бабки вернуть нужно. А вы все чего-то играетесь с нами. Может, Шихман тебе отвалил сотню кусков, то так и скажи. А может, и Горский с вами в доле сидит, а сейчас в игры с нами играет. А ну, Илья, посмотри мне в глаза. Смотри, блядь, прямо, не вороти морду. Ты брал, сука, наши бабки у Шихмана?

Илья Горский никак не ожидал такого поворота дел. Он был известный человек, и Беслик его поставил в очень неловкое положение. Илья поднял глаза и посмотрел на Беслика. В его глазах блестели слезы. Я взял бутылку и начал разливать коньяк.

— Илья, Беслик просто разволновался, его можно понять. Давайте выпьем, — попытался я смягчить ситуацию.

Илья молча встал из-за стола и направился к выходу.

— Куда пошел? — закричал Беслик. — Думаешь, если знаменитый, тебе все можно?

— Пошел ты на хер, Беслик! — неожиданно спокойно сказал Илья. — Стараешься тебе помочь, а ты как свинья себя ведешь. Ты кому угрожаешь? Или ты думаешь, за меня некому заступиться? Меня беспределом не возьмешь, и сегодняшний вечер ты еще вспомнишь.

Беслик вскочил из-за стола, и от его резкого движения несколько бокалов опрокинулись.

— Убирайтесь к ебене матери из моего дома! — заорала, разумеется по-английски, Айлин, спускаясь со второго этажа. Она стояла на последней ступеньке лестницы в тренировочном костюме. — Я сказала, чтобы все убиралось к ебене матери из моего дома, иначе я вызову полицию! — В левой руке Айлин держала телефон.

Коля зашептал что-то на ухо Левану, Рома со Славиком поднялись, бормоча:

— Relax, everything is OK.

Илья тем временем выскользнул за дверь.

Я подошел к Айлин и тихо ей сказал:

— Спасибо, очень своевременно.

— Ты тоже убирайся к ебене матери, — злобно ответила Айлин.

Она стояла подбоченясь и смотрела, как встают и уходят, не попрощавшись, наши гости. После того как все вышли, она повернулась к Беслику:

— А ты убери за собой и отправляйся в свою комнату. Больше ты друзей сюда не приводишь. Ты также больше не разговариваешь по телефону. Ты гость и веди себя как гость. А не

нравится — иди обратно в тюрьму. А ты, Борис, переведи дословно все, что я сказала. Слово в слово. А будешь играть гребаного дипломата — я попрошу Криса перевести.

— Айлин, успокойся, пожалуйста.

— Переведи все слово в слово, Борис. Я презираю тебя. Ты наложил в штаны — настолько ты боишься этих русских бандитов. Но я американка и могу сказать все, что мне вздумается. Я не собираюсь терять достоинство из-за подонков. Мне наплевать на твоих мафиози, и мой тебе совет — будь таким же гордым, как я. Крис, спустись. Мне нужна твоя помощь.

Крис, который, не сомневаюсь, выслушал всю мамину тираду целиком, с готовностью сбежал вниз и исполнил весьма вольный перевод этой тирады:

— Беслик, убери осколки бокалов и иди к себе в комнату. Почисть зубы и помой лицо. Мама запрещает тебе пользоваться нашим телефоном, а если твои друзья еще раз здесь соберутся, мама позвонит в полицию. Моя мама американка и не позволит русским издеваться над ней. И папа тоже уже американец, и я американец.

— Осколки, адвокат, ты сам уберешь, я тебе не слуга. Если жена позвонит мусорам, тебе пиздец, так ей и скажи. И ей пиздец тоже. Телефон мне нужен, только попробуй его у меня забрать.

Беслик пнул ногой большой осколок стекла и пошел в свою комнату.

— Крис, что он сказал? — спросила Айлин.

— Он сказал, что осколки должен убрать папа, потому что он не наш слуга.

Айлин подошла к Бесликовой комнате, забарабанила в дверь и заорала:

— Ты, сукин сын, немедленно убери осколки, или я позвоню в полицию!

Беслик вышел из комнаты и посмотрел на Айлин, потом на меня.

— Ну, что, замочить вас всех сразу, что ли?

Я понял, что «мочить» он нас не будет. Весь его вид говорил, что этого просто не произойдет. Я сказал:

— Замочи нас, Беслик. Я думаю, у тебя есть секунд тридцать на это, не больше. — Я взял телефон и нажал «91». — Смотри, Беслик, все, что мне нужно, это нажать последнюю «единицу». Мне даже не нужно ничего говорить — в полиции увидят, откуда поступил звонок. А еще они услышат наши крики. Ты даже нож не успеешь взять на кухне. Тебя же уже один раз арестовывали в Америке. Понравилось?

— Я не буду убирать, — тихо сказал Беслик и пошел обратно к себе в комнату.

Я взял веник и совок и начал подметать осколки. Айлин села на ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж, прижала к себе Криса. Большое коньячное пятно расплзлось на светлой обшивке стула. Крис подошел ко мне и стал помогать убирать посуду. Шепотом он сказал:

— Это правда, что Арнольд обещал тебя с мамой убить?

— Конечно нет, Крис. С чего ты это взял?

— Я не знаю всех слов, которые Арнольд говорил, но я так понял. Сначала я подумал, что он собирается нас всех мыть, он же сказал «замочить». А потом ты сказал про нож. Я боюсь, папа. Давай скажем об этом маме. Она американка, она знает, что надо делать.

— А я кто, по-твоему?

— Ты из Харькова.

— Крис, что ты мелешь? Я уже давно американец.

— Папа, давай скажем маме, что сказал Арнольд.

— Мама уже все поняла. Не нужно ее расстраивать еще больше.

Я выкинул осколки в мусорное ведро, и мы пошли спать на второй этаж.

— В хорошее дерьмо мы вляпались. Как ты думаешь выбираться из всего этого? — спросила уже в кровати Айлин. Она обняла меня. — Давай я позвоню в полицию, его тут же заберут. Поверь — в этом его вина, ты сделал для него больше, чем должен был.

— Айлин, ты сама говорила, что людей убивают каждый день. Некоторых в Бруклине убили приезжие русские киллеры. Они делают свою работу и исчезают. Их отпечатков пальцев нет в системе, оружие скорее всего было когда-то украдено. Их не поймают никогда.

— Ты думаешь, все настолько серьезно?

— Нет ничего хуже, чем сдать кого-то в полицию или ФБР. Это то, что не прощают и не забывают.

— Позвони Розену, может, он даст какой-нибудь совет. Он тебя втравил в эту историю, пусть он тебя из нее и выпутывает. Мы так жить дальше не можем.

Я позвонил в Москву Розену и рассказал ему о безобразном поведении Беслика, попытался объяснить, что его протеже ставят меня под страшный удар. Исаак выслушал и ответил, что из Москвы ему разобраться с Бесликом и Леваном трудно.

— Честно скажу, реально помочь ничем не могу, — сказал он. — Ты должен их тоже понять — ведь если они вернуться без бабок, то я не знаю, где им будет лучше — в американской тюрьме или здесь, в Москве, на свободе.

Мы лежали молча. Айлин не разбиралась в тонкостях постсоветского уголовного мира, но, может быть, чтобы эффективно общаться с его представителями, в нем и не нужно особенно разбираться. Может быть, я слишком тонко в нем разбираюсь и мне это сильно мешает? Снизу послышался могучий храп Беслика.

— О чем думаешь? — спросила Айлин, глядя в потолок.

— На Розена рассчитывать нечего. Говорит, что оттуда он ничего сделать не может. Айлин, я не думаю, что звонок в полицию — лучший выход из положения. Да, Беслика заберут, но никто не будет нас охранять круглосуточно. Не менять же нам имена и фамилии, поселившись где-нибудь в Айдахо. Что будет с моей практикой, моими родителями, друзьями, в конце концов? В одном ты права — я не должен Беслику позволять себя запугивать. Как только он поймет, что может держать меня в страхе, мне конец.

Посреди ночи раздался телефонный звонок. Айлин сняла трубку. Затем толкнула меня в бок и сунула трубку мне.

— Ты только дернись, падла, уроем вас всех.

Спрашивать, кто звонит, в таких случаях глупо и бесполезно, тем более что после угрозы в трубке раздалась гудка. Я и так понял, кто звонит и по какому вопросу. В ту ночь я не спал.

Айлин тоже. * * *

На следующее утро в семь часов утра позвонил Дика и попросил, чтобы я привез Беслика в офис — нужно встретиться и поговорить. Я разбудил Беслика в девять часов утра и сказал ему, чтобы он одевался, так как мы скоро выезжаем. Айлин была наверху, Крис уже был в школе.

— Завтракать будем? — спросил Беслик после душа.

— Не будем, мы опаздываем. Звонил твой брат и назначил встречу на одиннадцать часов утра в моем офисе. Сказал, что будет Леван.

— Ну хоть чаю давай попьем, — вполне миролюбиво попросил Беслик. — Я бы сам сделал, но не знаю, как у вас тут все работает.

Я приготовил Беслику чаю с бутербродом, сел напротив. Он деловито намазывал хлеб маслом, аккуратно клал кружок колбасы на хлеб, откусывал большой кусок, отхлебывал чай. Он был нестрашен. Не верилось, что этот аппетитно жующий человек может убить.

Айлин со второго этажа не спускалась.

— Что, жена обиделась? — спросил Беслик.

— Да нет, что ты. Ну, пригрозил ты убить ее и ее мужа, разве на это обижаются?

— А вы со мной как? Разве не хотели меня сдать ментам?

— Сейчас не время об этом говорить, Беслик. Собирайся, поехали.

В дороге мы в основном молчали. Беслик смотрел по сторонам. Иногда ему нравился какой-нибудь джип, и он спрашивал меня, что это за модель. Иногда он бурчал:

— Дороги у вас, я вижу, такие же херовые, как и у нас.

Когда я закурил, попросил меня потушить сигарету. Потом спросил, почему у меня такая тачка херовая.

— Это «Альфа-Ромео» херовая тачка? — обиженно спросил я.

— А что? Конечно херовая.

— А какая не херовая?

— Шестисотый «мерин». У меня в Москве шестисотый «мерин».

— Ты знаешь фирму «Форд»?

— Конечно знаю!

— А почему фирма называется «Форд», знаешь?

— Не знаю. Почему?

— Ее основал Генри Форд. Так вот, Генри Форд однажды сказал, что всегда приподнимает шляпу, когда навстречу ему едет «Альфа-Ромео».

— И чего он так сказал?

— Потому что «Альфа-Ромео» в свое время выигрывала все главные призы на гонках. Энци

Феррари начинал на «Альфа-Ромео». Про Феррари, я надеюсь, ты слышал. Лучшие гонщики были в команде «Альфа-Ромео». А ты называешь мою машину херовой.

— Ладно, я не знал, извини. Когда сын подрастет, первую тачку я ему куплю «Альфу-Ромео». Пусть гоняет. * * *

В офисе я посадил Беслика в библиотеке, дал ему какие-то журналы, а сам пошел проверять почту. Ровно в одиннадцать часов появились Леван, Коля и Дика. Леван был выбрит, пах одеколоном. Коля был по-прежнему в спортивной одежде.

— Ну, что делать будем, браток? — спросил Беслика Леван. — Как валить отсюда будем?

— Не знаю, Леванчик. Все из-за Шихмана-пидораста. Надо его найти и бабки забрать.

— И как ты его искать собираешься? Ты знаешь, где он живет, где прячется? Или ты всю Америку на уши поставишь?

— У Ильи Горского спросим. Он должен помочь, он же нам его посоветовал.

— Тебе, а не нам. Нам Шихмана ты посоветовал. Меня там не было, когда вы этот вопрос решали.

— Не понял, Леванчик. Мне Горский сказал, что Шихман бабки хорошо прокручивает, я тебе и твоим ребятам предложил — если хотите, дайте бабки, вы сказали — хотим. Что ты из меня крайнего делаешь?

— А ты и есть крайний.

При этих словах Коля еле заметно придвинулся к Левану. Дика в ответ громко ерзнул стулом, пододвигаясь к Беслику. Мы сидели в конференц-зале моего офиса, по разным сторонам большого прямоугольного стола. Я сидел во главе стола, слева от меня Леван и Коля, справа Беслик и Дика.

— Леван, что ты несешь?! — заорал Беслик и вдруг поднял ногу и засучил штанину, показывая браслет. Он выглядел как инвалид, показывающий культю в собесе, чтобы ему без очереди выделили мешок картошки. — Я, блядь, с браслетом хожу, как животное, а ты на меня такое говоришь!

— Дело говорю, брат, дело, — неумолимо сказал Леван. — Ты меня сюда затащил, ты меня и вытаскивай.

— Как я тебя вытащу, Леван? — снова вскочил Беслик и перегнулся через стол, почти нависнув, благодаря громадному росту, над Леваном.

Дика вскочил на ноги. Коля спокойно сидел, не сводя глаз с Беслика. Я сидел беспокойно, время от времени повторяя:

— Тише, ребята, в офисе есть и другие адвокаты, они могут полицию вызвать.

Я уже хотел, чтобы именно так и произошло. Но никто из братков не обращал на меня внимания.

— Чего орешь? — гаркнул Леван, тоже вскакивая. Его лицо почти уперлось в Бесликово. — Ты меня хорошо знаешь, Беслик! Ты сказал — бабки выьем, нету бабок. Ты посадил меня. Я в Москве должен быть. Я каждый день бабки теряю.

— И я теряю, — уже тише сказал Беслик, садясь. — Ты напрасно наезжаешь на меня,

Леванчик. Развели нас как лохов. Я поговорю с Исааком насчет Горского.

— Что мне твой Исаак? Он что, мой начальник?

— Ты же знаешь, как все Исаака уважают. И Бурят его уважает. Мы не можем решать такие вопросы без Исаака и без Бурята.

— Может, ты хочешь к Буряту подъехать с этой проблемой? — насмешливо спросил Леван.

— Пошлет он тебя на хуй и будет прав! Смотри, не ввязывай уважаемого человека в это дело, у него и без нас забот хватает.

На этом разговор закончился. Леван с Колей встали и не попрощавшись ушли.

— Надо было мне пиздануть его прямо здесь, — сказал Дика.

— Отъебись, — нервно ответил Беслик. — Надо было, так чего не пизданул?

— Слушай, ты, — обратился он ко мне, — отвези нас к Карповичу.

— Я не знаю, где он живет, — сказал я.

— Ну, в кабак отвези, может, он там.

— Кабак, Беслик, только вечером откроется, и то они открыты только по пятницам, субботам и воскресеньям. К тому же я работать должен. Я запустил все свои дела, а десять тысяч, которые ты мне заплатил через Романа, уже давно отработаны.

— Ты что, гнида, сказал? Ты же видишь, падла, что нас на лимон наказали, теперь ты нас выдоить хочешь? Я тебя, сука, пришью, а жену твою в рот... — Беслик встал. — Чтоб сегодня вечером все бабки отдал, сука. Дика, закажи такси, поедем к Карповичу в кабак. Мы тут наведем порядок.

В дверь заглянул адвокат Марк Шеймс проверить, не случилось ли чего. Я ему сказал, что пока нет, и полицию вызывать рано. Попросил его, тем не менее, быть начеку и, если я закричу, немедленно позвонить в полицию.

Очевидно, Дика понял слово «полис». Он заулыбался:

— Ладно, Боря, ты же видел, как Леван Беслика достал.

— Дика, выйдите на улицу и ловите такси, их тут полно, — вот на бумажке я записал адрес моего дома, где Беслик должен быть в восемь часов вечера.

Беслик и Дика вышли из офиса. Я тут же набрал Сережу Карповича и рассказал, кто собирается к нему в гости.

— Спасибо, друг, что предупредил, — сказал Сережа.

Затем я набрал номер Билла. Этот номер я хранил с того дня, как Билл пришел ко мне в офис два года назад. Его русской подруге нужен был статус, и я помог ей получить политическое убежище. Я надеялся, что Билл меня помнит. Мне не надо было рассказывать ему, в чем дело и какая мне нужна помощь. Помочь Билл мог только в одном — ускорить получение разрешения на хранение огнестрельного оружия. Билл приехал через сорок минут. Я хотел было рассказать ему о своих невзгодах, но он меня перебил:

— Чем меньше я знаю, тем лучше.

Мы заполнили формы, зашли в центральное полицейское управление, где я

сфотографировался и сдал отпечатки пальцев. Затем Билл оставил меня в какой-то комнате, а сам вышел. Через полчаса он явился, помахивая лицензией на хранение пистолета в офисе.

— С тебя сто долларов за ускорение процесса, — сказал он.

Я дал ему стодолларовую купюру, и мы направились в стрелковый клуб, находящийся в двух кварталах от офиса на Мюррей-стрит. В клубе тренировались два интеллигентных очкарика и молодая женщина. То и дело раздавались оглушительные выстрелы. Усатый менеджер по имени Скотт приветствовал Билла. Билл представил меня и спросил, какое оружие он посоветует начинающему любителю.

— И вообще просвети парня на тему ближнего боя.

Скотт сказал:

— Ты же знаешь, что я признаю только «кольт сорок пятый магнум». А все остальное — оно и есть все остальное.

Скотт вынул громадный пистолет из кобуры на поясе, высвободил щелчком обойму, передернул затвор, проверяя, не остался ли патрон в стволе, и протянул мне оружие.

— Когда и из чего ты стрелял последний раз? — спросил он.

— В семьдесят третьем году из «токарева».

— «Токарев» неплохой пистолет. Если тебе нравятся русские пистолеты, я могу достать чешский или китайский «макаров» или «токарев».

— Ни в коем случае. Я хочу «вальтер» или «беретту». Из них Джеймс Бонд стрелял.

— Я бы на твоём месте взял «кольт».

— Дайте попробовать.

Мы подошли к стенду, Скотт дал мне наушники и защитные очки. Сначала выстрелил Скотт. Грохот был такой, словно линкор «Миссури» шарахнул из носовых по Триполи. Остальные патроны в обойме израсходовал я. «Кольт» оказался на удивление точным оружием — все пули пошли не ниже «восьмерки».

— Хорошая кучность, — похвалил Скотт. — Бери «кольт»: даже если не попадешь в жизненно важный орган, болевой шок будет такой, что о сопротивлении не может быть и речи. Я почему не люблю маленький калибр, скажем, двадцать второй? Если двадцатидвушка попадет прямо в сердце, то у подонка еще секунд двадцать жизни, пока кровяной цикл не закончится, а за это время он успеет в тебя две обоймы выпустить. Зато на большом расстоянии двадцать второй хорош тем, что пуля, попав в корпус, рикошетит от костей, круша все на своем пути. Она ведь легкая, вот и рикошетит. Кстати, с какого расстояния, ты думаешь, придется стрелять?

— Метра два-три.

— Ну что ж, это чуть больше средней дистанции применения пистолета. По статистике ФБР, в подавляющем большинстве случаев из пистолета стреляют с расстояния одного и семи десятых метра. Так что тебе не глаз тренировать нужно, а очко. Кстати, поскольку у тебя лицензия на хранение, а не на ношение, стрелять, очевидно, ты будешь внутри помещения?

— Думаю, что да. Я имею право хранить пистолет в офисе, значит, если придется, стрелять я

буду тоже в офисе.

— Нарисуй-ка мне план своего офиса.

Я быстро нарисовал план, отметив мой угловой офис.

— А теперь нарисуй план комнаты. Где ты сидишь, где противник сидит, какая мебель в офисе.

Я нарисовал стол, стул, диван, кресло, тумбочки.

— Нет, «кольт сорок пятый» в такой ситуации применять нельзя. Если ты промажешь, пуля прошьет стены во всех смежных комнатах, и ты случайно можешь убить кого-нибудь даже в дальней комнате. Тебе нужен тридцать восьмой или девятимиллиметровый калибр, что почти одно и то же. Удар от такой пули вполне приличный, хотя с «магнумом» сорок пятого калибра не сравнить, но зато вряд ли отправишь на тот свет невинную душу в соседней комнате. Значит так, выбирай или «беретту», или «глок».

— А какая между ними разница?

— «Глок» неприхотлив, с ним можешь хоть в пустыню, хоть в джунгли. «Беретта» — как итальянская женщина, за ней уход нужен, а то скандалить начнет. Если забудешь смазать, точно осечка будет. Но зато последняя модель, «кугар», стреляет почти без отдачи. Его называют пистолетом двадцать первого века.

Скотт достал оба пистолета. «Беретта» была черная, «глок» — стального цвета. Я подержал оба пистолета в руке. «Беретта» была приятнее, роднее. Классная итальянская игрушка. И машина у меня была итальянская «Альфа-Ромео» — красивая, быстрая, ненадежная. В пустыню я в ближайшее время не собирался, в джунгли тоже. Я взял «кугар». И к нему по совету Скотта коробку самых дорогих патронов «винчестер» с высверленным сердечником.

Я вспомнил фотохронику Второй мировой. На одной фотографии бойцы заряжали пушку снарядом с надписью «Гитлеру от Сталина». На каждом патроне я хотел выгравировать «Беслику от Бориса». * * *

Вечером дома я как следует выпил.

«Почему осетин может, а еврей нет?» — думал я.

Ни один порядочный грузин, армянин, да кто угодно, не спустил бы Беслику его угрозу. Я не знаю, почему я рассуждал о мести за оскорбление именно в национальном плане. Почему я чувствовал себя в тот момент больше евреем, чем мужем или даже мужчиной? Беслику мое еврейство вообще было до лампочки, почему же я чувствовал себя униженным именно как еврей? В общем, убить Беслика я решил как еврей, а не как мужик.

Пил я один в кухне, на втором этаже Айлин проверяла домашнее задание Криса. В восемь вечера такси доставило Беслика. Он вошел, поздоровался, попросил апельсинового сока. Я дал ему стакан сока, и он сел как ни в чем не бывало за стол напротив меня. Я молчал. Со второго этажа спустился Крис и спросил Беслика, будет ли он сегодня есть на ужин сырое мясо.

— Я уже обедал, — с улыбкой ответил Беслик.

— Ну съешь хоть маленький кусочек, — попросил Крис.

Я был удивлен, насколько хорошо дети разбираются в том, на каком языке с кем надо разговаривать. Со мной Криса не заставишь и двух слов по-русски сказать, а с Бесликом —

пожалуйста, и даже почти без акцента.

— Ну, тащи, съем кусок, но маленький.

Крис вытащил из морозильника здоровый кусок говядины и протянул его Беслику.

— Этим мясом можно только гвозди забивать, малец, — сказал Беслик. — Нехорошо мороженое мясо гостям подавать на ужин. Это ты папке своему дай, ему полезно будет.

— Крис, положи мясо обратно в морозильник и ступай наверх, — сказал я жестко.

— Я бы хотел побыть с вами, я сделал домашнее задание, — по-английски сказал Крис.

— Крис, иногда мне не хочется повторять сказанное, и сейчас именно такой случай. Немедленно ступай наверх и скажи маме, что я скоро поднимусь к ней. Спокойной ночи, Крис.

— Я буду волноваться за тебя, папа, — сказал Крис.

Он пожелал Беслику спокойной ночи и затопал по лестнице наверх. Мы с Бесликом остались одни в кухне.

— Ты бабки приготовил? — спросил вполне миролюбиво Беслик.

— Нет. Почему ты считаешь, что я должен бесплатно работать? Мало того, десять тысяч давно отработаны, а я до сих пор твоими делами занимаюсь.

— Сколько тебе дать времени на сбор бабок? Даю тебе три дня. Через три дня ты принесешь десять тысяч. За каждый просроченный день ты мне должен будешь тысячу баксов. Вопросы есть?

— Нету.

— Ну тогда спокойной ночи.

Беслик пошел в свою комнату.

Я позвонил Исааку Розену, разбудил его, сказал, что так больше продолжаться не может: Беслик оскорбляет меня, мою жену, требует деньги, делает из меня сообщника. Розен помолчал и сказал:

— Обратись за помощью к Буряту. Скажи, что я разрешил.

Когда я поднялся в спальню, Айлин спала. Чувствуя, что я все равно не засну, я спустился вниз и позвонил моему старому другу Марику, с которым учился в одной школе. Марик не спал, но по телефону рассказывать все, что со мной произошло, не хотелось.

— Марик, пошли в бар, посидим. Мы с тобой никогда не ходим в бары, а до эмиграции думали, что из баров вылезать не будем.

— Да, Америка в этом плане меня разочаровала. Я люблю декаданс, а тут им и не пахнет. Если здесь сиську в кино показать боятся, сексом занимаются в одежде, какой уж тут декаданс?

— Вот и пошли в бар, выпьем чего-нибудь, поговорим.

— На работу, значит, завтра тебе не надо. А мне надо.

— Марик, считай, что это не приглашение, а просьба. Мне нужно с тобой поговорить, но разговор этот не для посторонних ушей.

— Ну, приезжай, жена уже спит, кто нам помешает?

— Я хочу пить, курить и разговаривать. Я жду тебя в «Ржавом гвозде» через полчаса. * * *

Марик был рыжим евреем, который благодаря упорным занятиям йогой стал больше похож на индуса, чем на еврея. От рождения тщедушный Марик мог так надуть свою грудную клетку, что становился похож на кобру, тем более что носил очки с толстыми линзами. Он забрасывал свои волосатые ноги на плечи, выкручивался в разные стороны, а затем принимал позу лотоса и сидел в ней часами, размышляя над философско-математическими проблемами. При этом в свободное от позы лотоса время он курил и пил виски. Напиваясь, читал наизусть стихи хороших поэтов. Особенно он любил Бродского. Марик закончил физико-математическую школу, затем физико-математический факультет Харьковского университета, затем эмигрировал в США, получил в Бостонском университете степень доктора физико-математических наук и теперь работал гением в кузнице нобелевских лауреатов — компании Bell Labs. По жизни Марика многие считали почти идиотом, но такого мнения придерживались только очень поверхностные люди. Марик считал риски. Сначала их выявлял, затем подсчитывал. Он не шел ни на какие выгодные сделки, и всегда оказывалось, что он был прав. Он предсказывал биржевые крахи и взлеты и удивлялся, как другие этого не видят. Жена Марика Ира занималась до эмиграции математической лингвистикой, но в Америке переквалифицировалась и стала торговать недвижимостью.

Советоваться с Мариком было трудно и даже неприятно. Ведь когда мы просим совета, мы часто хотим получить подтверждение того, что наш выбор правильный. С Мариком этот номер не проходил. Он выслушивал факты и предлагаемый алгоритм действий, мгновенно находил слабые места и доказывал, что лучше ничего не делать, чем идти по предложенной схеме. Из-за Марика я не стал миллионером миллион раз. Благодаря ему я жив.

Марик был хорошим и беспощадным другом. Да, денег у него лучше было не занимать.

— Для этого есть банки, — говорил он. — Я знаю, ты смело можешь получить сто тысяч кредита, почему же ты должен стрелять у меня десять тысяч на три месяца? Ты ко мне относишься несправедливо.

Но и он никогда не просил в долг, хотя времена у него бывали разные.

Марик приехал в «Ржавый гвоздь» на своем новом «Вольво». Мы вместе вошли в затемненный бар и сели за столиком у окна. Я заказал «Кровавую Мэри», а Марик водку-мартини. Свой первый коктейль я выпил не говоря ни слова, словно это был стакан воды, а я умирал от жажды. Марик не торопил меня. Я заказал джин с тоником, чтобы сбить соленый вкус «Кровавой Мэри». Осушив коктейль наполовину, я сказал:

— Марик, мне нужно убить одного человека.

— Кого? — спросил Марик.

Я вкратце рассказал ему историю с Бесликом и Леваном, описал ситуацию, в которую попал.

— Понимаешь, Марик, мы с тобой вроде бы интеллигентные еврейские ребята, ценим человеческую жизнь превыше всего. Нам срут на голову — утремся, нам угрожают убийством — пойдем и исправимся, угрожают наших жен трахнуть в рот, а мы не поверим — слишком гротескно. Так жить, Марик, не по-мужски. Я хочу убить Беслика, потому что большинство мужчин убило бы такого обидчика и надругателя. Это страшное, неблагодарное, опасное животное, и его уничтожение будет благом для человечества.

— Боря, ты хочешь убить бандита — это нормально, но давай теперь уберем пафос из этой ситуации. Я же не говорю тебе, что твое намерение аморально. Тебя, я вижу, не интересует, нужно ли это делать, а только — как это сделать с наименьшими потерями, то есть как убить и при этом не быть пойманным. Ты знаешь, это, наверное, самый старый вопрос в истории человечества. Я не говорю об Агате Кристи, все детективы которой посвящены именно попытке преступника скрыть преступление, которое блестяще раскрывается Пуаро или мисс Марпл.

— Да и у Конан Дойля то же самое.

— Да и история Каина с Авелем — все о том же, только там дело распутывал не Шерлок Холмс, а сам Господь Бог, который был не только следователем, но и свидетелем, поскольку всевидящ и всеслышащ. Ну и судьей заодно. Кстати, интересный случай, если анализировать психологию самого судьи.

— Марик, не попасться — только половина дела. Вторая половина — избежать мести бандитов и кровной мести брата-бандита.

— Я понял, что его брат здесь. Дика... Хорошее имя для бандита.

— Беслик тоже неплохое. Дика и Беслик... Дикий бес.

— Первая реакция — убивать надо обоих братьев сразу, но откуда ты знаешь, что у Беслика нет еще братьев, кроме Дики? Вдруг там целый клан?

— Значит, убивать надо так, чтобы никто не подумал на меня.

— Так какого хрена ты звонишь Розену каждый день и жалуешься на Беслика? Тут не надо быть Эйнштейном, чтобы сразу тебя вычислить. Какие бы ты алиби ни придумывал, ты — первый подозреваемый именно в свете твоих жалоб на Беслика. Кроме Розена, ты также жаловался на него всем бандитам. В такой ситуации так просто стрелки не переведешь. Операцию отменяю.

Марик заказал еще одну водку с мартини, я заказал скрудрайвер, чтобы сбить терпкий вкус джина с тоником. Марик отменил убийство Беслика и Дики так буднично, как будто речь шла о том, чтобы не взять их с собой в кино.

— Что значит отменяешь?

— Отменяю, потому что неминуемо либо уголовное преследование за убийство, либо попытка убийства тебя, либо и то и другое. Шансов выйти сухим из воды у тебя практически нет.

— И тем не менее я иду на это. Думаю, при правильном планировании можно исключить уголовное преследование или по крайней мере свести шансы прокурора на мое осуждение к минимуму.

— Каким образом?

— У меня есть разрешение на хранение пистолета в офисе и уже есть пистолет. Я уверен, что при следующем нашем разговоре в офисе Беслик опять меня оскорбит. Тогда я спокойно скажу ему что-нибудь типа: «Ну и скотина же ты, Беслик. Козел ты недоношенный». Реакция Беслика однозначна — он тут же бросится на меня. Я достаю пистолет и стреляю ему прямо в башку. И еще раз, и еще раз, если нужно.

— А для чего тебе нужно, чтобы он на тебя бросался?

— Как для чего? Если он бросился, значит, учитывая размер Беслика, мне грозила смертельная опасность. Я ведь имею право применять оружие только в том случае, если есть угроза жизни. Кулак Беслика — смертоносное оружие, и присяжные, ознакомившись с размерами Беслика и его кулака, подтвердят это. Да прокурор и не будет заниматься судебным преследованием. Когда нападает человек таких размеров, понятно, что своей физической силой я его остановить не могу.

— Ну так все-таки для чего тебе нужно, чтобы он на тебя бросился? Шмаляй его в спокойной обстановке, когда он ничего не подозревает, а на допросе потом расскажешь, как он на тебя бросился. Мало того, после того, как убьешь его, сунь ему в руку что-нибудь острое, ну, скажем, нож для открывания конвертов.

— Ты хочешь, чтобы я стрелял в сидящего спокойно на диване Беслика?

— А ты, по-моему, больше хочешь напоследок обозвать его, нежели грохнуть. Ты что, тренированный спецназовец? Неужели ты думаешь, что, если Беслик на тебя бросится, у тебя будет время вытащить и наставить пистолет в нужном направлении? А если ты только заденешь его, причем легко? Хватит ли у тебя хладнокровия добить его? Нет, уж лучше стрелять, когда он спокойно пьет кофе. Кстати, а когда ты братана его Дику кончать собираешься?

— Так ты же сам сказал, что неизвестно, сколько у Беслика братьев.

— Вот именно. Но мы знаем, что один точно есть. Его и надо кончать. А там, может, все осетинское село в Америку выедет для мщения. Пусть сначала визы получают, потом оружие здесь достанут, авось где-то и засветятся.

— Дика меня не оскорблял. Я бы не хотел его убивать.

— А ты и не сможешь. На таком маленьком пространстве, как твой офис, два здоровых невооруженных человека находятся в более предпочтительном положении, чем один нетренированный человек с пистолетом.

— Что же ты предлагаешь? Ты же только что сам отменил операцию.

— Его убью я. Я буду с тобой в офисе. Зашел к другу в гости.

— Марик, ты вообще в своем уме? Ну, ладно, я вляпался, но ты-то никуда не вляпывался. Для чего тебе все это нужно?

— Во-первых, мы друзья. Во-вторых, ты один не справишься. В-третьих, мне так все осточертело. К тому же я верю, что буду вершить святое дело.

— Марик, негоже еврею просто так стрелять в безоружного человека.

— Ты мне тоже надоел. Если негоже, то иди в полицию и расскажи там дежурному копу, что осетинский бандит твою жену содомировать обещал.

— Не содомировать, а заставить отсосать.

— Вот-вот, отсосать. Уверен, что он тут же схватит пистолет и побежит сам стрелять в Беслика. Ладно, давай по двойному скотчу и разойдемся. * * *

Я пришел домой поздно ночью. У себя в комнате храпел будущий труп Беслик. Голова у меня гудела и начинала болеть. Я тихо поднялся в спальню и с удивлением увидел бодрствующую Айлин. Она лежала на кровати и читала какой-то роман Пола Остера.

— Почему ты не спишь? — спросил я, целуя ее в лоб.

— Как я могла заснуть, если Бесликовы друзья звонят каждые пятнадцать минут. Посиди немного — скоро снова позвонят, уже прошло десять минут с последнего звонка.

— А почему ты им не сказала, чтобы они больше не звонили?

— Они что, цивилизованные люди? Сначала я говорила с ними вежливо, потом послала. Наверное, первый звонящий плохо говорит по-английски, потому что в следующий раз позвонил мужчина, который на вполне приличном английском назвал меня «гребаной сукой» и предложил несколько вариантов экстремального секса.

— Кто же это был?

— Он забыл представиться, а я не спросила. Потом телефон звонил каждые пятнадцать минут, но я уже трубку не снимала.

Несколько минут мы сидели в молчании. Я все время поглядывал на телефон, и он не заставил себя долго ждать. Я снял трубку со второго звонка и услышал:

— Если твоя баба не будет тебя звать к телефону, оттрахем ее.

Я спросил, кто звонит.

— Не твое дело, кто звонит, зови Беса к телефону.

— Он спит.

— Скажи от Бурята — сразу проснется.

— Я сам хочу говорить с Бурятом.

— Ты, ссыкун, понимаешь, что ты сейчас сказал? Ты отвечаешь за свои слова?

— Понимаю. Когда я могу поговорить с Бурятом? Скажите ему, что Исаак разрешил.

— Сиди у телефона.

Через три минуты тот же голос сказал:

— Завтра в пять часов вечера за тобой заедут к тебе в офис. А Бес пусть спит. * * *

Я приехал в офис к одиннадцати часам утра. Еще раньше, около девяти, за Бесликом заехал на лимузине Дика, и они куда-то уехали, сказав, что зайдут в офис часам к трем. Секретарша принесла кофе, я закурил и достал «беретту» с книжной полки, куда положил ее накануне. Я подумал, что среди книг найти пистолет будет труднее. Я подержал «беретту» в руке, вынул магазин, защелкнул его обратно — так всегда делают в кино и в книгах. Потом положил пистолет в ящик стола. Вынул, засунул в кобуру и повесил кобуру на пояс под пиджак. Было неудобно, и я снова положил «беретту» в правый ящик стола. Затем задумался — а успею ли я выстрелить в Дику? Ведь не будет же он просто так стоять, в то время как я на его глазах убиваю брата. К тому же Дика ходит с охотничьим ножом. Что ж, придется убивать и Дику, который меня никак не оскорблял.

Я занялся запущенными делами. Написал несколько писем, позвонил старым клиентам. Вдруг распахнулась дверь, и в комнату вошел Беслик.

— Хули ты Исааку на меня жалуешься? — спросил он с порога.

— Беслик, давай я прямо сейчас позвоню Исааку, и ты ему повторишь, что ты собираешься сделать с моей женой.

— Я сказал, что... ее в рот. И тебя заодно.

— При этом я тебя вытащил из тюрьмы и поселил у себя дома.

Внутри у меня все свело. Я почувствовал, как мои губы покрылись чем-то белым, во рту стало сухо. Ненависть к себе была сильнее, чем страх перед Бесликом. Я не боялся, что он прямо сейчас что-то со мной сделает. Я боялся последствий того, что я сейчас сделаю с ним.

— Бабки давай, гнида. — Беслик замахнулся правой рукой. Не для удара — так не бьют, а для запуга.

Я вдруг понял, что сейчас произойдет. Посмотрел на свою правую ладонь, вытянул пальцы. Они не дрожали. Я приложил указательный палец к губам и тихо прошептал:

— Тс-сс. Тише, Беслик.

Беслик замолчал. На лице его была растерянность — он ожидал другой реакции.

Я достал «беретту» и навел дуло на его рожу.

— Тс-с, Беслик. Присядь на диван, вот здесь, — прошептал я и дулом указал на диван, стоящий напротив стола.

Беслик сел. Белая накипь моментально перешла с моих губ на его.

— Тебя убить? — шепотом спросил я.

— У нас с Дикой бабки кончились, — хриплым шепотом ответил Беслик.

— Беслик, встань и уходи, иначе у тебя жизнь сейчас кончится. Ко мне больше не приходи. Придешь — до конца жизни в американской тюрьме гнить будешь.

Беслик встал и вышел из комнаты.

Сосредоточиться на работе я, разумеется, не мог. Позвонил Марику, рассказал, что только что произошло. Мне нужно было сочувствие, но Марик сказал, что нужно было кончать Беслика прямо в офисе. «Вот что рутина делает, — подумал я. — Марик никогда из воздушшки птичку не подстрелил, зато готов на убийство человека».

Я отпустил секретаршу домой. Прицепил кобуру на пояс и запер входную дверь. Прошел час. Через час за мной должны заехать и отвезти к знаменитому Буряту. Ничего не хотелось делать. Я думал только о Беслике и о «беретте». И еще о том, что я не смогу убить Беслика. Я не знал, как относиться к этому факту — с презрением к самому себе или равнодушно. Ну что ж, такой я человек, могу что-то другое, а вот убить — нет. Я также понимал, что Беслик не простит мне свой страх перед наведенным на него пистолетом. Наверное, меня скоро убьют. Кто-то из брайтонских бандитов выследит меня и застрелит как собаку. Зазвонил телефон. Не хотел поднимать трубку, но на определителе высветилось — Лэйн Стюарт.

— Да, Лэйн, что случилось? — Я даже не поздоровался.

— Гросс хочет, чтобы ты ему позвонил. Будь осторожен и дай знать, чем все закончится.

— Спасибо за предупреждение, Лэйн.

Чего Гроссу от меня надо? Хочет в ловушку заманить, персонального врага из меня сделал?

У него такая карьера впереди, и вот я ему сдался! Одно лишнее слово, и мне конец. Я не знаю, что говорил Армен, сознался ли он в том, что была незаконная встреча в гостинице, на которой я присутствовал. Может быть, мне пора самому нанимать адвоката? Отвечать или не отвечать на вопросы Гросса? Хрен с ним, возьму Пятую поправку, и будь что будет!

Набираю Гросса. К телефону подходит он сам.

— Это Борис. Вы просили, чтобы я позвонил.

— Борис, мне хотелось бы поговорить с вами один на один. Не по телефону. Приезжайте ко мне в офис в пятницу к ланчу. Я вас приглашаю.

Мне послышалось тепло в голосе Гросса.

— Договорились, — ответил я. * * *

В четверть шестого мне позвонил незнакомый мужчина и сказал, что я могу спускаться — машина ждет меня. Я спросил, какая марка машины. Не важно, меня встретят.

Я спустился вниз, никто меня не встречал. Никаких машин, запаркованных рядом со зданием, в котором расположен мой офис, тоже не было. Вдруг к обочине тротуара подъехала старая «Тойота», вывернувшая на Бродвей с Дуэйн-стрит. За рулем сидел усатый парень. Он открыл окно с пассажирской стороны и позвал меня по имени. Я откликнулся, и он открыл мне дверь. Сиденья были грязные, обивка на них была порвана во многих местах. Торпеда была потрескавшаяся, руль облезлый, радио выломано.

— Кто вы? — спросил я.

— Зови меня Мишаня, — сказал усатый. — Ну что, поедем, покатаемся?

— Да, поехали.

— Мы свернули на Рид-стрит, доехали до Вестсайдского шоссе и поползли на север. Где-то в районе Двадцать третьей стрит мы повернули на восток, а затем стали в очередь в туннель Линкольна, проходящий под Гудзоном и соединяющий Манхэттен с Нью-Джерси. Выскочив на нью-джерсийской стороне, мы попетляли минут пятнадцать по улочкам Хобокена и остановились у одинокого здания на окраине этого городка. Местность просматривалась во все стороны минимум на полмили. Постояли, покурили. Мишаня молчал, я тоже. Выкурили еще по одной. Потушив вторую сигарету, Мишаня спросил:

— Ну, что у нас интересного в карманах или за поясом?

— Ничего, Мишаня.

— Вот и давай вместе посмотрим. Сиди спокойно, я проверю.

Мишаня общупал меня и тут же нашел висевшую на поясе кобуру с «береттой», о которой я совершенно забыл.

— А что с этим делать будем? — ласково спросил Мишаня.

— Мишаня, «это» мы сейчас отвезем обратно в офис, потому что именно на этот пистолет у меня только нью-йоркская лицензия.

— А какого хрена ты его с собой брал?

— Совершенно забыл о нем, Мишаня. Но с ним я дальше никуда не поеду. Остановят случайно, найдут — и тебе срок, и мне.

— А мне почему?

— Мишаня, тебе будет стоить тысяч двадцать, чтобы объяснить прокурору, что тебе срок давать не надо. Если ты до сегодняшнего дня был кристально чист перед законом, то, вполне возможно, твоему адвокату удастся тебя отмазать.

— Но тебя ждут.

— Мишаня, я же сказал, что ни тебе, ни мне рисковать нельзя. Мы должны отвезти пистолет ко мне в офис.

— Сиди здесь, — сказал Мишаня и пошел к телефону-автомату, висевшему на одиноком здании.

Через минуту он вернулся, и мы оба сели в машину. Мишаня вынул все патроны из магазина, убедился, что в стволе тоже пусто, и отдал пистолет мне.

— Продолжаем путь, — сказал он. — А остановят, выпутывайся как знаешь.

Мишаня открыл окно, выбросил патроны на пустырь, завел мотор, и мы поехали. Мишаня вел машину очень аккуратно, не обгонял, не пытался проскочить перекресток на желтый свет, ни на одну милю не превышал установленной скорости. Минут через пятнадцать мы были в ресторане «Сказка», расположенном в графстве Берген штата Нью-Джерси.

Ресторан был пустой, только за одним столом сидели четверо мужчин среднего возраста — лет пятьдесят каждому. Мишаня подвел меня к столу и представил.

— Здоров, адвокат, — сказал один из сидящих.

Он был абсолютно лыс и безбров. Маленький рот, крупный нос. На нем был дорогой итальянский свитер с именем дизайнера через всю грудь. Свитер обтягивал солидный живот. На мизинце сверкнул золотой перстень с бриллиантом, а на руке золотой Vacheron Constantin.

— Здравствуйте, — ответил я.

— Ты хотел с нами встретиться, — сказал второй, на левой руке которого красовался Patek Philippe из красного золота.

На его спортивной сухощавой фигуре прекрасно сидел дорогой серый костюм, из-под которого белела дорогая рубашка без галстука, но с запонками. Густые седые волосы красиво пострижены.

— Я хотел встретиться только с одним человеком.

— И с кем же из нас ты хотел встретиться? Ты знаешь в лицо того, с кем хотел встретиться?
— спросил третий, в спортивной куртке, надетой поверх фланелевой рубашки.

— Да, я знаю в лицо человека, с которым хотел встретиться. Он сидит слева от вас.

— Говори, зачем пришел, — сказал четвертый.

Он был в темно-синем блейзере поверх черной рубашки. Три верхние пуговицы рубашки расстегнуты, и на шее виднелась массивная золотая цепь с затейливым медальоном.

Четвертый и был Бурят. Его фотографии часто публиковались в газетах. Гладко выбрит, лицо треугольное, подбородка почти нет. Глаза большие, выпуклые. Как такой человек мог повелевать сотнями людей, как его могли бояться самые сильные качки, самые крутые

бандиты, самые богатые бизнесмены?

— Я пришел, потому что Беслик Бароев устроил мне и моей семье беспредел. Вообще я хотел лично с вами поговорить на эту тему.

— Слушай, не наглей. Ты хотел со мной поговорить, я согласился. Теперь ты ставишь мне условия. Не хочешь говорить — катись, тебя Мишаня назад отвезет.

— Я думал, адвокаты умнее, — сказал Лысый. — Вот ты хотел с Константин Игнатьевичем поговорить, значит, ты уважаешь его мнение и авторитет. Правильно?

— Правильно.

— Идем дальше. Константин Игнатьевич начал с тобой разговор в нашем присутствии, а тебе это не понравилось. Значит, ты ни во что не ставишь его решения и авторитет. Логично?

— Смотря как посмотреть. Константин Игнатьевич ведь еще не знал, о чем я с ним собираюсь говорить. Но в том, что вы говорите, логика есть.

— Дипломат ты гребаный. Ты знаешь, что тебе за эту дипломатию полагалось бы в другом месте и в другое время?

— Нет.

— Ну и не надо тебе этого знать, — продолжал урок Лысый. — Но знай, у меня уже сложилось определенное мнение о тебе, и тебе трудно будет меня переубедить в том, что беспредельщик не ты, а Беслик.

— Ладно, Левочка, пусть выскажется, — сказал Бурят. — Ну так в чем беспредельничал Бес?

Я рассказал Буряту и его компании, как я спас Беслика от тюрьмы, как я приютил его и как он угрожает мне и моей жене. Никто из них во время моего рассказа не ахал и не всплескивал руками. Лица у всех четверых ничего не выражали. Когда я закончил рассказ, Бурят спросил:

— Тебя Беслик просил выступить на суде?

— Меня просил помочь ему Исаак Розен. Беслик просил меня и других своих адвокатов вытащить его из тюрьмы, говорил, что больше он сидеть там не может. Конкретно выступить с теми заявлениями, которые я сделал, меня никто не просил — ни Исаак, ни Беслик, но я отнесся к просьбе Исаака серьезно.

— Значит, Беслик не просил тебя выступить на суде, — подытожил Бурят.

— Константин Игнатьевич, ни Беслик, ни я, ни прокурор, ни сам судья не могли предположить, что события будут разворачиваться именно таким образом, — не сдавался я. — Помочь — значит помочь, чем можешь, в тех конкретных условиях, которые сложились на тот момент. Наступил момент во время судебного заседания, когда я понял, что могу что-то сделать для Беслика.

— Гриша, что скажешь? — обратился Бурят к Седому.

— Пусть адвокат пойдет в баре посидит, а мы тут потолкуем, — ответил Седой.

— Пойди скажи бармену, чтобы налил тебе чего хочешь, — сказал мне Бурят. — Мы тебя позовем. Кстати, сколько тебе Бес забашлял?

— Десять тысяч, которые уже давно отработаны.

— Что значит отработаны?

— Это значит, что то количество часов, которое я уже потратил на Беслика, стоит как минимум в три раза больше.

— Ладно, иди в бар.

Я сидел в баре и пил «Джонни Уокер Блэк», попросив бармена дать мне к нему несколько долек лимона и сыра. Я ничего не сказал Буряту и его друзьям о том, что несколько часов назад наставил пистолет на Беслика. Правильно ли я сделал, что смолчал об этом? Через несколько минут я осознал, что опьянел. То ли из-за того, что переволновался, то ли потому, что ничего весь день не ел, но так или иначе я был пьян. Я начал бояться, что вот сейчас Бурят и его друзья позовут меня обратно, и я начну нести какую-нибудь чепуху. Чтобы отвлечься, я заговорил с барменом. Я задал ему два пустяковых вопроса, чуть ли не о погоде, на которые он нехотя ответил, а затем сказал:

— Вы извините, я на работе, у меня нет времени с вами разговаривать.

Я продолжал пьянеть. Попросил у бармена стакан томатного соку, выпил залпом. Мне надо было прекратить пить виски, но я почему-то продолжал его пить, пока не осушил стакан. Как ни странно, с последним глотком опьянение прошло. Я посмотрел на часы. Оказывается, я сидел в баре сорок минут, хотя мне казалось, что минут пять-десять.

— Еще подлить? — спросил занятый бармен.

— Нет, — ответил я.

Я сидел в пустом баре и видел зал, где за дальним столом сидел Бурят с коллегами. Вдруг я понял, что не сказал им, какой именно помощи от них жду, чего именно хочу. Да я и сам не знал, чего хотеть, — чтобы Бурят поговорил с Бесликом и приструнил его или чтобы Бурят дал мне разрешение на убийство Беслика. Не знаю, какое из этих желаний было большей глупостью. А даже если Бурят сейчас мне скажет, что поможет мне выпутаться из ситуации. Как будто слово бандита вообще чего-либо стоит. Я вспомнил журнальные описания некоторых походов Буряты. И от этого человека я рассчитывал получить помощь! Какая наивность. Розен — и тот отказался помочь. Все умыли руки. Я им никто, Беслик им хоть кто-то. Просить бандита, унижаться перед бандитом — как я мог опуститься до такого! Я посмотрел на часы — я уже сидел в баре ровно час. Я встал и вышел на улицу. Моего ухода никто не заметил. Я взял такси и поехал домой. * * *

Айлин была на кухне, готовила ужин. Крис крутился возле нее. К его уху была прижата телефонная трубка. На другом конце провода была моя мама, которая диктовала Крису рецепт сырников, а Крис тут же переводил этот рецепт Айлин.

— Айлин, нам надо поговорить, это важно, — вместо «хэллоу» сказал я.

— Пап, мама же занята — она делает сырники, — попытался отмахнуться от меня Крис.

— Айлин, это важно, — повторил я, целуя Крису в щеку. — Крис, мы потом сварим тебе сырники.

— Не сварим, а сжарим, — сказал ученый Крис.

— Не сжарим, а пожарим, — поправил его я. — Крис, мне нужно срочно поговорить с мамой.

— А это что такое? — весело спросил Крис, тыча пальцем в кобуру. Уже второй раз за день я забыл о «беретте», висящей у меня на поясе.

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— Борис, откуда у тебя пистолет? — спросила Айлин. — Ты что, совсем сдурел, носишь пистолет на поясе?

— У меня есть на него лицензия, но ты права, я не имею права выносить пистолет из офиса. Я о нем совершенно забыл.

— Сними и положи в безопасное место. Я не собираюсь визжать: ой, боже мой, у него пистолет! Просто сними его с пояса и спрячь. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Айлин, клянусь тебе, я забыл про него.

— Папа, можно подержать его в руке? Это настоящий пистолет? — взмолился Крис.

— Это самый настоящий пистолет, а значит, ты не имеешь права даже подходить к нему.

— А пули в нем есть?

— Крис, это на самом деле не твоего ума дело. Когда ты чуть вырастешь, я принесу пистолет и научу тебя стрелять. Но не сегодня.

— Каждый раз, когда происходит что-нибудь интересное или когда ты приносишь домой какую-нибудь классную штуку, это не для меня или не моего ума дело. С тобой интересно жить.

Я грозно попросил Криса подняться наверх и клятвенно обещал ему дать подержать пистолет попозже, если он меня послушает. Крис поверил.

Когда мы с Айлин остались одни, я налил себе рюмку водки, выпил ее залпом и сказал:

— Айлин, я сегодня нарушил один из главных законов жизни.

— Продолжай, — сдержанно сказала Айлин.

— Сегодня днем я наставил на Беслика пистолет.

— Это действительно было ошибкой.

— Нельзя наставлять на человека пистолет, если не собираешься в него стрелять. Я наставил пистолет и не выстрелил. Беслик мне этого не простит.

— Что, ты думаешь, он предпримет?

— С одной стороны, ему будет стыдно признаться в трусости другим бандитам, включая собственного брата. С другой стороны, я не знаю, что должен делать бандит, когда на него наставляют пистолет. Вполне возможно, он вел себя по бандитским меркам вполне достойно. Так или иначе, я думаю, что тебе и Крису оставаться в этом доме опасно.

— И куда же ты думаешь нас деть? И как надолго?

— Пока я ехал на такси, я все обдумал. Я отвезу вас к Марику и Ире. Вы поживете у них несколько дней, а за это время я все улажу.

— А как Марик и Ира к этому отнесутся?

— По дороге домой я позвонил Марику. Они с радостью вас примут.

— А школа Криса?

— Тебе придется вставать на полчаса раньше и отвозить его.

Айлин ничего мне не сказала. Она быстро собрала Криса и собралась сама. Крис, узнав, что он на несколько дней переезжает жить к Марику и Ире, очень обрадовался.

Айлин с Крисом ехали в мини-вэне, а я плелся за ними на «Альфе-Ромео». * * *

Айлин с симпатией относилась к Марику и Ире. Обычно после совместного обеда мы с Мариком шли курить в подвал, а Айлин с Ирой разговаривали на свои темы. В этот раз разговор за столом не клеился. Мне не терпелось рассказать Марику о встрече с Бурятом, но я не хотел, чтобы Айлин знала об этой встрече. Да и Ире эта информация была ни к чему. Напряжение после событий сегодняшнего дня еще не спало, и я хотел снять его водкой. Крис вертелся рядом, подставляя свой стакан для сока в ожидании тостов. Но тостов не было. Айлин раздражали русские тосты. Айлин также не нравилось, что Крис тянет свой стакан для чоканья. А мне нравилось (пусть только в пьяном состоянии), что хоть что-то от отца переходит к сыну. Я люблю чокаться, но алкоголиком не стал, и Крис не станет. Пусть думает о чем-нибудь хорошем хотя бы в момент чоканья и опрокидывания рюмки. Дальше этого замечательного русского обычая дело не пошло. Крис наизусть знает только «Бородино». И еще Хармса, которого он обожает. Я хотел бы, чтобы он знал русскую литературу и говорил по-русски без акцента, но с каждым годом шансы на исполнение этих желаний уменьшались. Крис безвозвратно становился американцем. Пустое чоканье, игра, не требующая никаких усилий, ему нравится, а читать по-русски не нравится, за исключением, повторяю, Хармса, которого он готов читать без конца. Не много остается от культуры родителей уже в первом поколении, рожденном за границей. И Крис лезет со своим стаканом к Марику и Ире, но Марик, по своей натуре отнюдь не местечковый еврей, не находит поведение Криса симпатичным. Он начинает рассказывать о наглых еврейских карапузах, бегающих по залам русских ресторанов каждую пятницу и субботу, пока родители их вместе с дедушками и бабушками квасят водяру. Карапузы эти с пятилетнего возраста помыкают официантами и заказывают музыкантам сыграть какую-то херню. Я знаю, что Марик говорит правду, но Крис не такой. Я говорю Марику, что Крис любит Хармса, и для меня это признак, что у человека есть чувство юмора, а это уже немало. Я переводил Хармса для Айлин. Айлин не находила его смешным, а мы с Крисом хохотали еще больше, когда видели, что мама не врубается в такие смешные вещи. Но в тот вечер Крис напрасно лез чокаться со своим стаканом — тостов не было. Не было никаких «ну, будем», «ну, поехали».

Наконец был подан кофе, и мы с Мариком собрались удалиться в его уютный, обжитой подвал. К моему удивлению, Айлин сказала, что присоединится к нам.

— Я не думаю, что вы и сегодня будете говорить на пустые философские темы, которые так вам дороги. Ты, Борис, наверное, хотел обсудить с ближайшим другом сложившуюся ситуацию. Я хочу принять участие в разговоре не потому, что она прямо касается меня и нашего сына, а потому, что я тоже твой близкий друг. Я ни слова не сказала, когда ты предложил мне и Крису переехать на несколько дней к Марку, я поняла, что так надо для нашей безопасности. Я не стала причитать или спорить. Нужно так нужно.

— По-моему, Айлин совершенно права, и я не представляю, что в этом деле от нее могут быть какие-либо секреты, — сказал Марик.

Марик вообще очень уважал Айлин.

— А я с удовольствием уложу Криса спать, а потом почитаю, — тактично сказала Ира.

Мы втроем спустились в подвал, расселись в удобных креслах, и я рассказал, как наставил пистолет на Беслика в своем офисе. Затем я рассказал о встрече с Бурятом и его коллегами

в «Сказке». Айлин молчала. Марик затянулся сигаретой и сказал:

— Итак, как ты сам знаешь, ты нарушил основное правило — «вытащил пистолет — стреляй!». По идее, это означает, что теперь черед Беслика стрелять. Но с другой стороны, кто устроил такой порядок вещей? Это что, дуэль, что ли?

— Какие, по твоему мнению, будут последствия моей конфронтации с Бесликом и чем чревато то, что я ушел из бара, не попрощавшись с Бурятом?

— Я в данном случае следую логике Бальтазара Грациана, — просто ответил Марик.

— Не томи. Неужели ты думаешь, что я помню все его рассуждения и максимы?

— По-моему, вас опять немного заносит, — вмешалась в разговор Айлин. — При чем тут Грациан, чьи творения, кстати, валяются у Бориса на ночном столике?

— При том, Айлин, что человеческая природа никак не изменилась за последние несколько тысяч лет. За эти несколько тысяч лет было всего несколько человек, которые глубоко, по-настоящему поняли суть человеческих отношений. Не просто отношений в банальном смысле этого слова, а отношений в ситуациях, когда вопрос идет о жизни и смерти, о свободе или неволе, о власти или ссылке. Нормальный человеческий опыт вряд ли может помочь сейчас Борису, поскольку он имеет дело с неординарными людьми.

— Марк, ты забыл главный урок дела Эйхмана: зло банально, — сказала Айлин. — Именно банальность зла потрясла мир. Ожидали увидеть монстра, а оказался аптекарь, который переусердствовал в своей работе. Я думаю, что и Беслик и Бурят — патологические типы, к которым невозможно подобрать поведенческий ключ. Мне кажется, что наилучший ключ в руках полиции. И арестуют Беслика не за то, что он угрожал Борису и мне, а за нарушение режима.

— Я забыл вам сообщить весьма важную вещь — прокурор хочет со мной поговорить с глазу на глаз, — сказал я.

— О чем? — спросил Марик.

— Не знаю. Может быть, он подозревает, что я играю не столько роль адвоката, сколько сообщника. На пути из тюрьмы Беслик и Леван встречались с Арменом и запугивали его. Я был при этом. Только из-за этого у меня могут быть колоссальные неприятности.

— Борис, Борис (с ударением на первом слоге)! Что же ты делаешь! — воскликнула Айлин. — Ты сам загоняешь себя в страшные ситуации. Я теперь не знаю, кто для тебя опаснее — Гросс или Беслик. По-моему, самое время и нам нанять адвоката. Тебе ли не знать, что дружеских встреч с прокурорами не бывает? Другим советуешь на такие встречи не соглашаться, а сам?

— Тем не менее я хочу с ним встретиться. Мне послышалось в его голосе что-то дружеское, какая-то симпатия. Я пойду на встречу с Гроссом.

— Ты хоть догадаешься вспомнить о Пятой поправке? — спросила Айлин.

— Догадаюсь.

— Ты знаешь, мне кажется, наплевать Беслику на то, что ты на него пистолет наставил, — сказал Марик. — Не ты первый, не ты последний, пока кто-то поумнее тебя не наставит и не выстрелит, положив конец этой ничтожной жизни.

— Я знаю, что Беслик не забудет мне этого. Если он не успеет со мной лично рассчитаться до

отъезда, то поручит это дело какому-нибудь брайтонскому отморозку.

— То есть ты видишь задачу в том, чтобы погасить в Беслике желание сделать тебе какую-нибудь гадость, — подытожил Марик.

— Да, какую-нибудь гадость типа убить нас, — язвительно сказала Айлин. — По-моему, если у него на самом деле есть такое желание, то погасить его будет нелегко. Но я не уверена, что оно у него есть.

— Он кавказский человек и унижения не потерпит. Его могут остановить только две силы, — сказал я. — Это правоохранительные органы или Бурят. Что там советует Грациан по поводу взаимоотношений с такими структурами? Кстати, насколько я помню, будучи большим умницей, жизнь свою Грациан провел как-то не очень удачно — последние годы практически в заключении, где и умер.

— Ты знаешь, многие советники дают блестящие советы другим, но превращаются в полных дураков, когда нужно дать совет самому себе. Вот ты адвокат, советуешь клиентам, как себя вести, как правильно поступать в конкретных ситуациях. Твои советы, не сомневаюсь, правильные. Ну а для себя самого где твой ум? Почему ты не можешь проанализировать свою собственную ситуацию и выработать оптимальный алгоритм действий? К чему ты, например, вылез на суде? Какое поощрение ожидал получить, перед кем выслужиться? Вот уж точно ты действовал наперекор старику Грациану.

— Марик, я себя казню за это. Я согласен, что для самих себя мы часто плохие советчики — это распространенное явление. Именно поэтому мне нужна помощь, советы.

— Итак, как писал Грациан, — начал рассуждать Марик, — хорошее отношение и уважение может строиться только на потребности. Я не говорю сейчас о дружбе, дружить с Бурятом ты вряд ли будешь. С Гроссом шансов на дружбу больше, но нескорое это дело — дружба этнического адвоката и прокурора — сына судьи. С Гроссом ты отношений никаких не выстроишь — ты ему не нужен. То есть теоретически ты можешь быть ему полезен, но ненадолго и в очень ограниченном спектре. Да, интеллектуально и морально Гросс тебе гораздо ближе, но я ставлю на Бурята. Ты должен выстроить свои с ним отношения таким образом, чтобы он в тебе нуждался. В этом свете разговор твой с Бурятом и его коллегами имеет отрицательный знак, потому что ты показал, что он тебе нужен, но при этом никак не дал понять, что и ты ему нужен. А раз ты ему не нужен, то и помогать ему тебе ни к чему.

— Вот так все просто? А Розен? Ведь Розен нужен всем. Помогая Беслику, я сделал одолжение Розену. Если Бурят мне не поможет, я в следующий раз не сделаю одолжения Розену.

— Слишком длинная цепочка. К тому же сам Розен Буряту не звонил, помочь тебе не просил, а это для Бурята значит, что Розен не так уж заинтересован помогать тебе. Был бы Розен заинтересован, нашел бы Бурята и лично с ним поговорил.

— Марик, что же я теперь должен сделать, чтобы показать Буряту, что я ему нужен? На хрен я ему нужен? Адвокатов в Нью-Йорке полно, ему нужны в основном адвокаты, специализирующиеся в уголовных делах, и их всегда можно нанять за деньги, которых у Бурята полно.

— Следовательно, ты должен показать Буряту, что он в тебе нуждается не как в адвокате.

— А как в ком? Чем еще я могу быть для него полезен?

— Читай на ночь Грациана. Не чем ты можешь быть полезен, а как ты можешь быть не вреден. А также — как ты можешь быть вреден, если что не так. Над этим и думай.

— А Беслик?

— А разговор с Бесликом скорее идет в плюс, а не в минус. Но это не значит, что этот плюс не должно развивать.

Мы выпили по последней, и я встал, чтобы ехать домой ночевать. Когда я поднялся из подвала на первый этаж, Айлин сообщила мне, что едет со мной.

— Айлин, сейчас это на самом деле опасно, — сказал я.

— Тем более я еду с тобой — ответила Айлин.

— Оставайтесь-ка вы оба у нас, — сказал Марик. — Места всем хватит.

— Но я должен быть дома, так как Беслик выпущен под мою ответственность, — сказал я.

— Пошел он на хуй, — вдруг сказала Айлин простую русскую фразу.

Марик расхохотался, а я спросил:

— Где ты набралась таких выражений?

— Однажды я спросила Криса, что значит фраза, которую папа все время повторяет, говоря с кем-то по телефону.

— А он что?

— Он перевел, а я запомнила ее русское звучание, что было нетрудно, поскольку слышу я эту фразу по тысяче раз в день. Хорошо, что Крис относится к этим словам как к тексту и не более того. * * *

На следующее утро я позвонил адвокату Беслика Брайану Макинтайру. Брайан мне понравился еще на первой встрече, и особенно после того, как он вставил клизму Беслику за то, что тот с ним не поздоровался. Перед разговором с Гроссом я считал своим долгом встретиться с Брайаном. Брайан сказал, что в офисе его не будет, но предложил слетать с ним на его самолете в Бостон и поговорить во время полета. В Бостоне у Брайана была назначена деловая встреча, которая, как он сказал, продлится не больше часа.

Я приехал на маленький коннектикутский аэродром. Брайан сунул мне в руки наушники фирмы «Кларк», и мы пошли на стоянку, где стояла привязанная к металлическим кольцам, торчащим из земли, его «Сесна».

— «Кларки» были на Луне, — сказал Брайан. — Это самые лучшие наушники.

Мы начали осматривать самолет. Сначала левую стойку шасси, левое колесо, левое крыло — элероны, закрылки, потом корпус, хвостовое оперение, потом снова корпус, правое крыло, правую стойку шасси, правое колесо. Потом Брайан проверил масло и количество бензина в баках. Все было в порядке, Брайан залез в кабину, знаком приглашая меня сделать то же самое.

В кабине было тесно, теснее, чем в самой тесной машине. Брайан достал проверочный список и начал вслух проговаривать какие-то действия и тут же их совершать. На какие-то кнопки он нажимал, какие-то вытягивал, что-то крутил, наконец сказал, что пора надевать наушники. Я надел «кларки», побывавшие на Луне, услышал треск, а затем голос Брайана:

— Если будешь трогать штурвал или нажимать на педали, мне придется треснуть тебя по носу. Понял?

— Понял, — сказал я, обидевшись.

Беслик угрожает насилием, теперь Брайан. Брайан понял, что я обиделся.

— Это стандартная инструкция для пассажиров, — сказал он. — А когда я поднимаю правую ладонь кверху, ты должен замолчать. Понял?

— Понял.

Внезапно заревел мотор и закрутился пропеллер.

Брайан заговорил с диспетчерской вышкой на непонятном мне языке. В основном его речь состояла из цифр. Вышка ответила тоже набором цифр.

— Расскажи хоть, о чем вы говорили, — попросил я, когда самолет покатиł в сторону взлетно-посадочной полосы.

— Диалог с диспетчером крайне прост. Ты говоришь, кто ты, где ты и что собираешься делать.

— Я бы сейчас не смог так общаться, — сказал я. — Уже не знаю, кто я, понятия не имею, что собираюсь делать, только знаю, где я — в кабине твоего самолета.

Брайан поднял правую руку, и я замолчал. Из его разговора с вышкой я понял, что сейчас будем взлетать.

— Ну, покатиłи! — сказал весело Брайан и двинул рычаг газа вперед. Через несколько секунд мы оторвались от земли и поплыли на север. Время от времени Брайан с кем-то говорил, кто-то ему что-то отвечал, в основном цифрами или непонятными мне словами.

— Рассказывай, что там за ситуация сложилась, — сказал Брайан, отпустив штурвал.

В течение пятнадцати минут я рассказал все, что произошло с тех пор, как мы расстались, то есть с того самого дня, когда Беслика и Левана выпустили под залог.

— Ну и чем мне тебе помочь? — спросил Брайан.

— Брайан, твой клиент нарушает все условия выхода на поруки. Он встречался с жертвой своего же преступления. Кроме того, он хочет меня убить и изнасиловать мою жену. Я наставил на него пистолет в своем офисе. Гросс хочет со мной встретиться, но я не знаю, о чем он будет со мной говорить. Я в дикой ситуации, Брайан.

— Ты знаешь, Борис, есть в авиации такое понятие — «смертельная ситуация». Вот, например, сейчас заглохнет мотор. Это смертельная ситуация?

— Наверное, — сказал я.

— Абсолютно нет. Мы летим на высоте пяти тысяч футов, это значит, я могу лететь в режиме планирования на расстояние, в десять раз превышающее нашу высоту, то есть пятьдесят тысяч футов. Смотрим на экран, да мне и не надо на экран смотреть, я и так знаю, что в радиусе пятидесяти тысяч футов находится как минимум два аэродрома. А нет аэродрома — на полянку сядем или на шоссе. В общем, если мотор заглохнет, мы не погибнем, это не смертельная ситуация. Другое дело — если крыло отвалится, вот тогда возникнет смертельная ситуация.

— Понял. Итак, у меня не смертельная ситуация. Что же я должен в такой несмертельной ситуации делать?

— Продолжать пилотировать. Главное — не паниковать, а продолжать пилотировать самолет. В твоем случае это означает вести нормальную жизнь — работать, ходить в рестораны, навещать любовницу, играть в гольф, проводить время с сыном — ну, что ты обычно делаешь.

— Трудновато мне это будет с таким настроением. Сейчас я полностью сосредоточен на Беслике.

— И я сосредоточен на полете, но я расслаблен. А после приземления я вообще о пилотировании думать не буду до тех пор, пока снова не окажусь в кабине самолета.

— Брайан, тебя не заботит, что я буду встречаться с прокурором по делу твоего клиента?

— Честно говоря, не заботит.

Брайан снова поднял правую руку, пробормотал какие-то цифры в микрофон, и мы пошли на снижение.

Пока у Брайана было деловое свидание, я сидел в кафе на набережной, смотрел на восхитительный залив, не получая от вида никакого удовольствия. Кто я и что собираюсь делать? И какой вышке мне нужно об этом докладывать, чтобы получить правильный курс? Вскоре я увидел направляющегося ко мне Брайана.

— Ну что, все пытаешься определить свой бортовой номер?

— Да, Брайан, пытаюсь.

— У меня есть идея. Я скажу Беслику, что ты каждую неделю должен предоставлять прокурору отчет о том, как он выполняет условия своего пребывания на свободе. Не думаю, что как-то этим скомпрометирую свою адвокатскую мантию. Все равно меня как адвоката должно заботить его поведение. Да, именно так я и сделаю, посмотрим тогда, как он будет к тебе относиться. Да, завтра я его вызову и поговорю с ним на эту тему.

Брайан позвонил мне на следующий день около шести часов вечера. Сказал, что встречался с Бесликом и что на встрече были Дика и Роман, который переводил.

— Ну что, Беслик теперь от меня отцепится? — спросил я. — Он понял, что его судьба зависит от моих отчетов?

— По-моему, он ничего не понял. Я спросил его, где он ночует и что вообще происходит в его жизни. Он сказал, чтобы я не волновался, что в его жизни ничего не происходит, и при этом абсолютно никак не прореагировал на сообщение о твоей важной роли в его деле.

— Что мне теперь делать?

— Дай подумать. Созвонимся завтра.

Я вышел из офиса в подавленном настроении. По дороге домой старался придумать какое-нибудь оригинальное решение проблемы, но ничего у меня не получалось. Я ехал вдоль Гудзона, посматривая на Манхэттен на другой стороне реки. Волшебное зрелище меня немного успокоило. Чуть выше паромного причала бар «Шемрок», где ирландский бармен Пит замечательно делал «Кровавую Мэри». Это только кажется, что «Кровавую Мэри» сделать легко — смешай водку с заранее приготовленным миксом, всунь в стакан стебелек сельдерея, и напиток готов. Но не получится с таким подходом настоящая «Кровавая Мэри». Во-первых, водка должна быть хорошая, как минимум «Финляндия». И микс должен быть хороший, чтобы специи не забивали вкус водки, чтобы напиток не был чересчур соленым или острым. Некоторые бармены сами делают миксы по своему собственному рецепту.

Пропорции тоже знать не мешает — сколько водки, сколько микса, сколько льда. Затем нужно иметь талант все это смешать в металлическом стакане, причем смешивание должно быть одновременно немножко и взбиванием. Когда Пит переливает напиток из металлического стакана в стеклянный, сверху образуется слой вкусной пены. Пит правильным движением подает этот мужской напиток. Напиток, а не коктейль, а потому допустима, и даже поощряется, небольшая небрежность.

Я смотрел, как Пит выполнил все вышеперечисленные действия.

— Хотел бы я быть барменом, — сказал я Питу.

— И я хотел бы быть барменом, — ответил Пит.

— А ты не хотел бы быть адвокатом? — спросил я Пита.

— Ни в коем случае. Кому нужна эта головная боль? Тебе сейчас хорошо?

— Нет, Пит.

— А мне хорошо. На хрен мне «Альфа-Ромео», если у меня башка болит или настроения нет? Меня устраивает мой старый «Понтиак», в который ты бы в жизни не залез, боясь выглядеть смешным.

Пит знал, что я адвокат и что у меня «Альфа-Ромео», потому что бармены многое знают о своих клиентах. Пит лично знал Айлин и даже Криса, которого мы пару раз брали в «Шемрок» отведать цыплячьих крылышек. Я уже не первый раз задавал Питу вопрос, хотел бы он быть адвокатом, но сегодня я не мог не задать его снова. Пит ни разу не сказал, что не отказался бы быть адвокатом, но ни разу и не удивился, что я задаю ему один и тот же вопрос. Пит знал, кто он, где он и что собирается делать. Но знал это и адвокат Брайан. Не сомневаюсь, что адвокаты Лэйн Стюарт, Джон Бэйкер и Барри Арнитц тоже знают, кто они, где они и что собираются делать. И не мечтают втайне поменяться профессиями с барменами, пожарниками, вообще ни с кем. Почему я один оказался в такой ситуации? Неужели никто из них никогда не был в дерьме? Я допил вкусную «Кровавую Мэри», заплатил и вышел.

Подъехав к дому, вспомнил, что моя семья теперь живет у Марики. Развернулся, поехал к Марику.

После обеда я рассказал Марику и Айлин, что, по словам Брайана, Беслик не очень испугался того, что я могу ему напакостить нелестным отчетом о его поведении.

— А кого Беслик боится? — спросил Марик.

— Точно Бурята. Наверное, Левана. Боится всех американских судей, прокуроров, полицейских и фэбээровцев. Розена не очень. Если бы он был в Москве, конечно бы он Розена боялся, но на расстоянии страх перед Розеном, к сожалению, улетучился, иначе он бы давно отстал от меня.

— Ну, с Бурятом ты уже встречался. Вряд ли он твой союзник в этой истории, — сказал Марик.

— Вряд ли.

— А что насчет Левана? — спросила Айлин. — Да и судебную систему с полицией не надо игнорировать — они нам еще понадобятся.

— Насчет Левана? А как Леван может быть моим союзником?.. Стоп! Леван может быть моим союзником!

— Леван, конечно, может быть твоим союзником! — поддержал Марик. — Ты же сам рассказывал, как они с Бесликом чуть не поубивали друг друга в твоём офисе. Вопрос только в том, чем ты можешь быть полезен Левану. Живет он не у тебя, адвокат его Лэйн Стюарт. Пока не вижу, как ты вписываешься в картину.

Уже около полуночи зазвонил мой мобильный телефон. Это был Беслик.

— Ну что, сука, пишешь на меня телегу? — хрипло спросил он.

— Пока нет, Беслик.

— Одно слово напишешь плохое — тебе конец.

И положил трубку. * * *

На следующее утро я встал рано и поехал в Коннектикут к Лэйну Стюарту. Прождал его два часа в приемной, потому что Лэйн был в суде. Позвонил Брайану и попросил его присоединиться к встрече.

Лэйн вернулся из суда довольный — после долгой торговли прокурор наконец пошел на сделку — согласился принять от подзащитного, клиента Лэйна, признание в неосторожном убийстве, что означало, что суда не будет, клиент получит максимум «семерку».

— Мы бы суд точно проиграли, — сказал Лэйн. — Против нас подельник готов был выступить. Влепили бы потом Джимми четвертак за милую душу, это у него уже второе убийство.

Чувствовалось, что Лэйн знал, кто он и где он. Адвокатов редко интересует разрыв между законом и справедливостью. Прокуроров тоже, если они идут на такие сделки.

Брайан, Лэйн и я пошли в ближайшее кафе на ланч, за которым мы с Брайаном рассказали Лэйну ситуацию с Бесликом. Очевидно, Беслик крепко задел за живое Брайана, — рассказывая о нем, Брайан употреблял такие слова, как «животное», «дебил» и самое страшное американское ругательство «motherfucker». Лэйн все это выслушал и спросил, чем он может быть полезен.

— Твой клиент Леван в российской уголовной иерархии стоит выше, чем Беслик, — начал я. — Если Леван узнает, что Беслик делает что-то, что может ему навредить, он точно его окоротит.

— И чем же Беслик может навредить Левану?

— Своим поведением. Брайан сказал Беслику, что его судьба зависит от меня, после чего Беслик снова угрожал мне. Если ты скажешь Левану, что Беслик его подставляет, Леван этого так не оставит. Объясни Левану, что они идут вместе, что если Беслик сядет, то и он, Леван, сядет.

— В этом есть доля правды.

— Сделай эту долю побольше, греха тут нет, — сказал Брайан. — А если Леван пришьет Беслика, то это не только грехом не будет, но благом для всего человечества.

— Кстати, когда у тебя встреча с Гроссом? — спросил Лэйн.

— В пятницу.

— Будь очень осторожен с ним. Парень он хитрый и тебя, по-моему, невзлюбил за то, что ты выкинул на первом слушании.

- Но он же меня не повесткой вызывает, не как свидетеля и тем более подозреваемого.
- С такими ребятами, как Гросс, от свидетеля до обвиняемого один шаг. А от собеседника до свидетеля и того меньше.
- Мне слышались доброжелательные нотки в его голосе, когда мы говорили по телефону.
- Не верю я ему.
- Лэйн, ты еще крепче в своем предубеждении к прокурорам, чем русские уголовники.
- Попрактикуешь с мое — поймешь, что твои русские уголовники не так уж не правы. Не ходил бы я к нему ни на какие разговоры, не может это кончиться добром.
- Я подумаю. * * *

Мы вернулись в офис Лэйна, и он попросил секретаршу соединить его с Колей.

— Николай, я хочу, чтобы ты и Леван немедленно приехали ко мне в офис, — заговорил Лэйн. — Да, срочно. Нет, никаких новостей из суда нет, но есть другая новость, которую по телефону я обсуждать не буду. Хорошо, жду к трем часам.

Лэйн положил трубку.

— Я думаю, что мы не нарушим адвокатскую этику, если поприствуем на этом разговоре, — сказал Брайан.

— Ты — да, Борис — нет, — сказал Лэйн. — Кстати, Борис, расскажи мне немного о себе. Где учился, работал? А то сидим в одном деле, а я так мало о тебе знаю. Между прочим, судья Масси тоже о тебе спрашивал. Еще никто на его памяти не пытался дисквалифицировать переводчика, да и рассказы твои про Россию ему понравились. Жаль, что ты практикуешь не в Коннектикуте, ты бы здесь прижился.

Я вкратце рассказал Лэйну и Брайану свою биографию. Слушали они внимательно, с интересом. В Коннектикуте я еще был экзотикой.

— А что представляет собой Николай? — спросил Лэйн. — У него очень приличный английский, и вообще он мало похож на своего подопечного, как, впрочем, и на всех других русских персонажей этого дела.

— Ты прав, Лэйн. С одной стороны, он преданно опекает Левана, но повадки у него не уголовного, а офицера КГБ или ГРУ. ГРУ — это военная разведка. Я думаю, что Николай либо бывший офицер, который после Афганистана присоединился к какой-то крупной преступной группировке, либо по-прежнему работает на КГБ или ГРУ и осуществляет надзор за деятельностью преступной группировки.

— И что, русские мафиози не возражают против такого надзора?

— Не думаю, что у них есть выбор. Кроме того, между КГБ и преступной группировкой может быть тесное сотрудничество, в котором каждый исполняет свою функцию. Не исключаю, что деньги, просаженные или украденные Шихманом и Арменом, принадлежат КГБ. Но зачем посылать в Америку на такое рискованное дело кадрового агента, когда можно послать двух обыкновенных бандитов? Вот и послали Левана и Беслика. От Николая многое зависит. Думаю, что он имеет необходимые полномочия для урегулирования любых конфликтов вплоть до устранения своего подопечного. Николай не может не понимать, что Леван неуправляемый, вернее — плохо управляемый снаряд. На моих глазах была ситуация, когда Леван практически вышел из-под контроля. В Москве его бы уже давно прибили за такое

поведение, но здесь все-таки Америка, и Николай пытается сглаживать все углы.

— А Николай не может быть главарем преступной группировки? Может, назвав его офицером КГБ, ты слишком повысил его в звании? — спросил Брайан.

— Николай не главарь. Я видел его тело — ни одной бандитской наколки. Он слишком молод для того, чтобы возглавить серьезную группировку. Кроме того, главарь — это повышение в звании, а не понижение. Каким бы крутым ни был Николай, он самостоятельно решений не принимает. У него есть инструкции, и он должен им следовать. Есть человек повыше него, кто определяет круг его полномочий.

— Ну что ж, мне для разговора с Леваном и Николаем достаточно информации, — сказал Лэйн. — Езжай к себе в офис, я тебе позвоню. А хочешь, оставайся, вечером я тебе дам прослушать запись разговора.

— Нет, у тебя еще мало информации для серьезного разговора. Хочу еще кое-что вам рассказать, повысить, так сказать, вашу эрудицию в данном вопросе. * * *

— Хотите кофе или содовой? — спросил Лэйн.

— Нет, спасибо. Мы вас слушаем, — ответил Коля.

— Николай, вы сами решайте, что переводить, что нет. Так вот, я вполне доволен поведением Левана, у меня нет к нему никаких претензий. Но Леван в этом деле не один, у него есть напарник. Левана и Беслика Бароева выпустили на поруки до судебных слушаний. Пока Леван и Беслик отдыхают, прокурор собирает информацию. Работают агенты, допрашиваются потенциальные свидетели, вполне возможно, ведется слежка, не сомневаюсь, что были сделаны соответствующие запросы в российские правоохранительные органы. Мы с Брайаном тоже не сидим сложа руки. Мы готовим определенные ходатайства, пытаемся узнать, как идет следствие. Пока то, что мы узнали, очень нас расстраивает. Оказывается, Беслик Бароев нарушает условия, на которых его выпустили на поруки. Мало того, он безобразно ведет себя по отношению к Борису и его семье, оскорбляет их, требует назад гонорар и угрожает физической расправой. В критическую минуту, когда господин Бароев совсем распоясался в офисе Бориса, Борис был вынужден наставить на господина Бароева пистолет. Все бы ничего, если бы Борис не должен был отчитаться судье и прокурору о поведении господина Бароева. Отрицательный отчет немедленно повлечет за собой заключение в тюремную камеру на все время следствия вплоть до суда. Следствие может продлиться несколько месяцев, а может, и гораздо больше. Я практически гарантирую вам, что господин Бароев в тюрьму пойдет не один. Если у судьи и прокурора появится подозрение о социальной опасности одного из обвиняемых, второму тюремное заключение обеспечено тоже. Но и это не все. Что вы знаете о Борисе?

— Знаю, что он адвокат.

— Как давно вы его знаете?

— С начала всей этой истории.

— Вам не показалось странным, что после того, как Борис попытался дисквалифицировать переводчика, после того, как он поругался с прокурором прямо в зале суда, после всего этого господина Бароева выпускают на поруки при условии, что он будет жить в доме Бориса?

— Я не знаю вашей системы и не могу определить, странно это или нет.

— Ну так я вам скажу — очень странно. Мало того, за всю свою долгую практику я не могу припомнить подобного случая. Далее — мне стало известно, что, несмотря на перепалку в

суде, у Бориса не такие уж плохие отношения с прокурором Гроссом. Я даже ненароком подумал, не спектакль ли они устроили на первом слушании. Николай, вы производите на меня впечатление умного человека. Я не знаю, кем вы работаете и кто вы на самом деле, но уверен, что говорю с человеком, который сможет дать правильную оценку действиям господина Бароева и принять все меры, чтобы больше такое не повторялось, иначе я не поставлю последнего медного цента на выигрыш в этом деле. Но и это не все. Брайан, как вы уже знаете, бывший морской офицер. У него свои связи в разных структурах. Единственное, что мы можем сказать: любые действия против Бориса или членов его семьи, будь то на территории США или России, могут иметь для всех джентльменов, вовлеченных в это дело, самые негативные последствия. Брайан, что ты скажешь по этому поводу?

— Могу только присоединиться к сказанному. Вы, Николай, наверное, в курсе, что между американскими и российскими правоохранительными организациями существует сотрудничество в определенных вопросах. Некоторые просьбы одной стороны серьезно рассматриваются и, как правило, выполняются другой стороной. Неужели вы думаете, что агент ФБР, официально направленный в Россию, будет без всякого присмотра разгуливать по Москве, где его может пришить каждый хулиган? У этих организаций свои гаранты безопасности. Нарушение правил игры тут исключено — это грозит не только опасностью для агентов страны-нарушителя, но и другими санкциями, например отказом в визе, кодовой депешей в Интерпол. Вот, допустим, захочет какой-нибудь гражданин России получить визу в Америку, а ему отказывают без объяснения причин. Один раз отказывают, другой, и никто не поможет разрешить этот вопрос. Даже американский сенатор не поможет. На его запрос иммиграционная служба США даст ответ: «Въезд нежелателен». И все! Ни почему нежелателен, ни откуда такая информация. А потом и Англия дверь захлопнет, и еще пара стран. А тот, кому они дверь захлопнули, у вас не последний человек. Ему и наведаться к своим деньгам в Швейцарию хочется, и в Альпах на лыжах покататься, и на Ривьере потусоваться. Этому человеку могут приватным образом объяснить, откуда такие неудобства в его жизни. А он уже сам найдет способ отблагодарить тех болванов, которые своими действиями лишили его стольких благ. Вы поняли нас, Николай?

— Страшные вы истории рассказываете, господа.

— Николай, не бравируйте. Устройте наблюдение за офисом Гросса — в пятницу, к двенадцати часам дня, к нему должен приехать Борис. Не спрашивайте, откуда мы это знаем. Чего мы не знаем, так это цели его приезда, но встреча точно инициирована Гроссом.

— Скажите, Лэйн, а если конфликтная ситуация с Бесликом будет полностью улажена, дело будет закрыто?

— Этого я вам никак гарантировать не могу. Но гарантирую, что если она не будет улажена, то и господин Ованесян, и господин Бароев в ближайшее время переедут на другое место жительства. Боюсь, надолго.

— В любом случае спасибо за заботу.

— Пятница послезавтра, Николай. Следующее слушание по делу Ованесяна и Бароева назначено на вторник. * * *

Лэйн не позволил мне забрать с собой кассету с записанным разговором, но я ее пересказал почти слово в слово Айлин и Марику. С одной стороны, обоим порадовал состоявшийся разговор между коннектикутскими адвокатами и Колей, с другой — им представлялось невероятным, что вся история может благополучно разрешиться в результате простейшей мистификации.

— Не представляю, как ты сможешь выстроить свою адвокатскую карьеру, если прослывешь в общине тайным агентом ФБР, — сказала Айлин. — Люди просто тебе не будут доверять.

— Ну, с этим, Айлин, как раз все в порядке. Этнические общины отличаются незнанием законов, некоторой наивностью. Если даже такой слух поползет, все будут думать, что я могу решать вопросы на серьезном уровне. Спроси любого грузина, армянина, даже одессита, какой адвокат лучше — тот, кто знает право, или тот, кто знает судью?

— Меня беспокоит, что встреча с Гроссом уже послезавтра. У Коли маловато времени, чтобы разобраться с Бесликом и Дикой, — сказал Марик.

— По-моему, вы уже сами поверили, что у Бориса с Гроссом особые отношения. А кто сказал, что встреча с Гроссом будет приятной? Здорово выйдет, если тайный агент Борис будет арестован хитрым Гроссом прямо у Гросса в кабинете. Я поражаюсь тому, что старый, умудренный опытом Лэйн Стюарт не отговорил тебя от этого трюка. Как он будет выглядеть в глазах своего клиента, если Гросс превратит тебя из члена команды защиты в подозреваемого? По-моему, он старый дурак, если пошел на такую мистификацию, — сказала Айлин.

— Брайан его сильно накрутил. И в конце концов, существует же на свете какая-то коллегияльность. Они поняли, что их брат в беде, и решили мне помочь. Недаром адвокаты раньше так и обращались друг к другу — «брат». А во множественном числе по-староанглийски «brethren».

— Не забудь еще мантию надеть, — язвительно сказала Айлин.

— Айлин, ты несправедлива к Борису, — вмешался Марик. — Анализируя ситуацию, мы все пришли к выводу, что стандартного решения быть не может. Самым простым было бы обратиться в полицию или ФБР, как ты и предлагала с самого начала. Беслика бы немедленно арестовали, вполне возможно, что заодно с ним погорел бы и Леван. Вот после этого практика в русскоязычной общине была бы невозможна, да и появляться в русском ресторане стало бы небезопасно. Плюс смело можно было бы поставить крест на всех делах в Москве.

— Ты знаешь, перспектива лишиться удовольствия от русской кухни и музыки, вернее грохота, под который пожирается селедка с салом, меня волнует меньше всего, — ответила Айлин. * * *

Сегодня четверг. Я сижу в офисе и ничего не делаю. Жду какого-то события, поставившего бы точки над *i*. Что предпринимают Коля и Леван? Мучают ли они сейчас Беслика в какой-то тайной брайтонской квартире, бьют ли его, приговаривая «веди себя хорошо»? Или собрали воровской совет под председательством Буряты, на котором Беслику выносятся строгое предупреждение? Как я узнаю о предпринятых Колей и Леваном действиях? Мне позвонят с заверениями, что все будет хорошо? Может, сам Беслик позвонит и будет извиняться? Различные сценарии проплывают перед глазами, но ни один из них пока не материализуется.

Секретарша принесла кофе. Я не спрашиваю ее, кто звонил. Знаю, что дела запущены, что каждый день ничегонеделания приносит мне убытки. Я пил кофе и курил в ожидании звонка либо от Коли, либо от Буряты, либо от Брайана, либо от Лэйна.

По интеркому позвонила секретарша и сказала, что без предварительного звонка пришел какой-то мужчина. Я сжался, открыл и закрыл ящик стола. «Пригласите его», — сказал я секретарше.

Дверь открылась, и вошел Лева.

Я познакомился слевой в «Русском самоваре». Он был известный фотограф, его фотографии печатались в «Лайфе». На момент знакомства ему было под семьдесят.

Выглядел он как пожилой француз — щегольские усики, берет, элегантный пиджак. В ресторан он ходил, очевидно, каждый день, потому что, когда бы я туда ни заглянул, Лева был там.

Однажды Лева позвонил и попросил встретиться в офисе. Придя, первым делом вытащил пачку фотографий с голыми бабами. Оказалось, он нафотографировал их в Ялте, откуда только что вернулся. Я удивился — в том году мало кто из иммигрантов ездил в Советский Союз, но Лева сказал, что поехал как ветеран Второй мировой. Рассказал, как на границе его хотели шмонать, а он сказал пограничнику: «Мальчишка, я офицер Советской армии, герой войны. А ну, убери лапы прочь от моего чемодана!» Показывая фотографии блядей, Лева каждый раз причмокивал, складывая пальцы в щепотку у губ. Сказал, что скоро снова туда поедет и хотел бы сделать завещание. В этом и был смысл его визита. Он подкрепил необходимость составления завещания в срочном порядке описанием своей диеты:

— Понимаешь, коньячок, шашлычок — так долго не протянешь.

Я начал задавать Лева вопросы и очень скоро добрался до главного: кому бы он хотел все завещать?

— Тебе! — неожиданно ответил Лева.

— То есть как мне? — изумился я.

— А мне больше некому завещать. Вот ты получишь бабки и погуляете с ребятами, меня вспомните, — уже на слезе сказал Лева.

— Лева, во-первых, адвокат не должен составлять завещаний, по которым он сам является наследником. Во-вторых, мы с тобой виделись лишь несколько раз в «Самоваре». Да, мы приятно пообщались, но это же не повод, чтобы все мне завещать.

— А кому мне завещать? — резонно спросил Лева.

— Завещай Израилю, — посоветовал я.

— На хрен мне Израиль? — удивился Лева.

— Завещай тогда сиротам.

— А на хрен мне сироты? — не врубался Лева.

— Лева, о каких бабках идет речь? — напрямую спросил я.

— Ерунда. Десять штук.

— Неужели за семьдесят лет жизни у тебя ближе меня никого не нашлось? — опять завел я.

— Я тебе доверяю, — с улыбкой ответил Лева.

— При чем тут доверие? Если ты мне завещаешь, так это же будет мое после твоей смерти, дай тебе Бог до ста двадцати дожить. Не пойму, как я могу тебя подвести в этом вопросе. Нет, Лева, не буду я составлять тебе завещание, по которому мне хоть что-либо причитается. Иди и думай, кому завещать свои бабки.

И вот Лева снова у меня в офисе. Некстати, не к месту. Денег от его визита никаких, удовольствия тоже мало. Лева начал с того, что переживает вторую, нет, третью молодость. Рассказал, что привлекает молодых баб к себе на квартиру, давая объявления типа: «Ищу молодую женщину для легкой уборки». Когда бабы приходят, он им вручает павлинье перо и

просит смахнуть пыль с тумбочки.

— Ну а дальше, сам понимаешь, дело техники.

Уловив сомнение в моем взгляде, Лева сказал:

— У меня спина мальчика. Бабы не выдерживают вида моей спины. — При этом он стянул с себя рубашку и повернулся спиной ко мне.

— Лева, чем я могу тебе помочь? — спросил я, отвернувшись от его мальчишеской спины.

— А я просто так к тебе зашел, — невинно улыбнулся Лева. — Был рядом и думаю — дай зайду на чашечку кофе. Или ты без денег больше не общаешься?

— Лева, я очень рад тебя видеть, но у меня сегодня очень тяжелый день.

— Борис, как ты думаешь, почему у меня спина, как у мальчика? Почему я до сих пор трахаться хочу? Почему я переживаю вторую, нет, третью молодость? Да потому, что за семьдесят пять лет жизни у меня не было плохого дня. То есть дни плохие были, но, говоря языком фотографа, они не заслоняли перспективы.

— И ты, говоря языком фотографа, всегда сохранял выдержку.

— Теперь про диафрагму состри, поц.

Мы оба рассмеялись. Лева встал и сказал:

— Просто знай, что у тебя есть я. Да, я захожу раз в два года, но я у тебя есть. Конечно, умный совет я тебе не дам, но коньячку всегда с тобой выпью. При любой погоде.

— Левочка, ты уже дал мне прекрасный совет и поддержал меня. Спасибо, что ты у меня есть. А меня вот, как видишь, для тебя сейчас нет.

Мы обнялись, и Лева ушел.

— У меня сегодня будет такая ночь! — сказал он, уже выйдя за дверь. — А то бери секретаршу, приходи.

У меня почему-то стало легче на душе. Я рассмеялся, вспоминая завещание Левы.

И еще чашка кофе и к ней три сигареты. Во рту стало горько, кофе и сигареты стали невкусными. Все сценарии смешались в одну дикую картину — Беслик висит на кресте и кается.

— К вам пришли, — сказала в интерком секретарша.

Не успел я ответить, как открылась дверь и в комнату вошла Айлин.

— Ты-то что тут делаешь, тоже мимо проходила?

— А кто еще мимо проходил? Нет, я нарочно к тебе приехала. Сидела дома и представила тебя — ты сидишь, пьешь кофе и нервничаешь. Вот и пришла. Ну что, звонил кто-нибудь?

— Нет.

— Ну и замечательно. У меня отличная идея — поедem в Америку.

— Не понял.

— Мы поедem в Америку. Ты ведь мне рассказывал, как мечтал попасть в Америку, вот и поехали в Америку.

— А мы где?

— Где угодно, но только не в Америке. Поэтому тебе плохо. Поехали в Америку, собирайся. Я поставила машину внизу в гараже. Сейчас рванем через туннель Холланд, а потом на запад.

— На запад, сынок, ездай на запад, — повторил я ставшую в Америке пословицей фразу.

Я не стал спрашивать, надолго ли мы едем в Америку, взял портфель, сказал секретарше, что уезжаю на запад, и мы с Айлин вышли из офиса.

Через час мы уже подъезжали к Делаверскому ущелью, за которым начиналась Пенсильвания.

— Айлин, смотри, они поменяли щит. Раньше на въезде в Пенсильванию висел щит «Америка начинается здесь». А теперь — «Добро пожаловать в Пенсильванию!»

— Жаль. Наверное, политкорректность добралась и сюда. Ну что, пересечем Пенсильванию и будем ехать, пока не доберемся до Америки?

— Давай!

Мы оба знали, что Пенсильванию мы пересекать не будем. А Крис? А завтрашняя встреча с Гроссом? Но мы все равно ехали на запад, и с каждой милей мне дышалось все легче и легче. Селедка с картошкой и луком, Пугачева, бандиты, Лева — все оставалось на востоке, в Нью-Йорке, который на самом деле стал Одессой-Калькуттой-Стамбулом. Мы съехали с главного шоссе, чтобы заправить машину. Спросили у хозяина заправки, где ближайший бар, и он махнул рукой в сторону видневшейся церкви.

В баре было ни светло, ни темно. За барной стойкой сидело человек шесть. Еще четверо стояли у бильярдного стола. Двое из них держали в руках кии. Над стойкой висел телевизор, по которому показывали бейсбольный матч. Некоторые смотрели матч, некоторые разговаривали между собой. Мы с Айлин сели на высокие барные стулья. Айлин заказала себе пиво, а я «Кровавую Мэри». Молодая барменша зачерпнула стаканом из какого-то ящика льда, ссыканула туда говенной водки «Попов», сверху плюхнула микс из трехлитровой бутылки.

— А я говорю, что акции «Дженерал Электрик» не могут так долго на месте стоять, они или вверх пойдут, или так грохнутся, что до Аризоны пыль дойдет, — сказал непонятного возраста пьянчуга. Во рту у него не было половины зубов.

— А я не имею дела с акциями, — отвечал ему другой пьянчуга, по виду которого можно было с уверенностью сказать, что он ни с чем дела не имеет, не только с акциями. — Мэри-Джо, еще того же самого.

— Держи, дядя Майки. — Барменша налила пьянчуге щедрюю порцию бурбона.

Дядя Майки вытащил помятую пачку «Мальборо», дрожащими пальцами выудил из нее сигарету, что-то пробормотал, зажег спичку и вдруг заорал: «Home run!»

Какой-то бейсболист бежал по полю, принимая поздравления.

— Сукин сын, что делает! Ты видел, как он это сделал? — закричал специалист по акциям. — Мэри-Джо, красавица ты моя, повтори. Ну и день!

Айлин увидела, что я наблюдаю за этой парочкой, тронула меня за руку и рассмеялась. Я тоже рассмеялся.

— Мы в Америке, — сказала Айлин. — Добро пожаловать в Пенсильванию! Америка начинается в этом баре.

— Я очень хотел сюда попасть с самого детства. Спасибо тебе, Айлин.

Мы снова вместе рассмеялись. «Кровавую Мэри» пить было невозможно. Я заказал порцию водки и отдельно стакан томатного сока. Водка была теплой, все тот же дрянной «Попов». Потом я выпил еще несколько порций и заполировал «Будвайзером».

Мы с Айлин поцеловались, потом обнялись. Неудобно сидеть обнявшись на высоких барных стульях, но все равно было хорошо.

— Ты моя мисс Америка, — сказал я. — Я же еще и к тебе приехал.

— Я ждала тебя.

— Вы такая красивая пара, — сказала Мэри-Джо. — Следующий раунд за мной. Что будете?

— Я еще порцию водки, а Айлин будет...

— Я хочу зеленого ликера. По-моему, «Мидори» называется.

— Айлин, я тебе сделаю «Мидори» с персиковым соком. У тебя такой красивый кавалер, Айлин, — сделала мне комплимент Мэри-Джо. — А тебя, красавец, как зовут?

— Борис.

— Приятно с тобой познакомиться, Борис. У меня еще не было Борисов в баре. Меня зовут Мэри-Джо, и именно так меня здесь все называют. У меня много и других имен. Для вас я Хани, а вот для тех двух забулдыг — Сука из ада.

— Это еще почему, Мэри-Джо? — удивился я.

— А потому, что они оба уже наклюкались, и больше я им не налью. Вы еще услышите, что они мне скажут. «Сука из ада» будет самым ласковым именем. Куда им за руль садиться? У обоих грузовики, а они лыка не вяжут. Опять моему мужу их домой отвозить.

— Я ему сказала: хочешь уходить — уходи, но без кровати, — говорила женщина во фланелевой рубашке и джинсах, посасывающая какой-то бурый напиток. У нее тоже не хватало нескольких зубов.

— Еще кровать ему отдавать! — соглашалась собеседница. — Мэри-Джо, ласковая ты моя, налей-ка тете Викки того же. Не получит он никакой кровати. Сандра, не отдавай ему кровати!

— Нет, не получит он никакой кровати. Это мне мама кровать подарила, а не ему. Я ему так и сказала — мне мама кровать подарила, а не тебе, — сказала Сандра и отхлебнула из стакана.

— Что делать дальше будем, Айлин? — спросил я.

— Выпьем кофе и поедем обратно.

— Нет, я не про сейчас.

— Как сказал твой «брат» Брайан? Продолжать пилотировать самолет? Вот и будем пилотировать самолет.

Мы с Айлин расплатились и вышли из бара. На улице я обернулся и увидел на баре вывеску «Бар Мэри-Джо», а под ней маленькую вывеску «Счастливые часы с 5 до 7».

Айлин трезвее меня, и поэтому она села за руль. Весь обратный путь мы слушали радиопередачи. На радиостанцию звонили пенсильванцы и заказывали свои любимые песни. А потом, когда мы уже подъехали к Делаверскому ущелью, раздались хрипы, и Америка пропала из эфира. * * *

Ровно в двенадцать я сообщил дежурному офицеру на проходной, что явился на прием к прокурору Гроссу. Через пять минут он спустился за мной. Я был в джинсах и куртке, он в черном костюме.

— Расслабляемся? — весело спросил он, увидев меня. — Мы пойдем в ресторан, где собираются судьи, прокуроры, ну и наши гости.

В ресторане, к моему удивлению, Гросс заказал себе скрудрайвер, объяснив, что его рабочий день уже закончился и он хочет расслабиться.

— Борис, я, наверное, закрою дело. Но мне хочется знать, что произошло на самом деле. Чутье подсказывает мне, что Бароев и Ованесян — уголовники. Я понимаю, что Армен, очевидно, жулик и что он на самом деле кого-то надул в Москве. Не сомневаюсь, хотя Армен это и отрицает, что с ним кое-кто повидался — у нас есть определенные подозрения на этот счет. Ты можешь мне рассказать в частном порядке, что на самом деле произошло и кто есть кто?

— Мистер Гросс, видите ли...

— Кевин. Зови меня просто Кевин.

— Кевин, ты понимаешь, что ты сейчас делаешь? Ты предлагаешь мне сдать моих клиентов, и если я это сделаю, исключение из коллегии адвокатов будет не самой большой моей проблемой. Что я выигрываю, принимая твое предложение, не говоря уже о том, что мне, по сути, нечего рассказывать?

— Мне просто показалось, несмотря на шоу в суде, что ты наш человек больше, чем их. Может быть, ты выдал себя одним взглядом, брошенным в сторону Беслика Бароева, может быть, брезгливой улыбкой, когда выходил из здания суда. Жаль, ты не расскажешь, что произошло в действительности и кто такие на самом деле действующие лица этой истории. А дело я закрываю, поэтому ты никого не сдаешь. Скажи, ты рад, что я закрываю дело?

— Я рад, Кевин, — это правильное и справедливое решение.

— Почему?

— Беслик Бароев и Леван Ованесян — страшные люди, и тем не менее на слушании у Масси я говорил правду. Трудно американцу понять, что происходит в России, особенно если он там не жил. В девяносто первом я провел несколько часов в Москве с Гэри Хартом, тем самым, который шел на президентство. Мы гуляли по Москве и глазели на перестройку. Гэри радовался как ребенок. Он думал, что в результате перестройки родится демократическое государство типа Франции. А родилось государство-чудовище, где преступный мир не просто переплетается с государственными структурами, а он и есть государственные структуры. Чьи деньги хотели вернуть Беслик и Леван? Какой-то компании? А может, президентские? Или авуары бандитских формирований? Они и сами могут этого не знать, да и какая разница,

ведь, по сути, это все одно и то же. Но вернемся к Беслику и Левану. С юридической точки зрения дело против них довольно слабое. Во-первых, никакого оружия. Во-вторых, Армен сам дезавуирует свои собственные показания. В-третьих, практически ничего существенного со стороны жены Армена — женские предчувствия, не более того. Ну, и закончилось бы это дело договором между тобой и Лэйном с Брайаном, по которому получили бы Беслик с Леваном по году условно за хулиганство. Ты правильно решил, что закрываешь дело.

— Я ведь не совета у тебя просил. Ты знаешь, сколько дел я выиграл? Сотни. И ни одного крупного не проиграл!

— Я и не даю тебе советов, ты ведь уже принял решение — ты сам сказал.

— Но забудем о юриспруденции. Кто такие Леван и Беслик?

— Это новый тип российских бизнесменов. Если бы мир был устроен по прокурорским меркам, они бы сидели в тюрьме, но в таком случае не встречался бы американский президент с российским, не летали бы в Америку самолеты «Аэрофлота», не продавалась бы в Москве кока-кола. Но все это происходит, а поэтому Беслик и Леван должны быть свободны.

— Ты циник.

— Я мечтал быть прокурором.

— Спасибо, что ты приехал, хотя я ждал большего.

— Леван и Беслик должны быть свободны, потому что год тюрьмы, который ты им, может быть, и впаяешь, и то условно, это позор. Тут либо смертная казнь, либо на свободу.

— Ты просто судья Линч. Но ведь они же не совершили ничего, что заслуживало бы смертной казни. Да и нет у нас в Коннектикуте смертной казни.

— Поэтому — на свободу! Скажи, что бы ты делал, если бы тебе показали новорожденного младенца с прикрепленной к пеленке справкой, что у него патологическое нарушение мозга и что вырастет из него серийный убийца? Допустим, медицина уже на таком уровне, что заключение экспертов — неоспоримый факт.

— А что я мог бы сделать? Заранее приговорить младенца к пожизненному за еще не совершенные им преступления? Посоветовал бы родителям следить за ним.

— А каким родителям ты посоветуешь следить за Бесликом и Леваном? Нет уже тех родителей.

— А ты думаешь, они оба с такой справкой?

— Не сомневаюсь.

— Ты меня укрепил в решении закрыть дело. Мне почему-то больше хочется отправить их обратно, чем засадить в тюрьму здесь.

— Справедливый подход.

— Осторожно веди себя с ними. Если что, звони — у меня в Нью-Йорке хорошие связи в полиции и прокуратуре.

— Спасибо. Я первый узнал, что дело закрывается?

— Да.

Прокурор Кевин Гросс рассчитался за ланч, и я уехал в Нью-Йорк.

Я позвонил Брайану и Лэйну и сказал, что Гросс прекращает уголовное преследование.

— С тобой соединялся кто-нибудь? Николай, Беслик, Леван?

— Никто.

— С нами тоже никто.

— Пошли они все к черту. Я уезжаю в отпуск. Надеюсь, к моему возвращению их в Америке уже не будет.

— Если Гросс говорил правду, то через неделю дело будет закрыто. Повезло мерзавцам. Наверное, ты у них счастливая карта. Благодаря тебе Беслика освободили до суда, теперь опять же благодаря тебе суда вообще не будет. Они тебе должны миллион долларов.

— Пока что Беслик хочет назад свою десятку.

— Скотина. * * *

Я приехал домой и лег спать. По-моему, звонил телефон, но у меня не было сил проснуться. А когда проснулся, вещи в дорогу были собраны и Крис радостно суетился, запихивая в свою сумку какую-то игру.

Было уже темно, когда мы отчалили от дома и, выехав на 80-й межштатный хайвей, взяли курс на запад.

— На запад, отец, двигай на запад, — сказал Крис.

Айлин рассмеялась и сказала:

— На запад, муж, двигай на запад!

Через час пути мы миновали Делаверское ущелье. Айлин села за руль, а я задремал.

— Здесь мы с папой вчера были, — сказала Крису Айлин, когда мы поравнялись с городком, где находился «Бар Мэри-Джо».

— Что делали? — иронично спросил Крис.

— Ничего. Просто были, и все.

— Кстати, куда мы едем? — спросил Крис. — Не сюда же.

— Нет, не сюда. Доедем до Чикаго, а там посмотрим. Может, на пароме через Великие Озера в Канаду, может, на юг свернем. Я понимаю, что тебе такая поездка может показаться скучноватой, но нам нужно всем побыть вместе.

Зазвонил мой мобильный.

— Борис, это Исаак. Что там у вас происходит?

— А что такое, Исаак?

— Мне передали, что ты чем-то недоволен. Так ты знай, в наших силах все исправить. Если бабки нужны, так и скажи.

— Бабки не помешают, Исаак. Заплати — будешь доволен.

— Нет проблем. В понедельник тебе закинут десять штук.

— Пусть оставят у секретарши. Можешь даже двадцать штук закинуть.

— Что так, Борис?

— Скоро ты сам все узнаешь.

— Есть какие-то новости?

— Есть, но связь прерывается. — Я выключил телефон.

Пошел дождь. Айлин вела машину, Крис спал на заднем сиденье. Вокруг была Америка. * * *

Дальнейшая судьба некоторых героев этой истории такова.

Спустя пару лет после возвращения в Москву Леван Ованесян пошел в больницу проведать раненого сына. Находясь в палате, подошел к раскрытому окну покурить. В этот момент его сразила пуля снайпера, попавшая в голову. Думаю, это событие сам Леван откомментировал бы коротко и емко: «Раз убили, значит, пидораст».

Беслик Бароев стал владельцем казино в Москве. Убили его примерно в двухтысячном году. Учитывая особенности его характера, я считаю Беслика долгожителем.

Дика Бароев парализован после пулевого ранения в позвоночник.

Сережа Карпович продал «Прибой» и купил небольшую гостиницу с рестораном и бассейном на Лонг-Айленде.

В 1995 году Джон Бэйкер защищал одного из обвиняемых в деле, связанном с первым взрывом во Всемирном торговом центре в Манхэттене в 1993 году. Сейчас Джон сидит в тюрьме, потому что брал деньги с клиентов, за юридическую защиту которых, в силу их бедности, ему заплатил штат.

Лэйн Стюарт умер в 2004 году.

Кевин Гросс стал судьей.

Брайан Макинтайр по-прежнему практикует в Коннектикуте.

Судья Масси на пенсии.

Барри Арнитц практикует в Нью-Йорке.

Скотт Кроссфилд, первый пилот, достигший скорости двух Мах'ов и которому не хватило пешеходной скорости до трех Мах'ов, погиб в штате Джорджия 19 апреля 2006 года, когда пилотируемая им одномоторная «Сессна» врезалась в землю. Ему было 84 года.

Рому и Славика арестовали в 1997 году за вымогательство. Рома согласился сотрудничать с прокуратурой и после окончания судебного процесса скрылся в дебрях программы по защите свидетелей. Наверное, живет под другим именем в каком-нибудь захолустном штате. Славик, если хорошо себя вел, уже должен был выйти. Ему дали десять лет, а при хорошем поведении в федеральных тюрьмах со срока сбрасывают аж пятнадцать процентов срока.

Илья Горский стал еще более популярным писателем. Историю с Бесликом и Леваном он помнит, я думаю, хорошо. Иногда я его вижу по телевизору.

Билл расстался со своей русской девушкой и растворился в Америке. Я его не видел с тех

самых времен.

Я ничего не знаю про Армена Аганбегяна и негодя Шихмана.

Мне неизвестно также, что произошло с Колей. Насколько я знаю, он улетел в Москву вместе с Бесликом и Леваном. Конечно, любопытно бы узнать, кем же он был на самом деле, но не настолько, чтобы что-нибудь предпринять для этого.

Верка и Зинка

— Море-то какое теплое, — сказала, подсаживаясь, Зинка. — Ты давно уже тут?

— Неделю, — ответила Верка. — А ты когда прилетела?

— Два часа назад. А когда нас кормить будут?

— Никто нас кормить не будет. Ты разве никакой еды с собой не привезла?

— Конечно привезла. Просто горяченького чего-нибудь хочется.

— В мотеле кофе можешь попить. Если налево по дороге пойдешь, через километр увидишь бodega — там суп куриный съесть или рис с бобами. И то и то сорок песо.

Девушки вошли в теплую воду, поплыли на боку вдоль побережья. Было пустынно. Иногда по дороге, идущей по берегу, проезжала ржавая машина или автобус без окон.

— Три дня назад мимо Доминиканской Республики ураган прошел, совсем недалеко, — выплевывая фонтанчиком воду, сказала Верка. — Небо было все черное, волны громадные. Видишь, сколько мусора нанесло на берег. Сегодня первый день тихо.

— А сколько нам еще здесь сидеть? — тоже фыркая, спросила Зинка.

— Ты семнадцатая. Капитан сказал, что наберем двадцать к понедельнику, тогда и поплывем. А я уже здесь торчу больше месяца.

— Страшно все это, — сказала Зинка.

— А мне дома еще страшнее. Ты, Зина, откуда?

— Из Ивано-Франковска. А ты?

— Из Иршавы.

— Так мы ж с тобой соседи, — обрадовалась Зинка.

— Зина, мы все тут соседи — вся двадцатка из западнцев будет. У нас западенский набор.

Зинка и Верка вышли на берег и улеглись на песке. Песок мгновенно прилип к белым волосам Верки и к черным Зинкиным. Тело Верки было черным от загара, а Зинкино — только чуть-чуть смуглым. Верка была немного выше Зинки.

— Спать хочется, — сказала Зинка. — У меня еще время все перевернутое. Это ты здесь бусинку в пуп вставила?

— Нет, год назад в Турции. Красиво?

- Очень красиво. Ты думаешь, в Америке такую вставят?
- В Америке? Если мне в Турции вставили, то в Америке тебе все что хочешь вставят.
- Слышь, Верка, у меня сало есть.
- И у меня сало есть. Ты хочешь сала?
- Ага. И водки выпить.
- Я позавчера здесь с хлопцами выпила, отлегло немного.
- А что это за хлопцы? Цепляться не будут? А то я замужем.
- И я замужем. Нет, хлопцы не цепляются. Капитан сказал, что если кто бузить будет, он того не повезет. Они у меня все шелковые ходят.
- А девчата еще есть?
- Катька со Львова и Ксюша с Ясеней. Они еще молодые, поехали с хлопцами на лодке кататься.
- Верка, у тебя дети есть?
- Две девочки, одной тринадцать, другой семь. А у тебя?
- Тоже две дочки — пятнадцать и десять. Даже не верится, что я их вчера видела. Уже скучаю по ним. Ведь даже позвонить им не могу.
- Я тоже по своим скучаю. Я знаю, им с моей мамой хорошо, лучше даже, чем со мной. Она и накормит, и приласкает, никогда кричать на них не будет, не то что я. А они все равно плачут, домой зовут, у меня аж сердце разрывается. А что я им могу объяснить?
- Я дочкам сказала, что дома не заработаю на все необходимое. Музыка дорого стоит — моя дочь на скрипке играет, сама скрипка дорого стоит, одежду хотят всю самую модную, да и еда ты сама знаешь сколько сейчас стоит. Слушай, а где твой муж?
- Объялся груш, — зло ответила Верка. — Не знаю я, где он. Иногда дочкам звонит. Пропал он год назад. Девчата говорили, что видели его с молодухой во Львове. Я б ей зенки повыцарапывала — женатого мужика красть.
- И мой пропал. Год назад уехал в Канаду, так его и видели. Звонил на день рождения старшей, а подарка не прислал. И денег тоже не присылает. На заработки он уехал, говнюк! Где его заработки? Если бы он присылал хоть немного, я бы с детьми была, а так мы не проживем. Ты же сама знаешь, сколько мясо стоит. Младшая у меня больная, ей овощи-фрукты нужны. Наверное, витамины ей даже нужнее, чем я.
- Ну, может, в Америке новых мужей достанем. Ты еще очень даже ничего. — Верка засмеялась и ущипнула Зинку за красивую ляжку.
- Да и ты девка что надо. А как мы замуж выйдем без развода?
- Ты сначала жениха найди, а потом о разводе думай. Я думаю, при разводе мой Микола хату заберет. У нас еще квартира есть в трехэтажном доме.
- А мой Микола у меня уже все забрал. А если еще квартиру захочет, то нехай подавится ею.

Девушки встали и направились к выцветшему зданию, которое когда-то было зеленым, а может, розовым. Перед входом ополоснулись под душем, устроенным под пальмовым навесом. Вода в душе была солоноватая. За две минуты, которые она стояла под душем, Зинка успела всплакнуть. Вышла с красными глазами, волосы спутанные, на теле все равно песчинки остались. Верка обняла Зинку, поцеловала в щеку.

— Это только начало, — тихо сказала Верка. — Ты должна держаться ради детей. В Америке легче будет. Давай я помогу тебе перенести вещи в мою комнату, а Катьку в твою отселим, ей все равно.

В комнате Зинка и Верка расстелили на маленьком столике украинскую газету, которую Зинка взяла в самолете, разложили на ней сало, консервы, хлеб, сыр. Комната была маленькая, воздух в ней был затхлый, влажный. Влажными были старые простыни и подушки без наволочек, даже стены. Только каменный пол приятно холодил ноги.

— Я сало в фольге провезла, чтоб не просвечивалось на таможне, — сказала Зинка.

— Хорошее сало. Я сразу вижу, когда сало хорошее. Фольгу для Америки надо, а тут им твое сало по барабану. — Верка нарезала большой кусок сала на толстые ломти.

— Такое сало надо без хлеба есть. Оно сладкое, прямо тает во рту.

— Сейчас растает. — Верка достала бутылку водки, разлила по пластмассовым стаканчикам грамм по тридцать каждой. — Ну что, Зинка, давай теплой водочки поддадим за встречу!

— За встречу и за дружбу! — чокнула свой стаканчик о Веркин Зинка.

Девушки выпили и сунули в рот по куску сала. Потом разлили еще по одной и выпили за детишек. Третью выпили за то, чтоб благополучно добраться до Америки. Съели по три ломтя сала, банку частичка в томатном соусе, по кусочку сыра. Захотелось пить, но воды не было.

— Пошли к Хорхе кока-колы купим, — сказала Верка. — Хорхе здесь убирает.

Девушки вышли в коридор и потопали по облезшему ковру к конторке, располагавшейся у входа в мотель. За мутным треснутым стеклом на стуле спал старик.

— Хорхе, — постучала в стекло Верка. — Хорхе, уна кока-кола.

Хорхе проснулся и уставился в стекло.

— Уна кока, Хорхе, — снова попросила Верка.

Хорхе открыл дверь и улыбнулся беззубым ртом.

— Факи-факи, — сказал Хорхе.

— Но факи-факи, — запротестовала Верка. — Уна кока-кола.

— Факи-факи, — упрямо повторил Хорхе. — Но донья Сида.

— Что он лопочет? — спросила Зинка.

— Трахаться он хочет и говорит, что СПИДа у него нет. СПИД по-ихнему донья Сида. Они эту заразу доньей зовут, как женщин.

— Хорхе, но факи-факи, давай кока-колу. — Верка протянула Хорхе красивую бумажку в сто песо.

Хорхе сунул бумажку в карман и принес двухлитровую бутылку кока-колы.

— Факи-факи, — без особой надежды сказал он, протягивая Верке бутылку.

— Иди спать, кавалер, — сказала Верка. — Маньяна факи-факи.

— Маньяна, маньяна, — пропел Хорхе и ушел к себе в каморку.

В номере девочки приняли еще по паре рюмок водки, запив их кока-колой. Забежала Катька, обрадовалась, что теперь будет жить в другой комнате, отхлебнула из бутылки водки, схватила кусок сала и засунула его в рот.

— Доброе сало, — сказала Катька. — Пойду до Стасика.

— Пойди, пойди, — усмехнулась Верка. — Ты еще до Америки пузо себе заработаешь.

— Вот и рожу американца, — засмеялась Катька. — Сынуля мне грин-карту зробит. — Катька отхлебнула еще водки, запила кока-колой.

— Ты первый раз за границей? — спросила Зинка.

— Ага. — Катька засунула в рот еще один кусок сала. — Ох, какое добре сало. У меня все в первый раз, девчата. Ну, бувайте.

— Будем еще пить? — спросила Верка.

— Нет, я поплакать хочу, — сказала Зинка. — Скучаю по малым своим. И по старым тоже скучаю. Я хоть и старше Катьки, а тоже еще нигде не была, только один раз в Ялту с подругами съездила, еще до замужества.

Зинка опустила голову на подушку и тут же заплакала. Верка посидела немного рядом, выпила еще рюмку водки, уже ничем не закусывая, и, не раздеваясь, легла рядом с Зинкой и обняла ее. Через минуту обе уже крепко спали. * * *

Утром Зинка и Верка проснулись от стука в дверь. Верка встала и пошла открывать, зевая на ходу. Из рта пахло перегаром, салом, частичком, может, кока-колой или еще чем-то немясным и нерыбным. Не спрашивая, кто стучит, Верка открыла дверь. На пороге стоял здоровый небритый парень лет тридцати пяти, в тельняшке.

— Здорово, Верка, — сказал парень. — А это кто тут у тебя спит?

— Здорово, капитан. Это новенькая. Ее Зинкой зовут. Она из Ивано-Франковска.

— Здравствуйте, — отозвалась с кровати Зинка.

— Вот что, девочки, — сказал капитан. — К трем часам будьте готовы к отплытию. Собираемся у причала с вещами.

— А что, уже все двадцать приехали? — спросила Верка.

— Нет, нас будет восемнадцать. Остальных двоих ждать не сможем. У нас есть несколько дней до следующего урагана, нам проскочить быстро надо. Может, на Багамах тормознемся из-за погоды, хотя не хотелось бы. У каждого должно быть с собой еды на три дня, за воду не беспокойтесь, но по бутылке водки на человека обязательно. Неоткрытой, — добавил капитан, посмотрев на початую бутылку, стоявшую на столе. — Также крем от загара, минимум номер пятнадцать, что-то обязательно на голову.

Капитан вышел и через несколько секунд уже стучался в соседнюю дверь, чтобы кому-то дать

точно такие же инструкции. Девочки приняли душ и почистили зубы. Верка опохмелилась рюмкой, и ее чуть не вырвало.

— Это водка с пастой смешалась, — сказала Зинка. — Надо было до того, как чистила зубы. С тобой так хорошо спать было, ты такая мягкая.

— А я так отрубилась, что если бы даже Хорхе пришел, я бы и не заметила.

Зинка вспомнила Хорхе, поморщилась. Посмотрела на часы — около одиннадцати утра.

— Это хорошо, что ты вчера выпила, — сказала Верка. — Иначе бы проснулась с петухами. Я три дня подряд просыпалась в четыре утра, а потом днем спала. Ты тоже через пару часов кунять начнешь.

— А здесь тоже петухи есть? — удивилась Зинка.

— А где их нет? Раз суп куриный есть, то и петухи есть.

Зинка и Верка выбросили остатки еды в мусор, перепаковали сало, проверили наличие крема, неоткрытых бутылок водки и бейсбольных кепок. Все было на месте. Верка отнесла Хорхе початую бутылку водки, и старик тут же допил ее до дна, ничем не закусывая. Пробормотал «факи-факи» и снова заснул. Вернувшись в номер, Верка и Зинка закрыли на ключ чемоданы, а потом пошли на пляж, сели на белый прохладный песок, закурили. Море было местами синим, а местами серым. Вдали, почти на горизонте, стоял, а может и плыл, теплоход.

— А ведь мы вчера не курили, — сказала Зинка. — Я даже забыла, что курю. После выпивки я всегда курю, а вот вчера забыла.

— Это от нервов, — сказала Верка. — У тебя нервы были на таком пределе, что им никотин не нужен был. Наверное, они сами вырабатывали никотин.

— Здесь хорошо, почти как в Ялте, — сказала Зинка. — Мороженого хочется.

— Ну так пойди к Хорхе, у него цветные ледяшки есть, по тридцать песо штука.

— Да ну его к черту, без ледяшек обойдусь. Верка, ты на яхтах плавала когда-нибудь?

— Не-а. Класно, наверное.

— Наверное. Я читала — все богатые на яхтах плавают.

— Вот и мы, как богатые, поплывем. Намажемся номером пятнадцать, выпьем по стакану водки, закусим частичком и поплывем в Америку. Мне капитан сказал, что если нас при заходе в порт арестуют, то всех в тюрьму посадят, а ему вообще минимум пять лет дадут.

— А нам сколько дадут? Мы же ничего не сделали.

— Так сделаешь. Может, ты орден хочешь за нелегальный переход границы?

— Не надо мне ордена. Мне бы лет пять поработать, дочек поднять, и гуд-бай, Америка. У меня одна подруга вернулась из Америки после пяти лет, ты бы на нее посмотрела. Купила квартиру в центре города, белую «Тойоту» и еще бизнес открыла. Я уже не говорю про шмотки. Я ее видела на танцах в диско. Она может любого хлопца себе выбрать, такой у нее прикид.

Зинка встала, стряхнула с себя песок.

— Пошли скупнемся, — сказала она.

— Да я уже купальник запаковала в чемодан, — ответила Верка.

— Я тоже. Давай голыми скупнемся. Я читала, что в Европе все голыми купаются, а здесь все равно на пляже ни души. Отелей и туристов в этом месте нет.

Девушки скинули с себя одежду и вошли в теплое Карибское море. * * *

— Тихе, тихе море, а я вон хмару бачу, — сказал Стасик, вглядываясь в небо. — Велька хмара йде сюды. Чую, шо перевертаємось, хлопци.

— В добрый час сказаты, в лихий промовчаты, — укорил Стасика Андрюха.

На пляже около пристани звучала украинская речь. Западенцы сидели на песке рядом со своими чемоданами. Парни рассказывали друг другу о своих прошлых приключениях. Они курили, сплевывая в песок. Вокруг каждого лежало по десятку серых комочков-плевков. Девушки глядели на море. Ровно в три часа дня из-за мыса показалась большая моторка. Она за минуту домчалась до пристани, и парень, сидевший у руля, прокричал:

— Пять парней и четыре девки, на борт! Остальным ждаты!

Никто не толкался, не лез, чтобы быть первым. Как-то само собой получилось, что Зинка и Верка очутились вместе в первой группе. Парень ловко развернул моторку и помчал к мысу. Зинка смотрела на воду, которая вдруг стала зеленой, глубокой и неприветливой, даже страшной.

Яхта оказалась большой и старой. На корме латинскими буквами было написано «Baby Christina». Под названием значился порт приписки — Багамы. Посреди палубы торчала высокая мачта, за мачтой ютилась низенькая надстройка. Из надстройки вышел уже знакомый капитан в той же тельняшке.

— Располагайтесь внизу, по шесть человек на каюту. В тесноте, да не в обиде, — обратился ко всем капитан. — Капитаном меня больше не зовите, а зовите просто Олегом. Парень на моторке — матрос Саша, есть еще один матрос — вон он на корме с мотором возится. Его зовут Натан. Он еврей, но если кто-то что-то на эту тему скажет, Натан за борт выкинет, а я поддержу. А сейчас всем спуститься вниз и занять места в каютах. На палубу не выходить, пока не разрешу. Поскольку девок меньше, чем парней, то поселить вас отдельно не получится. Если у парней, или даже у девчат, что где зачесется, Натан почешет — больше в этом месте чесаться не будет никогда. Из чемоданов взять только самое необходимое, а чемоданы сложить на корме.

Первая девятка пассажиров спустилась вниз по лестенке. Пассажирские каюты оказались крошечными. В каждой к двум боковым противоположным стенам одна над другой были прибиты узкие койки, и еще два топчана стояли в проходе, так что места для прохода почти не было. Зинка и Верка сели на одну кровать, касаясь друг друга полами. Парни собрались в другой каюте.

— Ты что из чемодана достала? — спросила Зинка, кивая на пластиковый пакет, который Верка поставила между ног.

— Палку колбасы, бутылку водки, зубную щетку, крем для загара, две пары трусов и прокладки. А ты что?

— А я кусок мыла, бутылку водки, пакет халвы, банку частичков, две пары трусов, а щетку забыла.

Помолчали. Яхту заметно качало, хотя волны были небольшие. В маленький иллюминатор были видны какие-то щепки, нырявшие в волнах, еще какой-то мусор.

— Верка, по-моему, мне уже плохо, — сказала Зинка.

— Капитан мне говорил, что раздаст какие-то таблетки, которые помогают при качке. Потерпи немного.

— Терплю, Верка. У меня лицо уже зеленое?

Верка посмотрела на Зинкино лицо. Оно было зеленым.

— Нет, Зинка, нормальное лицо. Ты нажми пальцем под носом, легче будет.

— Откуда ты знаешь?

— Я летать на самолете ужасно боюсь, и мне один парень, который йогой занимается, сказал, что, если сильно пальцем под носом нажать, легче становится. Я полпути, когда летела, палец под носом держала, у меня потом красное пятно еще неделю оставалось.

— Так я ж не боюсь, мне просто от качки дурно.

— Это при всех случаях помогает. Нажми, только сильно.

Зинка нажала пальцем под носом. Было больно, и Зинка поморщилась. Но дурнота ушла почти сразу. Послышался топот — прибыла вторая «девятка». Когда все разместились, оказалось, что каюту вместе с Веркой и Зинкой будут делить еще две девушки и два парня.

Заработал мотор, и яхта тут же накренилась на развороте. Иллюминатор казался чуть ли не на уровне воды, белая пена проносилась совсем рядом. «Вот и поплыли в Америку», — подумала Зинка, а вместе с ней, наверное, и остальные семнадцать западнцев. Через несколько минут матрос Саша заглянул в каюту и сказал, что можно выйти на палубу.

На палубе были длинные скамейки, лежали спасательные круги. Яхта шла под мотором, ее почти не качало. На корме за большим штурвалом стоял Олег. Матрос Саша тащил с носа на корму какой-то канат. Откуда-то на палубу вышел Натан. У него были толстые волосатые руки и ноги, очень широкие плечи и перебитый нос. Натан подозвал пару парней и вместе с ними начал перетаскивать чемоданы с кормы куда-то в глубь судна. Натан легко поднимал чемоданы, было видно, что он очень сильный человек. Берег удалялся, постройки сравнялись с землей, и скоро стало видно, что Доминиканская Республика расположена на острове.

— Олег, выпить можно? — крикнул один из парней.

— Выпить всегда можно, — улыбнулся Олег. — А вот нажираться нельзя. Разрешаю каждому по двести грамм. Саше и Натану даже не предлагать. Закусить не забудьте.

— Олег, дай нам с Зинкой по таблеточке, — попросила Верка.

— Сначала выпейте, потом посмотрим, нужны ли вам таблеточки. Обычно алкоголь помогает и без таблеток. Я вам, девочки, специальный коктейль сделаю, чтоб дурно не было. Натан, стой у штурвала.

Олег спустился вниз и через минуту вернулся с бутылкой бренди и бутылкой кагора. Матрос Саша принес несколько стаканов, раздал их девушкам. Олег налил Верке и Зинке на три пальца бренди, а затем сверху до краев кагора.

— Ну-ка, залпом! — скомандовал Олег.

Верка и Зинка послушно выпили коктейль. Он был крепкий и вкусный. Через минуту обе захорошели. Остальные пили водку. Солнце, опускаясь, становилось красным, на мачте, хоть еще было светло, зажглись огоньки. Западенцы легли на лавки, стоявшие на палубе. Одна девушка запела украинскую песню, но ее никто не поддержал. Девушка допела песню до конца и, шатаясь, спустилась вниз в каюту. Внезапно стало темно — то ли солнце зашло, то ли его закрыли тучи. Подул сильный ветер, где-то грохнул гром. Олег, Натан и Саша с серьезными лицами спустили паруса, закатали их в брезент. Вдруг яхта вздрогнула от сильного удара о правый борт. Затем последовал еще удар, и судно затрещало.

— Что это, Олежек? — взвизгнула одна из девушек.

— Шторм, Маруся, шторм. Спускайтесь-ка вы вниз, не нравится мне все это.

Западенцы гуськом спустились по лесенке вниз и разошлись по своим каютам. Удары о правый борт становились все сильнее и сильнее, и «Бэби Кристина» стала проваливаться в глубокие ямы между валами. Зинка перебралась на Веркину койку и прижалась к Верке.

— Пальцем... дави... под носом, — простонала Верка. — И не смотри в окно, там страшно.

— Ой, давлю, Верусю, давлю. За окном, Верусю, водяной, он по нашу душу пришел. Я неба не бачу, тильки зелену воду и черта у ней. — Зинка одной рукой обняла Верку, а костяшками пальцев другой давила у себя под носом. — Верусь, я не хочу за гроши погибать.

— За деток, Зинка, погибнем, за деток, а не за гроши. Я когда маленькой была, на дерево залезала, а потом думала — зачем я полезла, ведь страшно очень. Но ведь слезала как-то. И здесь как-то слезем.

Две другие девушки в каюте перебрались к парням и прижались к ним. Они постанывали от каждого удара и вцеплялись в спину парням ногтями. Парни сначала встречали каждый удар волн матюгами, но постепенно оба перешли на «Господи, спаси, Иисусе». В каюту заглянул матрос Сашка и сказал: «Не бздо, и не через такое прорывались». Сказал он это, однако, не очень уверенно.

Как Зинка ни давила у себя под носом, страх не проходил. Мало того, подступала тошнота. Зинка перелезла на свою койку и теперь думала только о том, чтобы ее не вырвало. Она понимала, что долго не выдержит, и мысль о том, что она сейчас загадит всю каюту, что в ближайшее время придется плыть в блевотине, поскольку о том, чтобы замыть все после рвоты, не могло быть и речи, пугала ее больше, чем треск обшивки «Бэби Кристины».

— Дыши глубже, — угадала ее мысли Верка. — Дыши глубже и дави пальцем под носом.

— Дав-в-влю, Верусю, — еле проговорила Зинка. — К-как ты там?

— Мне хорошо, Зинка, только немножко страшно. Мне так Олежкин коктейль понравился, я хочу каждый день такой коктейль пить.

Вдруг одна из девушек в каюте издала громкое рычание, и ее вырвало прямо на парня, за которого она держалась.

— Шо ж ты, падла, наделала? — заорал парень, вскакивая и тут же снова падая в блевотину.

Девушка остановиться уже не могла и продолжала блевать на топчан и рядом с ним. Через минуту к ней присоединилась и вторая девушка, и тут Зинка тоже не выдержала. Парни оказались не намного крепче, и вскоре вся каюта полностью покрылась блевотиной.

К счастью, время в таких ситуациях летит быстро, скоро начало светать, и шторм поутих. Верка, единственная в каюте не блевавшая ночью, пробралась к выходу и вылезла на

палубу. «Бэби Кристину» по-прежнему качало на серых волнах, небо было белесое. За штурвалом стоял еврей Натан. Верка подошла к Натану и поздоровалась. Она хотела спросить, какой прогноз погоды на день, но заробела.

— Что, обосралась небось? — ласково спросил Натан.

— Я нет, а вот каюта наша вся в блевотине. Как нам теперь мыть ее?

— Вон на корме ведро, швабра. Ведро на веревке, забрось за борт — там воды хватит. А потом сверху пресной ополоснешь. А хочешь, я помою, но за любовь.

Верка взяла швабру, ведро, зачерпнула в него морской воды и, пошатываясь от качки, поплелась со всем этим хозяйством вниз. Зинка и все остальные пассажиры каюты спали прямо в блевотине. Верка всех растолкала и выгнала наверх, затем вылила на топчан ведро воды, позвала парней и заставила их носить воду с палубы, пока в каюте не стало чисто. Пол и топчаны от морской соли сделались липкими, и Верка потребовала несколько ведер пресной воды и мыла. Наконец каюта приобрела жилой вид.

Выйдя на палубу, Верка перегнулась через перила, и ее вырвало. Натан рассмеялся и сказал:

— От меня бы не вырвало.

Следующие четыре дня были поспокойнее, хотя все равно не так, как у богатых на картинках. Олег дал западенцам несколько удочек, и вскоре на палубе лежало с десятков рыбин махи-махи. Зинка села на корме и начала чистить рыбины. Требуху она выбрасывала за борт, и через несколько секунд появились акулы. Акулы сожрали всю требуху и продолжали плыть рядом с «Бэби Кристиной». Яхта быстро шла под парусом, но акулы не отставали. Их красивые торпедообразные туши были отлично видны, и западенцы стояли, облокотившись на перила, и любовались ими. Ребятам опять было не страшно, а девочки повизгивали, представляя, что с ними случится, если они свалятся за борт. Потом Зинка пожарила махи-махи, и все ели эту вкусную рыбу под водку. Выпили за капитана Олега, который не дал яхте перевернуться в страшный шторм, и за Зинку, которая так вкусно приготовила махи-махи.

«Бэби Кристина» находилась в пути пять дней и четыре ночи. Иногда мимо проплывали громадные теплоходы, и пассажиры с палуб махали «Бэби Кристине». Наверное, некоторые из пассажиров даже завидовали парням с «Бэби Кристины», разглядев столько красивых девчат, загорающих в купальниках на корме. Два раза в день парни ловили рыбу, в основном махи-махи, но иногда попадалась и морская форель, а один раз даже маленький акуленок, из которого Натан приготовил вкусные стейки. Западенцы жевали эти стейки, пили водку и говорили: «Добре мясо». И каждый рассказывал, какие экзотические блюда ему удалось в жизни попробовать. Стасик когда-то в Сибири ел медвежатину с вареньем из оленьих рогов, Андрюха ел бычьи яйца, зажаренные в сметане с рябиновым соусом, а Катька сказала, что однажды съела яичницу из семи яиц, поджаренную на сале, и все засмеялись.

— Я же голодная была, — сказала Катька, и все опять засмеялись.

Однажды вечером Натан набрел на Катьку и Стасика, целовавшихся на корме.

— Еще раз увижу — за борт обоих выброшу, — сказал Натан.

— А шо, нельзя? — спросил Стасик. — Может, мы любим друг друга.

— У нас тут не развлекательный круиз, сойдете на берег, делайте что хотите, а на борту дисциплина нужна. Если у всех пацанов встанет, парусность повысится, — сказал Натан. — А

если у меня встанет, яхту перевернет.

— Ладно, дядя Натан, — засмеялась Катька. — Расхвастался.

Натан подошел к Катьке и ущипнул ее за левую грудь так, что Катька взвизгнула.

— Ты чо, спятил, дядя Натан? Шо ты робишь?

— Это я предупреждаю, — сказал Натан. — А ты, Стасик, сиди как сидел, и чтоб у тебя штанины висели, как паруса в штиль.

Пятые сутки были тяжелые. Не такие, как первые, но все равно тяжелые. Море волновалось по-особенному — длинными, плоскими волнами, от которых не было страшно, но зато блевать хотелось очень. Солнце тоже жарило по-особенному — рикошетом от волн, отчего лучи его были липкими и солеными. Капитан Олег опять приготовил для девушек коктейль из бренди и кагора, от которого немного полегчало, а кому не полегчало, те блевали за борт, правда, не всегда удачно, потому что порыв ветра мог принести блевотину обратно. Ребята выпили водки, запив ее простой пресной водой, и молча то сидели, то лежали на палубе, иногда отряхиваясь от блевотины, которую приносил зараза-ветер.

— Шо же мы за гроши робимо? — спрашивала, утираясь, Зинка.

— Ты уже гроши, Зинка, считаешь? — усмехнулся Андрей. — Ты еще доплыви до тех грошей, а потом заработай их.

— Я за каждый километр тыщу долларов хочу, — сказала Катька. — Олег, сколько тыщ километров мы проплыли? На тачку хватит?

— На новый купальник тебе хватит, — ответил Олег. — Большие деньги не зарабатывают, а делают — потом узнаете.

К вечеру пятых суток яхта стала на рейде порта Нассау. Восемнадцать западенцев были измождены от бесконечной тошноты и рвоты, головокружения и просто страха. Не считая Колумба и пилигримов на «Мэйфлаузере», мало для кого путь в Америку был таким трудным. Как сказала Катька, только за этот переход ей полагается гражданство США. В Нассау матросы Саша и Натан сошли на берег, причем Натан собрал у всех украинские паспорта. На следующий день на борт поднялись два других помощника Олега — негр Дик и поляк Збышек. Следующим и конечным пунктом был Майами.

Перед отплытием капитан Олег отдал западенцам паспорта с проставленными фиктивными американскими визами. * * *

Через сутки относительно спокойного плавания «Бэби Кристина» подошла на расстояние пушечного выстрела к Майами. Олег загнал западенцев вниз и наказал не подниматься на палубу до его команды. Он объяснил, что океан кишит патрульными катерами, и яхту могут остановить и досмотреть в любой момент. В случае визита работников береговой охраны, инструктировал Олег, паспорта не доставать, пока их предъявление не станет необходимостью. В случае ареста каждый сам за себя — говори что хочешь, делай что хочешь, спасай свою шкуру как можешь.

— Я не ожидаю, — сказал Олег, — что вы будете меня покрывать. И не потому, что вы плохие люди, а потому, что вы не будете знать, как это правильно делать. Вам будет казаться, что вы что-то говорите в мою пользу, а на самом деле вы будете меня топить еще глубже. Говорите поэтому что хотите. Кстати, привыкайте к тому, что в Америке расклад будет такой же — вам будет казаться, что вы делаете что-то хорошее, а на самом деле вам за это хорошее прокурор статью впаяет. Короче, будьте осторожны в Америке.

Зинка и Верка мало что поняли из сказанного Олегом. Они сели рядом в своей каюте и через маленькую иллюминатор смотрели на Майами, раскинувшийся вдоль береговой линии. Америка была совсем близко, и переход из Доминиканской Республики на Багамы уже не казался такой страшной платой за доставку в Штаты. О том, сколько они заплатили агентству во Львове за все путешествие, Зинка и Верка старались не думать — обошлось это каждой в двадцать тысяч долларов. Много было продано, чтобы насобирать такую сумму, но и этого не хватило — пришлось дозаять. Инвестиция в Америку начинала окупаться, при удачном раскладе, на третьем году проживания в США.

«Бэби Кристина» маленькими шажками продвигалась к порту Майами. Капитан напряженно сканировал водную гладь в поисках патрульных катеров. Негр Дик сидел рядом в наушниках. Внезапно он повернулся к Олегу и сказал:

— Стодвадцатифутовая яхта села на мель при входе в акваторию. Приказ всем выстроиться и идти в кильватер друг за другом на малом ходу.

Вскоре Олег увидел несколько катеров береговой охраны и спасательное судно, которые окружили большую яхту, накрененную на левый борт. Олег подумал, что судно с пустыми палубами в яркий солнечный день может показаться подозрительным. Он отдал штурвал Дикю и сбежал вниз.

— Зинка, Верка, Катька, Манька, Стас, Гришка, Андрей, Гришка-второй — достать из чемоданов плавки и купальники, мигом натянуть их на себя и на палубу! Когда будем проходить мимо патрульных катеров, всем улыбаться и махать руками! Минуту на сборы.

Когда выбранные Олегом западены устроились на палубных скамьях, Збышек раздал всем стаканы со скрудрайвером. Олег тоже переоделся — на нем была ослепительно белая морская форма.

— Выпили! — тихо приказал Олег. — Не всем сразу, бараны, не всем сразу. Не водку же пьете, а коктейль!

— Спокуха, Олежек, — сказал Гришка-второй. — Шо ж, пить не умеем?

— Улыбайся, братан, и смотри на катер, — сквозь зубы процедил Олег.

Рядом, буквально в двадцати ярдах от «Бэби Кристины», качался на волнах патрульный катер. Западены как по команде уставились на катер и заулыбались. Офицер на катере что-то крикнул в мегафон, хотя его и без мегафона было хорошо слышно. Негр Дик ответил, и оба захохотали. Катер развернулся, Дик что-то сказал Олегу, и «Бэби Кристина» послушно стала в кильватер катеру.

— Шо, приехали, капитан? — прохрипел Стас.

— Улыбайся, Стасик, тебе это идет — сказал Олег. — В Америке все улыбаются, так что привыкай, а катер ведет нас безопасным путем, чтобы мы тоже на мель не сели. Сервис, Стасик, сервис. Улыбайся!

Следуя за катером, «Бэби Кристина» вошла в маленькую бухточку и бросила якорь. Патрульный катер развернулся и помчался обратно к яхте, севшей на мель.

— Нам крупно повезло, — обратился к западенцам капитан Олег. — Они даже не стали нас досматривать. Думаю, что мы можем спокойно начать высаживаться на берег.

Олег позвонил по мобильному телефону, и через пятнадцать минут к «Бэби Кристине» подплыла моторка с парнем славянского вида у руля. Чтобы перевезти всех западенцев на сушу, потребовалось две ходки. Тут же подкатили к пристани два микроавтобуса, в которые

вновь прибывшие и погрузились со своими вещами. Никто даже не успел попрощаться с Олегом и членами его команды. Зинка и Верка сели рядом и стали смотреть в окно на Америку. По улицам ходили счастливые люди, которым не нужно было ни от кого прятаться. Красивые дома, нарядные витрины, чистота — Америка не могла не понравиться. Между тем микроавтобусы вырулили на шоссе номер девяносто пять и помчались на север, к Нью-Йорку.

— Сколько нам ехать до Нью-Йорка? — спросила Зинка у водителя, который, она слышала, говорил по-русски, да и похож он был на человека, который точно должен уметь говорить по-русски.

— Тысячу триста миль.

— Сколько же это в километрах?

— Около двух тысяч километров. Спите, ничего интересного по дороге не будет. Лучше, чтоб не было.

Водитель оказался прав — ничего интересного и не было. Не было полей с колосащейся пшеницей или другой какой культурой, не было диковинных зданий, не было красивых парков. Правда, один раз, уже не севере Флориды, проехали через диковинный город — ехали по громадной эстакаде через залив, справа были стеклянные небоскребы, слева океан. Было так красиво и справа и слева, что хотелось смотреть в обе стороны сразу.

— Джексонвилль, — сказал водитель. — Здесь одни негры живут. Русских, правда, тоже много. Во Флориде где работа? В основном в Майами и Джексонвилле. Все эти небоскребы принадлежат страховым компаниям и госпиталям.

О том, что едешь на север, можно было догадаться по нескольким признакам — траве, деревьям вдоль дороги и бортовому термометру. Трава из ярко-зеленой превращалась в грязно-желтую, пальмы трансформировались в клены, а непонятные фаренгейтовские цифры неумолимо уменьшались.

Расстояние в две тысячи километров микроавтобус покрыл за двадцать два часа. Остановивались только, чтобы заправиться и оправиться. Одна остановка была больше пятнадцати минут — это уже в Северной Каролине. Микроавтобус подъехал к какому-то ресторанчику, и водитель накормил всех горячим супом с вермишелью. На второе был кусок мяса с картошкой, но Зинка слишком устала, чтобы есть, и отдала его Стасику.

Ночью западенцы спали. Зинка и Верка по очереди спали на плече друг у друга. Ранним утром микроавтобус уже пересекал Потомак, и водитель разбудил пассажиров, громко объявив:

— Слева Капитолий.

Зинка встрепенулась, протерла глаза и успела заметить вдали круглое здание. Она уже видела это здание в кино, но забыла, что оно называется Капитолий. Хотелось в туалет, хотелось просто помыться, но водитель сказал:

— Оправимся в Мериленде.

К счастью, Мериленд оказался совсем рядом. На остановке стоял открытый военный грузовик с солдатами. Когда украинские девушки протрусили мимо грузовика, солдаты засмеялись. Среди них было много негров. Зинка почувствовала, что нравится солдатам, и остановилась. Посмотрела на солдат — здоровые, белозубые, добрые. Зинка улыбнулась, помахала солдатам рукой и с хорошим, легким настроением вошла в сортир.

К часу дня микроавтобус остановился на маленькой улочке в районе, известном во всем мире как Брайтон-Бич. Зинка и Верка смотрели в окно и не верили своим глазам — вывески кругом были русские: «Аптека», «Мясо», «Нотариус». Люди, которые ходили по улицам, ничем не отличались от тех, которые остались в Иршаве и Ивано-Франковске, — тот же стиль одежды, та же помада на женских лицах, те же сигареты в уголках рта у мужчин. Волнуясь, Зинка и Верка вышли из автобуса и тут же закрыли ладошками уши — прямо над ними загрохотал поезд.

— За вами кто-то приезжает? — спросил водитель.

— Нет. У нас здесь никого нет, — ответила Верка.

— Тогда ждите Мусю, она вас поселит и трудоустроит.

Почти за всеми приехали родственники или друзья. После шумных приветствий счастливицы садились к ним в машины и укатывали. Мусю остались ждать только Зинка и Верка. * * *

Тетя Муся подкатила на красном «Бьюике», запарковала его во втором ряду, перекрыв таким образом движение, и тяжело вылезла из машины. Ей было под пятьдесят, и она была полной женщиной. Тетя Муся ярко красила губы; тело ее источало сладкий запах пота и духов «Клема», которые можно купить в Америке только на Брайтоне, и нигде больше. Одета она была по-спортивному — белые обтягивающие парусиновые брюки и ярко-красная блузка, такая красная, что ее «Бьюик» показался розовым, когда она вышла из машины. Толстые ступни с ярко-красными ногтями выпирали во все стороны из модных шлепанцев с ромашками на перепонках.

— Ну, сколько у тебя, Жорик? — обратилась тетя Муся к водителю микроавтобуса.

— Двое, тетя Муся, — ответил Жорик. — Давай забирай их поскорее, я умираю спать хочу, я ведь двадцать два часа за баранкой.

— Жорик, я всю жизнь спать хочу, а чтобы было с кем, так особенно не с кем. И ничего — кручусь-верчусь. Ты когда обратно?

— Завтра.

— Может, заглянешь вечерком? Я баранью ногу зажарю, с картошкой. Посидим, Алку послушаем.

— Не, тетя Муся, я уже до утра спать буду. Мне с утра надо будет в Стейтен-Айленд ехать, двух телок забирать для «Наутилуса».

— Ладно, Жорик, считай, что отвертелся. — Тетя Муся грузно развернулась и уставилась на Зинку и Верку: — Ну что, девушки, пойдете. Грузите чемоданы в багажник, только осторожно, не поцарапайте бампер.

Пока Зинка и Верка грузили в багажник чемоданы, Жорик не сдвинулся с места, что и понятно — ведь он был шофером, а не грузчиком.

Тетя Муся ловко вела «Бьюик» по узким улочкам, заполненным машинами и перебегающими где попало дорогу бывшими соотечественниками. Она ласково матюкала их, называя чуть ли не каждого по имени.

— Ну куда же ты, Циля, прешь со своим Мишаней? Эй, Адик, мудозвон, совсем мозги пропил, машину не видишь? Ах ты, Севка, сучонок поганый, как запарковал свой говновоз! Ну я тебя, сука, тоже перекрою у «Гамбринуса».

Попетляв так минут десять, «Бьюик» остановился у обшарпанного двухэтажного дома. В доме оказалось пять спален, в четырех уже попарно жили девушки. Тетя Муся показала Верке и Зинке их спальню.

— Значит, так, — начала тетя Муся, ставя на плиту чайник, — постой у меня десятка за ночь. Вперед вы мне платите по полтиннику, это в счет ремонта, если чего поломаете. Водить парней запрещаю, у меня не публичный дом. За сохранность денег и драгоценностей не отвечаю — у меня не банк. Душ можно принимать раз в день, максимум десять минут — у меня не баня. Каждый пользуется своим мылом и шампунем. Девочки уже сделали календарь дежурств — кто когда полы в коридорах и на кухне моет. Они вас включают в расписание. Вопросы есть?

— Тетя Муся, водитель сказал, что вы можете помочь с трудоустройством, — сказала Верка.
— Мы ведь зарабатывать приехали, а не туристами.

— Помочь могу, но старовата ты для той работы. Тебе сколько лет?

— Тридцать три.

— И дети, похоже, есть? И замужем, наверное? Я ведь человека сразу всего вижу.

— Замужем, двое детей. А что за работа?

— В стриптизном клубе работа. Вокруг столба крутиться, сиськи мужикам показывать. Нет, ты не думай, спать с мужиками не надо, но раздеваться почти догола придется. Ну куда тебе, мамке с двумя детьми, такая работа?

— Да я и не хочу, — сказала Верка, хотя выслушивать тети Мусино объяснение было неприятно.

— А сколько там платят? — спросила Зинка.

— Не знаю, но никто не жалуется. — Тетя Муся разлила по треснутым чашкам кипяток, бросила в каждую по пакетик «Липтона». — Уж точно больше, чем на уборке, и спину так гнуть не надо. А тебе сколько лет?

— Тридцать. И тоже замужем и с двумя детьми. Если только сиськи показывать, я бы, наверное, согласилась, хотя мать и батя меня бы за это убили.

— Знаете что, девочки, давайте я позвоню Левчику и спрошу, нужны ли ему артистки постарше. Кто знает?

Тетя Муся прямо при Зинке и Верке набрала номер, и из ее разговора стало понятно, что Левчику «мамы разные нужны». Не стесняясь Верки и Зинки, она описала их Левчику — красивые, статные, блондинка, брюнетка, у обеих хороший бюст. Верка и Зинка, покраснев, смотрели в пол.

— Ну, девочки, поспите-отдохните, я за вами заеду послезавтра, в пятницу, часам к четырем, — к Левке поедет. Кто знает, может, вам повезет. — Тетя Муся выдала им ключи от входной двери и ушла. * * *

Стриптиз-клуб назывался «Седьмое небо» и находился в Нью-Джерси. Ничего этого Зинка и Верка не знали, поскольку не знали ни английского, ни географии. Им не было известно, что мост Верразано соединяет Бруклин со Стейтен-Айлендом, а мост Гетолс соединяет Стейтен-Айленд с Нью-Джерси. Но именно этим маршрутом красный «Бьюик» тети Муси прополз около пяти часов вечера в одну весеннюю пятницу 2006 года.

Тетя Муся оставила Верку и Зинку в зале, а сама пошла в кабинет Левчика, располагавшийся на втором этаже. В зале было светло и играла музыка. Как и ожидалось, в центре на помосте танцевали три почти голых девушки. Были и столбы, вокруг которых девушки периодически крутились. Они обвивали столб то одной ногой, то другой, то всем телом. Зинка и Верка очень удивились, когда в одной из девушек узнали Катюку, с которой вместе плыли на яхте в Америку. Как она так быстро успела на работу устроиться? У Катюки тело было очень красивым, и танцевала она сексуально — Верка и Зинка это почувствовали. Около помоста по периметру стояли высокие стулья, на которых сидели посетители, — в основном большие бородатые мужики, одетые в джинсы и фланелевые рубашки. Они пили пиво и смотрели на девушек на помосте. Время от времени они хлопали в ладоши и присвистывали, таким образом одобряя особо удавшееся па.

Катюка тоже заметила Верку и Зинку, улыбнулась и кивнула им. Оттанцевав, накинула куртку и спустилась с помоста.

— Здорово, Катюка, — расцеловали Катюку Верка и Зинка. — Ну ты даешь! Как ты так быстро?

— Так я, девочки, сюда и ехала. Лева мне всю поездку оплатил, теперь я должна ему отработать.

— Сколько же тебе для этого времени понадобится? — спросила Зинка.

— Не так уж много. Танцовщицы платят Лева по восемьсот долларов в неделю, остальное — себе.

— Что остальное? — не поняла Зинка. — Не он тебе платит, а ты ему?

— Конечно, так везде. Ты берешь чаевые, а в конце недели расплачиваешься с Левою. Ведь он же должен платить за помещение, да вообще за все. Это же бизнес!

— Ну и сколько ты думаешь заработать, если тебе надо отдавать восемьсот баксов в неделю?

— Я еще неделю не отработала, не знаю, как пойдет. Девочки рассказывают, что, если не лениться, две штуки можно запросто нарубить, а кое-кто и по четыре штуки в неделю срубает, а если все время возле столба стоять и попой крутить, то только с Левою расплатиться и хватит.

— Катюка, ты имеешь в виду, что с клиентами надо трахаться? — прямо спросила Верка.

— Тут два варианта, — сказала Катюка. — Можно на коленях у мужика потереться за полтинник, а можно и трахнуть за двести баксов. Но тебя никто не заставляет. Хочешь — на коленях танцуй, хочешь — трахайся, не хочешь — не трахайся.

— Ты уже трахалась?

— Нет, но на коленях уже работала. Мужик мне за это три двадцатки дал, и это за пять минут работы! Но дело не только в бабках, здесь можно и жениха найти. Мне рассказывали, что Надя из Кременчуга на прошлой неделе свадьбу сыграла. Вышла замуж за дальнобойщика, уехала сейчас с ним в рейс в Калифорнию. Здесь почти все дальнобойщики, но иногда заходят и культурные люди в костюмах. Эти как раз хуже платят и не женятся.

— Ты уже столько знаешь про все это! Ведь ты только два дня назад в Америку приехала. Мы вот с Зинкой еще сонные ходим.

— На том свете отоспимся, девочки.

— Зина, Вера, поднимитесь наверх, — позвала тетя Муся с лестницы, ведущей на второй этаж.

Вместе с тетей Мусей девушки вошли в кабинет. За столом сидел лысеющий парень лет сорока и говорил по телефону. На нем была черная шелковая рубашка с расстегнутым воротником. На груди сверкал золотой магендовид, на правом запястье кожаный браслет с золотой пластинкой, а на левом — часы, усыпанные бриллиантами. Прижав трубку к уху, парень протянул руку и представился:

— Лев. — Ногти Льва были красиво наманикюрены, от него приятно пахло одеколоном — не сладко, а свежо. — В общем, передай ей, что я и в Запорожье ее, суку, достану, — закончил телефонный разговор Лев и повесил трубку. — Садитесь, девочки, в ногах правды нет. Есть-пить хотите?

— Нет, спасибо, — ответила Верка за себя и за Зинку, хотя была голодна.

Лев тонко прочувствовал голод подруг, позвонил и попросил принести два гамбургера с картошкой фри и кока-колы. Он окинул взглядом Зинку и Верку и сказал:

— Девочки, как вы понимаете, у меня не монастырь и не католическая школа. Как сказала мне Муся, вы только что приехали в Америку. Мне, когда я приехал, работу никто через два дня не предлагал. Я должен был сам ее искать. И посуду мыл, и шоферил, и, честно скажу, воровал, потому что жрать хотелось. А сейчас бабки на синагогу даю, и, вы знаете, берут, потому что бабки не пахнут. Послать вас на сцену танцевать и жопой вертеть — себе убыток, потому что, между нами, вам уже не двадцать. Но девки вы, я вижу, красивые, а значит, если с умом к делу подойти, пробиться сможете. Могу вас взять официантками. У нас ведь кроме стульев вокруг сцены еще двенадцать столиков в зале, считай сорок восемь посадочных. Ну пусть не все столики всегда накрыты, но за то, что в любое время двадцать лохов за столами сидит, я отвечаю. Хорошие официантки после всех расходов себе оставляют кто штуку, а кто и полторы в неделю.

— А какие расходы? — спросила Верка.

— Ну, прежде всего надо купить короткие юбки, бюстгальтеры, чтобы бюст стоял, кофточки всякие, черные ажурные чулки, кругом-бегом на тысячу баксов. Мы можем авансировать эти бабки. Затем вы с чаевых платите двадцать пять процентов басбоям — ребятам, которые столы убирают, и посудомойщикам. Мне отстегиваете пятихатничек по субботам, а все остальное ваше.

— И нам после всего останется по тысяче? — недоверчиво спросила Верка.

— Я же сказал: если с умом подойти. Для чего, как ты думаешь, вам стоячие лифчики нужны и юбки короткие? Понятно, для того, чтобы мужика разохотить. Ну а дальше уж дело техники. Сделай так, чтобы он угостил тебя чем-нибудь подороже, чем пивом. У нас выбор широкий — коньяки, шампанское по сто баксов бутылка. Тебе пять процентов от всего, что он закажет. Ну а для особых чаевых постараться надо, не мне тебя учить.

Принесли гамбургеры с картошкой и кока-колой, но разговор как бы уже был закончен, и оставаться есть было неуместно. Выход из ситуации нашла тетя Муся.

— Пусть девочки осмотрятся, подумают, — сказала она, запихивая снедь и напитки в полиэтиленовый кулек.

Всю обратную дорогу Верка и Зинка молчали. Тетя Муся вела машину и слушала русское радио. Каждые пятнадцать минут звучала реклама адвоката Марка Лифшица, в которой он обещал довести любое иммиграционное дело до победного конца и лично поздравить

клиента с получением грин-карты. Было много и других интересных реклам — от модных очков до удаления мозолей новым методом. Когда тетя Муся привезла девушек домой, она сказала:

— С вас по двадцатке — бензин плюс проезд за мост.

— А чего же ты, тетя Муся, не предупредила, что деньги брать за проезд будешь? — вызверилась вдруг Верка. — Если бы вперед сказала, то мы бы никуда и не поехали. Ведь ты, небось, сидишь в доле у Левчика, вот с него и снимай бабки.

Тетя Муся несколько раз как рыба открыла и закрыла рот, не найдя что ответить. Верка и Зинка вышли из машины и, не попрощавшись, вошли в дом.

— Когда это ты успела так ума набраться? — спросила Зинка.

— А ты бы поторговала на блошином рынке с мое и не такому бы научилась. Эта сраная тетя Муся будет нам мозги сушить! И не таких на иршавском рынке видела. Трудоустроить она может! Пусть сама надевает стоячий лифчик и трудоустраивается. Спать ей не с кем! Вон сколько клиентов в борделе у Левчика — пусть с ними спит и Левчику за это отстегивает. У нее тут не банк, у нее тут не баня... Бандерша говенная! А я, кстати, у Левчика бы поработала.

Зинка открыла рот, но Верка, не обращая на нее внимания, уже ставила на плиту кофейник. *

* *

В первый свой понедельник в Америке девочки пошли на прием к адвокату Марку Лифшицу, тому самому, который обещал выиграть любое иммиграционное дело. В приемной было много народу, как всегда пахло рыбой и духами «Клема». Секретарша собирала с посетителей деньги за консультацию — по пятьдесят долларов с человека.

— Мы вдвоем по одному делу, — сказала Верка.

— Ну что вы, девочки, хитрите? Как у вас может быть одно дело, вы же не сиамские близнецы.

— Мы хуже, — ответила Верка. — Вот полтинник, а не хотите, мы пойдем к другому адвокату через дорогу. У вас тут все газеты врачами и адвокатами заполнены. Читать нечего, одна реклама.

— Марк Лифшиц лучший адвокат, — сказала секретарша. — Он гарантирует конфиденциальность и результат. Ладно, давайте полтинник.

Зинка и Верка сели у самой секретарской стойки. Пришла какая-то старушка, очевидно за свидетельством о рождении. Прочитала полученный документ и вздохнула:

— Теперь и я еврейка.

Пришел усатый белорус получить справку о травмах из минской больницы. Травмы якобы были получены им во время разгона демонстрации против жестокого режима Лукашенко.

— Так какие же это травмы? — спросил белорус секретаршу, тыча пятерней в справку.

— Как это какие? Вот ушиб спины, вот ссадина на лбу. А вы что, перелом руки хотели или оторванную ногу? Кстати, вы не прочли, а тут написано, что вы мочились кровью. Это значит, вас по почкам били.

— И за эту бумажку столярник? — зло спросил белорус.

— Это настоящая справка из минской больницы, подите достаньте такую, — так же зло ответила секретарша.

Через час ожидания Зинку и Верку пригласили войти в кабинет адвоката. На стенах висели красивые дипломы с золотыми печатями и фотографии хозяина с какими-то важными людьми. Важными, потому что на всех были костюмы или фраки, и лица у всех были миллионерские. А дамы на фотографиях были одеты в нарядные однотонные платья, и на руке у каждой висела дорогая сумочка. Верка про себя отметила, что жены миллионеров носят однотонные, а не блестящие, переливающиеся всеми красками платья.

— У вас один способ легализоваться — подать на политическое убежище, — сказал Марк Лифшиц. — Стоить это вам будет по пять штук каждой плюс расходы. Легенду я вам выдумую, с этим проблем не будет. Кого там сейчас на Украине преследуют?

— Да всех, — сказала Зинка. — Налоговики наседают, криминал прижимает, милиция проходу не дает — кругом взятки давать надо.

— Нет, это все не то, девочки, — улыбнулся адвокат. — Нам нужно такое, что касается только вас, а не всего населения Украины. Ведь не может Америка дать убежище всем украинцам.

— Они тут наробят, если вы их всех сюда запустите, — сказала Верка. — Такого наробят, что американцы не будут знать, куда бежать.

— Америка — плавильный котел. Она и не таких переплавилла. Рано или поздно все становятся американцами — и итальянцы, и китайцы. Украинцы не будут исключением. Но не о них сейчас разговор. Вы в какой-нибудь партии состояли?

— Нет.

— А какую партию сейчас преследуют?

Ни Зинка, ни Верка ничего не знали о преследовании инакомыслящих на Украине. Они даже не знали, какие на родине есть партии. Тогда Марк предложил им легенду, что они баптистки — их преследуют на Украине.

— Вам нужно быть скромно одетыми и знать Нагорную проповедь, — сказал Марк. — Это у баптистов главный документ. Вы вообще как часто в церковь ходили?

Оказалось, что не очень часто, в основном по праздникам. Зинка и Верка были последним поколением, родившимся и учившимся в школе при советской власти. Они не читали Библию с детства, родители не брали их с собой в церковь по воскресеньям да и сами туда не ходили.

Лифшиц запустил компьютер и начал что-то искать в Интернете.

— По-моему, я нашел отличный вариант, — объявил он через несколько минут поисков. — Гениально, это беспроегрешный вариант! Как я раньше его не использовал, ведь он на поверхности лежит! Значит, так, девочки, на Украине есть этническая группа, которую преследуют по полной программе, — цыгане. Их, правда, везде преследуют, но и на Украине тоже. Сделаю-ка я вас цыганками.

— Гадать мы не умеем, песен цыганских не знаем, какие же мы цыганки? Уж лучше баптистки, — возразила Верка.

— Не надо вам петь и гадать. Зинаида — черноволосая, кто скажет, что она не цыганка?

— А я? — спросила белокурая Верка.

— Вера, если надо, перекрасите волосы в черный цвет. Или наоборот — скажете, что покрасили волосы в белый цвет. Документов у цыган особенных никогда не было, многие из них родились в таборе, у таких даже свидетельств о рождении нет. Им и паспортов-то не выдавали.

— А откуда мы взяли наши паспорта?

— Что-нибудь придумаем. Взятку, например, дали, чтобы спасти свою жизнь. И еще одна штука — у нас в Нью-Йорке иммиграционная служба привыкла ко всяким экзотическим историям, поэтому я хочу вас отправить куда-нибудь подальше, туда, где о цыганах вообще никто никогда не слышал, короче, где люди попроще. Ну, например, в Орегон.

— Это еще где? — спросила Зинка.

— Это на другом конце Америки. Да, вам придется потратиться, кстати, не так уж сильно, чтобы добраться до Орегона, но игра стоит свеч.

— Но мы же в Орегоне никого не знаем, — сказала Верка.

— А вот это уже моя забота. У меня сервис комплексный — вы платите, а я предоставляю сервис. Если я сказал, что Орегон лучше, значит, я вас туда доставлю, а вам только нужно думать о том, как заплатить за доставку.

— И сколько это может стоить?

— У меня есть партнеры в Орегоне, у них бизнес. Раз в две недели к ним из Нью-Джерси уходит грузовик с товарами. Поедете в грузовике. Это большой трак, со спальное отделение. Одна сидит рядом с шофером, другая спит, потом меняетесь. Стоить это вам будет триста долларов на двоих, дешевле вы никак туда не доберетесь.

— Сколько ж нам трястись в этом траке? — спросила Зинка.

— Дня три. За работу по подготовке легенды вы заплатите мне, а мой партнер подаст ваши ходатайства в Орегоне. Через пару месяцев после подачи вас вызовут на интервью.

— А где нам эти пару месяцев сидеть — в Орегоне?

— Можете сидеть в Орегоне, можете в Нью-Йорк вернуться, но потом опять надо будет в Орегон ехать на интервью. Я понимаю, что это головная боль, но в Орегоне шансов на успех гораздо больше. В Нью-Йорке иммиграционные работники уже все слышали, их ничем не пробьешь. * * *

Водителя трака звали Фима. Он был маленького роста, и казалось невероятным, что такой маленький человек может справиться с такой огромной машиной. Кабина трака выглядела уютной, особенно спальное отделение. На кровати запросто могли поместиться два человека размером и побольше, чем Фима. Была даже крохотная тумбочка с лампой, а также мини-плита и мини-холодильник. Фима любил свой трак. Руль он перебирал нежно, но решительно, а рычаги не дергал, а мягко переставлял в нужное положение. Фима сказал Верке и Зинке, что может задом заехать куда угодно, лишь бы был просвет в один дюйм между бортами трака и стенами. На приборной доске красовалась фотография носатой девушки в бакалаврской мантии и шапочке.

— Дочь, — гордо сказал Фима. — Она у меня социальный работник. Замуж не хочет, хочет только работать и учиться. Я ей говорю: «Соня, а когда же замуж, когда внуков мне подаришь?» А она смеется — рано, говорит, папа, надо сначала положение в обществе занять.

Когда девушки познакомились с Фимой у гаража, он им показался очень некрасивым — лицо нечистое, с оспинами, впалая грудь, непропорционально большие руки, но с каждой оставленной позади милей Фима хорошел — настолько элегантно он вел свой трак. Все люди становятся красивыми, когда делают то, что им нравится.

Трак катил на запад по скоростному шоссе номер восемьдесят — первой дороге в Америке, связавшей оба побережья. Уже проехали Пенсильванию, впереди лежали двести сорок ровных миль штата Огайо.

— Перед Индианой сделаем привал, — сказал Фима. — И получится, что мы за день отмахаем шестьсот сорок миль, вполне достаточно для одного дня.

— А где вы спать будете? — спросила Зинка.

— А я маленький, все на кровати поместимся, — улыбнулся Фима.

— Не поняла, — отозвалась с кровати Верка. — Мы, оказывается, платим триста долларов не только за доставку в Орегон, но и за удовольствие спать с тобой?

— Да не бойся, Вера, не обижу. А деньги, если что, я могу и вернуть. А ты не хочешь, так я Зине могу вернуть. А тебя, Вера, мы в мотель устроим. За мой счет, конечно. А, Зина?

— Зинка, по-моему, они тут все сексуально озабоченные, — сказала Верка. — Вот я, Фима, твою Соню найду и расскажу ей про папашу, какой он сексуальный маньяк. Но это я потом сделаю, а как только мы остановимся, я огрею тебя по башке монтировочкой, которую я тут у тебя нашла. Да и нож я нашла тут охотничий. Так что, Фима, за секс тебе придется как следует с нами побороться. Есть какие-то пауки, которые за секс с самками дерутся и часто при этом погибают. Смотри, Фима, не окажись таким пауком.

— Что, и спросить нельзя? — миролюбиво сказал Фима, плавно покачиваясь на высоком водительском кресле. — Я давно в разводе, ничего никому не должен, а природа берет свое. Где мне с женщинами встречаться? На рестораны у меня времени нет, в кинотеатрах тут не знакомятся, сотрудниц-секретарш у меня тоже нет. День за днем я провожу в этом траке, бабки зарабатываю. Вы думаете, мне легко было Соню поднять? Она ведь больная девочка, хромает на левую ножку. Она, может, никогда замуж и не выйдет.

— Так поэтому нас трахать можно? — не унималась Верка. — Чтоб, значит, пожалеть тебя?

— Ну ты, Вера, чересчур на меня наезжаешь. Я же не насильничая никого. Ну сказал глупость, ну не хочешь, ну и забыли.

— Так где ты, Фима, спать будешь? — снова повторила свой вопрос Зинка.

— Или я в мотеле, или вы в мотеле, выбирайте сами, — зло ответил Фима.

— Мы в мотеле, а ты у себя в траке, — сказала Верка. — А уедешь без нас — западенцы тебя найдут.

— Да никуда я без вас не уеду, — тихо сказал Фима и поддал газу. * * *

Почти у всех американцев есть заветная мечта — на машине проехать по всей Америке — сначала с востока на запад, а потом с запада на восток, или наоборот. Некоторые осуществляют эту мечту после колледжа, некоторые после выхода на пенсию, а многие — никогда. У Верки и Зинки такой мечты никогда не было, но все равно поездка по Америке, уже вторая за их короткое пребывание в стране, их впечатлила. Они никогда не думали об Америке как о красивой стране. Америка была им нужна только для зарабатывания денег, они знали, что это богатая страна, но больше ничего они о ней не знали.

Путешествие из Майами в Нью-Йорк было стремительным и утомительным, а первые несколько дней в Бруклине нельзя было даже считать пребыванием в Америке. Брайтон с русскими вывесками, тетей Мусей, Левчиком и даже адвокатом Марком — какая же это Америка? Все это было и на Украине, даже в Иршаве, не говоря уже об Ивано-Франковске.

За окном трака проплывала настоящая Америка — красивая, мощная, абсолютно непохожая на Иршаву и даже на Киев. Поля были ровными, сельскохозяйственная техника сверкала, по дороге мчались тысячи грузовичков-четвертьтонок, за рулем которых сидели усатые дядьки во фланелевых рубашках. Любой из них мечтал бы жениться на Верке или на Зинке (так, по крайней мере, думали обе девушки, глядя из окна), но время для встречи еще не подошло.

— Ну что, хотели бы жить в Америке? — спрашивал гордый за свою новую родину Фима.

— Можно и в Америке, — отвечала Верка. — Лишь бы гроши зарабатывать.

— Очень хотела бы, — отвечала Зинка. — Здесь так красиво, и мне американцы очень нравятся.

— Да где ж ты видела американцев? — смеялся Фима. — На Брайтоне, что ли?

— Ну как же! Вот мы едем, я смотрю по сторонам, смотрю на лица людей в машинах — хорошие лица, многие мне улыбаются. На Украине мне никто не улыбался. Или когда заправляемся — туалеты чистые, все так культурно, никто не хамит.

— Как ты думаешь, сколько тебе надо денег, чтоб ты была счастлива?

— Десять тысяч в месяц, — отозвалась из спального отсека Верка.

— Я не от этого бываю счастлива, — сказала Зинка. — Мне надо не много, ну, чтобы детишек поднять и жить нормально.

— Ага, не много! — рассмеялась Верка. — У нее дочка на скрипке учится. Сейчас ей нужна новая скрипка для конкурса. Сколько ты думаешь, Фима, стоит новая скрипка?

— Я читал, что какие-то итальянские скрипки стоят по миллиону.

— Нам нужна скрипка за четыре тысячи, — сказала Зинка. — Эммануил Иосифович, Юлин учитель, много раз говорил, что играть ей на более дешевом инструменте — преступление. А сейчас Юлька играет на деревяшке, но даже с этой деревяшкой она пробилась в финал всеукраинского конкурса. Она уже выступала с оркестром в Венгрии, приглашали и в Италию, но у нас денег не хватило, чтобы подготовиться к Италии.

— Короче, Зинка, тебе нужно даже больше, чем десять тысяч в месяц, — подытожила Верка. — Не будет же твоя Юлька выступать в говне, зробленном во Львове. Ей нужен нормальный прикид — дизайнерское платье, туфли, то да се. И отдохнуть ты захочешь поехать куда-нибудь, да хоть в Доминиканскую Республику, но уже как человек.

— Ну, может, и десять тысяч, — согласилась Зинка.

— Не знаю, девушки, где вы такие бабки заработаете. Я пашу как папа Карло, но больше пятерки в хороший месяц никак не получается. Но пятерка уже моя, после всех расходов. А если месяц похуже, то и за троячок спасибо, — сказал Фима.

— А я бы хотела пять тысяч в месяц иметь, но дома, на Украине, — сказала Верка. — И могла, дура, но мой козел все бабки забрал и ушел. У меня ведь так хорошо торговля шла.

— А чем ты торговала? — спросил Фима.

— Продуктами питания и детской одеждой. И это у меня своей точки не было, а была бы своя точка, я бы так развернулась!

— А чего ж ты за козла замуж вышла? — не отводя глаз от дороги, спросил Фима.

— А ты-то где жену потерял? Может, ты такой же козел, как мой муж, — взял бабки и свалил, а может, жена твоя с бабками свалила?

— Ты знаешь, свалила. Бабок, правда, было кот наплакал, но забрала все.

— Куда же она свалила? — участливо спросила Зинка.

— Не поверите — вышла замуж за семидесятипятилетнего старика. Я понимаю — у него бабки были бы, а у него или нет ничего за душой, или он такой жмот, что держит свое богатство в секрете. Мне Нинка сколько раз звонила, обратно просилась, но нет ей дороги обратно. Она мне в душу насрала. Хоть бы Соню пожалела, ведь для Сони уход ее был большой травмой. Соне тогда было восемнадцать лет, школу кончала. Как она экзамены сдавала — не представляю. Я ее выкармливал, как бэбичку маленькую. «Не плачь, Сонечка, покушай торта, не плачь, детка, покушай мороженого...» Соня ведь ничего есть не хотела, потеряла двадцать паундов.

— Это че? — спросила Зинка.

— Паунд — это полкило. Ну, чтоб точно — четыреста пятьдесят четыре грамма.

Разговор прекратился. Фима открыл окна, и все закурили.

Вскоре трак прибыл в Чикаго, где Фима должен был что-то разгрузить, а что-то погрузить. Пока шли разгрузочно-погрузочные работы, Верка и Зинка разминали ноги. Хотелось посмотреть на Чикаго, но Фима сказал, что времени для экскурсии будет слишком мало. Девушки вышли на пустырь за базой, пересекли его и очутились перед свалкой старых машин. Машины или то, что от них осталось, были за проволочным забором, в котором зияла большая дыра. Зинка и Верка пролезли в дыру и пошли вдоль ряда автотрупов.

— Смотри, как эту «Мазду» примяло, — сказала Верка, — наверное, в ней никто не выжил.

Капот синей «Мазды» был сплюснен до кабины, но кабина осталась почти нетронутой. Дверей у «Мазды» не было, и Верка села за руль, который был странным образом вывихнут. Зинка села рядом на пассажирское сиденье.

— Здесь кто-то умер, — сказала Зинка.

— Везде кто-то умер. Я думаю, что на земле и на воде уже не осталось места, где кто-то бы не умер. Даже на Северном полюсе путешественник какой-то умер — я читала. Ты знаешь, я, наверное, хотела бы не продуктами питания торговать, а открыть похоронную контору.

— Ты что, с ума сошла — все время с мертвецами дело иметь?

— Для этого работники, Зинка, есть. Хороший это бизнес — похоронная контора. Люди всегда умирали и будут умирать. Кто-то умер, по нему плачут, а мне хорошо — бизнес идет. Я бы связь с моргами наладила — они бы мне клиентуру присылали, а я бы им за это отстегивала.

Зинка рассмеялась:

— Ну ты, Верка, даешь — похоронную контору! Все плачут, убиваются, а тебе хорошо. Что в этом деле красивого? Я плохо представляю, как ты будешь к родственникам выходить с постной рожей. Скажи, а ты тогда правду сказала, что согласилась бы работать у Левы в его

борделе?

— Правду. Ты изменяла мужу?

— Нет.

— А я да. С одним венгром. Я поехала в Будапешт за товаром и познакомилась с этим парнем на фабрике, где распашонки шьют. Он пригласил меня в ресторан, проводил до гостиницы, ну, и остался на ночь. Он на одиннадцать лет младше меня.

Верка закурила сигарету, нервно сделала несколько затяжек и выбросила, не потушив. Достала жвачку, пожевала только чуть-чуть и выплюнула. Потом повернулась к Зинке, обняла ее и поцеловала в губы. Зинка от неожиданности вжалась в сиденье.

— Расслабься, Зинка, и ни о чем не думай, — прошептала Верка, и Зинка ее послушалась. * *

— Ну, что, девочки, легенды вам Марик сделал забойные, — сказал Аркадий, прочитав Зинкино и Веркино прошения о политическом убежище. — Тут он сам себя переплюнул. Цыганки! Пусть посмеют не дать убежища двум цыганкам! А материалов сколько о цыганах! И тут их преследуют, и там. На Украине вообще завал с цыганами. Парней бьют, девок насилуют. Вы хоть знаете свои легенды?

— Не знаем. Марик сказал, что в Орегоне нам подробно расскажут. Вы хоть расскажите, что там понаписано, за что такие деньги платим, — почти потребовала Верка.

— Ну, слушайте. Начнем с Зинаиды Ткачук. Зинаида родилась в цыганской семье. Еще в школе над ней издевались учителя и ученики. Учителя занижали отметки, ученики били и не хотели с ней играть. С трудом закончила школу, о поступлении в высшее учебное заведение не могло быть и речи. Во-первых, не было паспорта, а его требовали при подаче заявлений.

— А как я без паспорта замуж вышла? — перебила Зинка. — Ведь без паспорта не расписывают.

— Стоп, значит, накладочка вышла. — Аркадий отложил легенду и придвинул стол к компьютеру. — Одну минуточку подождите, мы сейчас все исправим. Идите кофейку попейте.

Зинка и Верка вышли на красивую улочку Портленда, зашли на запах кофе в ближайший «Старбакс». Они не знали, сколько разных кофейных напитков делают в «Старбаксе», и просто попросили кофе. Удивились, как дорого стоит стаканчик.

— Мы все инструкции будем исполнять с такой точностью? — спросила Верка. — Езжайте в Орегон — поехали в Орегон. Попейте кофе — идем пить кофе. Не нравится мне все это. Какие-то скользкие эти Марик и Аркадий. «Накладочка у него вышла!..»

— Вер, ну откуда им знать, что для росписи паспорт нужен? А каких ты хотела адвокатов? Нам, наверное, и нужны хитрые ребята, которые все лазейки в законе знают. А на Украине какие адвокаты? Я видела их однажды в суде, когда квартиру не хотели давать. Такие же точно, как Марк и Аркадий.

— Если они не знают, что для росписи паспорт нужен, может, они и другого чего не знают. Какие из нас цыганки?

— Вера, нам уже денег никто не отдаст. Мы уже через столько прошли, что ж нам теперь, останавливаться? Вон мы сколько бабок убухали на доставку в Америку! Но ведь доставили ж, не обманули!

Верка и Зинка допили кофе и пошли обратно в фирму «Милана Интернешнл», где главным был муж Миланы Аркадий. Девушки уже познакомились с Миланой, которая поселила их в доме, похожем на бруклинский дом тети Муси, — несколько спален, в каждой по два-три иммигранта, в основном из Украины и Беларуси. Как и в Бруклине, Зинка и Верка платили по десятке за ночь.

— Все готово! — бодро сказал Аркадий. — Рассказываю дальше. Дедушка Зинаиды был ветераном войны. Чтоб вы знали, этого в легенде нет, это я вам для эрудиции рассказываю, цыгане тоже воевали с Германией, есть даже песня про цыганский молдаванский партизанский наш отряд. В таком вот партизанском отряде воевал дедушка Зинаиды, был награжден боевыми медалями.

— При чем здесь дедушка? — спросила Зинка.

— А при том, что он надел все свои медали и пошел с вами в ЗАГС паспорт для вас требовать. А заодно и для себя — надоело, мол, без паспорта жить. А иначе, говорит, скандал такой устрою, что шум до Москвы дойдет.

— До Киева, — поправила Зинка.

— Ну до Киева. Да хоть до Нью-Йорка. Как это так — ветеран войны, про него песни поют, а у него даже паспорта нет! В общем, дали ему паспорт, а заодно и вам, и вашему жениху, чтоб вы могли расписаться.

— А как остальные цыгане женятся? Не у всех же дедушки в партизанах были.

— Кто как, Зинаида. Кто взятки дает, кто вообще не регистрируется. Цыгане не особенно властям доверяют, вот и не расписываются.

— А я конкретно как вышла замуж? — спросила Верка.

— Вы конкретно взятку дали. Продолжаю легенду Зинаиды. Даже с паспортом поступить в институт было невозможно.

— Так я же три курса отучилась на юридическом, — опять перебила Зинка.

— Такое скажешь — конец легенде, конец Америке. Как тебя, извини, я на «ты» перейду — так удобнее, как тебя, цыганку, на юридический могли взять? Как вообще цыганка могла захотеть поступить на юридический? Ну, я понимаю, на ветеринарный — лечить краденых коней, но никак не на юридический. Забудь, Зинаида, про юридический, забудь навсегда. Не было этого в твоей жизни. После школы ты ни на какую работу не могла устроиться. Как, впрочем, и Вера. Цыганок на Украине на работу не берут.

— А откуда они знали, что мы цыганки? — спросила Верка.

— Во-первых, в паспорте в графе национальность было написано «цыганка». Во-вторых, вы обе жили в маленьких городках — Ивано-Франковск чуть побольше, а Иршава — вообще дыра. Там все друг друга знают. Это как мы, евреи, шутили — бьют не по паспорту, а по морде, то есть еврея, какими бы бумажками он ни прикрывался, всегда видно. Так же и с цыганами. Все знали, что вы еврейки, то есть цыганки. Не имея возможности устроиться ни на какую работу, вы вынуждены были заниматься куплей-продажей барахла на блошином рынке. — Тут Марик от жизни не отошел. — На рынке тоже было несладко — постоянные наезды милиции...

— Это было, — вставила Верка.

— Наезды милиции, вымогательство взяток, склонение к сексу, изнасилования, избияния.

Пытались обратиться за защитой в прокуратуру, а там только посмеялись.

— Это точно, — опять вставила Верка.

— Про прокуратуру забывать нельзя. Вы обязаны исчерпать все возможности защиты на Украине, а потом уже драпать в Америку. А то может, прокурор наказал бы виновных, чего тогда уезжать в другую страну? Ну, в прокуратуре посмеялись, как я уже сказал, и говорят: «Катись отсюда подобра-поздорову, цыганская морда, а то еще хуже будет».

— Куда — в Америку катиться? — спросила Зинка.

— Какую Америку? Катись с нашей Украины. Не куда катись, а откуда! Ты, Зинаида, ушла от прокурора ни с чем. Прокурор же, скотина, рассказал милиционерам, которые над тобой измывались, что ты пришла с жалобой на них. Тут они тебе устроили настоящее преследование. Приходишь ты со старшей дочкой домой, а во дворе свинья забитая лежит, повсюду потроха разбросаны, а на заборе свиной кровью написано «Смерть цыганам!». Дочка в истерику — это была ее любимая свинья. Ты, Зина, плачешь — без еды ведь вас оставили. Вы свининой этой зиму думали пережить, а теперь голодной смертью помирать придется.

— Не поняла, — сказала Зинка. — Если это была дочкина любимая свинья, как же мы могли ее на сало пустить? И если свинья уже забита, почему ее мясо нельзя использовать?

— Потому что бандиты-милиционеры могли отравить свинью. Муж сказал: «Зина, давай не будем это мясо есть, оно, наверное, отравленное». Идем дальше. Дочек в школе так же преследовали, как и тебя, когда ты маленькой была. Ты ходила к учителям, а они и слушать тебя не хотели. Каждый день девочки из школы побитыми приходили. Ты с мужем в райОНО пошла — хватит, мол, над моими детьми издеваться, а они тебе: «Будете жаловаться — лишим родительских прав». И ты знала, что это не пустые угрозы. У твоей лучшей подруги Светы забрали детей.

— У меня нет подруги Светы.

— Уже есть. Как фамилия Светы?

— Не знаю.

— Не знаешь — значит, врешь, а врешь — не видать тебе Америки. Это твоя лучшая подруга, как это ты фамилии ее не знаешь? Называй, Зина, любую фамилию — они что, побегут проверять, есть ли такая Света? Итак, фамилия?

— Гонза. Знала я Светку Гонзу, она дубленки шила и продавала во Львове.

— Молодец, Зина. Значит, Свету Гонзу лишили родительских прав только за то, что она цыганка и пожаловалась на действия милиции. И ты боишься, что и тебя лишат тоже. Ну и, наконец, самое главное — в городе пошли облавы на цыган. Баб и мужиков вывозили за город, там мужиков избивали, а баб насиловали. И твою семью, Зинаида, облава не миновала —

тебя изнасиловали, а мужа твоего избили. Медицинские справки будут готовы через два дня. Теперь легенда Веры. Почти все то же самое, за исключением деталей. Мы вам дадим русский перевод легенд, их нужно зазубрить наизусть. Нужно помнить даты избиений и наиболее крупных эпизодов преследования — со свиньей, например. У Веры вместо убийства свиньи поджог машины.

— А какая у цыган может быть машина — прав нету, зарегистрировать машину невозможно. Кроме того, живем впроголодь — какая тут машина? — спросила Верка.

— Разве у вас не могло быть старой машины, развалюхи какой-нибудь — товар на блошинный рынок возить? Была у вас старая тачка шестьдесят пятого года рождения, «жигуленок», купили вы его за сто долларов, кормилица ваша. И эту кормилицу сожгли бандиты-милиционеры за то, что ты, Вера, решила постоять за свои права человека и написала петицию в ООН. А менты петицию перехватили и решили проучить тебя. Теперь — как вы сюда попали. Что ж, скажете правду — дали крупную взятку, чтобы вас перевезли через границу, другого пути у вас не было. Да, вы были бедные, денег было в обрез, поэтому собирали деньги со всех цыган табора или что там у вас было. Вас преследовали сильнее, чем других, и вас надо было спасать в первую очередь.

— А где наши мужья? — спросила Верка.

— Согласно легенде, ваши мужья прячутся. Они боятся расправы и прячутся в далеких селах, затерянных в Карпатских горах. * * *

Верка и Зинка решили не оставаться в Орегоне. Авиабилет до Нью-Йорка стоил двести пятьдесят долларов, и эти деньги, и даже больше, были заработаны на уборке портлендских офисов (спасибо Милане) всего за неделю.

Как сказал Марк Лифшиц, если иммиграционная служба не вызывает на интервью в течение ста восьмидесяти дней после подачи заявления о политическом убежище, то она обязана выдать временное право на работу. Очевидно, портлендский иммиграционный офис работал медленно, потому что никакого вызова на интервью ни Зинка, ни Верка не получали. Как и обещал адвокат Лифшиц, Зинке и Верке было предоставлено временное право на работу, а на его основании номера социального страхования.

Но девушки конечно же не стали дожидаться официального права на работу. Они обошли десятки офисов в Бруклине, предлагая уборку, — благо почти все офисы принадлежали русскоязычным иммигрантам. Через неделю усиленного маркетинга обе были загружены работой по горло. Предприимчивая Верка даже нашла двух нелегалок из Узбекистана и начала их потихоньку эксплуатировать, получая от клиентов за уборку десять долларов в час и платя узбечкам по семь долларов.

Съехав от тети Муси, Зинка и Верка сняли приличную студию в районе Бенсонхерста, сначала одну на двоих, а потом Верка сняла роскошную квартиру с одной спальней почти за полторы тысячи долларов в месяц. Штат ее работников увеличился до шести, и при этом она сама не гнушалась убирать, предпочитая адвокатские офисы и страховые компании и отдавая узбечкам медицинские офисы и зубоучебные кабинеты.

Одна узбечка попыталась украсть у Верки клиента, предложив доктору Мардеру убирать его кабинеты за девять долларов в час. Об этом Верке сообщила секретарша Мардера Анечка, которой Верка в свое время подарила бутылку коньяка и коробку итальянских конфет. Когда в пятницу узбечка пришла к Верке за деньгами за отработанную неделю, Верка сказала:

— Ты за неделю наработала двадцать пять часов, и я должна тебе сто семьдесят пять долларов. Денег этих ты не получишь, за то что хотела перехватить доктора Мардера. Это будет штраф за твое скотство. На уборках ты работать в Бруклине больше не будешь, все уже знают, что тебе доверять нельзя: сегодня клиента хочешь украсть — завтра из офисов шприцы и лекарства тянуть начнешь.

Узбечка выругала Верку страшно, по-своему, и ушла. Очевидно, она что-то сказала своим подругам, потому что на следующий день они все объявили, что больше с Веркой не работают. Чтобы не потерять клиентов, Верка работала в течение двух недель каждую ночь до четырех часов утра. Вместе с ней работала и Зинка. Через две недели штат пополнился новыми девушками, только что приехавшими из разных уголков бывшего Советского Союза.

Руки Верки и Зинки стали большими и грубыми. Хоть они убирала в перчатках, химикалии все равно попадали на кожу, оставляя волдыри и трещинки. Зато налачился ровный, солидный поток долларов в Иршаву и Ивано-Франковск. Дочки Верки и Зинки купили компьютеры и хорошие мобильные телефоны, оделись не с барахолки, а в красивые дизайнерские вещи. И себе Верка и Зинка в маленьких удовольствиях тоже не отказывали — у каждой появился телевизор, компьютер, дисковый плеер и одежда из фирменных магазинов, купленная, правда, у местного ворья.

В любой нелегальной общине (а нелегалы между собой общаются, отсюда и община) можно найти много полезных людей — здесь есть механики, компьютерщики, дантисты, парикмахеры и — ничего тут страшного — воры.

Община — это не клуб, и собираются нелегалы не по пятницам, а когда угодно и где угодно. Если чего надо, скажи своей маникюрше, а та дальше по цепочке передаст — гляди, через пару дней тебе уже и мобильник новый несут за полцены или шубу, которая, как говорят в Америке, с грузовика упала. Тебе и зуб больной выдерут, причем под наркозом, и делать это будет не кто-нибудь, а Володя — питерский дантист с десятилетним стажем. Многие лицензированные дантисты к Володе за советом ходят, но в Америке важны не знания и умения, а лицензия, поэтому дантисты — уважаемые люди, а Володя никто. Но это в Америке Володя никто, а в общине нелегалов Володя большой человек, потому что он ставит пломбы лучше и в три раза дешевле, чем лицензированные зазнайки.

А стрижется Володя у Кости — лучшего парикмахера Запорожья, который в 2002 году стриг серебряную призершу конкурса «Мисс Запорожье», а еще раньше, при советской власти, стриг директора запорожского рынка, которого потом посадили на десять лет. Костин гастрит поддерживает, то есть не дает ему развиваться, гастроэнтеролог Матвей Леонидович, который стал нелегалом по глупости своей жены Иды, но это долгая история, и к тому же Матвей Леонидович уже давно простил Иду, и теперь они вместе ждут амнистии, которая, как говорил один известный адвокат, в этом году может и не состояться.

Эту цепочку взаимопомощи нелегалов можно продолжать, она охватывает практически все стороны человеческой жизни — здоровье, питание, быт, спорт и, чего греха таить, секс.

Кстати, о сексе: у всех нормальных людей такое бывает — проскочила искорка, что-то произошло, почему это случилось — непонятно, но возврата к тому нет. То, что произошло между Веркой и Зинкой в кабине разбитой «Мазды» на свалке на окраине Чикаго, продолжения не имело. Хоть и жили подруги несколько месяцев в одной студии, а искорок больше не было. Зинка и Верка часто говорили о своих мужьях. Не любя их, они, тем не менее, по ним скучали. Может, просто мужика хотелось, а может, потому, что они были отцами их детей. Хотя Верка была побойчее, сначала кавалер появился у Зинки.

С Витей Зинка познакомилась на дне рождения львовянки Алены, который широко отмечался нелегалами в ресторане «Татьяна», что прямо на берегу океана в самом сердце Брайтона. «Татьяна» — далеко не дешевый ресторан, но, как не раз повторяли нелегалы (да и не только нелегалы), живем только один раз. Все гости скинулись по сто долларов с носа, что позволяло Алене не только заплатить за праздничный обед, но и оставить себе долларов триста на приобретение приятных мелочей.

Мимо столиков на открытом воздухе по деревянному настилу фланировали иммигранты из разных республик бывшего Советского Союза. Одни были одеты во все итальянское, на других были спортивные костюмы, а пожилые вовсе гуляли в пижамах. Многие грызли семечки, сплевывая на настил. На лавочках сидели старики и, как и когда-то в своей советской жизни, обсуждали проходящих. Среди прогуливающих была и Муся в синем спортивном костюме. Ее губы были так же ярко накрашены, а ступни так же выпирали во все стороны из шлепанцев с ромашками. Муся на поводке вела маленького пуделя. Рядом с ней

шел высокий старик в пижаме, который все время приговаривал: «Мусенька, вы меня раздеваете».

Тем временем принесли закуски и выпивку. Витя был галантен, вовремя подливал Зинке вино, рассказывал не очень старые анекдоты и даже произнес душевный тост в честь юбилярши.

— Алена, — Витя постучал вилкой о бокал, — ты знаешь, как мы, все собравшиеся тут за столом, тебя любим. Пусть тебя всегда окружают друзья, и тогда тебе не страшно будет идти по этой нелегкой жизни. Пусть сбудутся все твои мечты, и пусть ты будешь счастлива. А если ты будешь счастлива, то и мы, твои друзья, тоже будем счастливы. За тебя, Алена, за твоё счастье!

— Очень тепло сказал, — похвалила Витю Зинка, когда он сел, осушив свою рюмку. — Видно, что говорил от сердца.

— Что правда, то правда, — согласился Витя. — Если уж произносить тост, то от сердца. А то слышишь все время: «Чтоб у тебя все было и чтоб тебе за это ничего не было». Наверное, когда кто-то произнес это в первый раз, было смешно. Но в миллионный раз мне уже не смешно.

— Катька, ты по-прежнему в «Седьмом небе»? — спросил Катьку Андрей, разливая водку. — А то я заработал денег, хочу к тебе в гости сходить.

— Щас по харе получишь, Андрюха, — не очень обидевшись, ответила Катька. — Ты лучше к негритяночке в гости сходил бы, могу устроить.

Все засмеялись, а Андрей сказал:

— Можно и к негритяночке, но я хочу так, чтобы в мыслях в это время бабу женой представлять, а негритяночку я женой не представляю.

— Все, когда с женами трахаются, любовниц представляют, а ты наоборот. Сумасшедший ты, Андрюха, — сказала Алена.

— У меня вчера случай был, — начала Катька. — Пошла я на пляж, лежу, загораю. Подходит коп и говорит: «Оденьтесь, вы в неприличном виде». А я ему: «Что значит в неприличном?» А коп мне: «В неприличном — это когда видна любая часть влагалища, или соски, или любая часть ануса. У вас, говорит, все три элемента видны».

Все захохотали, а Андрюха спросил:

— Катька, что такое анус?

Все опять захохотали, а Славик сказал:

— Анус — это жопа.

— Анус — это не вся жопа, а только серединка ее, — сказал Витя.

— Кем ты работаешь, Витя? — спросила Зинка. — Наверное, у тебя высшее образование?

— Я закончил высшее военное училище, но получил травму и был демобилизован. Офицером пробыл всего три месяца. На учениях неудачно десантировался, и все — военной карьере крышка. Конечно, с моей специальностью я мог устроиться и на гражданке, но это в нормальной стране, а не в Беларуси. Приехал сюда, а здесь, сама знаешь, как трудно легализоваться. Думал на убежище подавать, мне на Брайтоне все адвокаты говорили, что из

Беларуси легко убежище получить, но один манхэттенский адвокат отсоветовал. «Ты, сказал он, парень молодой, женишься на американской гражданке и легализуешься. А получишь отказ в убежище — попадешь под депортацию, и тогда женитьба на самой Хиллари Клинтон может не помочь. А какие шансы на убежище у офицера, который еще несколько месяцев назад был в действующей армии? Да никаких. А попытаешься скрыть этот факт — неприятности могут быть гораздо серьезнее, чем депортация». Я его послушался и, ты знаешь, не жалею. Несколько моих друзей попались на удочку к местным стряпчим, те им такого понаписали, что я удивился, что им просто отказали, а не засадили в сумасшедший дом. А работаю я на стройке плотником. У поляков.

Зинка вспомнила свою «цыганскую» легенду, и на душе у нее стало тяжело.

— Давай выпьем, Зина, — сказал Витя, подливая Зинке вина. — За нас, за то, чтобы наши тревоги прошли как сон.

Зинке стало тепло и грустно. Пьяная Алена запела песню на украинском языке, ее активно поддержала Верка. Зинке захотелось плакать, и она слегка опустила голову. Витя тихо сказал:

— Не надо, Зина, пойдём лучше к океану.

Зинка послушно встала, споткнулась, тут же выпрямилась. Витя взял ее под руку и повел через пляж к темной воде. * * *

Хотя Витя был парень легкий, Зинка долго к нему привыкала. Сначала привыкла спать с ним, потом есть вместе с ним, а уж потом стирать для него. Витя жил вместе с другими рабочими и приходил к Зинке только в пятницу, зато на весь уик-энд. К пятнице Зинка готовилась как к празднику, да это и был праздник. Выбор из двух первых блюд (борщ или бульон с курицей и вермишелью в одну пятницу, солянка или гороховый суп в другую), из трех вторых (бефстроганов, зразы, голубцы), разные закуски — вот что получал Витя на обед в конце тяжелой рабочей недели. Но и он не плошал и никогда с пустыми руками не приходил — десерт и выпивка были, как говорится, на его совести. Коньяки, вина, фрукты, торты, конфеты — всего было вдоволь.

Во время обеда Витя рассказывал, что было на стройке, — что строили, кто как работал, какая была погода, что говорил босс-поляк. Бывали и смешные случаи — новенький нелегал из Молдавии прибил какую-то важную доску вверх ногами или еще что-то в этом роде. Зинке было приятно сидеть с Витей и слушать его. В свое время она так же слушала истории своего мужа, в которых он всегда выходил умницей, а его босс набитым дураком.

Налюбившись, как и положено, ушами, Зинка переодевалась в шелковый халат. В пупке у нее уже давно красовалась темно-зеленая бусинка в золотой оправе. Зинка подходила к развалившемуся в кресле Вите и утыкалась бусинкой ему в лоб.

Потом они по очереди принимали душ, и Витя всегда удивлялся, сколько разных бутылочек с шампунями и жидким мылом, сколько баночек с кремами и мазями, сколько тюбиков неизвестно с чем стояло на полочках в Зинкиной ванной. Это была настоящая женская ванная комната — чистая, ароматная, возбуждающая. После душа следовал коньяк с фруктами и тортом, а затем снова бусинка утыкалась в Витин лоб.

Суббота для Зинки начиналась с разговора с дочками по скайпу. Старшая Юля и младшая Таня садились в далеком Ивано-Франковске у себя дома перед экраном и рассказывали Зинке о своих успехах. Юля наконец нашла скрипку, которая ей понравилась. Это был концертный «Гвидантус» первой половины восемнадцатого века, который принадлежал одному из учеников Эммануила Иосифовича. За скрипку просили двенадцать тысяч долларов, но Эммануил Иосифович умолил ученика отдать ее за восемь, что все равно в два

раза превышало цену, которую Зинка была готова заплатить за инструмент.

— Доченька, это ведь дороже, чем машина, — пролепетала Зинка. — Когда нужны деньги?

— Как можно скорее, мама. Ты себе не представляешь, какой звук у этой скрипки! Я тебе сыграю на ней — ты в обморок упадешь. У нее тембровый диапазон необыкновенный, и она идет с родным смычком. Мама, иногда один смычок «Гвидантуса» стоит десять тысяч, а тут все вместе за восемь. А какой лак на скрипке! Даже не верится, что ей почти триста лет. Она в Италии сделана Йоханном Гвидантусом. Мама, я тебе обещаю, что возьму с ней первое место на любом конкурсе. Я ведь не игрушку прошу. Ну хочешь, я продам свой мобильник и все свои шмотки. Я ведь по семь часов в день играю, а звука у моей румынской скрипки нет и не будет. Она хороша только для начинающих, а я ведь уже на конкурсах выступаю. Мама, сейчас нет хороших скрипок дешевле десяти тысяч, сейчас русские мастера в Москве больше берут, правда, они тоже делают очень хорошие скрипки.

— Юля, я пришлю деньги через неделю, — тихо сказала Зинка. — Таня, какие у тебя отметки в школе?

— Хорошие, мама, а когда ты приедешь? Мы с Юлькой очень по тебе скучаем. Мама, мы ведь уже столько месяцев не виделись. — Таня заплакала.

— Танечка, будь взрослой. Если бы я была рядом, ни ты, ни Юлька не могли бы позволить себе такие красивые вещи. Ты же знаешь, сколько стоят Юлькины уроки. А твое фигурное катание! А ремонт дома! А еда! Где бы я в Ивано-Франковске столько заработала? Сколько у вас стоит хороший кусок мяса? Ты ведь любишь мясо, Таня? И тебе нужно хорошо питаться, чтоб и фрукты были, и овощи. Юля, успокой Таню.

Закончив разговор с домом, Зинка долго не могла прийти в себя. Пила кофе чашку за чашкой, курила. Позвонила Верке поплакаться. У Верки были свои проблемы — старшая ушла из дома на два дня, шаталась неизвестно где. Вдруг объявился муж, требовал у дочек Веркин адрес и номер телефона. Денег не принес, зато забрал из дома какие-то золотые побрякушки.

— Верка, как ты думаешь, сколько нам еще здесь сидеть в неизвестности? — спросила Зинка.

— В неизвестности — неизвестно, а сидеть нам здесь, надеюсь, всю жизнь. Вот получим политическое убежище, дочек сюда вызовем и заживем тогда как люди.

— Верка, время ведь летит. Каждый день, что дочки без нас, нам в минус. А если не получим убежища, что тогда делать будем?

— Зинка, перестань сопли распускать немедленно! Ну хочешь — вертайся обратно, тебя тут никто не держит. Что ты дочкам скажешь? Что мама прогулялась в Америку и ни с чем вернулась? Давай я к тебе приду, посидим, поговорим.

Зинка и Верка таким образом виделись каждую субботу — то у одной было скверно на душе, то у другой. У кого было менее скверно, тот и утешал. Витя смотрел телевизор, а Зинка и Верка сидели на кухне, пили вино и разговаривали. Раз в месяц забегала Катька, которая по-прежнему работала у Левчика в (чтоб не сказать на) «Седьмом небе» и сказочно разбогатела, но жениха еще себе не нашла. «Желающих много, — говорила она, — но ни один мне не подходит — то слишком бедный, хотя и добрый, то богатый, но скряга. Я все жду, когда попадется богатый и добрый».

— Ну это долго ждать придется, — смеялась Верка. — Они потому и богатые, что жадные. А добрый все на всех тратит, откуда ему богатство накопить?

— Вера, у тебя примитивное представление о том, как становятся богатыми, — встретал в разговор Витя. — Ну приходит в бордель человек расслабиться, с девочками пообщаться. Он что, по-твоему, должен все бабки на них потратить? Тогда он будет добрым для Катьки, но жадным для своей семьи. Вот будет у Катьки семья, что она скажет, когда ее муж будет все бабки в борделе просаживать?

— Не будет, потому что я его буду сексуально удовлетворять, — сказала Катя. — Ему не надо будет в бордель ходить. Я уже по-английски немного научилась понимать, все мужики рассказывают одну и ту же историю — как жены их трахаться не хотят. Ну не хотят, так пусть и не удивляются, что их мужья в бордель ходят. * * *

Прошло уже девять месяцев, как Верка и Зинка прибыли в Америку, и английский, несмотря на полностью русскоязычное окружение, начал потихоньку проникать в их жизнь. Говорили они коряво, понимали далеко не все, но ситуаций, в которых английский был на самом деле нужен, было мало. Даже в банке, в котором они открыли счета после получения права на работу, многие клерки говорили по-русски. Зинка, отучившись три года на юридическом, сдала экзамен по украинской конституции, но вряд ли ее читала, а если и читала, то не вдумывалась. А кто из друзей или родственников ее читал? Может, цыгане ее читали, выискивая в тексте что-нибудь о своих правах? Поэтому Зинка была очень удивлена, когда однажды Витя за обедом сказал, что приехал в Америку ради ее конституции и что английский надо учить, чтобы эту конституцию прочесть.

— Ты думаешь, Зина, что Америка знаменита своими машинами? Немецкие лучше. Даже японские лучше. Ты думаешь, Америка знаменита небоскребами? Ты знаешь, сколько сейчас небоскребов в Шанхае и какие высоченные небоскребы строятся в Арабских Эмиратах? Да Манхэттен рядом с Шанхаем покажется Ивано-Франковском. Нет, Зина, Америка знаменита своими гражданскими свободами, а свободы эти записаны в конституции. Вот скажи, ради чего ты приехала в Америку, ради чего заплатила бешеные деньги, чтобы добраться сюда любыми путями, ради чего полы ночами моешь? Неужели ради бутылочек и баночек в ванной комнате?

— Витя, ты же знаешь, что мне детей поднимать надо, — обиженно сказала Зинка. — У нас в Ивано-Франковске тоже бутылочки есть — немецкие, ничуть не хуже.

— То есть ты рассматриваешь Америку только как страну, где больше платят? — продолжал развивать эту неожиданную тему Витя. — Вот мы, эмигранты, живем здесь, в Америке, кто легально, кто нелегально, но мы не часть Америки. Ты, например, знаешь, чем живет сейчас страна, о чем все время говорят по радио или телевизору?

— Ищут убийцу какой-то Петерсон. Она беременная была, ее убили и утопили. Все думают, что это муж сделал.

— Я не это имел в виду. Убивают везде, это не типичная американская история.

— Война в Ираке. О ней тоже все время говорят.

— Ну хотя бы война в Ираке. Ты думала об этой войне? Ведь многие в Америке против этой войны. Сейчас на Ближнем Востоке решается судьба европейской цивилизации, и если мы проиграем эту войну, деваться будет некуда.

— Кто «мы», Витя? Или ты уже статус в Америке получил?

— Мы — это цивилизованные люди, Зина.

— Ну, поеду обратно в Ивано-Франковск. Ты кушай, кушай.

— При чем тут Ивано-Франковск? Америка весь мир кормила и кормит! А проиграем — жрать будет нечего от Африки до Ивано-Франковска.

— У нас свой огород есть. Картошка, помидоры, цыбуля. Проживем как-нибудь.

— Зина, вот мы уже сколько с тобой встречаемся, а в Манхэттене ни разу не были. Ты до меня была хоть раз в Манхэттене?

— Раз была. Вот ты бы меня и свозил туда. В клуб какой-нибудь. А то, на самом деле, все дни рождения подруг на Брайтоне празднуем. Давай поедем в клуб или в театр.

Витя сел за компьютер и посмотрел программу известного джазового клуба «Блю Ноут». Батюшки! Как раз сегодня играет трио Кенни Вернера!

— Мы успеем на шоу в половине одиннадцатого. Собирайся, поехали!

Надела Зинка все самое лучшее, намазалась самыми дорогими кремами и наложила самую лучшую французскую косметику, а Витя, как был в джинсах и фланелевой рубашке, в таком виде и поехал.

Старый Витин «Додж-Караван», набитый молотками, топорами, пилами, гвоздями и прочим стройматериалом и оборудованием, медленно полз по Белт-Парквей, и Зинка любовалась открывшимся видом на нижний Манхэттен. Здания сверкали миллионами огоньков, в темном небе кружили вертолеты, впереди разноцветно переливался Бруклинский мост.

— Вон статуя Свободы, с лампочкой в руке, — ткнул куда-то налево пальцем Витя.

Статую Свободы было видно плохо, угадывался лишь ее силуэт.

— Когда-то эмигранты проплывали мимо нее. На ней написано, что Америка даст кров и защиту всем страждущим и обиженным.

Зинка вспомнила, как «Бэби Кристина» входила в порт Майами, и ей стало смешно. Она засмеялась, а Витя сказал:

— Мне тоже смешно. Нет больше в мире страждущих. Обиженных полно, а страждущих нет.

— А на ней нет надписи «Америка даст кров всем цыганам»? — по-прежнему смеясь, спросила Зинка.

«Додж-Караван» вполз на Бруклинский мост, и вид стал еще более захватывающим. Зинка перестала смеяться и прошептала по-украински:

— Ты тильки дивись, Витю, як красиво.

Через десять минут петляния по манхэттенским улочкам мини-вэн причалил в квартале от 3-й Вест-стрит, на которой находился знаменитый «Блю Ноут» — в самом сердце Гринич-Вилледжа.

На улице было полно людей, абсолютно не похожих на обитателей Брайтона. Не прогуливались толстые тетки и дядьки в облегающих итальянских прикидах, в воздухе не висел запах рыбы и «Клема». Одеты все были просто, и Зинка почувствовала, что немного переборщила со своим праздничным нарядом. Вход на двоих стоил пятьдесят долларов, и кассир предупредил Витю, что минимум по пять долларов они обязаны потратить на напитки или еду.

В темном зале освещалась только пустая сцена. Почти все столики возле сцены оказались

заняты, и Зинке и Вите пришлось сесть чуть ли не в углу. Витя заказал себе виски, а для Зинки джинс с тоником, сразу тем самым превысив необходимый минимум трат. Вкусно пахло гамбургерами и жареной картошкой, и, несмотря на недавний обильный обед, Витя и Зинка почувствовали голод.

— Давай закажем какой-нибудь еды, — попросила Зинка.

— Давай, но у меня только полтинник остался, а после того, как я заплачу за дринки, останется долларов тридцать, не больше.

— И у меня есть полтинник. Давай возьмем по гамбургеру с картошкой.

На сцену вышли музыканты — трио Кенни Вернера. Одеты они были совсем просто — в джинсы и рубашки. Главный из них, в несуразной шапочке, похоже, сам Кенни Вернер, начал что-то говорить в микрофон — очевидно, смешное, потому что в зале засмеялись. Потом Кенни сел за рояль, Йоханн (так его представил Кенни) сделал несколько щипков на бас-гитаре, а Ари (третий член трио) выдал пулеметную очередь на ударных. Сначала ребята сыграли «Слезы на небесах», и эти «Слезы» унесли Зинку вроде как в Ивано-Франковск, но не в тот Ивано-Франковск, который она знала, а туда, где она никогда в жизни не была. Потом трио выдало «Воспоминания о былых временах», и Зинка впала в транс и забыла, где она. Сначала она хотела сказать по-украински: «Слухай, як красиво!», но не смогла. Она впервые слушала джаз живьем и не подозревала, как сильно он может подействовать на душу.

Когда очнулась во время перерыва, оказалось, что гамбургеры с картошкой остыли, да и есть совсем не хотелось. Хотелось выпить еще джина с тоником или коньяку, водки — чего угодно, только выпить. Все оставшиеся деньги Витя и Зинка потратили на дринки, дали немного и на чай.

Шоу закончилось ровно в полночь. Зинка шла к выходу мимо сцены, на которой еще крутились, собирая свои вещи, музыканты. Зинка постояла несколько секунд совсем рядом с Кенни Вернером. Он заметил ее и сказал:

— Хай!

И Зинка ему ответила:

— Хай! * * *

Нью-Йорк — рай для старых людей. Где еще к старому человеку прикрепляют компаньонку, которая готовит, убирает квартиру, стирает и купает его? И платит за все это штат Нью-Йорк и город Нью-Йорк. Получают компаньонки так себе, да и работа тяжелая — поди переверни толстяка, чтобы подмыть. Не каждый справится, да и не каждый захочет.

Зинка захотела, и ее направили в семью, где главой была семидесятипятилетняя еврейка Римма, а в подчинении у нее был муж Йося, возраст которого перевалил за восемьдесят.

Прежде всего Римма спросила Зинку, умеет ли она готовить гефилте фиш.

— Научу! — сказала Римма, услышав ответ. — А латкис? А тейглах?

Зинка любила и умела готовить, но рецепты еврейской кухни были ей неведомы. В первый же день работы Римма (Римма настаивала, чтобы Зинка называла ее Риммой, а не Риммой Яковлевной) научила Зинку готовить гефилте фиш и печенье по-кишиневски, которое Римма называла еврейским десертом.

— Вообще-то так печенье пекли только в Бельцах, но мы его называли печеньем по-кишиневски, — сказала Римма, замешивая тесто.

Зинка в свою очередь научила Римму готовить «квасолу с капустой» — фасолевый суп с капустой и суп с галушками на сладком молоке. Римма попробовала суп с галушками и сказала:

— Я сейчас вырву, как вы эту гадость есть можете?

Йосе же галушки очень понравились. Он выхлебал полную тарелку и попросил добавки.

— Это для мужиков суп, — сказала Зинка, наливая Йосе вторую порцию.

— И что ж тут для мужиков? — поинтересовалась Римма.

— Ну, у нас говорят: «Шоб у каждой хати стояло», — объяснила Зинка.

Римма вспеснула руками, и Зинка рассмеялась. Обе посмотрели на Йосю, но тот вряд ли расслышал — во-первых, он был глуховат, а во-вторых, так сосредоточенно ел суп, что не слышал уже ничего. Вечером при прощании Йося ущипнул Зинку за задницу.

— Иди спать, старый йолт, — проворчала Римма. — Галушек он, видите ли, натрескался.

— Иду, Гимочка, — сказал Йося и, шаркая, направился в спальню.

Перед тем как скрыться, он обернулся и подмигнул Зинке водянистым глазом.

Дома Зинка села подбивать финансы. Сначала расходы.

— Арендная плата за квартиру — тысяча сто долларов в месяц, — бубнила Зинка. — Еда — теперь не больше четырехсот, потому что можно завтракать и обедать у Риммы с Йосей, туалетные принадлежности, стирка — столярник, телефон — восемьдесят плюс звонки на Украину по карточкам — еще тридцатка, слава богу, есть на свете карточки, электричество, мать их ети, сороковник, рестораны, подарки — триста, не меньше, одежда — хотелось бы пятихатник, уж больно все красивое, а через десять лет я уже буду старая, и мне это все не нужно будет, медицинская страховка — сто пятьдесят плюс еще столько же на лекарства, дантист — пломбы, чистка, то да се, в среднем выходит тридцатка. Итого — две тысячи восемьсот восемьдесят долларов в месяц, для ровного счета три штуки. Плюс штука детям — четыре штуки. Плюс большие расходы — адвокат и скрипка, разобьем помесечно, еще нужно откладывать штуку-полторы. Ничего себе — набралось минимум шестьдесят штук в год, зарплата медсестры. Хорошо, что же мы имеем в плюсе? Римма с Йосей — чистых пятьсот в неделю, уборки офисов по вечерам — еще столько же. Ну, допустим, буду убирать по субботам, еще столярник. Кругом-бегом тысяча сто в неделю, полтинник в год. А где недостающую десятку, а то и двадцатку взять? Ну не буду я в кабаки на дни рождения ходить, сэкономлю трешку в год. Носить буду, что есть, до дыр, еще пять-шесть тысяч — вот и недостающая десятка. Мне не на чем больше экономить, что мне — зубы не чистить или есть всякую дрянь? А будь я дома, я все равно не смогла бы на детей штуку в месяц тратить, где я заработала бы эту штуку? Если бы Микола паскудой не оказался, все было бы по-другому, да что об этом говорить! Нет, надо здесь сидеть до победного, ужиматься во всем. Свинья я все-таки была, что столько на шмотки и духи тратила.

К пяти тысячам, отложенным на адвоката, Зинка добавила еще три, которые заняла поровну у Верки и Вити, и отправила восемь тысяч маме в Ивано-Франковск, чтобы выкупить для Юльки скрипку.

Через день, как назло, позвонил адвокат Лифшиц и сказал, что пришел вызов на интервью в иммиграционную службу. Лифшиц сказал, что Зинка может лететь на интервью в Орегон, или, если она захочет, он переведет дело в Нью-Йорк, что даст отсрочку месяца в два-три. Зинка побежала к Лифшицу в офис.

— Езжайте в Орегон, — уговаривал Лифшиц. — Там таких легенд еще не читали, на ура пройдете, благодарить будете.

— Переводите дело в Нью-Йорк, — сказала Зинка.

— Ну как знаете, но в Нью-Йорке шансов у вас гораздо меньше. Потом не говорите, что не предупреждал.

— Так вы же Клавке тоже делали ходатайство в Портленде, и ничего хорошего не вышло — дали отказ.

— А вы знаете, почему дали отказ? Вы знаете, что Клавка ваша уже в третий раз в Америке и что во второй раз она засветилась. Ее арестовали у Ниагарского водопада, взяли отпечатки пальцев. Она мне об этом сказала? Если бы я знал, что она в системе, я бы, по-вашему, делал легенду, что она первый раз в Америке?

— А вы ее спрашивали? Вы у меня что-нибудь спрашивали? Понаписали там всякой ерунды.

— Как вам не стыдно, Зинаида! Если бы за каждое выигранное дело о предоставлении политического убежища звездочку рисовали, как на войне за сбитый самолет, у меня бы весь фюзеляж в звездах был. У моих клиентов уже дети в Америке родились, скоро внуки пойдут. Да и сами подумайте — вы заслуживаете политического убежища?

— Не поняла, — сказала Зинка.

— Ну вот, положи руку на сердце, вы заслуживаете политического убежища?

— Ну раз вы беретесь за дело, наверное, да.

— Перестаньте, Зинаида, вы знаете, о чем я говорю. Вы так же заслуживаете политического убежища в Америке, как я звания Героя Советского Союза. То есть никак! И вот я пытаюсь для вас что-то сделать, да, не всегда получается, большей частью из-за самих клиентов, но ведь часто и получается! Или вы хотели, чтобы получали все сто процентов?

— Да нет, что вы, Марк, спасибо, я никак не хотела... — залепетала Зинка.

— Ладно, хватит поэзии. Начинаем готовиться к интервью. Вы хоть что-то по-цыгански знаете?

— Ни слова.

— Купите русско-цыганский разговорник и начинайте учить наиболее обиходные фразы. Вы обязаны знать, как по-цыгански папа и мама, как сказать спасибо и здравствуйте.

— Неужели на интервью будут проверять мое знание цыганского?

— Попадется вам, Зина, въедливый еврей, он из любопытства проверит.

По пути домой Зинка забрела в книжный магазин «Санкт-Петербург» и, к своему удивлению, нашла на полке «Українсько-ромський розмовник». Заплатила за него десять долларов. На глянцевой обложке были изображены цыган с бородой и усами и цыганка в платке. Оба улыбались. Ехала эта пара на бричке по дороге, выложенной галькой, вокруг колосилась рожь, бело-желтое солнце скрывалось за красным облаком. Вечерело.

В автобусе Зинка раскрыла «розмовник». Первой фразой была «Витаємо вас у нашій оселі», что на цыганском звучало как «Драгосто туменге андо амаро кгер». Зинке фраза не понравилась — сложная, непонятная. Она быстро нашла «Извините, пожалуйста» и прочла

перевод: «Иртисарен авен лаче». До своей остановки Зинка повторяла «Иртисарен авен лаче», а когда пришла домой, приготовила ужин, поела, почистила зубы и легла в постель, то поняла, что начисто забыла, как извиняться по-цыгански. * * *

Беды, как им и полагается, пришли вместе. В понедельник по русскому радио сообщили, что скоропостижно скончался известный адвокат Марк Лифшиц, прощание с которым состоится во вторник в час дня в похоронном бюро «Невский». Вечером прибежала Верка с бутылкой скотча и рассказала, что Марк Лифшиц умер в квартире своей секретарши, той самой, которую они с Зинкой видели.

— Откуда ты знаешь? — спросила Зинка.

Ей было все равно, где умер Марк Лифшиц, но такая подробность заинтересует кого угодно.

— Так это все уже знают. Леночка (так зовут секретаршу), когда увидела, что Марку плохо, кому, думаешь, первому позвонила?

— В девять-одиннадцать, наверное.

— Ага, сейчас! Матвей Леонидовичу она позвонила. Марк же ему документы делает. Матвей Леонидович, слава богу, живет за углом, так что прискакал он через три минуты со своим чемоданчиком и констатировал смерть.

— Бедный Марк, ведь еще молодым человеком был, — сказала Зинка.

— Да, а жене его теперь как? Ведь случилось это все за полночь. Что, спрашивается, адвокат Лифшиц делал в квартире своей секретарши ночью? Ну и Матвей Леонидович тоже хорош. «Умер! — говорит он Леночке. — Звоните в полицию». И собирается уходить. А Леночка ему: «Куда же вы, Матвей Леонидович? Мне страшно». А Матвей Леонидович ей отвечает: «А мне, Леночка, еще страшнее, потому что я, как вам хорошо известно, нелегал. Сейчас придет полиция, начнутся разборки, и какие вы мне прикажете документы предъявить? Меня тут же арестуют! Меня здесь не было».

— Верка, ведь Матвей Леонидович должен был из страха и вправду обо всем молчать, а ты тут мне их разговор в деталях пересказываешь. Странно все это. Неужели Леночка все это разболтала?

— Да нет же, сам Матвей Леонидович по секрету и рассказал в узком кругу — дантисту Володе и парикмахеру Косте. Ну, еще жене своей Иде. Короче, весь Бруклин уже об этом знает. Со всеми деталями.

— А что, еще и детали были?

— Ну да. Матвей Леонидович, после того, как констатировал смерть Лифшица, успел заметить на журнальном столике обертку от виагры и почти пустую бутылку коньяка. Говорит, что вся эта комбинация — виагра, коньяк и секс с Леночкой — стоила Марку жизни.

Слушая рассказ Верки, Зинка сразу не подумала, насколько смерть адвоката Лифшица касается лично ее. Только после того как они с Веркой приняли по три рюмки скотча, в Зинкином мозгу зазвенело: а кто теперь ее дело вести будет?

Вторая беда пришла поздно вечером. Неожиданно явился Витя и сказал, что уезжает из Америки. Зинка была пьяна и сразу не врубилась в смысл сказанного. Посидела-помолчала и заплакала.

— Куда же ты, Витек, поедешь? — спросила она.

— Кореш в Алжире бизнес открыл по починке самолетных моторов. Ему менеджер нужен, а у меня все-таки военное образование, и в технике я кое-чего смыслю.

— А что же с конституцией и свободами? Ведь обратно пути не будет.

— Знаю, Зина.

— А со мной что? Я ведь тебя люблю. Ты думаешь, так просто встретить на земле человека, который тебя полюбит? Ведь мы бы могли семью создать, я еще родить могу.

— Не надо, Зина, мне самому тяжело. Наверное, я делаю страшную глупость, но что-то меня толкает на эту глупость. Не могу я сидеть на одном месте, закисаю я. Ты, как цыганка, должна меня понять, — попытался улыбнуться Витя.

— Цыганка... — Зинка снова расплакалась. — Когда уезжаешь, Витек?

— Завтра, Зина. Не хотел говорить тебе заранее, не хотел расстраивать.

— Ты не расстраиваешь меня, Витек, ты меня убиваешь. Мне так хорошо с тобой было, так хорошо. Помнишь «Блю Ноут»? Я как джаз теперь по радио слушаю, всегда тебя вспоминаю. И мне тут же тебя хочется. Ты пришлешь свои координаты?

— Конечно, Зина. Кто знает, может, еще встретимся.

— Витек, я должна тебе гроши — полторы штуки. Куда их тебе высылать?

— Забудь про гроши, Зина, ничего ты мне не должна. Мне кореш положил зарплату в сто штук, так что я в порядке.

Зинка и Витя легли на застеленную кровать и так пролежали часа два. Потом Витя встал и ушел, а Зинка провалилась в больной сон.

Проснулась Зинка рано, ее тошнило. Она выпила из банки огуречного рассолу. Потом опохмелилась остатками скотча, снова выпила рассолу. Когда прошла головная боль, началась душевная. Зинка никак не могла перестать плакать. Шла на кухню, ставила кофе и плакала. Потом шла в спальню, смотрела из окна на пыльный бруклинский двор, вспоминала карпатские луга и начинала плакать еще сильнее. Хотела позвонить по скайпу дочерям, но не смогла. Хотела включить радио, но вспомнила, что оно настроено на джаз, и тут же отдернула руку от пульта. На часах было двенадцать. Зазвонил мобильник. Это была Римма.

— Зина, с тобой все в порядке? Мы с Йосей волнуемся, все ли у тебя в порядке. Помнишь, мы сегодня собирались в парк пойти погулять, а потом пожарить котлеты с гречневой кашей? Знаешь, что мне сегодня Йося сказал?

— Риммочка, я заболела. Я завтра приду.

— Хорошо, Зиночка. Так ты знаешь, что мне сегодня Йося сказал?

— Что, Риммочка, он вам сказал?

— Он сказал, что с тех пор, как мы уехали из Одессы, он ни разу не пил компота из сухофруктов. Ты представляешь? Зина, мы должны ему сделать компот из сухофруктов. Ты умеешь варить такой компот?

— Да, Риммочка, я сварю Йосе компот из сухофруктов. Я по дороге к вам зайду в лавку и куплю все, что нужно для компота.

— Тебя Бог нам послал, Зиночка. Не забудь, что в такой компот хорошо дать изюму.

Когда старая еврейка говорит, что человека ей Бог послал, то слезы у такого человека должны высохнуть немедленно. Зина улыбнулась и пошла искать черные брюки и закрытую блузку, чтобы ехать на прощание с Марком Лифшицем. * * *

Перед зданием похоронного бюро «Невский», что на Кони-Айленд-авеню в Бруклине, было многолюдно. Мужчины в костюмах и кипах курили, их жены с марлевыми нашлепками на головах стояли невдалеке и шептались. В стороне группой держались люди явно нееврейской наружности, по-видимому, клиенты Марка. Мужчины-неевреи тоже нацепили на головы кипы, которые им раздали в «Невском», но, как отметила про себя Зинка, кипы им не шли.

Зинка узнала несколько знакомых лиц среди клиентов и подошла к ним. Все говорили только о том, как трудно будет найти нового адвоката и что еще труднее будет получить свое дело из офиса покойного.

Вдруг толпа пришла в движение — показалась Леночка. Из группы еврейских женщин донеслось шипение, еврейские мужчины же приосанились, прикидывая, стоило ли прощаться с жизнью ради секса с Леночкой. Судя по их виду, стоило.

Вышел ребе в черном костюме и пригласил всех зайти внутрь. В небольшом зале стоял простой закрытый гроб. Мать Марка, вдова и родственники уже сидели в первом ряду. У всех были заплаканные лица. У Марка было двое детей, они сидели по обе стороны вдовы. Ребе на английском языке рассказал о Марке. Прекрасный сын, муж, отец, адвокат, лидер русскоязычной общины. Потом ребе прочитал какую-то молитву на иврите, и все несколько раз повторили за ним «амен». Зинка уже знала, что у евреев гроб не открывают, но все равно подумала, что в гробу, может, совсем и не Марк Лифшиц лежит. Она огляделась, увидела Леночку, тоже заплаканную. Рядом с ней сидели Аркадий и Милана, прилетевшие на похороны из Орегона.

Ребе попросил выступить кого-нибудь из собравшихся. С места поднялась дочь Марка Сарра, девушка лет восемнадцати. Ребе представил ее. Сарра родилась в Америке. Она говорила, как любит папу, как всегда брала с него пример. Закончила она речь по-русски: «Папа, я очень тебя люблю», и заплакала. Маме Марка Анне Соломоновне стало плохо, и работники «Невского» принесли ей воды, а затем бережно повели под руки из зала. Старший брат Марка Наум вспомнил, что Марк был в семье любимым ребенком — самым умным, самым балованным, все его обожали. Потом Аркадий рассказал, каким Марк был талантливым адвокатом и порядочным партнером. «К ладони этого человека не прилип ни один чужой доллар». — После этих слов Аркадий тоже заплакал.

— Для чего чужим прилипать, когда своих столько? — довольно громко шепнул мужчина, сидевший за Зинкиной спиной.

— Юра, прекрати, — зашипела его соседка.

По интонации ее, однако, можно было понять, что шутка ей понравилась.

Потом выступил какой-то усатый мужик, которому Марк «сделал» политическое убежище десять лет назад.

— Вся наша семья молилась на Марка Лифшица, — сказал усач. — Он стал членом нашей семьи. Когда мы дом покупали, мы опять к Марку пришли, когда нас партнеры надуть хотели, мы сразу к Марку. Захворал я, захотел завещание сделать — опять к Марку, но, слава богу, поправился. Короче, Марк у нас был как скорая юридическая помощь. И вот его не стало. Настоящий был адвокат и прекрасный человек.

Зинка на кладбище не поехала. Вместе с остальными нелегалами — клиентами Марка она пошла в кафе «Русалочка», где подавали очень вкусные и дешевые вареники и пельмени.

Нелегалы любили «Русалочку» еще и потому, что у хозяев не было лицензии на торговлю спиртным, а значит, можно было приносить свою выпивку.

Пить Зинка не хотела, а вареники с вишней пришлось очень кстати, и Зинка заказала вторую порцию.

Нелегалы обсуждали адвокатов, практикующих в русскоязычной общине. Из обсуждений следовало, что на всех пробу ставить некуда — все жулики, и что покойный, тоже, кстати, тот еще жулик, был самым приличным из них.

— А что насчет Аскольда? — спросила одна девушка. — У него офис в Манхэттене, и я ничего плохого о нем не слышала.

— Аскольд дерет так, что вовек не рассчитаешься, да и не расплачиваться не придется — Аскольд берет весь гонорар вперед, — ответил парень с грузинским акцентом. — Я бы пошел к Аскольду, но я ведь уже Марку заплатил пять штук, кто мне их теперь отдаст?

— А как мне свое дело получить? — спросила Зинка.

— Я предлагаю всем пойти к Марку в офис завтра утром и попросить у Леночки наши дела, — ответил грузин.

Грузин вызвался подвезти Зинку домой, но поскольку истинная причина его галантности была как на ладони, Зинка отказалась.

Добравшись до дому, Зинка легла на кровать и закрыла глаза. Во рту было противно сладко от вареников с вишней — Зинка явно переела их. Ей стало плохо, мысли начались путаться — бюджет, не хватает денег, неизвестно, сколько надо будет платить новому адвокату. Да и кого нанять? Вити больше не будет, наверное, никогда. Дочек не видела почти год, все из-за проклятого мужа. Если вернуться на Украину, то соседи смеяться будут — зачем все затевала, зачем уезжала? Где жить в Ивано-Франковске? Дочки живут с мамой и папой, она, если будет работать, не сможет проводить с ними время. Да и где она сможет работать в Ивано-Франковске? Нету там никакой работы. Об этом говорят родители, об этом говорят все ее подруги, все, кто только что приехал оттуда. Нищета, уголовщина, коррупция, беззаконие, пиршество богатеев, разграбивших страну. Кто такой Аскольд и сколько он стоит? Отдаст ли Леночка документы? Как она могла явиться на похороны Марка, совести у нее никакой. Как она не пожалела вдову, детей и родителей Марка, бессердечный она человек! Витя уже, наверное, летит в свой Алжир на большие заработки. А может, сначала домой в Минск, а оттуда в Алжир. Такой хороший парень, с таким можно где хочешь жить — хоть на Украине, хоть в Алжире, а в Америке с таким — просто сказка. Получается, что муж даже важнее, чем страна. Но на Украине не только работы нет, но и мужей. Все пьют по-черному, откуда хорошему мужику взяться? Эх, Витя, Витя! Почему с собой в Алжир не позвал?

Зинка встала, закурила. Курила она мало, в основном в самые плохие и в самые хорошие моменты жизни. Позвонила Верке, сказала, что Витя улетел навсегда и что она хочет вернуться в Ивано-Франковск. Верка примчалась через полчаса, опять с бутылкой скотча, на сей раз дорогого — «Джонни Уокер Блэк». Она залезла в Зинкин холодильник, достала сыру, колбасы, пельменей, и через несколько минут ужин был готов.

— За что выпьем? — спросила Верка, поднимая стопку с темно-желтым «Джонни Уокером».

— Ни за что. Просто выпьем. — Зинка опрокинула стопку и засосала лимоном. — Ты знаешь, Верка, мне настолько плохо, что даже не хочется, чтобы было хорошо.

— Пошла бы в спортзал или в бассейн, Зина, дурь выгнала бы. Нельзя так. Ну уехал Витек, ну умер Лифшиц, царство ему небесное, но ведь ты сюда не ради Витька приехала, не ради

него через столько прошла. Да и Лифшиц был не единственный адвокат, вон, поди, сколько их развелось.

— А кого ты наймешь? Ты уже думала об этом?

— Не знаю, Зинка. Вот получим назад свои документы от Леночки, тогда и подумаем.

— Да ведь у меня интервью на носу, мне готовиться к нему надо.

— И как ты собираешься к нему готовиться?

— Вот разговорник купила украинско-цыганский.

— Ты чо, с ума сошла?

— Лифшиц сказал, что полезно знать несколько слов и выражений. Я уже выучила, как будет по-цыгански «извините, пожалуйста».

— И как?

— Забыла уже.

— Зинка, хочешь, обнимемся и полежим вместе?

— Хочу, Верка. Скажи, с кем ты сейчас? По-прежнему с Андрюхой?

— Была с Андрюхой, сейчас со Славиком, ни к кому не хочу привыкать. Один раз привыкла, хватит уже.

— Получается, ты как для здоровья это делаешь, а я не могу ради здоровья, мне любить надо.

— Всем любить надо, только видишь, что получается — мы их любим, а они потом от нас валят. Наши Миколы свалили, теперь вот твой Витек. Нет, Зинка, я себе задачу поставила — разбогатеть и девочек на ноги поставить. А если увлекусь кем-то, все насмарку пойдет, я ведь влюбчивая. Буду все время думать о нем, хотеть, чтобы он мне цветы приносил, страдать буду, я люблю страдать. Ты думаешь, мне Андрюха или Славик цветы дарили? Только духи и коньяки. Цветы — это любовь, а духи и коньяки — это для траханья.

— Верка, так Славику ж всего двадцать пять лет. Он же пацан еще.

— Ну и что, что пацан? Я его не заставляю к себе приходиться. Он мне духи, а я ему то футболку куплю, то одеколон. Он мне коньяк, а я ему то рыбки нажарю, то борща наварю. Ничем не хуже, чем у тебя с Витьком было. Только я знаю, что никогда за него замуж не выйду, а он знает, что не женится на мне. Какая я ему жена, я больше чем на десять лет старше! И ни жена, и ни мама.

— Давай спать, Верка.

— А пельмени есть не будем?

— Какие пельмени после вареников с вишнями?! Ну их к черту! Спать, а завтра утром к Леночке пойдем дела забирать. * * *

Леночка оказалась на месте. Она положила перед Зинкой папку с ее документами и сказала:

— С вас еще семьсот долларов.

— За что? — спросила Зинка. — Ведь Марк еще не начинал работу над подготовкой к интервью.

— Ну это я не знаю, но у меня отмечено, что вы должны еще семьсот долларов. Если вы не заплатите, я не смогу дать вам папку с документами.

— У меня нет с собой денег.

— Не страшно. Когда будут деньги, приходите, и я отдам вам папку.

— Но мне нужно начинать готовиться к интервью, я должна нанять нового адвоката.

— Хорошо, принесите мне пятьсот долларов наличными и можете забирать свою папку. А у вас, Вероника, вот я гляжу на ваши документы, вообще странная история. Почему вы не пошли на интервью?

— Какое интервью? Когда? — закричала Верка.

— У вас было назначено интервью еще три месяца назад.

— Почему вы мне не позвонили? Что же теперь будет?

— Ну, раз не пошли без уважительной причины, дело передали в иммиграционный суд. Теперь против вас открыт депортационный процесс.

— Почему ни вы, ни Марк мне не сообщили об интервью? Ведь у вас же был мой адрес, и вот я вижу на папке мой номер телефона, почему вы молчали?

— Вы знаете, Марк мне не поручал вам звонить.

— Мне тоже вам пятьсот наличными притащить, чтобы свои документы забрать? А ну-ка, давай, скотина, наши документы немедленно. Сучка ты последняя, и хозяин твой говнюк был. Тебе и твоему бессовестному хозяину-любовнику было насрать на мое дело. Теперь из-за вас меня из Америки выгнать могут. Мои слезы и слезы моих детей для тебя ничто. Ничего, на том свете Лифшиц за все ответит, уже, скотина, отвечает. А ты, сучка, деньги с нас кровные тянешь? Мы тут вкалываем, руки химией прожигаем, говно за твоими родителями выносим, жопы им подмываем, чтобы ты последние гроши с нас тянула?

Верка рванула на себя папку со своими документами, потянулась через стойку и схватила Зинкину папку. Залившаяся краской Леночка стояла молча. В приемной было много людей, которые слышали, не могли не слышать, что кричала Верка. Леночка поняла, что больше не соберет ни цента посмертной адвокатской пошлины.

— Берите свои папки, — выдавила она, — и уходите быстрее.

— Я еще с тебя, сука, деньги сниму, — пообещала Верка, уже открыв дверь. — Ты мне еще заплатишь и за себя, и за своего любовника. Видно, столько вы вдвоем натрахали людей, что прибрал его Бог, когда он с тобой трахался, шлюха поганая.

Зинка и Верка вышли на улицу. Двое нелегалов нагнали их и поблагодарили Верку: она им сэкономила по семьсот долларов на брата.

— Ну, куда теперь? — спросила Зинка. — К такому же ворюге бессовестному или к Аскольду?

— К Аскольду. Аскольд хоть и дерет, зато не забывает об интервью сообщать. Надоели мне все эти иммигрантские специалисты. Честно говоря, и пломбы они ставят говенные, и стригут

херово, как в украинской деревне, все у них через жопу. Пошли к Аскольду, все говорят, что он хоть и иммигрант, но не похож на других.

— Ты позвони ему, назначь встречу, а я пошла к своим старикам мыть-стирать-готовить.

— Какие тебе хоть старики-то попались?

— Ты знаешь, нормальные. Я бы хотела, чтобы такая старость была и у моих родителей, да и у меня тоже. Здесь мне за это платит штат Нью-Йорк, а там кто за это платит будет? Украина, что ли? Нет, Верка, ходить нам там с грязными жопами.

— Не ходить, а лежать, Зинка. * * *

— Со спины разделявай — так легче избавиться от костей, — посвящала Римма Зинку в секреты готовки гефилте фиш. — Начиняй поплотнее, поплотнее! А теперь бочка смажь хреном и в кастрюльку ее.

Йося сидел в гостиной и глотал слюни. Из кухни шел такой вкусный запах, что он с трудом мог сосредоточиться на радиопередаче «Викторина», которую очень любил.

— Сталин, Черчилль и Рузвельт встречались: а) в Сочи, б) в Ялте, в) в Мацесте. Тридцать секунд на ответ, — хорошо поставленным голосом произнес ведущий.

Тик-так, тик-так, тик-так, — начал отстукивать секундомер.

— Повторите вопрос, — попросил позвонивший на радиостанцию иммигрант.

Ведущий начал повторять вопрос, а Йося завопил:

— В Ялте! В Ялте они встречались! Ты еще спроси, кто такие Черчилль и Рузвельт, дегенерат!

— В Сочи, — решительно объявил слушатель.

— А вот и неправильно! — сказал ведущий. — Сталин, Черчилль и Рузвельт встречались в Ялте. Увы, вам не достанется бутылочка замечательного вина «Мукузани», которую мы сегодня разыгрываем.

— Это он помнит, — сказала Римма, — а вот штаны застегнуть не помнит. Можешь его любую химическую формулу спросить — сразу скажет, а как мою мать звали, никогда не вспомнит. А ведь он любил мою мать, царство ей небесное.

— А кем Йося работал? — спросила Зинка.

— Химию преподавал в институте, доцентом был. Сюда приехал уже в пенсионном возрасте, ни дня не проработал. Господи, благослови Америку, ничего мы тут не заслужили, а все получили — и пенсию, и медицину бесплатную. А Йосин двоюродный брат Яков, он тоже доцентом был, остался в Одессе. Что он имеет? Что мы пошлем, то он и имеет.

Зинка накрыла на стол, вытащила из духовки рыбу.

— А это мы будем есть? — спросил Йося.

— Что ты имеешь в виду — «это»? — спросила Римма.

— Ну, это, забыл, вкусное такое. Мне после него хорошо было.

— Йося, тебе после всего неплохо, — сказала Римма. — Ты когда вспомнишь, скажешь. А

сейчас к столу.

Йося сделал попытку встать с кресла, но не смог. Зинка подбежала к нему, наклонилась, подставила плечо. Йося оперся на ее плечо, и рука его тут же соскользнула на Зинкину грудь.

— Ты моя жена, — невинно сказал Йося, глядя на Зинку.

— Какая она тебе жена, старый йолт, — незло сказала Римма. — Давай вставай, хватит притворяться. А то настоящая жена сейчас тебе покажет.

Йося довольно быстро поднялся с кресла и зашаркал к столу. Зинка рассмеялась и села между ним и Риммой.

Гефилте фиш была такая вкусная, что и говорить за едой не хотелось. После рыбы Зинка подала компот из сухофруктов. В компоте были сливы, абрикосы и, конечно, изюм.

Наевшись и напившись, Йося заснул прямо за столом. Зинка встала, чтобы убрать со стола, но Римма сказала:

— Не торопись, Зина, успеем убрать. Давай посидим полчаса, поговорим. Когда ты приехала в Америку и откуда?

Зинка не стала рассказывать всю свою историю. Сказала только, что она из Ивано-Франковска, приехала около года назад, подала на политическое убежище и что интервью состоится через два-три месяца. Подумав, добавила, что муж ушел из семьи.

— А кто твои родители?

— Папа кузнец, а мама была воспитательницей в детском садике. У меня две девочки, старшая, Юля, на скрипке играет.

— Еврейская профессия, — вдруг проснулся Йося.

— Батюшки, а он, оказывается, и не спит! — всплеснула руками Римма. — Да, с тобой не посеCRETничаешь. Зина, мы с Йосей будем молиться, чтобы у тебя все было хорошо и чтобы девочки твои приехали к тебе в Америку. Принеси нам их фотографии, мы их повесим на стене.

— Спасибо, Риммочка, — сказала Зинка и поцеловала Римму в щеку.

— И меня, — снова проснулся Йося.

— Йося, по-моему, я сильно ошибалась насчет тебя всю свою жизнь, — сказала Римма. — Но поздно об этом говорить. Пошли в спальню, подремлем.

Вскоре Йося заснул, а через несколько минут после него заснула и Римма. Они лежали на просторной кровати, руками касаясь друг друга. Зинка накрыла Йосю пледом и села неподалеку от кровати на стул. На тумбочках по обеим сторонам кровати стояли фотографии Йоси и Риммы в молодости. На одной была надпись «Гудаута, 1956 год». В свое время Йося и Римма совершили круиз на теплоходе «Победа» — об этом свидетельствовала черно-белая фотография, где они стояли на трапе на фоне спасательного круга с надписью «Победа». На Йосе — брюки с очень широкими штанинами, а Римма в легком платье с рукавами по локоть, на ногах босоножки. Фотографии детей — сына Валентина и дочери Ривы — помещались на трюмо напротив кровати. Со слов Риммы Зинка знала, что Рива с семьей живет в Чикаго, а Валентина его фирма послала в Германию.

— Вся фирма на нем держится, — сказала Римма. — Там на нем держался завод «Прибор», а здесь просто вся его фирма. Они ему положили сто тысяч в год и все бенефиты, лишь бы он от них не уходил.

Зинка подумала, что странно устроена жизнь в Америке, — дети не должны содержать родителей. Почему за все платит штат, когда у них сын и дочь вполне устроены? Вот и платили бы они мне за то, что я с ними сижу. Да и взять отца с матерью могли бы к себе в дом — вон какой у Ривы дом на фотографии. И бассейн, и подвал оборудованный с биллиардом, и двор большой. Что, одну спальню для родителей выделить жалко? * * *

Офис Аскольда был похож на музей. В приемной старинная мебель, на ампирном столике — бронзовая лампа с диковинным слюдяным абажуром с нарисованными на нем журавлями и ирисами. На стенах в резных рамах висели картины со сценами охоты. Посередине низкий прямоугольный столик, на котором стояли бронзовые черепашки, собачки, кошки, сова, и рядом еще — круглый кофейный столик. Неяркий свет, тишина: все в этом офисе настраивало на серьезную работу. Кроме Зинки и Верки, в приемной никого не было.

Секретаршу Аскольда — на вид ей было лет сорок пять — звали Инга. Одета она была просто и с большим вкусом.

— С чем вы предпочитаете кофе? — спросила она Верку и Зинку. У нее был легкий акцент. — Сливки, сахар?

Зинка и Верка засмутились и отказались от кофе.

— Может быть, содовой или минеральной воды?

— Да, водички можно, — сказала Верка.

Когда Инга пошла за водой, Верка прошептала:

— Да, с такой секретаршей Аскольд должен брать большие бабки. Вряд ли он ее трахает, как Лифшиц эту сучку Леночку.

— А ты видела когда-нибудь Аскольда? — спросила шепотом Зинка.

— Только по телевизору, он выступал в какой-то передаче.

— Смотри, мы ему еще ничего не заплатили, а он нас уже кофе угощает.

Вернулась Инга и поставила на столик две бутылочки с водой «Перье» и два небольших стакана. Верка посмотрела на часы — без пяти два. Встреча была назначена на два. Верка налила воды себе и Зинке. Было так тихо, что шипение «Перье» в стакане казалось неуместно громким.

Ровно в два часа Инга пригласила девушек в кабинет Аскольда.

Кабинет оказался продолжением музея: повсюду полки с книгами с золочеными переплетами, фигурки из металла и дерева, на стенах картины. На массивном столе с львиными лапами тускло блестела медная лампа под зеленым абажуром. Напротив стола стояли два глубоких удобных кресла для клиентов, кожа на них, натянутая в складочку, была прибита красивыми медными гвоздиками.

Верка и Зинка сели в кресла.

— Здравствуйте, — сказал Аскольд у них за спиной.

Зинка и Верка повернулись и увидели мужчину непонятного возраста. Ему можно было дать лет сорок, а можно и пятьдесят, и даже шестьдесят. Худой, в джинсах и черной водолазке под синим блейзером. Волосы черные, нос крупный, орлиный. Аскольд прошел мимо девушек и сел за стол.

— Здравствуйте, — почти хором сказали Верка и Зинка.

— Несколько правил, — начал Аскольд. — Во-первых, вы ничего мне не рассказываете, пока я сам не попрошу вас об этом. Если я задам вопрос, вы отвечаете только на вопрос. Если я спрашиваю когда, вы не говорите где, если я спрашиваю где, вы не говорите когда. Вы не задаете вопросов, пока я не скажу, что можно задавать вопросы. Объясню, для чего эти правила. Во-первых, чтобы застраховать себя от вас. Потом поймете, что я имею в виду. Во-вторых, вы должны научиться общаться с работниками американской иммиграционной службы. В-третьих, вы должны учиться правильно думать и правильно жить. Как и в случае с первым пунктом, вы потом поймете, что я имею в виду. А сейчас дайте мне, пожалуйста, ваши папки с документами. У меня уйдет минут двадцать, чтобы ознакомиться с вашими делами. Можете сидеть здесь, а можете пойти погулять и прийти через час.

— Мы посидим, — сказала Верка.

Аскольд взял Зинкино дело и углубился в чтение. Иногда он хмыкал, иногда делал пометки в своем блокноте, один раз даже рассмеялся. На Зинкино дело у него ушло не больше десяти минут. Столько же ушло и на Веркино.

— Дела у вас, Вера и Зина, почти что одинаковые. Не страшно, если я закурю? Да, почти одинаковые. Как я вижу, обе вы были клиентками моего покойного коллеги Марка Лифшица.

— Да уж, были, — не удержалась Верка.

— Вера, пожалуйста, помните о правилах. Я сейчас не буду комментировать работу Марка, скажу только, что идея с цыганами была неплохая, я бы даже сказал — свежая, но выполнение не на высшем уровне. Много гротеска, как, например, эпизод со свиньей, но не это самое страшное.

— Ну, пугайте уж до конца, господин Аскольд, — сказала Верка.

— Самое страшное — это то, что вы въехали нелегально, а следовательно, вам нужно будет доказывать, когда именно вы въехали в страну. Отметки в паспорте у вас нет, единственные документы, которые у вас на руках, относятся к моменту подачи на политическое убежище. Покажите паспорта.

Верка и Зинка положили перед Аскольдом свои паспорта. Аскольд открыл их на странице с американской визой.

— Визы липовые, — пояснила Верка. — Нам их на яхте капитан проставил и предупредил, что липовые.

— Нарушаете правило, Вероника, — сказал Аскольд. — Я же сказал, что добровольно вы ничего не рассказываете. Ждите, пока спрошу.

— А я думала, адвокату нужно все рассказывать, — растерялась Верка. — Как же вы меня защищать сможете, если правды знать не будете?

— Ладно, сказали про визы и сказали. Когда вы на самом деле в страну въехали?

— Прошлой весной. Но только визы липовые, их никто не проверял.

— Это сразу станет ясно на интервью или на суде — виза есть, а штамп о въезде нет. Спрашивается, для чего нужно было нелегально пересекать границу, если в паспорте стояла виза? Да, вам трудно будет доказать, когда вы въехали. Паспорта у вас давно, так что и въехать вы могли давно.

— А какое значение имеет, когда мы въехали?

— Подавать на убежище можно только в течение года после въезда. Иммиграционная служба, конечно, определит, что визы липовые, а следовательно, даты на этих липовых визах не имеют никакого значения.

— А я вот в Венгрии была за три месяца до въезда в США, — сказала Верка. — Вот и штамп венгерский стоит. Настоящий.

— Молодец, Вера, правильно начинаете думать, — похвалил Аскольд. — Может, и вы, Зина, посетили какую-нибудь страну незадолго до въезда в США?

— Нет. Собиралась в Чехию, но не получилось.

— В любом случае обеим нужно получить документы, косвенно указывающие на ваше присутствие в Украине незадолго до даты въезда в США. Заверенные письма от родителей, выписки из больницы — может, вы лечились, и есть записи, подтверждающие ваши визиты в больницу, письмо от вашего священника — может, вы были на исповеди перед отъездом.

— Верка, как ты думаешь, сколько наш батюшка возьмет за такое письмо?

— Не знаю, я и батюшки-то никакого не знаю. Мои предки иногда ходят в церкву, а я и не помню, когда там была.

— Значит, дорого возьмет, если он тебя не знает, а ты его.

— Девушки, я попрошу вас такие темы в моем присутствии не обсуждать. Не делайте из адвоката соучастника. Вы мне рассказываете факты, и я вам априори верю, вы мне приносите документы, и я априори их считаю настоящими, потому что я вас предупредил, сейчас вот предупреждаю, что иммиграционная служба неоднократно ловила мошенников на поддельных документах, и вообще мошенничать противозаконно. Вы подумайте, какие именно документы вы можете достать на Украине, причем сделать это надо как можно быстрее — у вас, Зина, скоро интервью.

— Что такое «априори»? — спросила Зинка.

— А что будет со мной, господин Аскольд? — спросила Верка.

— Априори — это заранее. Что касается вас, Вера, я сейчас позвоню, чтобы узнать, когда состоится первое слушание, если оно еще не состоялось. Если оно состоялось, судья уже подписал решение о вашей депортации. В таком случае нам надо будет подать ходатайство об открытии дела. Я не гарантирую, что такое ходатайство будет удовлетворено, хотя смерть адвоката плюс его халатность в ведении вашего дела могут положительно повлиять на решение судьи.

Аскольд набрал какой-то номер телефона, потом начал нажимать одну за другой кнопки на телефоне, очевидно, вводя Веркин иммиграционный номер. Через минуту он положил трубку.

— Вера, сегодня исполняется девяностый день со дня подписания иммиграционным судьей приказа о вашей депортации. После девяностодневного срока в вашей ситуации надеяться на открытие дела почти бессмысленно. Секретарша Лифшица ошиблась, вас вызывали на

интервью не три месяца назад, а гораздо раньше — месяцев пять назад. Мы можем попробовать апеллировать на основании неэффективной адвокатской защиты. Шансов мало, но это единственный выход. * * *

Пьяной Верке хотелось убить Лифшица и Леночку. Она позвонила Зинке и заплакала:

— Они угробили мою жизнь. Теперь только прятаться и нелегально работать, пока меня не поймают и не посадят на первый же самолет в Киев. Дочкам путь в Америку закрыт. Какая я дура! Мне так хотелось, чтобы мои девчонки учились здесь, повыходили здесь замуж. Сидеть нам теперь всем в говне из-за этих ублюдков. Может, хоть тебе повезет. Ты уже начала готовиться к интервью?

— Начала. Аскольд задает вопросы, а я на них отвечаю, и так полтора часа. Это не так легко, как кажется.

— Цыганский тоже учишь?

— Аскольд сказал, что это неплохая идея и что пару десятков фраз выучить никогда не помешает. Он говорит, это помогает войти в образ.

— Ты знаешь, я тоже купила цыганский разговорник. Хотя он мне уже не понадобится, а все равно купила. Ман вичинен Вера.

— Это ты сказала, что тебя зовут Вера. Ман вичинен Зина. Ке манде дуй чгавора.

— Это еще что?

— У меня двое детей. Дуй — «два» по-цыгански.

— А как по-цыгански «Я хочу убить Лифшица и его долбаную секретаршу»?

— Верка, это грех. Лифшиц к тому же на том свете уже, ты что, забыла?

— Помню. Настоящая цыганка его бы убила, а нам в образ входить надо. Завтра поеду к Аскольду, попрошу его подать ходатайство об открытии дела, ведь я не пошла на интервью и не явилась в суд из-за Лифшица. Аскольд за ходатайство две штуки хочет и говорит, что шансов мало. Конечно, лучше бы эти две штуки девочкам отправить, но ведь хоть маленький шанс у меня есть, ведь не я же виновата!

— Кроме бабок, Верка, нам терять нечего, так что давай рискуй. О кгас на ситилас те джал кай ле граста. Сено не идет к коням.

— Зинка, ты уже такое знаешь по-цыгански?

— Нет, это я сейчас прочла — в конце разговорника цыганские пословицы есть. Граст — это конь по-цыгански, красивое слово. Вообще, разговорник дурацкий. Как будет «здрасьте» там есть, а как «до свидания» — нету.

— Чего им прощаться, когда все в одном таборе живут.

— Зинка, ты Аскольду веришь? Ты веришь, что он хотя бы нормально будет вести дело?

— Не знаю, Верка. Я уже никому не верю. Я ему заплатила три тысячи, мы сидим, работаем, готовимся. Арнольд находит много ляпов в деле, многие даты не стыкуются, мы должны заранее придумать объяснение для каждой нестыковки. Мне кажется, Лифшиц не уделял бы столько внимания мелочам. Ты же помнишь, как он работал — все на авось.

— Ой, не вспоминай этого негодяя, Зинка, чтоб ему и на том свете пусто было. Я почему-то

Аскольду верю. * * *

Аскольд запечатал ходатайство об открытии дела в желтый конверт и отдал его секретарше Инге.

— Сколько теперь ждать? — спросила Верка, вручая Аскольду вторые десять сотен.

— От недели до нескольких месяцев, это зависит от судьи и от иммиграционного прокурора.

— Значит, права на работу у меня все это время не будет?

— Не будет, Вера. — Аскольд закурил.

— Как же мне теперь зарабатывать?

— В Америке миллионы нелегалов, большинство работают на кэш. Мужчины на стройках, женщины — бэбиситтерами в семьях.

— А вам никто не нужен, но чтобы платить кэшем?

— Детей у меня нет, Вера, да и семьи у меня нет. Квартиру уже много лет убирает одна и та же женщина — прогнать я ее не могу да и не хочу.

Аскольд потушил сигарету, встал, подошел к окну. Начал накрапывать дождь. В дверь постучала Инга — зашла попрощаться. Она была в красивом плаще, пахло от нее дорогими духами.

— Привет Яну, Инга, — сказал Аскольд. — Как он?

— Спасибо, держится. Мы сегодня на концерт идем в Карнеги-холл — Toronto Symphony играет.

Инга вышла.

— Ее муж смертельно болен, — сказал Аскольд. — У всех свои проблемы. Куда вам ехать?

— В Бруклин, куда еще...

— Я вас подвезу.

— Так вам же, наверное, не по дороге.

— Не по дороге, Вера, но все равно подвезу. Хотите поужинать со мной в ресторане?

— Да я как-то не знаю, вроде неудобно.

— Я приглашаю вас.

Верка и Аскольд спустились в гараж, где был запаркован «Лексус» Аскольда.

Машина тихо плыла по Мэдисон-авеню в сторону мидтауна.

— Очень хорошая машина, — похвалила Верка. — Ни одной ямки не чувствуешь.

— Да, хорошая машина. Вы какие рестораны предпочитаете?

— На ваш выбор.

— И все-таки — французские, итальянские, греческие, японские? Выбирайте.

— Честно — я никогда не была во французском.

— А улиток вы ели?

— Никогда. А туда в джинсах пускают?

— Со мной пустят. Хозяин — мой старый клиент.

Ресторан назывался «Даниэль» и находился он на Ист 65-й-стрит. Такой красоты Верка в своей жизни еще не видела. Бар, в глубине которого виднелись специальные шкафы с тысячами винных бутылок, картины на стенах, интерьерные арки, белоснежные скатерти. Очевидно, Аскольда здесь хорошо знали — к нему сразу подошли и пригласили его и Верку следовать к столу. На закуску Аскольд заказал улиток, лягушачьи лапки с черным чесноком и фуа-гра с миндальной корочкой. Аскольд выбрал какое-то диковинное вино, которое сначала вертел в бокале, потом нюхал, потом поболтал во рту и лишь затем подтвердил заказ.

Верка, стараясь не оплошать, внимательно следила за тем, как Аскольд ест то или иное кушанье: улиток доставала из дырочек в керамическом блюде маленькой вилочкой, а фуа-гра намазывала специальной лопаточкой на ломтики изумительно вкусной белой булочки. Потом ели луковый суп и утиную грудку со сладким картофелем, редисом и апельсином кара-кара. На десерт подали крыжовник в ванильном соусе с фисташками и шербет из розовой гуавы.

Аскольд ел очень красиво, а главное — не спеша. Он спрашивал Верку о ее жизни в Иршаве, о дочках — сколько им лет, где учатся. Потом вдруг поинтересовался, почему Верка не задает ему никаких вопросов.

— Да неудобно как-то, — сказала, смущаясь, Верка.

Аскольд вдруг взял Веркину ладонь в свою, вернее, попытался взять, потому что Веркина ладонь была больше.

— Вера, интересный разговор получается тогда, когда люди говорят, а не когда один только спрашивает, а другой только отвечает. Мы же не интервью проводим.

— Вы извините, я ведь вас совсем не знаю, — сказала Верка, высвобождая руку.

Аскольд рассчитался, и Верка сказала:

— Спасибо, я никогда так вкусно не кушала.

— Это один из пяти французских ресторанов Нью-Йорка, которые удостоились четырех звездочек в «Нью-Йорк таймс».

В машине Верка и Аскольд разговаривали мало, в основном о погоде. Много молчали. Когда Верка выходила из «Лексуса» возле своего подъезда, Аскольд протянул ей конверт. Дома Верка раскрыла конверт и увидела тысячу долларов, которые она сегодня принесла Аскольду как гонорар. * * *

— А что тут непонятного, — пожала плечами Зинка, — клеится Аскольд к тебе, и вся тут история любви.

— Странно он как-то клеится, не как все. Бабки вот вернул, тысячу баксов.

— Да не думай об этом, Верка. Вернул и вернул. Ты ведь все равно со Славиком встречаешься.

— Конечно. Только Славик мне не пара по возрасту, а я Аскольду не пара по всему

остальному. Он настоящий американец, только говорить по-русски умеет. Не наш он человек, Зинка.

— Ты знаешь, о чем я подумала, Верка, — вот мы тут пашем, всякую черную работу делаем, а для чего? Наверное, чтоб жить, как Аскольд, — ходить по дорогим ресторанам, ездить на хороших машинах. А у нас не получится, так, может, у детей наших получится. На Украине ведь, чтоб так жить, воровать придется, или задницу кому-то лизать, или спать с кем-то важным.

— Наивная ты, Зинка. Жизнь везде одна и та же. А то здесь задницу не лижут и с шишками не спят! Еще украинцев научат, как это делать. Да и сама ты мне сколько раз говорила, что не в деньгах счастье, а теперь оказывается, что в деньгах.

— Я не о счастье, Верка, а просто о достойной жизни. Ты знаешь кого-нибудь в Иршаве, кто жил бы достойно и не воровал? Вот Юлькин учитель по скрипке, Эммануил Иосифович, достойный человек? Конечно, достойный! А достойно он живет? Ты бы посмотрела на его квартиру! Я, нелегалка, живу лучше, чем он, а он столько лауреатов воспитал. Теперь ты поняла, о чем я? Тебе воспитанный человек дикарем показался. А ты хотела, чтобы он тебя на берег Гудзона отвел и на бандуре сыграл? Думаю, что Эммануил Иосифович ухаживал бы точно так же, как Аскольд, — руку бы взял, чепуху бы нес.

— Мне даже брак теперь не поможет легализоваться, Зинка. Лучше мне в него не влюбляться.

— Ну это как получится, Верка. * * *

Зинкина подготовка к интервью шла полным ходом. Аскольд отработывал каждый заплаченный ему цент. Сначала он играл роль Зинки, а Зинка роль офицера иммиграционной службы, потом они менялись. Хуже всего Зинке давалось место с убитой свиньей.

— Ну не знаю я, как эту чушь можно серьезно говорить, — жаловалась Зинка. — Меня от этой свиньи смех разбирает.

— Зина, а вы о детях думайте своих, а не о свинье. Что бы вы ни говорили, думайте о детях, об их будущем, и знайте, что будущее девочек зависит от того, как вы расскажете про свинью. Вы плакать должны, рассказывая про свинью.

— Аскольд, расскажите про свинью, чтоб мне плакать захотелось.

Аскольд закурил и погрузился в раздумья. Наконец сказал:

— А что, если так? Я привела дочек из школы около трех часов дня. Уже подходя к дому, заметила, что что-то не в порядке: одна доска в заборе была выломана, на крыльце грязно-красные следы. Я вбежала во двор и увидела нашу свинью, лежавшую посреди двора. Брюхо распорото, кишки разбросаны по траве. Кровавый след от туши вел к забору, на котором кровью было написано «Смерть цыганам». Некоторые подумают, что убийство свиньи не такое уже страшное преступление — не человек же. Но человек, который может хладнокровно всадить нож в брюхо животного, потом что-то обмакнуть в кровь и написать злодейские слова еще горячей кровью, способен на все, включая убийство человека. Но дело не только в этом. Не имея постоянной работы (а цыган, как я уже говорила, на работу не принимали), мой муж и я целый год откладывали деньги, чтобы купить свинью. Да, она была предназначена на убой, она должна была кормить всю семью целую зиму. Мы голодали в предыдущий год и решили, что еще одну такую зиму не протянем, поэтому посадили картошку и лук и завели свинью. Родители мужа и мои немного помогли нам деньгами. Зарезав свинью, убийцы обрекали нас и наших детей на голодную смерть.

— А почему вы не могли использовать мясо убитой свиньи? — строго спросила Зинка.

— Потому что все внутренности свиньи были в грязи, по туше ползали зеленые мухи и муравьи. Сначала мы хотели заморозить хоть какие-то части мяса, чтобы сохранить их, но папин знакомый, который работал помощником ветеринара, сказал, что этого нельзя делать ни в коем случае — мухи уже могли отложить яйца, которые никаким кипятком не выведешь.

— Это лучше, чем мне в Орегоне Аркадий посоветовал. Он сказал, что муж не разрешил мясо использовать — боялся, что отравленное.

— Отравленное мясо — это уже перебор. Достаточно того, что они просто убили свинью, раскидали внутренности по двору и написали кровью на заборе. Ну куда еще отравы? Да и как негодяи это сделали? Принесли с собой яд и затолкали его в тушу? Нет, мы и так на грани гротеска, никакого яда! Продолжаю. Мои маленькие дочки вбежали за мной во двор и все увидели. У младшей началась истерика — она очень привязалась к свинье. Вы же знаете, как дети любят животных. Таня дала свинье имя — Машка. Каждый день она ухаживала за Машкой, кормила ее, гладила.

— Как-то не увязывается это с тем, что вы должны были потом этой Машкой кормиться.

— У нас самих сердце разрывалось, но жизнь есть жизнь. Наверное, мы бы рассказали Тане, что Машка заболела и мы отправили ее в другой город лечиться. Что-нибудь придумали бы. Но когда ребенок видит, как его любимое животное лежит с распоротым брюхом, внутри ползают мухи и кровь повсюду, — такое потрясет любого ребенка. Не удивительно, что Таня стала всего бояться, ночью ее преследовали кошмары, она начала мочиться в постели.

— Почему у вас этого нет в легенде? Вы сами говорили, что от легенды ни на шаг.

— Вы правы. Конечно, хорошо было бы заполучить справку о Таниной болезни, но времени на это нет. Значит, вы не ходили к врачу.

— Я получу справку по факсу завтра.

— Убедитесь, что она датирована нужным числом. Будет составлено дополнительное заявление, куда я включу этот факт, к нему приложим справку с переводом. Продолжаю. Не следует забывать, что это преступление было скорее всего совершено работниками милиции с целью отомстить за мои жалобы на их поведение, а также запугать нас и заставить покинуть родные места.

— Аскольд, все гладко, но плакать, честно скажу, не хочется.

— Зина, вы, наверное, не голодали в своей жизни, у вас нет психологической привязки. Я могу рассказать, как изнасиловали одну мою клиентку в Грузии, и если вас никогда не насиловали, вы опять плакать не будете. Как не плачут, читая о концлагерях или о том, что в Камбодже вырезали миллион человек. Не поешьте несколько дней, представьте, что вашим дочкам есть нечего. Представьте младшую дочку Таню, просящую вас дать ей хлеба или кусочек мяса. Но у вас нет мяса, и вы ей говорите: «Танечка, попей вот чайку и пойдешь поиграй немного». А чаек жиденький, почти пустой, без сахара. А потом представьте: вы узнали, что старшая дочка Юля давно уже на скрипке не играет и, чтобы не опухнуть с голоду, предлагает себя всяким мошенникам и милиционерам. Вживитесь во все это, Зина, — и тогда начнете плакать, рассказывая про свинью.

— Аскольд, вашу клиентку из Грузии изнасиловали так же, как мою свинью зарезали, — понарошке? Той девушке тоже вживаться в роль надо было? Сколько же ролей вы прожили за четверть века, Аскольд?

— Я, Зина, адвокат, а не актер. Стоп! Где копия вашего ходатайства?

Аскольд быстро нашел нужную форму и спросил:

— Зина, где вы жили в Ивано-Франковске?

Зинка назвала улицу, номер дома и квартиры.

— Зина, у вас написано, и вы сами только что сказали, что жили в тридцать четвертой квартире. На каком это этаже?

— На третьем. Я все поняла... Какая может быть свинья на третьем этаже... * * *

Такое часто бывает — профессор женится на уборщице или миллионерша выходит замуж за слесаря. Взять хотя бы Элизабет Тэйлор, которая вышла замуж за водителя грузовика Ларри Фортенски. Об этом явлении еще Шопенгауэр писал в своем трактате о природе любви. Ничего загадочного или романтического в любви нет — все это игра генов, их стремление усовершенствоваться в следующем поколении. Конечно, Шопенгауэр о генах ничего не знал, но суть явления уловил. У Аскольда была слишком маленькая ладонь, у Верки — слишком большая, вот их гены и решили, что хорошо бы объединиться в борьбе за нормальную, красивую ладонь.

Днем Верка убирала квартиры, дышала пылью и жгла руки химией, зато вечером она шла с Аскольдом в какой-нибудь ресторан, разумеется отмеченный звездочками или высоким рейтингом в ресторанном ревью «Загат». Верка перепробовала лучшие блюда французской, итальянской, испанской, тайской, японской, китайской и многих других кухонь. Она хоть и не научилась разбираться в винах, но стала экспертом в бутылочных этикетках и знала, какие слова на них нужно искать, чтобы убедиться в благородности напитка.

После ресторана ехали к Аскольду, который жил один в двухкомнатной квартире в высотном здании на Ист-Сайде. Один раз Верка попыталась убрать квартиру, но Аскольд рассердился и сказал, что, когда они вдвоем, он не адвокат, а она не уборщица. Уик-энды они проводили вместе, иногда выезжали за город, ночевали в живописных мотелях в Катскильских горах или в Пенсильвании, пару раз даже добирались до Род-Айленда и Массачусетса.

Однажды Верка спросила Аскольда, почему он не познакомил ее ни с одним из своих друзей. Аскольд ответил, что друзей у него нет, одни клиенты, а с ними Верку знакомить не стоит. Потом оказалось, что друзья у него все-таки есть. Как-то в воскресенье в квартиру Аскольда завалилась группа из семи-восьми человек, все американцы. Они пришли поздравить Аскольда с днем рождения. И Аскольд не был недоволен, что друзья пришли без предупреждения. Тут же позвонил в тайский ресторан, и через сорок минут еда на всех была доставлена. Американцы любят отпускать новым знакомым комплименты, но в этот раз все они были заслуженными — Верка и в самом деле была красавицей. Аскольд вел себя непринужденно, не стеснялся Верки, ее дикого английского произношения, целовал ее при всех в щечку, гладил по спине, и Верке было от всего этого — комплиментов, шуток, галантности Аскольда — очень приятно.

Ночи они проводили как все влюбленные, только еще лучше, потому что знали, что отношения их недолговечны и Верке даже брак с Аскольдом не поможет легализоваться — об этом Аскольд говорил неоднократно. Поэтому речи о потомстве с изящной ладонью не было. Аскольд клял иммиграционные законы, возмущался их тупостью и несправедливостью.

— Я провел тысячи дел, но только сейчас по-настоящему понял, какая страшная машина наше иммиграционное право, — сказал Аскольд Верке, когда они лежали в кровати в одно дождливое воскресное утро.

— В Америке миллионы людей годами живут нелегально, и я тоже могу жить нелегально. Чего убиваться по пустому поводу?

— Вера, я ни разу не сказал тебе слова, которые принято говорить женщинам, с которыми спишь, ешь, с которыми проводишь время. Я и сейчас не могу их выдать из себя.

— Тебе мешают иммиграционные законы?

— Да. Не только предчувствия, но и здравый смысл говорит мне, что наши отношения не могут длиться долго, что скоро ты уедешь к себе на родину — там дети, родители. Это мексиканцы могут годами жить в Америке нелегально, потому что так они содержат свои семьи.

— Ну и чем же я отличаюсь от мексиканцев? Или ты подумал, что я с дочками рассталась ради ресторанов? И зачем ты завел этот разговор? Я же не спрашивала тебя, почему ты не говоришь мне слова, которые принято говорить женщинам. Может, я тоже не все слова говорю.

Аскольд встал, закурил. В тот день они опять не сказали друг другу тех самых слов, которые мужчины и женщины говорят друг другу, если они вместе спят, едят и проводят время. * * *

— Зиночка, почему ты такая бледная? У тебя все из рук валится.

— Римма, у меня завтра интервью. Завтра решается моя судьба и судьба моих детей. Я часами готовилась, но на этом экзамене отметок не ставят. Либо — добро пожаловать в Америку, либо пошел к черту. Римма, я боюсь. Я знаю, что помочь мне может только чудо.

— Я слышала, что многим дают политическое убежище. У моей приятельницы двоюродный брат, очень толковый инженер из Баку, недавно получил. Наверное, они увидели, что он будет очень полезен Америке. Он в Баку работал в каком-то нефтяном институте. Вы молодая, трудолюбивая, вы тоже нужны Америке.

— Риммочка, адвокат мне говорил, что это лотерея, что им плевать на бывшие заслуги и личные качества.

— Чего же вы тогда так много готовились?

— Подготовка — это как купить лотерейный билет, без которого шансов на выигрыш просто нет.

— Зина, давайте уложим Йосю спать, и я вас отпущу.

Йосю спать не хотел, но Зинке отказать не мог. Он как всегда облапал ее, когда она помогала ему добраться до постели. Последнее время он упрямо называл Зинку женой, но Римма не ревновала, а только приговаривала: «Старый йолт-развратник...»

Улегшись, Йося попросил Зинку почитать ему газету. Зинка взяла свежий номер «Русской рекламы» и вслух прочитала статью о тараканах-убийцах в Латинской Америке.

— Что в Израиле? — спросил Йося.

Зинка нашла короткую заметку о внутрипартийной борьбе в «Ликуде» и зачитала ее Йосе.

— Какой прогноз погоды? — спросил Йося.

Зинка отчиталась и по этому вопросу. Подошла Римма с пледом.

— Боже, это еще что такое?! — вскричала Римма.

Зинка оторвалась от газеты и посмотрела на Йосю. Глаза его были закрыты, он спал. Зинка скользнула взглядом ниже и увидела, что у Йоси эрекция. Римма накинула плед на Йосино причинное место и сказала:

— Вот это, Зиночка, настоящее чудо. Увидишь — тебе дадут политическое убежище. * * *

Иммиграционный центр по предоставлению политического убежища, в чью юрисдикцию входит Бруклин, находится в самом начале Лонг-Айленда, в городке, который называется Роуздейл.

На входе в зал ожидания была установлена рама металлодетектора, через которую нужно было пройти, предварительно выложив на поднос все металлические предметы. Зинка выложила ключи, а Аскольд авторучку, ключи, фирменную защепку с купюрами, пачку сигарет (в пачке металлическая фольга) и зажигалку. После металлодетектора нужно было отдать сумку или портфель двум охранникам, которые с интересом в них рылись. Охранники также требовали предъявить паспорт.

Раскрыв Зинкин паспорт, один из охранников сказал на чистом украинском языке: «Яка гарна дівчына».

— Расслабься, Тарас, — сказал охраннику Аскольд, — а то террористов прозеваешь.

— Да только за одно это слово я могу тебя арестовать, — взъерепенился Тарас. — Думаешь, раз адвокат, тебе все можно?

— Это ты, Тарас, думаешь, что, если форму нацепил, тебе все можно. Смотри у меня — сейчас позвоню директору иммиграционной службы и скажу, что ты позволил себе замечания сексуального характера в отношении женщины, которая была жертвой преследований со стороны украинских националистов. Вот от таких, как ты, она и просит убежища. Убежала она от них, а они уже давно здесь. И вообще мне неясно, как ты, украинец, попал в Америку в конце семидесятых — тогда сюда только ненавистных тебе евреев пускали. А может, ты за жида себя выдал, Тарас?

Зинка никак не ожидала такого разговора в этих стенах.

Через несколько минут после того как Аскольд и Зинка уселись, пришел переводчик Валерий, которого нанял Аскольд на четыре часа работы. Валерий радостно поприветствовал Тараса, когда тот рылся у него в портфеле, спросил, видел ли Тарас последнего Джеймса Бонда.

— Нет еще, — ответил Микола.

— Обязательно посмотрите, вы копия последнего Бонда.

Тарас заулыбался, поправил кобуру на поясе и вдруг злобно посмотрел на Аскольда, сидящего неподалеку рядом с Зинкой.

Почти все соискатели статуса беженца, сидящие в зале, были китайцы, разбавленные несколькими пакистанцами или индусами да парой албанцев. О том, что они албанцы, Зинке сообщил Аскольд — он знал адвоката, который сидел с албанцами и что-то им рассказывал, очевидно, на албанском языке. Потом албанский адвокат встал и пошел в туалет. Он был маленького роста, пиджак доходил ему чуть ли не до колен, на каждом пальце по перстню. Длинные черные волосы коллеги Аскольда, чем-то обильно смазанные, блестели. Зинка подумала, что никогда в жизни не доверилась бы такому адвокату, потом вспомнила Марка Лифшица и еще раз поняла, что она дура.

Переводчик Валерий, оказалось, знает Зинкину легенду досконально. Время от времени он задавал Зинке вопросы по легенде, уточняя какие-то обстоятельства. Зинка поняла, что

Валерий не в курсе того, что ее легенда от начала и до конца выдумана, что правда в ней только ее имя и фамилия, ну и страна гражданства.

— Боже, через что вам пришлось пройти, — вздыхал Валерий. — Свинью зарезали, негодяи! Я очень люблю собак, вернее маленьких собачек, так вот, я не представляю, что со мной было бы, если бы моего Цимеса зарезали.

Валерий еще несколько минут рассказывал Зинке и Аскольду про Цимеса и его диванные шалости. Когда Валерий отлучился в туалет, Зинка усомнилась в правильности выбора переводчика.

— Да, он странный тип, — согласился Аскольд, — но внимателен к деталям.

Наконец вышел парень в черных джинсах и белой рубашке с красным галстуком и громко сказал:

— Зинэйда.

Аскольд приподнялся и взял Зинку за локоть.

— Это нас вызывают, — прошептал он.

На ватных ногах Зинка поплелась за парнем в джинсах, Валерием и Аскольдом по каким-то коридорам с множеством дверей. Парень в джинсах открывал каждую дверь карточкой, висевшей у него на шее на длинной металлической цепочке. Вошли в кабинет.

Зинка дала клятву, что будет говорить правду, только правду и ничего кроме правды, а Валерий поклялся, что будет переводить правильно и полно. Аскольд просто сказал «хэллоу» и достал ручку с золотым пером, готовясь записать в блокнот фамилию парня в джинсах, который и был иммиграционным офицером. Услышав фамилию — Романо, Аскольд вздрогнул: она была вполне цыганской. Но как дать Зинке понять, что перед ней, возможно, настоящий цыган?

— Судя по фамилии, вы тоже цыган, — сказал Аскольд. — Если это так, нам просто повезло — ведь никто не сможет так понять нюансы дела, как вы.

— Да, отец у меня цыган из Венгрии, а мать норвежка, — засмеялся офицер Романо. Он был похож на Зорро — стройный, красивый, белые ровные зубы.

Валерий тщательно перевел Зинке диалог между Аскольдом и Романо, каждую фразу, как положено, предваряя словами «офицер говорит...» или «ваш адвокат говорит...».

— Лачи детегара! — сказала Зинка.

— Лачи детегара! — ответил Романо. — Нахан коли, авен лаче.

— Жутисарен манге, — сказала Зинка.

Романо засмеялся и по-английски сказал, что, к сожалению, не может продолжать разговор на языке цыган, поскольку правила это запрещают. Валерий перевел, и Аскольд с облегчением выдохнул.

— Ох, с каким удовольствием я поговорил бы с вашей клиенткой, — мечтательно воскликнул Романо. — Давайте я запишу для нее адрес ресторана, где цыгане встречаются по субботам. Но... дело есть дело. Я обязан провести интервью по всем правилам.

Романо подтянулся и раскрыл папку с Зинкиным делом.

— Я внимательно прочитал вашу историю, — начал Романо, — и, скажу правду, мне не все понятно. Например, вы пишете, что въехали в страну нелегально, однако в паспорте у вас стоит американская виза. Что вам мешало ею воспользоваться?

Эту тему Зинка конечно же отработала с Аскольдом. И рассказала всю правду — как долетела до Доминиканской Республики, а потом на яхте плыла через Багамы в Америку.

— Так, значит, виза фальшивая? — недоверчиво спросил Романо.

— Именно так, — просто ответила Зинка.

— Если мы вас попросим, вы сможете предоставить информацию о людях, которые вас переправили из Доминиканской Республики в США?

— Я знаю только имена, фамилий я не знаю.

— А название судна вы помните?

— Честно говоря, не обратила на это никакого внимания. Большая такая яхта, с мачтой и парусом. Нас напихали по несколько человек в крошечные каюты — так и плыли. Чуть не померли в шторм.

Переводчик Валерий тщательно все записывал, а потом переводил. На слове «напихали» он запнулся и спросил Зинку, что это значит.

— Ну, напихали, — ответила Зинка.

— Насильно напихали? — изумился Валерий.

— Валерий, перестаньте дурака валять, вы что, не знаете этого слова? — по-русски сказал Аскольд.

— В чем дело? — встрепенулся Романо. — Почему адвокат вмешивается в процесс перевода?

— Мистер Романо, я, видите ли, двуязычен, — мягко сказал Аскольд. — Моя клиентка употребила жаргонное слово, и у переводчика возникла небольшая проблема с его переводом. Поверьте, слово абсолютно не ключевое.

— Я вас попрошу больше в ход интервью не вмешиваться. Вы сами привели этого переводчика, так что не мешайте ему.

— Больше не буду, мистер Романо.

Наконец, Валерий справился с «напихали».

— Зинэйда, раз виза, по вашему собственному признанию, фальшивая, как вы докажете, что попали в США именно в тот день, который вы указали в анкете?

— Вот письмо от священника и медицинская справка, подтверждающие, что за несколько дней до моего отъезда из Украины я была в церкви и поликлинике. — Зинка достала письмо и справку, оба документа с переводами.

— Почему вы их сразу не подали вместе с ходатайством?

— Не знала, что нужно. Вот мой адвокат рядом со мной сидит, он мне и сказал, что я должна достать доказательства того, что я была на Украине незадолго до подачи прошения о политическом убежище. Я позвонила маме, и она выслала мне письмо от отца Георгия и

справку от гинеколога. А первый мой адвокат помер, царство ему небесное, так он мне ничего об этом не сказал.

— Неужели гинеколог имел право выдать справку не лично вам, а вашей маме? У нас так не принято, и я сомневаюсь, что на Украине медицинские этические нормы сильно отличаются от наших.

— Господин офицер, вы прочтите перевод. Все, что там написано, это то, что я была на осмотре, и ничего больше. Ни диагноза, ни курса лечения, ни лекарств. Только факт моего визита.

Конечно, этот текст был тщательно отработан с Аскольдом, который пока что верно предугадал каждый вопрос Романо. Аскольд в расслабленной позе сидел на стуле, наблюдая, как Романо читает письмо на бланке какого-то церковного прихода, в котором отец Георгий сообщает, что такого-то числа такого-то года Зинаида после службы подошла к нему попросить благословения перед дальней дорогой.

— А почему у вас фамилия украинская, а не ромская? — спросил вдруг Романо. — Ткачук был вратарем в хоккейной команде «Торонто Мейпл Ливз», он не цыган, он украинец.

После короткого диалога на ромском в начале интервью Зинка думала, что Романо больше не будет сомневаться в ее цыганских кровях. Что ж, и этот момент был отработан с ясновидящим Аскольдом.

— Видите ли, — начала Зинка, — у самого знаменитого цыгана в бывшем Советском Союзе, а может, и во всем мире, фамилия тоже не цыганская, а украинская. Зовут его Николай Сличенко, он директор цыганского театра.

— Конечно, я слышал его песни, — расплылся в улыбке Романо. — Как я сразу не подумал! Наверное, цыгане берут фамилии, характерные для стран, в которых живут.

— Наверное.

— Вот вы, должно быть, родом из Италии, — предположил Аскольд. — Романо — значит римский.

— Может быть, — согласился Романо.

— Никогда бы не подумал, — сказал Валерий. — Интересно, а еврейские фамилии цыгане тоже носят?

— Успокойся, мудака, — прошептал Аскольд, глядя в свой блокнот.

Романо, к счастью, не расслышал — он копался в бумагах, иначе он попросил бы Валерия перевести, что сказал Аскольд, но вряд ли расслышал Аскольда и Валерий.

— А где ваш муж? — спросил Романо, и Зинка уловила в вопросе мужской интерес.

— Прячется где-то. Когда цыган начали отлавливать и мужиков избивать, а женщин насиловать, его один раз поймали, отвезли в Ясеня и там избили. После этого он ушел в Карпатские горы с друзьями-цыганами. С тех пор его никто не видел. Он ни разу даже не позвонил дочкам.

— Разве у цыган на Украине есть телефоны?

— Конечно. Даже мобильные.

— Милиционеры вас тоже поймали?

— Нет, я успела уехать, но мою подругу Свету Гонзу зверски изнасиловали, милиционеры ей о грудь сигареты тушили.

— А за что же милиционеры вам мстили?

— Это было раньше. Я жаловалась на конкретных милиционеров, которые приставали ко мне на улице.

— Почему они к вам приставали?

— Только потому, что я цыганка. Требовали предъявить паспорт, прекрасно зная, что у меня его нет. Это я потом паспорт получила, благодаря дедушке. Не разрешали заниматься торговлей на рынке, требовали взятки, а когда отказывалась платить, то били или угрожали. А что мне было делать, как кормить семью? На работу ведь меня никто не брал — цыган не берут на работу.

— А чем вы торговали?

— Чем придется. Закупала в Венгрии или в Польше детскую одежду, иногда косметику, в общем, всякое барахло, везла в Ивано-Франковск и там продавала на рынке.

— Барахло... барахло, — забормотал Валерий. — Какое барахло?

— Мудак, — тихо простонал Аскольд.

— Барахло это не мудак, — задумчиво сказал Валерий. — Тут другой синоним.

— У вас какие-то проблемы? — обратился к Валерию Романо.

— Да вот пытаюсь разобраться, чем торговала Зинаида. Кстати, мы произносим ее имя «Зинаида», а не «Зинэйда».

— И чем же торговала Зинаида?

— Разными вещами. Да, так и запишите — разными вещами.

Аскольд наливался гневом. Он не раз дисквалифицировал переводчиков на судебных слушаниях, но то были судебные переводчики, а тут он сам привел толмача.

Дисквалифицировать Валерия означало бросить тень на все дело. И так всегда — на ерунде можно погореть. Ну кто мог предположить, что Валерий споткнется на нескольких словах, которые и жаргоном-то нельзя назвать. Валерий переводил на сотнях судебных слушаний, и вот на тебе — на «барахле» застрял. Воистину горе от ума.

Зинка тем временем уловила что-то неладное с переводом слова «барахло» и правильно подумала, что у Романо может создаться впечатление, что она торговала наркотиками.

— Кроме детской одежды и косметики, я торговала бюстгальтерами и женскими трусами. Мне было неловко называть эти предметы.

— Понимаю, понимаю, — улыбнулся Романо. — Может, воды хотите?

— Да.

— И я бы хотел стакан воды, — сказал Валерий.

Романо налил воды из графина в пластмассовые стаканчики. Валерий жадно осушил свой

стаканчик в четыре глотка, Зинка только пригубила свой.

— Я не буду задавать вашей клиентке вопросы по эпизоду со свиньей — тут все понятно, — обратился к Аскольду Романо.

— Да, — согласился Аскольд. — За двадцать лет практики я провел больше тысячи дел по предоставлению политического убежища, но с подобной мерзостью сталкиваюсь впервые. Даже не верится, что такое могут сделать люди.

— А мне очень даже верится, — возразил Романо. — Яине с такими ужасами сталкивался. Вот пару лет назад у меня была женщина из Гвинеи-Бисау. Она из племени фула, а соседнее племя — маленке. Полиция в их регионе была сплошь из маленке. Приходит однажды эта женщина к себе в хижину, а там повсюду ядовитые пауки. Один ребенок уже мертвый лежит, а четверо других в угол забились, от пауков палками отбиваются.

— Какой ужас! — сказал Аскольд.

— Это еще не все. Оказывается, пока женщины не было дома, двое полицейских принесли кувшин и, сказав детям, что там еда, оставили его на столе. Младший сразу полез в кувшин и был укушен ядовитым пауком.

— Это подло, — сказал Валерий. — Дети, наверное, голодные были, даже не догадались проверить, есть ли в кувшине пауки.

«В последний раз этого кретина нанимаю, — подумал Аскольд. — Да, африканские адвокаты примерно на том же уровне работают, что и их русскоязычные коллеги. У одних выпотрошенные свиньи, у других кувшины с ядовитыми пауками, а американцы все за чистую монету принимают. А может, и в самом деле полицейские из племени маленке такую гадость сделали. Ох и циничным я стал после стольких лет брехни. А вот Веронику мою уже не отбрешешь от депортации, нет такой легенды, которая бы помогла. Впрочем, кажется, есть один вариант, но об этом не сейчас. Сейчас с Зинаидой разобраться надо...»

Интервью подошло к концу. Романо сказал, что Зинка должна прийти за решением через две недели.

— Дуй тижни, — сказала Зинка, что на ромском означает две недели.

— Дуй тижни, — подтвердил Романо.

— Пескоро рат си пескоро рат, — сказала Зинка.

Романо усмехнулся, потом сказал, что с радостью бы поговорил с Зинэйдой по-ромски, но его уже ждет следующее дело.

Выйдя на улицу и тут же закурив, Аскольд прямо при Зинке сказал Валерию, что его поведение было возмутительным и что больше он его нанимать на такую работу не будет.

— Я старался переводить как можно правильнее, — оправдывался Валерий. — Ну, подумаешь, споткнулся на слове «барахло». Я не знал, что лучше сказать — «брик-о-брак» или какое-нибудь другое слово. Брик-о-брак — это всякая всячина, а слово «барахло» имеет несколько другую коннотацию. Я надеюсь, вы мне заплатите за сегодняшнюю работу.

— Если не споткнусь, считая деньги, — сказал Аскольд.

— Ну заплатите немного меньше, если хотите, — заканючил Валерий. — Я же четыре часа убил на это дело, а сколько времени я готовился, читая документы, как вы просили.

— Это уже точно — убил. Ладно, пришлите счет.

В машине Аскольд снова закурил, угостил сигаретой и Зинку.

— Я сейчас как ватная, — сказала Зинка. — Мне дадут убежище?

— Зинаида, я восхищен вами. Во-первых, я не думал, что вы так хорошо выучили ромский язык. Впечатление было такое, что вы свободно говорите на этом языке.

— Ой, как я учила всякие слова и выражения из разговорника! Я везде с собой носила этот разговорник, читала, запоминала. Даже в туалете учила наизусть. А на собеседовании у меня как второе дыхание открылось. Когда по коридору шла, думала — не дойду, сейчас упаду, а как вошла в кабинет и поклялась, что буду говорить правду, только правду и ничего кроме правды, мне тут же полегчало, и я вспомнила все ромские выражения. Я почувствовала себя цыганкой, поверила в то, что я цыганка. Я и сейчас еще не отошла, и мне хочется без остановки говорить по-цыгански. Я уверена, что говорила правду и только правду.

— Это вы, Зина, в роль вошли. Вы могли бы стать великой актрисой.

— Я все время боялась, что он мне скажет по-ромски «до свидания», а я не пойму — в разговорнике ведь этого выражения нет. Я думала, что же мне ему сказать на прощание, какое выражение выбрать из тех несчастных пяти-шести, которые я выучила.

— И что же вы ему сказали?

— Пескоро рат си пескоро рат — «своя кровь — это своя кровь».

— Зина, с одной стороны, такое говорить офицеру иммиграционной службы — большая наглость, вы как бы намекаете на то, что цыгане должны помогать друг другу. С другой стороны, эту фразу сказала простая цыганка — что с нее взять? Считайте, что вы сыграли ва-банк. Я преклоняюсь перед вами, Зина. Вы так здорово прочувствовали этого Романо, что даже идиот Валерий не особенно помешал вашим отношениям. Да-да, у вас с Романо возникли особые отношения во время собеседования.

— Аскольд, мне дадут убежище?

— Девяносто из ста, что да. * * *

Верка и Зинка сидели у Верки на кухне и пили красное аргентинское вино. Конечно, не то, что в ресторане с Аскольдом, но пить можно. Уже наступил октябрь — наверное, лучший месяц в Нью-Йорке. Тепло, красиво, листья еще зеленые, но через несколько дней все деревья запыхают сотнями оттенков красного и желтого. В Бруклине это будет не особенно хорошо видно, но Аскольд обещал Верке, что на уик-энд они поедут в Пенсильванию, где осень уже началась. Согласился взять с собой и Зинку.

Зинка тяжело переживала ожидание результата собеседования и поэтому слушала вполуха Веркины стенания — оказывается, Славик отреагировал на ее решение о прекращении их отношений так, будто Верка сказала ему, что становится вегетарианкой, — то есть никак.

— Получается, он и не любил меня, — вздохнула Верка. — Может, и я его не очень любила. Но хотя бы спросил, в чем дело... Ничего не спросил, ничего не сказал.

— У нас все, Верка, не как у людей — ни статуса, ни любви, ни детей. Просто выживаем. Все ждем, что жизнь начнется, когда получим статус. Учим цыганский, вместо того чтобы учить что-то дельное, спим с мужиками, вместо того чтобы их любить. Я раз заменяла Алену по уходу за одним украинским стариком. Пока его подмывала, он рассказал мне, что его мальчиком во время войны угнали в Германию. Много таких было, их называли

«перемещенные лица». Их насильно переместили, а нас никто никуда не угонял, мы сами себя переместили и лишили себя всего сразу.

— Опять за старое, Зинка. Вспомни наших хлопаков — кого там любить? Они ж как дети-алкоголики, какие из них мужья? В деревне, откуда моя мать родом, ни одного мужика старше пятидесяти лет нет — все повымирали. Это на горном карпатском воздухе!

— А какой из Аскольда муж получится?

— Он мне вроде руки не предлагал. Не знаю, какой из него муж будет. Наверное, хороший, но по душам мы с ним так ни разу и не поговорили.

— А со Славиком ты по душам хоть раз поговорила?

— Ну что ты сравниваешь! Славик ведь, по большому счету, дурачок, а Аскольд — солидный человек. У Славика любимая тема разговоров — машины. «Хонда» лучше, чем «Тойота», — и все тут. Если он найдет кого-то, кто думает, что «Тойота» лучше, чем «Хонда», то разговоров хватит на пять часов и две бутылки горилки. А Аскольд мне про разные оперы рассказывает, про художников все знает. Когда мы в музей ходим, он мне про каждую картину рассказать может. Мне интересно слушать, а ему рассказывать. Конечно, это нельзя назвать разговором по душам, а я вот сейчас думаю, что и не нужно мне по душам. Надраться как скотина и плакаться в жилетку — вот что мы называем поговорить по душам.

— Ну ладно, он тебе про оперы и картины, а ты ему про что? Про Иршаву? Так у вас там и театра нет.

— Зинка, в том-то и дело, что я ему ничего не рассказываю. Что мне ему рассказать? Про детей и родителей? Честно, я не знаю, что, кроме секса, ему от меня нужно.

— Тоже немало. Я тут вижу американок — смотреть не на что.

В дверь позвонили. Вообще, у иммигрантов не принято приходить без телефонного звонка, но для нелегалов в этом нет ничего зазорного. Пришла Катька, и не с пустыми руками, а с бутылкой текилы и лимонами. Она быстро научила Верку и Зинку, как надо правильно закусывать после текилы: выдавливаешь на ложбинку между большим и указательным пальцами немного лимона, посыпаешь ложбинку с лимонным соком солью и перцем — и «бутерброд» готов.

— Я, девочки, замуж выхожу, — сказала Катька после первой. — Не в самом деле, а фиктивно. Парень ничего, всего на двадцать пять лет старше. Но запросил за брак недешево.

— Сколько? — хором спросили Верка и Зинка.

— Он сказал — либо двадцатку, либо десятку, но тогда он может трахать меня когда хочет. Ты, говорит, все равно мне жена будешь, так что ничего в этом дурного нет.

— Где ты нашла такого хитрюгана? — спросила Верка.

— Где-где... В стриптиз-баре, где еще? Зовут его Джон. Говорит, что работает бухгалтером. В общем, девочки, скоро играть свадьбу буду, мой адвокат сказал, что на интервью надо будет принести фотографии свадьбы, ну и разные еще фотки — на природе, у кого-то на дне рождения. Вы знаете, что такое презумпция?

— Нет, — сказала Верка.

— Да, — сказала Зинка, которая закончила три курса юридического. — Например, презумпция

невиновности — каждый человек считается невиновным, пока суд не установит его вину. А к чему тут презумпция?

— Адвокат сказал, что существует презумпция фиктивности брака, а что это такое, не объяснил.

— Это значит, что каждый брак считается фиктивным, пока муж и жена не доказали, что он настоящий. И как ты со своим бухгалтером собираешься доказывать, что брак настоящий?

— Так же, как ты доказывала, что ты цыганка. Бумажки всякие — совместные счета, фотки, то да се. А если для дела надо, то прямо в кабинете и трахнемся. Прорвемся, девчата, наливайте.

— За лучшую пару на свете — за бухгалтера Джона и Катку! Горько! — закричала Верка.

Все чокнулись, залпом выпили и зачмокали текилу посоленным и поперченным лимонным соком. * * *

Аскольд сказал, что при получении результата интервью нет необходимости в его присутствии, и Зинка поехала в иммиграционный центр в Роуздейле одна. Пройдя через металлодетектор и миновав охранника Тараса, она села в приемной, где уже было полно китайцев, пакистанцев и албанцев, проходивших интервью две недели назад, в один день с нею. Она даже узнала некоторые лица — не китайцев, разумеется. Адвокатов в зале не было — Аскольд не обманул. Ровно в час дня девушка в окне начала по одному вызывать соискателей на статус беженца. Разговор длился ровно одну минуту — китаец или албанец что-то подписывал, получал какой-то документ и в растерянности отходил от окна, не понимая, дали ему убежище или нет.

Наконец вызвали и Зинку. Она тоже что-то подписала и отошла в сторону, держа два скрепленных листика. Она не знала, что находится у нее в руках, — путевка в американскую жизнь или депортационная повестка в суд.

Развалившийся на стуле Тарас с любопытством смотрел на Зинку. Он щерился, разглаживал на груди коричневую рубашку с бляхой и ждал, что Зинка сейчас к нему подойдет.

Зинка почувствовала взгляд Тараса, подняла голову, оторвав глаза от бумажек, и посмотрела в его сторону. Тарас мог узнать ее судьбу, узнать, какая карта ей легла. Зинка глядела то на бумажки, то на его щерящуюся морду, потом решительно направилась к выходу, миновала опешившего Тараса и вышла в коридор.

По дороге к лифту она вдруг услышала:

— Зинэйда!

Обернулась — в коридоре стоял Романо. Он улыбался, потом сказал слово, которое Зинка знала, — «congratulations!». Зинка тоже улыбнулась и тут же испугалась — сейчас Романо заговорит с ней по-ромски, ее обман вскроется, заветные бумажки отберут, а ее депортируют. Она обмякла, колени ослабли, захотелось упасть или хотя бы сесть. Романо увидел, что Зинке стало дурно, подбежал, залопотал что-то по-ромски, затем по-английски. Зинка поняла только одно слово — «мишто», что значит «хорошо». Романо повел Зинку обратно в приемную, но Зинка остановилась и твердо произнесла «ноу».

Постояли молча в коридоре. Увидев, что Зинке уже лучше, Романо достал из портмоне визитку, что-то написал на ней, протянул визитку Зинке и скрылся за какой-то дверью.

На улице Зинка позвонила, как обещала, Аскольду и сказала, что убежище, кажется, дали.

— Что значит — кажется? Читайте вслух все, что написано на первом листе! — закричал Аскольд.

Через несколько перековерканных Зинкой слов он перебил ее:

— Зина, ваши дети скоро смогут к вам приехать. Вы получили статус беженки.

— Аскольд, мне Романо свою карточку дал и что-то на ней написал.

— Прочтите немедленно.

— Тут номер телефона, а под ним по-английски «This Friday at «Two Guitars» at 8 PM». Я, кажется, поняла — он приглашает меня на свидание в ресторан «Две гитары». Аскольд, мне страшно с ним встречаться — он все поймет.

— А вам и не нужно с ним встречаться, Зинаида. Просто не идите — и все тут.

Зинка так и решила.

Придя домой, она отключила телефон, одетой легла на кровать и уснула. * * *

Разбудил Зинку стук в дверь. Она открыла глаза — часы показывали семь. Утра? Вечера? Зинка открыла дверь и увидела Верку. Шатаясь, пошла обратно в комнату и снова легла на кровать. Верка что-то говорила, но сил отвечать у Зинки не было, она лежала на спине с открытыми глазами.

— Ты дочкам звонила?! — прокричала Верка с кухни, открывая принесенную бутылку.

Не услышав ответ, Верка вбежала в комнату и увидела, что Зинкино лицо белое, как потолок, на который она смотрела.

— Зиночка, что с тобой! — закричала Верка. — Я вызову «скорую»!

— Не надо, Верусю, пройдет. У меня нет сил, у меня просто нет никаких сил. Ложись рядом, полежим.

Верка примостилась рядом, обняла Зинку и заплакала.

— Ты обо мне плачешь, Верусю?

— Да, но это от радости за тебя. Помнишь «Бэби Кристину»? Как нас швыряло, как мы чуть не погибли в океане? Я часто вспоминаю то плавание, и вот для тебя оно закончилось.

— И я вспоминаю. Где сейчас капитан Олег и матрос Натан?

— Ну, это я знаю — в тюрьме сидят.

— Откуда ты знаешь? Почему мне не говорила?

— Знаю, Зинка. Один мой кореш тетю Мусю видел, она ему рассказала, что их всех заграбастали на подходе к Майами. Тетю Мусю даже в ФБР на допросы таскали, но отпустили. А тебе просто забыла сказать — какое это все имеет значение для нас?

— Как какое? Ведь если кто-то давал показания, то мог и нас упомянуть.

— Зинка, мы просто пассажирами были, не думай об этом. Неужели ты считаешь, что у капитана Олега был список пассажиров с именами и фамилиями? Максимум, что он мог сказать, это то, что да, в таких-то числах на моей яхте плыли из Доминиканской Республики в

Америку Зинка, Верка, Катька, Стасик, Славик и еще с десяток западенцев. Иди ищи теперь этих Верок и Зинок. Хороший был парень капитан Олег — красивый, надежный. То есть не был, а есть, только в тюрьме сидит.

— Верка, меня иммиграционный офицер, который интервью проводил, на свидание пригласил.

— Романо? О котором ты рассказывала? Сколько ж ему лет?

— На вид лет тридцать-тридцать пять.

— Ты пойдешь? Не ходи!

— Не пойду. Аскольд сказал не ходить. Он ведь поймет, что я не цыганка, отправит обратно. Но что-то в нем есть. Мне никогда цыгане не нравились, а этот понравился.

— Хороша цыганка! Цыгане ей не особенно нравились! Да ты молиться на цыган должна. Может, и вправду Лифшиц был гениальный адвокат — такую историю выдумать!

— Нет, Верка, не был он гениальным адвокатом. Не работал бы он со мной так, как Аскольд, и провалилась бы я за милую душу. Верусь, я хочу пойти в «Две гитары».

— Ты с ума сошла! Ты же сама только что сказала, что Романо мигом тебя на чистую воду выведет. А в «Двух гитарах» цыгане собираются, их-то ты точно не проведешь.

— Я хочу с тобой и Аскольдом пойти. Когда он рядом, мне не страшно.

— Я вижу, Романо запал тебе в душу. Вообще, картина будет отличная — работник иммиграционной службы пьет в цыганском кабаке с двумя нелегалками.

— И их адвокатом!

— А что — работники иммиграционной службы разве не люди?

— Люди, Верусь, люди. Я столько ждала этого интервью, так намучилась, нанервничалась, набоялась... И вот я вижу молодого парня в джинсах, который сейчас всю мою жизнь решит... Это как смерть или как любовь — ждешь одну, а приходит другая. Я думала, что поведет меня за собой в пыточную камеру громадная двухметровая старуха с длинными скрюченными пальцами, которая знает всю правду. Старуха меня будет пытаться, а Аскольд меня будет защищать. И вдруг молодой красивый парень в джинсах — я аж оторопела. Неужели это мой палач? Улыбающийся, в джинсах, как на пляже... Я-то готовилась к старухе, готовилась зубы сжимать, боль терпеть... Я хочу снова увидеть моего палача, который не стал меня казнить, решил помиловать.

Верка позвонила Аскольду, который сначала был не в восторге от этой идеи, а потом сказал, что с удовольствием пойдет в «Две гитары», тем более что хозяин ресторана его клиент — когда-то много лет назад Аскольд оформлял для него лицензию на продажу спиртных напитков. * * *

«Две гитары» находился на Манхэттене, в Гринич-Вилледже. Это был дорогой и не очень вкусный ресторан, где подавали сорок сортов водки и всего несколько блюд — три вида шашлыка (бараний, осетровый и куриный), цыпленка-табака, бефстроганов и пельмени. Плюс суп-харчо, солянка, борщ на первое и нехитрые соленья, салаты и селедка с отварной картошкой и луком на закуску.

Интерьер кабака был тематический: цыганские платки на стенах и даже на потолке, скатерти тоже цветные, цыганские. В глубине зала небольшая площадка для артистов с роялем и

несколькими нотными пюпитрами. Перед площадкой — место для танцев, а дальше — столики на четверых, а если компания была большая, столики сдвигались.

Аскольд пришел в половине восьмого и занял место за столиком, стоявшим в углу. Тускло горела лампа под старинным абажуром, тихо играла нецыганская музыка, до начала представления было еще полтора часа. Аскольд, следуя своему старому правилу — когда не знаешь чего выпить, выпей кальвадосу, — заказал двойной «Буляр» с долькой апельсина и орешками.

Не успел Аскольд сделать и пару глотков, как вошел Романо — в черных брюках, черной рубашке и черном кожаном пиджаке. Оглянувшись, Романо заметил Аскольда, что, несомненно, огорчило его. Аскольд жестом пригласил Романо к своему столику.

— Мистер Романо, я знаю, что вы пригласили Зинаиду на ужин. Она скоро присоединится к нам, а пока что давайте немного поговорим. Кстати, называйте меня просто Аскольд.

— А меня называйте просто Романо. Меня всегда по фамилии называли — и в школе, и в колледже, а сейчас на работе так называют. Мать дала мне имя Хальворд, но не помню, кто, кроме матери и бабки, меня так называл. У вас, кстати, нерусское имя.

— А я и не русский. Аскольд — моя фамилия, а имя мое Юрис. Я литовский еврей. Юрис по-английски звучит как «джурис», а это уже сильно напоминает «jurisprudence». Для адвоката такой намек на его профессию звучит претенциозно, так что называйте меня просто Аскольд. Кстати, я пью кальвадос и очень вам советую.

— Отлично, Аскольд.

Аскольд подозвал официанта и заказал двойную порцию «Буляра» для Романо.

— К осени дело идет, — сказал Романо. — По Нью-Йорку нельзя сказать, что глобальное потепление как-то нас коснулось.

— Думаю, что глобальное потепление — это миф. Кто-то на этом делает деньги, создаются новые технологии, для работы нужны новые человеческие ресурсы, в общем, все как всегда.

— Я не думаю, что глобальное потепление миф, — сказал Романо. — Ведь ученые замеряют уровень океана, ведут учет температуры в различных точках земного шара, сравнивают все это.

— Скажите, Романо, вы хоть одну серьезную научную работу прочитали по этой теме? Я — нет.

— Я тоже нет. Но мы же судим о многих вещах и без ученых степеней в тех областях знаний, о которых речь заходит.

Официант принес кальвадос для Романо.

— За Зинаиду! — сказал Аскольд и выпил бокал до дна.

— За Зинаиду! — повторил Романо и пригубил свой.

Аскольд почувствовал, что собеседник напряжен. Он заметил: Романо почти не пьет, и это ему не понравилось. Не желая обсуждать глобальное потепление в течение еще двух часов, адвокат напрямую спросил:

— Романо, вам нравится Зинаида?

— Что это за вопрос, Аскольд?

— Это вопрос адвоката к чиновнику, который в государственном учреждении дал несчастной беженке свою визитную карточку, на которой написал приглашение пойти с ним в ресторан. Как вы прекрасно понимаете, это был рискованный шаг с вашей стороны.

— О чем вы говорите, Аскольд! Как вы могли подумать, что я использую свое служебное положение в гнусных целях!

— Романо, вы же не будете отрицать, что несчастная беженка из Украины побоится сопротивляться ухаживаниям со стороны иммиграционного офицера. Не будем валять дурака — в наше время, в эпоху политической корректности, то, что вы сделали, означает конец вашей карьере. Плюс иск к иммиграционной службе за моральную травму — этак на миллион долларов. Не могу поверить, что вы всего этого не понимали и рискнули карьерой ради кратковременного удовольствия. Вот я и спросил — вам нравится Зинаида?

— Простите, Аскольд, жаль, что вы так плохо подумали обо мне. Разрешите заплатить за кальвадос и откланяться.

Смуглое лицо Романо теперь казалось бледным даже при тусклом свете, конусом бьющим из-под абажура над столом.

— Романо, не торопитесь. Давайте поговорим... Не о глобальном потеплении, которое меня, если честно, вовсе не интересует, а о жизни, людях, любви — поговорим, как говорят между собой все нормальные цыгане. Вы наполовину норвежец, а я наполовину литовец. Оба народа довольно спокойные. Другие половинки у нас тоже схожи — евреи и цыгане, два вечно гонимых народа. Я думаю, мы найдем общий язык.

Романо помолчал, медленно допил свой кальвадос, заел долькой апельсина. Подышал через нос, подозвал официанта и заказал еще две двойные порции «того же самого». Через минуту перед ним и Аскольдом стояло по бокалу темно-золотистого яблочного бренди.

— За умение рисковать, — сказал Аскольд, поднимая бокал.

— Кто не рискует... — сверкнул белыми зубами Романо, расстегивая верхние две пуговицы на рубашке. — До дна!

— До дна!

Аскольд и Романо осушили свои бокалы, съели по паре орешков и по апельсиновой дольке.

— Как хорошо кальвадос пахнет — свежими яблоками, — сказал Романо.

— Это, мой друг, оттого, что мало настоялся. Чем старше и благороднее кальвадос, тем он меньше пахнет яблоками. Это как с духами — духи не должны пахнуть, они должны лишь пробуждать воспоминания и будоражить фантазию.

— Хорошо сказано, Аскольд. Чувствуется, что вы дока не только в иммиграционных делах.

— Иммиграционные дела... Мифы, как и глобальное потепление.

— Я имею дело с реальными людьми.

— Люди реальные, но дела их часто мифические.

— Ну, таких мы быстро раскалываем.

— Романо, я ознакомился со всеми учебниками, инструкциями и пособиями, которые вы

штудируете. Неплохо написано, но мимо цели. Человек гораздо сложнее, чем средний соискатель на политическое убежище, являющийся героем ваших учебников. А научить нюху невозможно. Ведь ваша главная задача — поймать лгуна, не так ли?

— К чему вы ведете, Аскольд? Кстати, можно заказать еще по кальвадосу.

Аскольд подозвал официанта.

— Попроси бармена налить нам настоящего, старого «Буляра», он знает, — сказал он.

Старый «Буляр» был темный, золото еле усматривалось в нем. Пах он уже не яблоками, а скорее как обычный благородный бренди — просмоленной бочкой. Зал постепенно наполнялся посетителями, тихонько постукивали вокруг столовые приборы, то тут, то там раздавался смех.

— В этом «Буляре» пятьдесят сортов яблок, — сказал Аскольд, поднимая бокал. — Некоторые несъедобные, они годятся только для приготовления кальвадоса. Романо, вам нравится Зинаида?

— Ну, раз я ее пригласил в ресторан, то разумно предположить, что да.

— Ответ норвежский, не цыганский. Ладно. Вы помните — она замужем и у нее двое детей?

— Я понял, что с мужем у нее отношений нет и что он скрывается настолько капитально, что даже детям не звонит.

— Правильно поняли, Романо. Скажу больше — Зинаида меня попросила оформить ей развод, и я уже связался с украинским адвокатом по этому поводу. Вас интересует эта информация или вы хотели просто хорошо провести время с Зинаидой?

— Аскольд, я еще не провел с ней ни секунды в неофициальной обстановке. Не слишком ли много вы от меня хотите? Познакомимся поближе — тогда поймем, чего мы хотим. Мне показалось, что она не возражала бы познакомиться со мной поближе. Не так уж много в Америке цыган, которые бы говорили по-ромски, а общий язык и общие корни важны.

— То есть вас больше всего в Зинаиде прельстило то, что она цыганка?

— И это тоже.

— Странно. Я думал, мы влюбляемся в женщину, а не в представительницу какой-то нации. Зинаида придет с подругой, она тоже цыганка. Я с ней встречаюсь. И знаете, мне абсолютно все равно, кто она — украинка или цыганка.

— По большому счету, мне тоже все равно.

— Вы знаете человека по имени Мохаммед Клиоп?

— Нет. Кто это?

— Он из Мозамбика, работает в ООН, в свободное от дипломатических обязанностей время оформляет политические убежища для африканцев. Использует связи в государственных структурах разных африканских стран для изготовления фальшивых документов, придумывает самые нелепые легенды, на основании которых его клиенты получают политическое убежище в США.

— Вау!

— Думаю, что легенда о кувшине с пауками — его рук дело. Уж слишком она гротескна.

— Да, но я видел оригинальное свидетельство о смерти ребенка, где причиной смерти значился укус ядовитого паука. Это весомое доказательство того, что женщина говорила правду.

— Вот-вот. Именно такие документы и изготавливает господин Клиоп. И чем глупее и фальшивее документ, тем больше на нем золотых печатей, медных кнопок и красно-зеленых тесемок.

— У нас проверяют документы на подлинность.

— Конечно. Именно поэтому Клиоп и делает подлинные документы. Настоящая бумага, настоящие печати и тесемки, мало того, документ за дополнительную плату вносится в архивный реестр. Чем вам не подлинный документ?

— Тогда получается, мы бессильны перед такой искусной ложью. Раз все подлинное — значит, получай убежище.

— А где простой здравый смысл? Почему нельзя было просто убить ребенка, дав ему по голове дубиной? Почему способ был заимствован из джеймсбондовского фильма начала семидесятых? Почему вы не задали два-три дополнительных вопроса? Ведь вывести эту даму из Африки на чистую воду было проще пареной репы. Но вас устраивал миф — все было по учебнику.

— Аскольд, Зинаида цыганка?

— Романо, я адвокат. Если я знаю, что мой клиент врет, я не имею права представлять его интересы, иначе я становлюсь соучастником мошенничества. Не мне вам все это рассказывать. Но то, что вы задали этот вопрос, меня удивляет. Неужели если бы я вам сказал, что история Зинаиды сплошная выдумка, вы бы отозвали свое решение? И как бы вы объяснили начальству свой поступок? И кстати, коль скоро я вам рассказал про африканскую мать укушенного ребенка, почему бы у нее тоже не отобрать статус беженки? А заодно у сотен тысяч других мошенников, которые вешали вам лапшу на уши, а вы им давали политическое убежище. Сколько лет вы уже занимаетесь этой чепухой, Романо?

— А сколько лет вы занимаетесь своей чепухой, Аскольд? Пусть я дурак, но вы используете вовсе не это, а то, что американские законы гуманны, вы бьете на жалость ко всем жертвам преследований. Вы нечестно играете, Аскольд.

— Получается, ваши предки из Норвегии и Венгрии сюда заехали честно, я сюда заехал честно, а вот Зинаида, если ее история лжива, чего я ни в коем случае не подтверждаю, заехала нечестно.

— Аскольд, я не поверю, что цель вашего прихода сюда заставить меня сменить профессию. Пусть все нечестно, но хоть сейчас мы можем поговорить по-честному между собой? Зинаида цыганка?

— Выпьем еще, Романо. Да и девочек пора звать. — Аскольд заказал еще по старому «Буляру» и позвонил Верке. — Через пять минут входите, — сказал он по-русски. * * *

Зинка села рядом с Романо, а Верка рядом с Аскольдом. Романо посмотрел на Зинку и улыбнулся. Зинка отвела глаза.

— Аскольд, на каком языке мы все будем разговаривать? — спросил чуть пьяным голосом Романо.

— На плохом английском. На цыганском сегодня говорить запрещается. Девочки в Америке уже около полутора лет, так что как-то общаться по-английски смогут.

— Английский так английский, — засмеялся Романо. — С другой стороны, мы в цыганском ресторане, могли бы поговорить и по-цыгански.

— Романо, если вы хотите говорить по-цыгански, вам никто мешать не будет — мы просто встанем и уйдем. А вы тут говорите себе по-цыгански сколько душа желает.

Романо сделал вид, что испугался, и дотронулся до Зинкиной руки. Зинкина рука слегка дернулась, но осталась на месте. Аскольд заказал для девушек бутылку грузинского вина «Ахашени» и полбутылки старого «Буляра» для себя и Романо. Потом все долго разглядывали меню и наконец заказали закуски и основные блюда.

— Я хочу сказать тост, — подняла бокал Верка. Она сказала это по-русски, и Аскольд перевел. — Давайте выпьем за Америку.

Все подняли бокалы и выпили.

— Я уверен, что у вас здесь жизнь сложится, — сказал Зинке Романо. — Моим родителям было очень трудно, когда они приехали сюда, но Америка такая страна, что если ты ставишь себе цель и много над ней работаешь, ты в итоге достигаешь ее. Какая у вас цель, Зинэйда?

— Вы можете меня называть просто Зина. Моя первая цель — чтобы дочки были со мной. Старшая у меня скрипачка, мне ее надо устроить в хорошую музыкальную школу.

— Татьяна играет цыганские мелодии?

— Вы запомнили имя моей дочери, это мне приятно, — сказала Зинка.

— Наверное, просмотрел досье перед встречей, — предположил Аскольд, и Романо усмехнулся.

— Моя дочь играет классическую музыку, она выступает в концертах, ее даже приглашали на конкурс в Италию.

— Неплохие достижения для девочки, над которой издеваются в школе и которую хотят избить и изнасиловать на каждом углу. — Голос Романо снова стал трезвым.

— Наверное, у ваших родителей была цель вырастить сына, который будет работать в иммиграционной службе США и не пускать в Америку таких, как они.

Аскольд перевел и это. Романо рассмеялся и снова положил ладонь на Зинкину руку. Подали закуски, а когда принесли шашлыки, на сцену вышли пятеро цыган — скрипач, аккордеонист, ударник с бубном, гитарист и певица. Первые несколько песен были печальные, и в зале наступила тишина, все перестали есть. Во время небольшого перерыва Романо заметил, что скрипач играл виртуозно:

— Первый палец держит мелодийную ноту, а четвертый слегка задевает струну на четверть тона выше. Такая техника создает свистящий звук, скользящий от одной ноты к другой. Такой стиль называется Романи — почти как моя фамилия. А у вас, Зина, цыгане применяют такую технику?

Зинка много раз бывала вместе с Таней на уроках у Эммануила Иосифовича, а поэтому и терминологию знала, и музыку понимала. И еще она следила за тем, как Таня дома к урокам готовится.

— Нет, наша румынско-венгерская техника не такая. У нас больше в ходу трель вибрато, — сказала Зинка. — Первый и второй пальцы крепко прижаты друг к другу. Тело качается в такт, и при этом приподнимается второй палец.

Аскольд перевел, удивляясь глубине Зинкиных познаний. Оказывается, в процессе вхождения в роль цыганки она не только язык Рома выучила, но и нюансы цыганских музыкальных стилей.

— Она цыганка, — сказал Романо.

— Она цыганка, — подтвердил Аскольд. — Поскольку я в вашей компании единственный не цыган, хочу поднять тост за цыган. Для меня цыгане всегда олицетворяли любовь и свободу. И то и другое в диком, сыром виде — свободу без конституции, любовь — часто без брака. Всегда так хотелось, никогда не могло. За вас, цыгане!

Все дружно подняли бокалы и выпили. А еще через минуту Романо и Зинка случайно выяснили, что оба сносно говорят на венгерском. Да и Верка почти все понимала по-венгерски, хотя говорила не так хорошо, как Зинка.

От трансильванских мелодий оркестр перешел к цыганским песням на русском языке, и многие пошли танцевать. Романо и Зинка не могли оторваться друг от друга, и Верка с завистью смотрела на подругу — в течение двух недель она получила политическое убежище и, похоже, нашла любовь.

Аскольд заметил ее взгляд, поцеловал в плечо.

— Потанцуем? — спросила Верка.

— Я не танцую, — ответил Аскольд. — Не мое это.

К столику подошли разгоряченные Романо и Зинка. Узнав, что Аскольд не танцует, Романо тут же пригласил Верку.

— Зина, будьте осторожны с ним, — сказал Аскольд, когда они с Зинкой остались наедине. — Я не знаю, о чем вы лопочете с ним по-венгерски, но держитесь своей легенды, не выходите из роли.

— Мне теперь до конца жизни быть цыганкой?

— До конца жизни.

К десерту все были абсолютно пьяны, а Романо и Зинка еще и счастливы. После кофе Романо подошел к артистам, дал всем по двадцатке, а певице сообщил, что нашел подругу-цыганку.

— Это какую? — спросила певица.

Романо показал.

— Она не цыганка, — сказала певица. * * *

После ресторана Аскольд с Веркой пошли в соседний ирландский бар, а Романо повез Зинку на такси домой. Перед подъездом Зинкиного дома Романо, споткнувшись, схватился за ее локоть.

— Вам плохо? — спросила Зинка.

— Мне было очень хорошо, но сейчас мне плохо.

— Вы, наверное, много выпили.

— Много, но не в этом дело. Вы — не цыганка.

— Я цыганка, — испуганно сказала Зинка. — Вы же знаете, что я цыганка.

— Когда-то один старый еврей из Москвы рассказывал мне на интервью, что в Советском Союзе все евреи узнавали друг друга, и удивлялся, почему в Америке это не так. «Это же так легко! — говорил он. — Волосы, овал лица, смуглая кожа, нос, в конце концов!» А я ему говорю, что он описывает кого угодно — грека, итальянца, ливанца, не обязательно только еврея. «Нам нужно было узнавать друг друга, чтобы выжить, а вам этого не нужно, вот вы самих себя признать и не можете», — ответил еврей. Тогда я подумал, что он по крайней мере преувеличивает, а вот сейчас понял, что правду говорил старик. Нет у меня нюха на своих. Бумажкам верю, а надо всего человека увидеть, почувствовать. Обманули вы меня с хитрым Аскольдом.

Зинка протрезвела и стояла, обливаясь холодным потом.

— Вы меня обидели, Романо. До свидания.

— Можно зайти к вам на чашку кофе?

— Нельзя. Мне тоже стало плохо.

Зинка вошла в подъезд, закрыла за собой дверь, обернулась и увидела через стекло, как Романо побрел, шатаясь, в сторону Восемьдесят шестой стрит ловить такси. В лифте у нее задрожали ноги, на лбу выступила испарина. Дома ее вырвало, и она легла спать с головной болью. * * *

В ту ночь любви у Аскольда и Верки не вышло — Верка плакала. В два часа ночи позвонил Романо. Он был пьян и тоже плакал. Сказал, что повел себя с Зинаидой недостойно ни цыгана, ни норвежца, и попросил Аскольда немедленно позвонить ей и от его имени извиниться. Аскольд пообещал сделать это утром и отключил телефон.

Проснувшись в девять часов, Зинка выпила кофе и пошла пешком на работу к Римме и Йосе. В Нью-Йорке мало солнечных дней, и этот день был не исключение. Она шла мимо индийских лавок, парагвайских химчисток, китайских и русских забегаловок. Разгружали продукты с маленьких грузовичков, мексиканцы-нелегалы большими мачете обрубали подгнившие листья у капустных кочанов и ими же отсекали арбузные хвостики. Зинка зашла в магазин и купила для Йоси халву на подсолнечном масле — его любимый десерт. Она всегда покупала для стариков что-нибудь вкусненькое, и те это ценили — полученные ими бесплатно по программе «Медикейд» шерстяные вещи они отдавали Зинке, которая пересылала их матери на Украину. Что-то мать продавала, что-то носили сами родители.

Римма была счастлива, что Зинку оставляют в Америке. Она все время повторяла, что предвидела успешный финал и он является отчасти и ее заслугой — так много и искренне она молилась еврейскому Богу о Зинкиной судьбе. Однажды Зинка сообщила Римме, что месяцев через десять к ней приедут дочки. Римма на идише сказала:

— Мит инзере нахес («с нашим счастьем»), — что означало: «Вот так всегда бывает. Нам с вами было хорошо, а теперь мы вас потеряем. Нет, наше еврейское счастье долго длиться не может».

Зинку рассмешил стариковский эгоизм Риммы. Однако когда два дня назад примерно то же самое, но по-украински, сказала ей по телефону мать, Зинка рассердилась. Конечно, мать привыкла думать о Таньке и Юльке как о дочерях, но нельзя же быть такой эгоисткой.

Зинка стирала в ванне пропахшие кошкой (у Риммы и Йоси была кошка) ковровые дорожки, когда позвонил Аскольд. Он сказал, что Романо звонил ему ночью, а потом оставил пятнадцать сообщений на автоответчике. Все пятнадцать были одинаковыми: «Tell her I'm

sorry».

— Он говорит, что повел себя не по-цыгански, — сказал Аскольд. — Что будем делать, Зина?

— Ну пусть теперь поведет себя по-цыгански, — ответила Зинка. — Хоть узнаю, как это бывает.

Ковровые дорожки нужно было давно выбросить, а не стирать, но Йося, как сказала Римма, «на себе тащил» их с какой-то распродажи в Квинсе. Он купил дорожки, потому что они напоминали ему те, что лежали в квартире его родителей в Одессе. Зинка скребла их, думая, какие предметы ей так же дороги, как Йося ковровые дорожки, но на ум ничего не приходило.

Возвращалась она домой около восьми вечера. У подъезда стала рыться в сумочке, ища ключи, и вдруг услышала звук скрипки. Мелодия была печальная, явно ее родиной были Трансильванские горы. Зинка обернулась и увидела вчерашнего скрипача из «Двух гитар», играющего на другой стороне улицы. Скрипач поднял голову и кивнул Зинке, приглашая подойти. Зинка подошла.

— Пригласите на чай, барышня, — сказал по-русски скрипач, опуская смычок.

— Приглашаю, — ответила Зинка. — Но сладкого к чаю у меня нет.

— Я сыграю тебе сладкую музыку, барышня, — сказал скрипач.

Дома Зинка заварила настоящий дорогой чай фирмы «Ахмад», сделала бутерброды с докторской колбасой и пригласила скрипача к столу. Скрипач сел, отхлебнул чаю, взял скрипку и заиграл «Чардаш» Витторио Монти. Закончив, он сказал:

— Чардаши есть у всех — у Чайковского, Брамса, Листа, Сарасате, но «Чардаш» Монти — мой самый любимый. А знаете, кто лучше всех исполняет этот «Чардаш»? Не поверите — ирландцы. Есть такая ирландская группа, называется «Мелодия». Это трио — скрипка, гитара и свистун. Да-да, свистун. Вы попробуйте высвистеть финал «Чардаша» Монти, вряд ли у вас это получится.

— Вы кушайте, кушайте, — сказала Зинка.

Скрипач сделал еще два больших глотка чая и заиграл «Чардаш» Брамса.

В дверь позвонили. Зинка открыла дверь и замерла — на пороге стояли Аскольд, Верка и Романо. В руках Романо держал огромный букет красных роз (что символизировало любовь), перевязанных желтой лентой, означающей, по-видимому, скорбь.

Аскольд принес коньяк «Тессерон Эмосьон ХО» — двести пятьдесят долларов бутылка — и торт «Киевский» из русского магазина. Под концовку «Чардаша» Брамса Аскольд откупорил бутылку, Верка нарезала на большие куски торт, и все сели за стол.

Скрипача звали Аркадий, или, для друзей, Адик. Не так-то просто ангажировать скрипача из ресторана на субботний вечер. Романо заплатил ему пятьсот долларов, и Адик отработал их по-настоящему, по-цыгански. Под его скрипку Верка целовала Аскольда, Романо гладил Зинкины руки и целовал ее в щеку, прося по-венгерски прощения. Все пили коньяк и закусывали докторской колбасой и тортом «Киевский». Аскольд заказывал Адике музыку, отпуская шутки:

— Наверное, скрипач в субботний вечер стоит не меньше, чем адвокат.

— Гораздо больше, — отвечал Адик. — Ему просто цены нет.

Разошлись за полночь, но не все. Касаниями рук Романо и Зинка договорились, что Романо может остаться. * * *

Романо нравились Зинкины борщи, вареники, котлеты и вообще все, что она готовила. А о ночах и говорить нечего — цыганская страсть всему миру известна. Как когда-то ее муж, а потом Виктор, Романо любил рассказывать истории за обедом. За короткое время Зинка начала вполне сносно говорить и понимать по-английски.

Однажды Романо рассказал, что дал убежище старому албанцу и отказал в нем молодому, потому что молодой на вопрос, куда ему вмазали дубинкой, показал на правое ухо, а в медицинской справке было написано, что удар пришелся по левому.

— Ну ты прямо Шерлок Холмс! — похвалила Зинка.

— Это еще что, — возбудился от заслуженного комплимента Романо. — Вчера был у меня африканец, который утверждал, что ему грозит смерть, потому что его дядя генерал, который возглавил провалившийся путч, а он сам капитан, участвовавший в этом путче.

— И как же ты его вывел на чистую воду? — спросила Зинка.

— Я понял, что все его сведения насчет этого путча из Интернета. Задал парню несколько вопросов насчет дяди — мол, какого рода войск он генерал. Парень отвечает, что авиации. Спрашиваю — и ты летал? И я летал, отвечает. На чем летал? — На истребителе. Когда он вышел, я из Википедии узнал, что в Бурунди нет никаких истребителей. Там всего 16 авиатранспортных средств, из них семь вертолетов. Какой дядя-генерал? У нас принцип простой: солгал в одном — значит, лжешь и во всем остальном.

Романо вкусно поглощал борщ с бородинским хлебом. Доев последнюю ложку, поднял голову, чтобы попросить добавки. Зинка давилась от смеха. Сначала Романо хотел рассердиться, но передумал и рассмеялся тоже.

— У тебя на работе знают, с кем ты встречаешься? — спросила Зинка.

— Только один человек знает — мой друг. Я не обязан ни перед кем отчитываться.

— Романо, о наших отношениях знают несколько человек — Аскольд, Верка и скрипач Адик. Адик при этом понятия не имеет, кто ты и где работаешь. Верка поклялась мне здоровьем своих дочек, что никому ничего не расскажет. Аскольд мой адвокат, и вы с ним друг друга за яйца держите, а может, уже и отпустили. Один загадывает загадки, другой их разгадывает — вам скучно будет друг без друга. Но мне, честно говоря, хотелось бы на свет выйти. Не хочу я всю жизнь прятаться, выдавать себя за кого-то, притворяться. Почему ты, американский гражданин, работник государственной службы, должен скрывать свои отношения со мной? Конечно, мне странно слушать твои истории — ведь меня поймать было не труднее, чем капитана авиации из Бурунди. Я могла уже пару месяцев вариться в депортационном суде, а вот сижу с тобой, слушаю про таких, как я. Аскольд прав — неумная вся эта система. Кто смекалистее, тот и победитель.

— Значит, отсеивается именно так — кто смекалистее, тот и останется. А теперь еще тарелку борща, пожалуйста. * * *

К середине ноября листья почти все облетели, стало холодно. Осенний грипп, опять видоизменившись, заползал к людям в носоглотки, легкие и бронхи. Не помогали никакие вакцины.

— Время валить в Майами, — сказал Аскольд Верке. — Давай полетим на недельку.

— Я помню Майами. Помню, как мы на «Бэби Кристине» в порт входили. Я смотрела на

белые и розовые дома с «Бэби Кристины» и думала: неужели я приеду когда-нибудь сюда как белый человек, смогу жить в отеле, ходить красиво одетой по улицам?..

— Вера, ты приедешь просто как человек — будем жить в отеле, что-нибудь красивое для тебя мы найдем. Походим по ресторанам, поваляемся на пляже...

— Я приеду как серый человек. Ты, рестораны, платье, магазины — все это белое, а мой статус — это черное. Меня хоть посадят в самолет?

— Конечно, посадят. Мы полетим первым классом — меньше народу. Увидишь — весь самолет будет чихать и сморкаться.

Аскольд оказался прав. Весь салон экономкласса хрюкал и кашлял, а в салоне первого было всего три человека — Верка, Аскольд и молодящаяся старушка, на запястье которой мерцал сапфировый браслет.

— Это Жаклин Сталлоне, мать Сильвестра. По-моему, она из Одессы, ее девичья фамилия Лобофиш, — прошептал Аскольд. — Я однажды обедал в компании с ней и ее бойфрендом в румынско-еврейском ресторане «Сэммиз» в Нью-Йорке. Ее бойфренд тогда объелся паштетом, который заправили подсолнечным маслом с луком. В «Сэммиз» рядом со столом ставят ведерко, а в нем ледяной куб, в который намертво заморожена бутылка водки, только горлышко видно. Когда водку разливаешь из куба, руки коченеют. Официанты там играют роль еврейских мамаш. Если кто-то не доел свою порцию, официант кричит: «Ты как себя ведешь! А ну-ка немедленно доешь!» Манер в этом ресторане никаких, да они и не поощряются. Официант запросто может отрезать кусок от твоего стейка и отнести его на соседний стол, потому что сидящий за ним человек сказал, что твой стейк аппетитно выглядит.

— Сколько же лет мамаше? — довольно громко спросила Верка.

— Семьдесят шесть, — ответила со своего кресла мадам Лобофиш-Сталлоне.

В полете пили скрудрайверы. Мама Сильвестра сказала несколько фраз по-русски, но разговор не клеился. Уже на выходе из аэропорта Аскольд сказал, что мадам Лобофиш-Сталлоне приврала насчет своего возраста — ей минимум восемьдесят шесть.

Поселились в «Мариотте» на Саут-Бич. Окна номера выходили на океан, а еще был балкон с маленьким столиком и двумя плетеными креслами. По утрам Аскольд и Верка пили кубинский кофе в забегаловке на пляже, потом загорали и купались в океане. Когда солнце было в зените, занимались любовью в прохладном номере, а вечером шли на обед в какой-нибудь рыбный ресторан.

Как-то Верка попросила Аскольда найти то место, куда причалила «Бэби Кристина». После нескольких часов плутаний вдоль побережья на машине, которую Аскольд взял напрокат, бухта была найдена.

«Приплыла ни с чем и уплыву ни с чем», — подумала Верка. Она стояла у парапета и смотрела на воду. В бухту входила маленькая яхта.

— Цыган везут, — засмеялся Аскольд.

— Кому-то жен везут, — сказала Верка, отходя от парапета.

Аскольд перестал смеяться и закурил.

Вечером он повел Верку в дорогой бутик и купил ей длинное желтое платье, синие бусы и белые босоножки. Во всем этом Верка и вышла из бутика.

Все кубинцы на улице замерли. Высокая, загорелая, красивая — такие девушки живут в шикарном особняках за заборами, их можно увидеть лишь на обложках глянцевого журналов.

— Пошли есть крабов, — сказал Аскольд.

В ресторане все посетители и официанты смотрели на Верку, а она хряпала крабов специальными щипцами, высасывала из клешней мясо и запивала его пивом из большой кружки. Верка не хотела ни говорить, ни слушать — делала вид, что слишком занята крабами, а на самом деле не отрываясь смотрела, как маленькая белая яхта входит в бухту. Конечно, эта картина существовала только в ее воображении; ресторан находился далеко от берега, да и в любом случае было уже слишком темно, чтобы разглядеть яхту в океане. Последнюю клешню Верка раздавила с такой силой, что из нее брызнул сок, и капелька, попав на новое платье, превратилась в пятно. * * *

Настал последний день каникул. Аскольд и Верка по тропинке спустились к пляжу и бросили в океан по монетке — чтобы вернуться. В Нью-Йорк надо было обоим — Аскольда ждали дела, а Верку — уборка квартир.

Зарегистрировавшись у стойки авиакомпании «Континентал», они сели в зале ожидания — до посадки оставалось минут сорок.

— Осточертело все, — сказал Аскольд. — Опять легенды, опять игра в «адвоката дьявола», где я должен угадать вопросы, которые может задать иммиграционный офицер или прокурор.

— Ты хоть людям помогаешь, — утешила его Верка. — Ты молодец, ты честно отработываешь деньги. А сколько твоих коллег-жуликов берут деньги ни за что, и им не стыдно обманывать нелегалов! Ведь они знают, что мы беззащитные, что побоимся жаловаться или судиться с ними. Скажи, Аскольд, ты когда-нибудь обманул кого-то из клиентов?

— Нет, но ошибки совершал. Спать из-за этого не мог. Столько лет уже практикую, а все равно ошибки делаю. Что касается обмана, то я всегда предупреждаю, что результат не гарантирую.

— Почему?

— Потому что как бы я ни готовил к суду или интервью, клиент всегда глупость сморозить может. Да и стратегия, которую я выбрал, может оказаться не лучшей, но это не значит, что я обманываю клиента.

— Лифшиц говорил примерно то же самое. Но он обманщик.

— Адвокаты, как и все люди, — или обманывают, или не обманывают. Но не потому они обманывают, что наша профессия такая.

— Когда ты решил не обманывать?

— Строго говоря, речь идет о мошенничестве, а не об обмане. То есть я обещал что-то сделать, взял деньги, но не сделал. Это почти как воровство. В детстве мне папа и мама сказали, что красть нехорошо, причем подчеркнули, что красть нехорошо всегда, пусть даже никто не видит или, как в случае с нелегалами, не может защитить свое имущество.

Зал ожидания вдруг пришел в волнение — из боковой двери появились несколько человек в коричневых куртках, на которых было написано «ICE». Они подошли к группе туристов, стоявших неподалеку от входа.

— Кто это? — прошептала Верка.

— ICE — Immigration and Citizenship Enforcement. Именно этот отдел Министерства внутренней безопасности отлавливает нелегалов.

— Давай быстро уйдем.

— Поздно — по радио объявляют, чтобы все оставались на своих местах для проверки документов. Черт! Они никогда раньше не устраивали рейды в аэропортах. Если бы я знал, мы бы самолетом не летели.

— Что мне делать, Аскольд? Может, я в туалет пойду, там пересажу.

— Вера, сиди спокойно, дай мне подумать.

Отряд айсовцев неумолимо приближался. Документы просили у всех — у типичных американских старушек, у подозрительных арабов, у латинос, у черных — айсовцы не дискриминировали никого. Вот их послал к едреней матери какой-то тип, явно из американской глубинки, но через минуту он, извиняясь, показывал свои миннесотские водительские права. На поясе каждого айсовца висела кобура с большим пистолетом, и любителей качать права, кроме жлоба из Миннесоты, не было.

Верка опустила голову, закрыла глаза. Аскольд, наоборот, внимательно наблюдал за происходившим. Вдруг молодой латиноамериканец, сидевший слева от Верки, вскочил и быстро двинулся в сторону двери. Сделав несколько шагов, он побежал. Два айсовца тут же погнались за ним, схватили его у самой двери и повалили на пол. Третий уже стоял с наведенным на парня пистолетом и что-то кричал ему по-испански. Айсовцы надели на парня наручники и, держа под руки, вывели из зала. На этой удаче рейд закончился.

— Я думаю, они знали, кого искали, — сказал Аскольд, поглаживая дрожавшую Веркину руку.

— Я так жить не хочу, — сказала Верка. — Ты вряд ли придумал бы за несколько оставшихся секунд, как меня спасти, мне просто повезло.

В самолете Аскольд и Верка пили скрудрайверы как воду и уже к середине полета напились так, что стюардесса отказалась подавать им спиртные напитки. Когда приземлились, Верка не хотела выходить из самолета. Она клацала от страха зубами и пьяно бубнила, что ее арестуют. Аскольду пришлось ее выносить чуть ли не на руках. А Верка была крупной девушкой.

Уже в кровати, после пьяного секса, засыпая, Верка спросила:

— Аскольд, ты бы придумал, как меня спасти?

— Я тебя спас, дурочка. Пока ты сидела, обхватив голову руками, ничего не видя и не слыша, я дал парню за твоей спиной тысячу баксов и сказал: выручи, беги! Он-то гражданин США, и ничего ему не будет — проверят документы и отпустят. А парень сообразительный оказался — с полуслова все понял.

И Верка снова прижалась к Аскольду, потому что женщины очень любят, когда их спасают. * *

Говорят, в армии, где все точно учитывают и рассчитывают, есть разрешенное количество жертв при перевозке большого числа солдат на определенное расстояние. Например, перебросить дивизию из США в Ирак без всяких военных столкновений обойдется минимум в три жертвы — кого-то грузовик переедет, кто-то ракетницей пальнет себе или товарищу по оружию в глаз, а кто-то лбом шарахнется о гвоздь в переносном сортире. Большая

переброска людей на расстояние без жертв не обходится. Поскольку в Америку приехали тысячи западнцев, то нет ничего удивительного в том, что Андрюха из Бердичева, чиня кровлю, свалился с крыши и разбился насмерть. Ремонтно-строительная компания, на которую работал Андрюха, конечно, нарушала все правила техники безопасности, но подавать на нее в суд за Андрюхину смерть было некому — в Америке у него не было ни одного родственника.

У Зинки собрались человек двадцать западнцев, чтобы решить, хоронить Андрюху в Америке или отправить его тело в Бердичев. Хозяин строительной компании согласился, причем с радостью, оплатить транспортировку покойного в цинковом гробу до самого Бердичева. Немалая, кстати, сумма — несколько тысяч долларов. Никто из западнцев не решался позвонить Андрюхиной маме и сказать ей о смерти сына, и Аскольд предложил свои услуги. Все столпились вокруг Аскольда, когда он набирал номер.

— Я звоню из Америки, — негромко сказал Аскольд в трубку. — С кем я говорю? — Убедившись, что голос принадлежал матери Андрюхи, Аскольд продолжал: — С вашим сыном случилось несчастье. Он погиб в результате несчастного случая на стройке.

Очевидно, мать заплакала. Несколько минут Аскольд молчал, потом сказал, что позвонит еще раз, чтобы сообщить, когда тело ее сына прибудет в Бердичев.

Все сели за стол и выпили.

— Не думайте, что если Андрей нелегал, то его наследники не имеют права судиться со строительной компанией. Кроме страховой компании, ответчиками могут быть и хозяин дома, и компания, которая изготовила страховочные пояса, и компания, которая сколотила стропила, — это дело надо внимательно изучить. У некоторых, если не у всех этих компаний, есть страховые полисы для подобных случаев. Я не исключаю возможности получения семизначной суммы в пользу наследников Андрея.

Все притихли.

— У вас, адвокатов, только бабки на уме. — Славик махнул рукой. — Тут у людей такое горе, а он про бабки.

— Заткнись, Славик, — сказала Верка. — Водкой горю не поможешь, а Аскольд дело говорит. Мы ведь ничего про Андрюху не знаем, может, у него ребенок есть, а может, и не один.

— Через некоторое время отошлю маме Андрея вопросник на русском языке и контракт. Если подпишет — вчиню иск всем, кто хоть как-то был связан с этим происшествием. А не подпишет — ее дело. Жить-то ей надо. Андрей ей, наверное, деньги отсылал, поддерживал.

— Конечно, отсылал, — подтвердила Зинка. — Мы вместе отсылали с Пятого Брайтона.

Западнцы снова налили и, не чокаясь, выпили за упокой Андрюхиной души.

— Только так нелегалы и могут разбогатеть — подохнуть на стройке, а потом чтоб детишки отсудили миллионы, — подытожил Славик.

— Лучше бы посмертно грин-карту дали, — сказала Катька.

— На хера ему теперь грин-карта? — наливая по новой, усмехнулся Славик. — Там, где он сейчас, документы не спрашивают.

— Ну, если детишки есть, может, они бы через него статус получили.

— Не получили бы, — сказал Аскольд. * * *

— Аскольд, Романо сегодня Зинке предложение сделал. Кольцо подарил. Через месяц свадьбу играть будут в «Двух гитарах». Как ей повезло во всем! Ты не подумай — я по-хорошему завидую. У меня есть еще пара лет, чтобы родить ребенка, а потом все — не рожать же после сорока.

— Вера, я не хочу детей, а у тебя уже есть две дочки.

— Я, наверное, вернусь домой. Не сложилось у меня тут. Я до сих пор в себя прийти не могу после той истории в Майами.

Аскольд молчал. Верка поднялась с кровати, оделась и ушла.

Через три дня она позвонила Зинке из Иршавы.

Андрюха прибыл домой в цинковом гробу три дня спустя.

Еще через неделю Аскольд получил подписанный договор от матери и сестры Андрюхи; теперь он вправе подать иск от имени Андрюхиных наследников. Сумма компенсации могла составить миллионы долларов. * * *

Свадьбы было две — Зинкина с Романо и Катькина с Джоном. Катька, сучка хитрая, таки примазалась к настоящей Зинкиной свадьбе и в итоге получила не меньше пятидесяти фотографий, где в качестве гостей фигурировали работники иммиграционной службы, включая директора отдела политических убежищ. Настроение Катьке в конце вечера испортил Аскольд, который, напившись разных сортов водки, сказал, что грин-карта Катьке через брак не светит — ведь въехала она в Америку нелегально, а значит, ей придется возвращаться на Украину и просить иммиграционную визу в американском консульстве.

— Ну и дебилные законы! — сплюнула Катька. — А я Джону уже бабки отдала.

— Да, дебилные законы, — искренне согласился Аскольд.

Крк

Еврей в отношениях не терпит многоточий — это верно подметил герой романа Филипа Рота «Синдром Портного». Знаки препинания, однако, не всегда зависят от нас, евреев. И еще есть события, в результате которых отношения «зависают» не только у евреев, например эмиграция. Я уезжал навсегда и прощался со всеми навсегда. Мне казалось, что я ставил точку...

В течение первых нескольких лет после отъезда эмигранту снится сон-кошмар: он возвращается на родину, и обратно пути нет. Конечно, нынешним эмигрантам такие кошмары не снятся — ведь они могут вернуться (и возвращаются!) еще до того, как вода в чайнике закипела. Тех же, кто уезжает навсегда, родина отпускает нелегко, часто забирая по ночам блудных сыновей обратно в свое злое лоно. Там она их мучает картинками детства и первой любви, а перед самым рассветом притворяется, что двери в оставшуюся на Западе жизнь захлопнулись навсегда. Для острастки промелькнут в толпе кагэбистские рожи, и эмигрант сникает окончательно.

Пробуждаешься утром в городе Буффало, сердце стучит; с одной стороны, радуешься, что это был всего лишь сон, но и грустно тоже — опять расстался с любимой. Осталась часть меня в камере пыток, в царстве-лагере. Осталась моя неиспользованная возможность создать наилучшее потомство. Много евреев оставили в Союзе любимых русских и

украинских девушек. С кем ни встречусь, у каждого была в прошлой жизни Наташа, Таня или Ира. У меня осталась Люда. Я не знаю, как русские девушки относятся к многоточиям.

Я захотел эмигрировать, когда мне было двенадцать лет. Мне все равно было куда, мне важно было — откуда. В тринадцать лет с моим самым близким другом Аликом мы разрабатывали план побега, изучали карту Советского Союза, искали самые безопасные места для перехода границы. Остановили свой выбор на границе с Ираном, которую решили проскочить на мотороллере. В наши юные годы не было у нас денег на мотороллер, да и вся затея уже тогда казалась нам бредовой, но думать о побеге было сладко. Помню, как мы с Аликом огорчились, когда несколько лет спустя иранский шах выдал Союзу летчика Зосимова, который перелетел границу на маленьком самолете и попросил политического убежища в Иране. Пройдет около пятнадцати лет, и смертельно больной Реза Пехлеви будет рыскать по миру, как затравленный волк, в поисках убежища. Не сомневаюсь, эта участь постигла его за Зосимова.

Сейчас, прожив тридцать лет в Америке, я понимаю, что Харьков был красивый город, что моя тридцать шестая школа могла бы запросто потягаться с любой элитарной английской школой и, наверное, выиграла бы это состязание, и что вообще мое детство было счастливым. Но тогда, с двенадцатилетнего до почти двадцатипятилетнего возраста, я ненавидел родину и свой родной город Харьков. Я не хотел путешествовать по бескрайним просторам Советского Союза. Для меня это было все равно что путешествовать по большому тюремному двору. Ну, так другая камера немного отличалась от моей и какой-то закуток тюрьмы выглядел даже симпатичным, но этого было для меня мало.

Когда мне было восемнадцать лет, я начал учить французский язык с Ириной Игнатъевой. Ирина родилась во Франции, в семье белогвардейского офицера, успевшего удрать от большевиков за границу в двадцатые годы. У Ирины была сестра Натали, тоже родившаяся на благословенной французской земле. Обе сестры получили образование в лицее, обе прекрасно говорили по-русски, при этом так грассируя, что только за это их хотелось поцеловать. Французское грассирование аристократично и сексуально.

После Второй мировой войны офицер Игнатьев совершил непростительную стратегическую ошибку — он дал советским эмиссарам себя уговорить и вернулся на родину вместе с женой и дочерьми-француженками. Ирина и Натали поступили в университет и успешно закончили факультет иностранных языков. Папу Игнатьева немного помутузили и трудоустроили гардеробщиком в том же университете. Потом он пошел на повышение и стал продавать книги в университетском киоске на первом этаже. Белогвардейские седые усы и французский берет. Как он мог дать себя уговорить?

Через Ирину и Натали я познакомился с другими французами, живущими в Харькове. Их всех объединяло то, что у них были доверчивые родители. Я не подозревал, сколько доверчивых французов живет в моем городе. Я начал приходить к ним на посиделки. Жили они преимущественно в плохих районах и в плохих квартирах, но в каждой можно было найти много молекул — посланцев Запада. У кого на полке стояли французские книги, у кого был свитер, который явно выпадал из остального гардероба, у кого подавали к столу французское печенье или даже коньяк. На посиделках говорили, разумеется, только по-французски.

Я ожидал услышать антисоветские разговоры, но ни одного крамольного слова так и не услышал. Я не понимал тогда, через что эти люди прошли, что они уже потеряли. Во время одной из посиделок я попросил их рассказать о Франции их детства и юности. Все замолчали. Я понял, что они не могли начать разговор не потому, что боялись меня. Они боялись, что нахлынут воспоминания, и жить им станет трудно или невозможно. Но мало-помалу они разговорились, начали вспоминать остановки парижского метро, фильмы конца сороковых и начала пятидесятых, цены на газеты, журналы и продукты. Вспоминали имена школьных друзей, праздники. Французский армянин Арсен взял гитару и запел песни Брассенса. Многие

знали слова и подпевали. Поздно вечером я вышел из монпарнасской квартиры на темную улицу на Шатиловке. Merde, to?t est de la merde, de la merde parto?t.

Американской колонии в Харькове не было, потому что в Харькове жил всего один американец — старый Джейкоб Тенцер. В тридцатых Джейкоб приехал в Советский Союз помогать строить коммунизм и вот маленько подзадержался. Арестован он был почти сразу. Конечно, допрошен, а затем помещен в «каменный мешок» — камеру настолько маленькую, что в ней можно было только стоять. В этом «мешке» Джейкоб провел три дня. Он спал, «облокотившись» коленями о переднюю стенку. Колени у него потом болели всю жизнь. Джейкоб рассказывал, что на допросах он ни в чем не признался. Ему, американцу, было непонятно, как можно признаваться в том, чего никогда не делал. Такой стойкостью он спас себе жизнь. Его выслали на поселение, где он познакомился с Фаней, на которой потом женился. Джейкоб и Фаня Тенцер были одними из основателей харьковского института иностранных языков.

На последнем курсе иныза я вел заседания и концерты «Английского клуба» в Харькове. После концертов активисты клуба часто шли ко мне домой на чай. Однажды майским вечером мы направлялись группой человек в десять на такое чаепитие. Джейкоб взял меня под руку, мы немного поотстали от всех. Вдруг он остановился и сказал:

— Вот я сейчас закрываю глаза и представляю себя в Бруклине. И куда бы ты меня ни завез, я найду дорогу домой. Я помню каждую улочку в Бруклине.

— Джейкоб, я скоро отсюда уеду, — сказал я.

— Я тоже, — ответил Джейкоб. — Ведь у меня сын примерно твоего возраста.

17 ноября 1976 года я уехал из Харькова на поезде в приграничный город Чоп. На вокзале собрались родные и друзья. Я всех поцеловал, а Люду поцеловал и обнял. Постояли, обнявшись, полминуты. Люда пыталась заплакать, но у нее не получалось. Я покинул СССР 19 ноября 1976 года и на следующий день уже был в Австрии. Поезд ехал мимо самых красивых полей в мире, по шоссе мчались чудесные автомашины, в вагоне стояли нестрашные австрийские солдаты с маленькими игрушечными автоматами. Я прилип к окну. Каждая молекула в окружающем пространстве меня радовала. Самая большая мечта в моей жизни сбылась, остальное оказалось только подливкой к основному блюду, которое так роскошно было сервировано для меня 20 ноября 1976 года.

Джейкоб Тенцер эмигрировал с семьей вскоре после меня. Поселились они в Чикаго. Потом, уже живя в Америке, я часто вспоминал Джейкоба, особенно когда слушал песню Энн Мюррей «Луна над Бруклином». Ночь, все огни потушены, и только бледный лунный свет освещает фигурку старика, бредущего домой после пятидесятилетней отлучки. * * *

В ноябре восьмидесятого я получил от Люды письмо, в котором она давала понять, что в августе восемьдесят первого сможет приехать в Югославию. Это был шанс не только встретиться, но и умыкнуть ее в какую-нибудь западную страну, а оттуда в Америку. Несмотря на то, что Югославия была «самым веселым баракком в социалистическом лагере», к операции по «умыканию» нельзя было относиться легкомысленно — граница между Югославией и окружающими странами существовала и охранялась.

В мае 1980 года умер Тито, и куда повернет Югославия, было непонятно. Я предполагал, что, будучи гражданкой Советского Союза, Люда не сможет на территории Югославии получить визу в капиталистическую страну, но существовал и другой путь — нелегально перейти границу в одну из соседних с Югославией капиталистических стран.

Сбор информации в восьмидесятом году был гораздо более трудным и кропотливым занятием, чем в две тысячи седьмом, когда пишутся эти строки. Это сейчас, выйдя в

Интернет, я могу за несколько минут узнать расписание самолетов и поездов практически в любой стране мира и тут же, нажатием нескольких клавиш, заказать машину и гостиницу где пожелаю. В восьмидесятом все это занимало гораздо больше времени, и все заказы тогда осуществлялись через турагента.

Для проведения любой операции, вам это подтвердит Моссад, нужен бюджет. Сколько стоит умыкнуть человека из Югославии в Америку? (Разумеется, речь идет о 1980 году.) Если поручить провести эту операцию ЦРУ, бюджет составит несколько миллионов — команда человек шесть, вертолет, несколько машин прикрытия, создание ложного следа, усиленное питание бойцов.

Моссад уложится в несколько сот тысяч — там ребята неприхотливее. Мои ресурсы на ноябрь 1980 года составляли ровно ноль. Я занимался на первом курсе юридической школы, и моей стипендии и студенческого займа хватало только на бедную жизнь. Экономя и работая летом помощником адвоката, я мог собрать к августу сумму в тысячу долларов, а значит, на собственные ресурсы рассчитывать было нечего, и операцию придется финансировать из одолженных денег. Поговорив со всеми своими близкими друзьями, я выяснил, что на все про все у меня будет четыре тысячи долларов, включая собственную тысячу, которую еще предстояло заработать и отложить.

Первой тратой было приобретение крупномасштабной карты Балкан. Я прикрепил карту к стене и долго ее изучал. Я еще не знал, в каком городе или в каких городах будет останавливаться Люда, но следовало начинать привыкать к местности. Я заказал паспорт для заграничных поездок для постоянных жителей США. Паспорт пришел через два месяца.

В письме Люде пришлось попросить уточнить, когда и где именно она остановится в Югославии. Через месяц я получил ответ: городок Башка-Вода, с 21 по 28 августа. Башку-Воду я нашел в Хорватии, на Макарской Ривьере. Лежал этот курорт примерно посередине между Дубровником и Сплитом. Теплое Адриатическое море, благодатный климат. До границы с Италией далеко — машиной от Сплита добираться часов десять, да и то если дорога приличная. Еще несколько часов езды на север, через Словению, и ты на югославо-австрийской границе. Третья капиталистическая страна, граничившая с тогдашней Югославией, — Греция. Из Дубровника до Салоник, по моим расчетам, можно было добраться часов за семнадцать. Самый короткий путь в Грецию лежал через Албанию, но он, по понятным причинам, исключался, а следовательно, нужно было бы ехать сначала на северо-восток до Скопье, а потом на юг через всю Македонию до Греции.

Я по несколько раз в день подходил к карте, пытаюсь представить пляжи около Триеста, леса вдоль границы с Австрией и долину реки Вардар в Македонии с Родопской и Динарской горными грядками по обеим ее сторонам. Это было небесполезное занятие — привыкаешь к масштабу, к расстояниям, к названиям городов и деревень. Пару раз сходил в библиотеку, взял книги и альбомы о Югославии, просмотрел их. Нужно заранее знать, как выглядят местные жители, — какие у них характерные черты лица, какого цвета волосы, низкие они или высокие, как одеваются. Такое знание поможет мне выделить югослава в толпе, скажем, немцев, а русского в толпе югославов.

На всякий случай я решил получить визы во все капстраны, которые граничили с Югославией. Сделал я это позже, во время одной из поездок в Нью-Йорк — именно там находились ближайшие консульства интересующих меня государств.

Поскольку у Люды практически не было шансов на получение визы в капстрану на территории Югославии, я начал прорабатывать возможности нелегального перехода границы. Конечно, будь у меня деньги, я бы сначала сделал «холостой прогон» — сам попробовал бы нелегально перейти границу. Но денег не было, а значит, у меня только одна попытка — как у сапера. Дефицит, к сожалению, ощущался не только в финансах, но и во времени: ведь я

учился на первом, самом тяжелом курсе юридической школы и должен был еженедельно прочитывать по 700–800 страниц судебных решений в области конституционного, контрактного и уголовного права, не считая юридических эссе, сборников законов и комментариев к ним.

Ни из одной книги не выудишь столько информации, сколько из живого человека, и я начал искать выход на югославов, которых в Америке, как и представителей всех других национальностей, достаточно. Вспомнил, что когда три года назад преподавал в течение одного семестра русский язык на факультете современных языков и литературы, у меня в группе была македонка по имени Бетти. Группа оказалась небольшой, человек десять, мы все дружили, собирались у меня на квартире, пили водку.

Политическая корректность тогда только зарождалась в Соединенных Штатах, и никому бы в голову не пришло донести на меня в ректорат, что я вольно веду себя со студентками, что у меня на квартире курят марихуану и пьют водку, закусывая ее желе. Почему желе? Однажды во время урока я сказал, что люблю желе. В следующую пятницу студенты собрались у меня, притащив зеленое, красное, желтое желе в самых разнообразных емкостях: в тупле, в мыльнице, в шапке, в футляре для очков, в химической колбе и других экзотических сосудах. Я, как всегда, выставил водку. Напились все до чертиков. Ночью студенты разъехались — кто домой, кто в общежитие.

На следующее утро я узнал, что все общежитие было заблевано разноцветной гадостью, что вызвали полицию и забрали двух моих студентов за драку. А еще говорят, что русские напьются и дерутся. Просто надо знать, как правильно пить и чем закусывать, — если все сделаешь по правилам, драка обеспечена. И никто — ни участники драки (которых вскоре отпустили), ни свидетели, ни мальчики, ни девочки — никто меня не заложил и моего имени не упоминал.

Так вот, Бетти была моя студентка, даже встречалась с индусом Дхармом, с которым я делил квартиру. Был у нас и третий квартиросъемщик — американец из Огайо Боб Уайз. Мы жили дружно, часто рассказывали друг другу свои истории. Бетти познакомилась с Дхармом на одной из моих вечеринок, а поскольку оба были романтичны и сентиментальны, то сразу же влюбились друг в друга. Как и положено в традициях романтических народов, македонские родители сказали Бетти, что прикончат Дхарма, как только он появится у них дома, а индийская мама Дхарма написала ему, что забудет его имя и что покойный отец, узнав, что Дхарм собирается жениться не только вне касты, но и вообще черт знает на ком, умер бы еще раз. Кстати, Дхарм мне не раз рассказывал, что смерть отца (его переехал мотороллер) была подстроена родителями его бывшей невесты за то, что Дхарм опозорил их, уехав в Америку учиться, вместо того чтобы жениться на их дочери.

Я уже давно не жил с Дхармом и Бобом, редко виделся с ними. Позвонил Бобу, узнал, что Дхарм и Бетти до сих пор встречаются. Боб пригласил нас всех к себе, честно предупредив, что еды у него нет. Мы все были очень бедными тогда. Одежду покупали ношеную, на так называемых «гаражных распродажах», супы и консервы покупали в мятых банках по десять, а иногда и по пять центов за банку.

Помню, когда я жил вместе с Бобом и Дхармом, Бобу подарили на день рождения большой кусок мяса. Он его заморозил и держал в морозильнике с марта по декабрь, а на Рождество зажарил и угостил нас. Когда Боб подрабатывал развозом пиццы, он записывал в отдельный блокнотик, сколько ему дали за день чаевых, и потом платил налог с этой суммы. Десятый год Боб учился на степень магистра, которую обычно получают максимум за два года. Дольше Боба студентом в Буффальском университете числился только сумасшедший по фамилии Лев, который каждые четыре года выставлял свою кандидатуру на президентских выборах. Лев всегда проходил какой-то первый этап, потому что сотни несознательных студентов, чтобы насолить истэблшменту, отдавали свои глупые голоса за крэйзи Лева. Говорили, что

Лев воевал во Вьетнаме.

Собрались мы у Боба, купили в складчину пиццу и кока-колу. Я рассказал, что задумал сделать в августе, и попросил Бетти помочь мне выйти на югославов. Я хотел знать, насколько трудно перейти границу с Австрией, Италией и Грецией, может, кто-то из знакомых ее знакомых это делал и поделится опытом. Кроме того, мне нужно было иметь как можно больше потайных точек, где Люда и я могли бы какое-то время отсиживаться в случае неудачи, разумеется, при условии, что нам удастся оторваться от преследователей.

Я предупредил Бетти, что денег у меня будет очень мало, но какие-то деньги за жилье и еду ей смогут дать мои родители и, может быть, друзья. Бетти была очень тронута моим планом выкрасть Люду через родину ее предков и пообещала помочь. Боб и Дхарм тоже были тронуты, но ничем помочь не могли. Они, однако, укрепили Бетти в мысли, что она делает благородное и нужное дело. Бетти плакала от нахлынувших чувств. Дхарм побежал заваривать чай по-индийски — на молоке, без капли воды. Очень крепкий и вкусный. * * *

Первым югославом, с которым меня познакомила Бетти, был Зоран. Зорану было лет двадцать пять, из которых в Америке он провел последние три года. По-английски Зоран говорил довольно прилично, хотя и с сильным акцентом. Узнав, что я учусь на адвоката, он сказал, что тоже хотел бы стать адвокатом. Поговорили о том, сколько адвокаты зарабатывают, а затем я ему рассказал о своих югославских планах. Зоран помолчал, раздумывая (уже хорошо для будущего адвоката), затем задал несколько вопросов. В хорошей ли мы с Людой физической форме? — В хорошей. — Можем ли пройти десять километров ночью? — Можем. — Был ли я когда-нибудь в Югославии? — Нет. — Сколько вещей у меня будет с собой? — Минимальное количество, и я готов бросить их в любую минуту.

Зоран пообещал найти для меня две точки — одну в Хорватии и одну в Македонии. В Хорватии, в Загребе, жил его друг с женой, и Зоран был уверен, что неделю мы с Людой точно сможем провести в их квартире. В Македонии жил его двоюродный брат Милан, который работал на текстильной фабрике в Битоле, совсем недалеко от греческой границы.

Я сказал:

— Зоран, как я могу быть уверен, что твои люди меня не подведут, что они не забудут про меня, что они откроют мне дверь и впустят меня?

— Я с ними лично поговорю, я объясню им, что они это делают ради меня, что ты много для меня сделал в Америке и что я твой должник.

— То есть ты будешь врать, я ведь для тебя ничего не сделал, Зоран, и ты мне ничего не должен. Но если мне придется воспользоваться гостеприимством твоего друга и кузена, я ведь вручу им свою судьбу и судьбу Люды. Я понятия не имею, что с нами могут сделать в Югославии за попытку перехода границы в капиталистическую страну. Тюрьма? Какой срок? Я не столько боюсь тюрьмы, сколько выдачи Люды обратно Советам. Если у нас что-то не получится, я хочу иметь возможность отсидеться в каком-нибудь месте или в нескольких местах хотя бы пару месяцев. Подождать, пока все утихнет, связаться с американским консульством, может быть, с американскими средствами массовой информации. Я еще не знаю, как я буду выпутываться сам, а главное, выпутывать Люду из этой ситуации.

— Если ты хочешь, ты можешь сам поговорить с ними по телефону. Приходи завтра — позвоним вместе, они уже будут знать о тебе.

Я пришел на следующий день и принес десять долларов за телефонный звонок в Югославию. Зоран рассмеялся и сказал, что в отличие от меня он работает, чинит «Фольксвагены», и для него не составляет большого труда заплатить за звонок. Международные разговоры стоили

тогда бешеные деньги, как минимум доллар за минуту. Зоран набрал номер, сказал на вполне понятном македонском (или на каком-то другом славянском языке) несколько слов, я разобрал свое имя, слова «Америка» и «Югославия», а затем Зоран протянул мне трубку.

Я представился, поздоровался на русском языке. В ответ прозвучал хриплый смех.

— Давно по-русски не говорил, — сказал голос. — Я Милан. Зоран о вас говорил. У меня дом, места всем хватит. В августе я буду в Прилепе, это недалеко, так что мой дом будет пустой. Я Зорану напишу все адреса и телефоны в Прилепе и в Битоле.

— А как я попаду в дом в Битоле?

— Возьмете ключ у соседа, Зоран его знает — его зовут почти так же, как вас. Мы с ним родственники, я предупрежу его.

— Спасибо. Может быть, мне не понадобится ваша помощь, но я в любом случае ваш должник.

Милан опять рассмеялся:

— Я через год приеду в Буффало, познакомимся.

Мне показалось, что Милан меня теперь не забудет, но на всякий случай я хотел сказать что-нибудь запоминающееся.

— Милан, вам Зоран сказал, что я буду не один?

— Да, с женщиной.

— Мне Зоран сказал, что вы самый большой ёбарь в Македонии. К вам не опасно с женщиной?

Как я и предполагал, Милан прекрасно понял слово «ёбарь». Поскольку ни один мужчина никогда не обижался на славу «ёбаря», то я не промахнулся. Он расхохотался и сказал:

— У Зорана длинный язык. Я сделаю ему короткий язык, когда приеду в Буффало.

Мы попрощались. Зоран не сказал ни слова насчет моей выдумки. Второго звонка мы делать не стали, потому что оказалось, что его друг разводится с женой и ему не до нас. Больше у Зорана друзей с хатой не было. * * *

А точки-хаты были нужны. Одной точки в Македонии было недостаточно. Она сгодилась бы, если бы мы прорывались в Грецию — самый маловероятный вариант. Я хотел точку в Хорватии, недалеко от Башки-Воды, на тот случай, если прокол произойдет в самом начале операции при попытке отрыва, и две точки в Словении — одну на границе с Триестом и одну на границе с Австрией, где-нибудь в районе Йесенице. И на всякий случай хотелось бы иметь что-нибудь про запас в Белграде (где все посольства) или на худой конец в Загребе, в котором много западных консульств. Всего мне нужно было пять квартир, где бы нас с Людой приняли на сравнительно долгое время. С учетом дома Милана в Македонии мне оставалось найти еще четыре.

На ловца и зверь бежит — в супермаркете встретил иммигранта из Кишинева Валеру. Валера был футбольный болельщик-фанат, поэтому говорить мне с ним было не о чем. К счастью, ему было о чем говорить со мной.

В Америке европейский футбол и сейчас не очень популярен, а тогда о нем просто никто не знал, хотя приблизительно в это время за нью-йоркский «Космос» играли Пеле и

Беккенбауэр. Тем не менее спортивные антрепренеры не оставляли попыток привить американцам любовь к этому малорезультативному спорту. Одной из таких попыток стала организация лиги так называемого «залового соккера», то есть футбола в закрытом помещении, на уменьшенном поле и с сокращенным составом команд — по-моему, пять человек вместо одиннадцати. Игра на таком маленьком поле никогда не заканчивалась всухую. Поскольку в провинциальном Буффало не сумели найти пять мужиков, способных бегать по полю, не дотрагиваясь до мяча руками, то пригласили иностранных звезд, в первую очередь дешевых. Так буффальская команда оказалась укомплектована югославами.

Валера рассказал мне, что знает всех югославов в команде и как здорово они проводят время. Он ходил на все игры буффальской команды и даже выезжал со своими любимцами на матчи в другие города. Часто футболисты приглашали Валеру потренироваться вместе с ними. Тренер (тоже югослав) не возражал, поскольку после тренировок Валера часто кормил всю команду в ресторанчике «Пондероса».

Когда я все это услышал, я попросил Валеру познакомить меня с югославскими футболистами. Сначала он насторожился: не собираюсь ли я составить ему конкуренцию? Почувствовав тревогу в его вопросе «А зачем это тебе?», я его успокоил, уверив, что футбол мне до лампочки, а вот Югославия нет. Я не хотел рассказывать каждому встречному-поперечному о своих планах, о них и так уже знало достаточное количество людей: Боб, Дхарм, Бетти, Зоран, Милан, несколько самых близких друзей, у которых я занял деньги. Но что-то же надо было ему сказать. С одной стороны, я не особенно боялся, что сведения о моих планах просочатся в КГБ, с другой — излишняя болтливость тоже ни к чему. А что, если мое письмо к Люде с вопросами о том, где она будет в Югославии, было прочитано бдительным кагэбистом? А потом им же был прочитан ответ Люды насчет Башки-Воды? Да, Люда не физик-ядерщик, но КГБ наказывал за попытку бегства из страны не только физиков-ядерщиков. И я не офицер-перебежчик, но разве мало намерения и серьезной попытки выкрасть советского гражданина с территории братской социалистической страны, для того чтобы навлечь на себя гнев и неминуемую расправу со стороны КГБ? Но какие байки понадобилось бы рассказывать югославским футболистам, чтобы вызвать у них симпатию к моему делу? Как мне невинно обосновать нужду в нескольких точках? Сказать правду и довериться всей футбольной команде? Среди них запросто мог быть стукач, работавший на югославский аналог КГБ.

Я решил сначала просто познакомиться с футболистами, а там видно будет. Валере же сказал, что собираюсь летом поехать на отдых в Югославию и хочу побольше знать о стране. Такое объяснение его вполне удовлетворило.

Через несколько дней я пришел к концу тренировки буффальской команды и вместе со всеми поперся в «Пондеросу». В этом ресторанчике алкогольные напитки не подавали. Валера достал из сумки бутылку водки и быстро разлил ее по стаканам, наполненным льдом. Я несколько удивился неспортивному поведению югославов, но, в конце концов, какое мне было до этого дело? К тому же с расслабленными людьми легче разговаривать, так что возлияние было мне на руку. Югославы с удовольствием отвечали на мои вопросы. Меня интересовало, что и сколько стоит в Югославии — обед в недорогом ресторане, продукты в магазине, много ли людей говорит по-английски, много ли машин на дорогах, аккуратно ли ездят в Югославии или, как в Италии, сломя голову? Стоимость общественного транспорта, как и кому платят за билет в автобусе и в трамвае? Легко ли найти парковку в городе, выписывают ли штрафные квитанции за неправильную парковку? Можно ли дать взятку стражам порядка? Сколько надо дать за превышение скорости, за поворот в неположенном месте, вообще за неразрешенный маневр? Легко ли снять номер в гостинице без предварительной брони? Много ли гостиниц на дорогах? в больших городах? Можно ли расплачиваться долларами? Грабят ли на улице? Воруют ли в гостиницах? Сколько стоит бензин? Часто ли на дорогах встречаются заправки?

Я рассказал ребятам, что собираюсь путешествовать на машине с девушкой. Сказал, что хотел бы переехать из Югославии в Триест, посмотреть город и вернуться, но не хотел бы ради одного дня платить за итальянскую визу, и что многие югославы, я слышал, ездят туда-сюда без проблем.

— Без проблем, потому что мы знаем, куда ехать. А так могут быть проблемы, — усмехнулся центрфорвард. — Так что лучше не экономь на визах. Ты же уже американец, неужели не можешь по-человечески путешествовать? Или будешь, как русские футболисты, в гостиничном номере прошлогодние консервы есть?

Валера рассмеялся и разлил по новой. Я предложил тост за Югославию.

— Давай лучше за Америку! — перебил меня центр. * * *

В тот вечер я подвез центрфорварда домой. Из его слов я понял, что возвращение на родину в его планы не входит. Он подписал контракт с буффальской командой на два года и надеялся, что затем либо продлит контракт, либо найдет другую команду, которая согласится его взять. Мы подъехали к его дому, и он пригласил меня зайти.

Центр снимал первый этаж двухэтажного дома. Обстановка была очень скромная: некрасивая американская мебель, конечно, большой телевизор и барная стойка. На стойке стояли бутылки. Он взял бутылку бренди «Наполеон» и налил нам в стаканы. Выпили, закусили лимоном, потом еще. И тут он говорит, что в Белграде оставил любимую девушку, просто не успел на ней жениться, нужно было срочно вылетать в Америку. Договорились, что поженятся следующим летом. Но свадьбы не будет, потому что, как ему сообщили друзья, она уже с кем-то встречается.

Душан (так звали центра) потихоньку набирался. Все это время мы с ним говорили по-английски, но вдруг он перешел на свой родной язык — наверное, сербский. В его речи проскакивали слова «курва», «гулянка», часто встречался корень «еб». Я стал его утешать на русском. Он прислушался — русский был ему сейчас явно роднее, чем английский.

После седьмой или восьмой порции Душан заснул. Я был пьян и решил не рисковать и заночевать у него — комнат было много. Нашел какую-то комнату с большим диваном, перетащил на него Душана, а сам устроился на кушетке в столовой. Заснуть не мог. Во-первых, страшно хотелось курить — при Душане я не курил. Во-вторых, уж слишком хорошо все складывалось: Зоран, который тут же согласился мне помочь, Милан, который согласился помочь еще быстрее. Теперь вот удача с Душаном. Да, Душан еще ничего не обещал, но он еще ничего и не знает. Наблюдая Душана в течение нескольких часов, я старался ответить на один-единственный вопрос: стукач ли он? Ничто в его поведении меня не настораживало.

Я вышел на улицу и закурил. Дом, где жил Душан, находился в хорошем районе Буффало — Уилльямсвилле. Около гаража стояла машина — очевидно, Душана — новый «Шевроле Камаро». Такой стоил не меньше 12 тысяч долларов, недешевая машина. Я понял, что сейчас не решаю вопрос, насколько я могу доверять Душану. Завтра он протрезвеет, мы еще поговорим, а там видно будет. Я выбросил окурки и вошел в дом. Душан спал там, где я его оставил. Я прошелся по комнатам. На стенах — постеры незнакомых мне югославских групп, «АББЫ», каких-то английских или американских групп. Кителя лейтенанта МВД или красной книжечки, торчащей из висящего пиджака, я не нашел.

«Утром разберусь», — подумал я. Открыв глаза, обнаружил, что я в Коктебеле и никуда никогда не эмигрировал. «Ну что ж, и здесь жить можно», — начал я себя утешать, прекрасно понимая, что нельзя. * * *

На завтрак мы ели хлопья с молоком. На Душане были шорты и майка. Он склонился над

столом и громко чавкал. Его волосатые натруженные ноги были толще моего корпуса.

— Как ты относишься к Советскому Союзу? — спросил я его.

— Никак. В школе учил русский, помню, что были у вас Пушкин и Толстой, но я их не читал.

— Ты знаешь, что оттуда нельзя просто так выехать?

— А ты как здесь оказался?

— Ты что-нибудь слышал про еврейскую эмиграцию? В общем, евреев они нехотя выпускают, потому что на них надавили Штаты и европейские страны. А просто так человек не может поехать даже в Югославию, не говоря уже о Франции или Англии.

— К чему это ты мне рассказываешь? Я от политики далек. Мне бы в хорошую команду устроиться, дом купить, грин-карту получить.

— Душан, так получилось, что я расстался со своей любимой девушкой. Мы должны встретиться летом в Югославии. Как мне перебросить ее на Запад? Я думал о Триесте. Вчера ты сказал, что нужно знать, куда ехать. Куда ехать, Душан?

Душан, который вчера не выкурил ни одной сигареты, вдруг попросил дать ему закурить. Развалился в кресле, пуская дым, положил волосатые лапища на стул.

— Я дам тебе номер телефона одного человека — его зовут Карло, он наполовину итальянец, наполовину словенец. Ты позвонишь ему дня за три до перехода, скажешь — от Душана из «Партизана». Вы встретитесь недалеко от границы, он скажет где. Там ты ему передашь свою девушку, а сам поедешь через границу официально, по визе. Карло переведет твою девушку горной тропой через границу. Не бойся, он это делает чуть ли не каждый день — он переправляет через границу американские сигареты и итальянские золотые вещи. У него связи на границе, причем с обеих сторон. В Триесте вы встретитесь в кафе, он даст тебе название и адрес.

— А если Карло не окажется на месте, если он как раз в это время будет в Италии?

— Значит, будешь звонить ему каждый день по несколько раз.

— Душан, после того как мы оторвемся от туристической группы, с которой приедет моя девушка, у нас будет максимум сорок восемь, а скорее всего двадцать четыре часа, чтобы пересечь границу. Мне нужна точка недалеко от границы с Триестом, где мы могли бы пересидеть несколько дней.

— Карло все устроит. Но это тебе будет стоить.

— Сколько?

— Спросишь у Карло.

— Мы можем заранее позвонить Карло отсюда?

— Я сам ему позвоню. Через неделю ты будешь знать, сколько что стоит и будет ли Карло на месте. Если нет, его помощник сможет сделать то же самое.

— Душан, ты можешь держать наш разговор в секрете?

— А кому мне рассказывать?

— Не знаю, Душан. Этот вопрос никогда не задают. Ты можешь поделиться этой

информацией с твоими товарищами по команде, Валерой, тренером, человеком, с которым ты познакомишься завтра. Я просто прошу тебя отнестись к моей просьбе серьезно, хоть я тебе и никто.

— А откуда я знаю, что ты собираешься свою девушку перебрасывать в Италию, а не преступника какого-нибудь?

— Карло все поймет. К тому же, как советская девушка-убийца попадет в Югославию? Кто ей даст визу?

— И ты мне не задавай такие вопросы, потому что я не знаю ответов. Приходи завтра на матч, мы будем играть с Кливлендом. А сейчас мне хочется еще поспать. * * *

Надвигался конкурс по международному праву. Я попал в команду нашей юридической школы, состоящую из пяти человек. Мы все усиленно прорабатывали тему конкурса — конфликт между двумя соседними странами по поводу морских границ и территориальных вод. Какой принцип должен применяться в решении конфликта? Если принцип равноудаленности, то должна ли линия границы определяться с учетом островных владений стран — участниц конфликта? Мы должны были уметь представлять любую сторону в конфликте, поскольку на финальном этапе жребий будет решать, какую страну представляем мы, а какую наши противники.

У Италии с Югославией тоже был большой конфликт по поводу Триеста. В конце войны югославские партизаны его просто оккупировали, расстреляли демонстрацию протеста и вроде бы аннексировали Триест. Однако под давлением европейских стран югославы вынуждены были отступить, и Триест стал вольным городом. Через некоторое время он стал итальянской территорией. Там по-прежнему живет много словенцев.

У меня на уме Триест, Словения, Хорватия, а должны быть два вымышленных государства — Проксимия и Солярия. Кстати, спорят они из-за границы не просто так. Тут, как всегда, большие бабки замешаны. Оказывается, неподалеку в океане есть нефтеносный шельф, и от того, как пройдет граница, будет зависеть, какая из этих стран сказочно разбогатеет. С каким бы удовольствием я занимался такими делами, но потом, после Югославии. А сейчас у меня своя международная проблема, и пиздежом тут не открутишься. Как бы хотелось перевезти Люду из Проксимии в Солярию! Да там и остаться! Ночью был в Харькове, еле выбрался. * * *

Я сидел в библиотеке и читал университетскую газету «Спектр». Левая газетенка. Такие издания, как «Спектр», породили политическую корректность в Америке. С гневом прочитав передовицу об американском бойкоте Олимпийских игр в Москве (спортсмены тренировались, а Картер, сволочь, лишил их шансов выступить и получить медали), я перешел к разделу «Рекламные объявления». Уроки по кунг-фу и математике, предложение выгуливать собаку, продается энциклопедия «Британника», знаменитая гадалка Бернис Голден расскажет прошлое и будущее. И небольшая статья о Бернис. Оказывается, в прошлом 1979 году она позвонила на завод «Кодак» (это в соседнем Рочестере) и предупредила, что завтра будет взрыв или пожар. Она умоляла дежурного менеджера предпринять все возможное, чтобы предотвратить катастрофу, еще раз проверить все помещения и оборудование. Когда менеджер поинтересовался, кто звонит, Бернис назвала себя и свою профессию. Менеджер расхохотался и уверил Бернис, что все в порядке.

На следующий день в одном из цехов прогремел взрыв, за которым последовал пожар — самый крупный за всю историю производства. После этого Бернис стала на «Кодаке» человеком номер два после президента. Ей назначили зарплату с условием, что она и впредь будет стоять на страже кодаковских интересов.

Еще в 1977 году, будучи аспирантом на факультете лингвистики Буффальского университета,

я вступил в Американское общество скептиков. Понятно, что, прочитав историю про ясновидение Мадам Бернис Голден, я не поспешил выйти из Общества, а наоборот, еще раз подивился простодушию людей.

Вечером я снова вспомнил о Бернис Голден. То, что она позвонила на «Кодак» за день до взрыва, было неоспоримым фактом. Неужели в этой чертовщине что-то есть? Конечно, я слышал миллион историй о чудесных исцелениях, об удивительных по точности гаданиях, о том, как цыганки рассказывали человеку конкретные факты из его прошлой жизни. Не верил я никому и ничему, а меньше всех Нострадамусу. Уж его-то катрены подлежат любой трактовке. И все-таки, как могло случиться, что Бернис Голден позвонила именно на «Кодак» за день до взрыва? Слишком много совпадений — по месту («Кодак» в Рочестере), по времени (завтра), по природе явления (взрыв, пожар).

Чем мне могла бы помочь Бернис Голден, если бы на самом деле обладала даром ясновидения? Конечно, могла бы подсказать оптимальный вариант операции, что уже само по себе было бы крайне ценной услугой. Но не только в этом вопросе мне была нужна помощь Бернис Голден. Я ведь собирался выдернуть человека из привычной жизни. Люда рисковала всем, включая благополучие родителей. О карьере (Люда преподавала английский в школе) я уже и не говорю — какая карьера может быть у перебежчицы? Люда также рисковала свободой, если бы югославы ее вернули в СССР, а может быть, и жизнью. А почему нет? Если американская марионетка шах Реза Пехлеви вернул летчика Зосимова, который никого не убил, никому не нанес никакого вреда, то почему югославы должны быть лучше иранцев? Ситуация в мире достаточно напряженная — русские недавно вошли в Афганистан, Московские олимпийские игры бойкотировались многими странами, и где стоят югославы в этой расстановке сил, было понятно: гораздо ближе к Союзу, чем к Западной Европе или к Америке.

И еще одно немаловажное обстоятельство: мы с Людой не виделись четыре года, а на момент встречи в Югославии (если она все же состоится) наша разлука приближалась бы к пятилетнему юбилею. А что, если наши отношения не сложатся? Она же не сможет в таком случае просто взять и вернуться в Харьков. Родители, друзья, профессия — все останется в прошлой жизни. Да, она получит свободу, но нужна ли она ей? Люда не еврейка, не диссидентка, ей вполне комфортно живется в Советском Союзе, во всяком случае, она не задыхается там так, как задыхался я. Самостоятельно ответить на все эти вопросы я не мог. Я не сомневался, что Бернис Голден может помочь мне в этом.

Я позвонил по телефону, указанному в рекламе, и назначил встречу. Решил ничего не говорить Бернис: раз она видит и прошлое и будущее, пусть сама догадывается, зачем я пришел. Я никогда до этого не ходил к гадалкам. Члены Общества скептиков к гадалкам не ходят, разве что для развенчания очередной мошенницы. Помню, в парке Шевченко в Харькове мы с друзьями повстречали толпу цыган. Одна цыганка прицепилась к нам — позолоти ручку, погадаю. Известный остряк Марик говорит: «Хорошо. Ответишь на вопрос — дам пять рублей». Она ему: «Задавай вопрос, красавец, я все о тебе знаю». Марик подумал и говорит: «У меня сейчас хер в левой штанине или в правой?» Нас спасло то, что мы были юны и быстры — цыганка подняла такой крик, что весь табор бросился расправляться с нами.

Нет, такие вопросы я задавать Бернис не собирался, хотя, честно говоря, меня подмывает его задать каждой гадалке. Я шел на встречу, заранее зная, что напрасно потрачу двадцать пять долларов, а это для меня была большая сумма — чуть больше тратилось на бензин в течение целого месяца. Я уже предвкушал ее глупое воркование про разбитое сердце, про блондинок и брюнеток, идиотские инструкции по возвращению утраченной любви. Может, развернуться и ну ее на хер? А с кем мне тогда поговорить, с кем поделиться? Все-таки она в таких делах женщина опытная, может, чего умное и скажет.

Бернис жила в Амхерсте, неподалеку от университетского кампуса. Постучал, мне открыла молодая женщина. Я понял, что это не Бернис, — фотография Бернис была напечатана в «Спектруме». Женщина попросила меня подождать в приемной. Я сел и начал разглядывать фотографии и газетные вырезки на стене. Конечно, повсюду история с «Кодаком»: Бернис с дирекцией «Кодака», Бернис в цеху, где прогремел взрыв, Бернис навещает в больнице жертв взрыва. Были и другие регалии — дипломы каких-то тайных обществ и лож, письма благодарности от чуть ли не коронованных особ, отчеты о выступлениях Бернис на конференциях по черной магии и прочая трахомудия.

Наконец ассистентка пригласила меня войти в кабинет. Закрыв за собой дверь, я остановился. Первое впечатление было от запаха — повсюду курились какие-то стебли и свечи. Напротив меня, у окна, стоял большой стол, за которым восседала большая женщина с распущенными черными волосами. Губы ее были ярко накрашены. Она приветливо улыбнулась и протянула мне руку: «Бернис». Я тоже представился. Затем уставился на ее руки с длинными-предлинными алыми ногтями. Поднял голову, улыбнулся ей. Она улыбнулась в ответ, жестом пригласила сесть напротив.

— Чем я могу тебе быть полезна? — спросила Бернис.

— Бернис, я прочитал о вас в «Спектруме» и понял, что вы очень опытная женщина. Мне нужен совет опытного человека, а не гадание, в которое я, увы, не верю.

Бернис опять улыбнулась и сказала:

— Я всего лишь гадалка. Поэтому я раскину карты Таро — то, что я умею делать и делаю всегда.

— Не стоит, Бернис. Я не верю картам.

Но Бернис меня не слушала. Она уже начала раскладывать на столе большие диковинные карты. Я не помню, просила ли она меня прикоснуться или «сдвигать» колоду. Я сидел и смотрел на картинки. Какое отношение они имели к моей жизни? Как они сейчас выпадут, кто руководит этой игрой? В углу кто-то крикнул. Я повернул голову и увидел зеленого попугая, сидевшего на ветке довольно большого дерева, растущего из кадушки. Клетки я не увидел — он был на свободе.

— Я знаю, зачем ты пришел, — сказала Бернис.

— Зачем?

— Ты ждешь встречи с женщиной, с которой долго не виделся. Она с твоей родины. Так?

— Дальше, Бернис.

— Вы встретитесь, и в сентябре она будет в Америке.

— Бернис, мне придется многое сделать, чтобы это сбылось.

— Я знаю.

— Мне будет трудно?

— Да.

— Как я это сделаю?

— Еще не знаю. Ты сам еще не знаешь. Но я точно знаю, что ты поедешь за ней не один.

- Кто поедет со мной?
- Твой друг.
- Это необходимо?
- Не знаю, но так говорят карты.
- Мы будем счастливы?
- Вы должны встретиться, и вы встретитесь.
- Мы будем счастливы?
- Иногда.
- Мы долго будем вместе?
- Не имеет значения. Вы встретитесь, и она приедет в Америку.
- Бернис, я хотел бы пользоваться вашими услугами, готовясь к этой операции.
- Нет проблем. В следующий визит принеси план действий. Также альтернативные планы. Я хочу знать все.
- Карту принести?
- Не надо. К твоему приходу карта будет висеть на стене.
- Сколько я буду вам должен за ваши услуги?
- У тебя нет денег, с тебя нечего брать.
- Я принес двадцать пять долларов за визит.
- Я сказала, что не возьму с тебя денег. Ты со мной рассчитаешься тем же — сделаешь что-нибудь хорошее для других людей. Только незнакомых, как ты мне. Не сейчас, потом. Придешь в следующую среду, в 7 часов вечера. Ничего не ешь с трех часов дня.

Ночью меня задержали трое гэбистов в парке Шевченко. Они грубо оттолкнули Люду и поволокли меня в здание КГБ на улице Артема. Я никогда до этого не был в этом здании, и вот, наконец, попал в него. Я пообещал какому-то человеку в штатском, что буду честно шпионить на благо Родины, но для этого меня надо отпустить и позволить покинуть пределы этой самой Родины. Мне показалось, что штатский склоняется к тому, чтобы удовлетворить мою просьбу.

Сколько я читал о стукачах и предателях! И вот — докатился! Сам предложил шпионить на Советский Союз. * * *

Матч Буффало-Кливленд по футболу в закрытом помещении проходил в присутствии нескольких десятков болельщиков, в основном выходцев из Европы. Латиноамериканцев, еще одной категории потенциальных болельщиков, в то время в Буффало почти не было, не знаю, как сейчас. Я сидел рядом с Валерой, который шумно болел за буффальчан. За кливлендскую команду, судя по всему, тоже играли югославы. Душан забил два красивых мяча.

После того как футболисты приняли душ, мы все направились в «Пондеросу» отмечать то ли победу, то ли поражение. Кливлендцы тоже хотели с нами пойти, но их грозный тренер загнал

их всех в автобус, и они укатили к себе в Огайо.

После ужина я отвез Душана домой. Он предложил зайти, но я отказался — мне еще надо было часа три позаниматься. Я спросил его, говорил ли он с Карло. Душан сказал, что Карло переведет Люду из Югославии в Триест за тысячу долларов — пятьсот при встрече в Югославии и пятьсот в Триесте. Душан зашел домой и вынес мне клочок бумажки с адресом и номером телефона Карло.

— Ты не пропадай, приходи хотя бы на матчи, — то ли сказал, то ли попросил Душан. — И не бойся. Карло всех на границе знает, и на той, и на этой. Он все время туда-сюда ходит. Отличный парень!

Я пришел домой в возбужденном состоянии. Весь рецепт перехода через границу лежал у меня в кармане. Рецепт этот — Карло. Человек делает это каждый день, и ничего — никто его не ловит. Да, он контрабандист, я с такими людьми дела никогда не имел, не знаю я их, не чувствую. С другой стороны, наивно было бы предполагать, что Душан сведет меня с профессором лингвистики для нелегального перехода через границу. Конечно, это должна быть темная личность, так что пока все нормально. Как бы хотелось самому слетать — попробовать перебраться в Триест вместе с Карлушей. Но нет на это денег!

Так что там у нас с Солярией и Проксимией? Да, как должна пролегать между этими двумя странами граница? Наверное, так, чтобы в случае необходимости через нее можно было легко переправить любимую девушку. А Карло добавит: и рыжуху с куревом.

Ночью я каким-то образом попал в Харьков, видел Люду, стоящую на трамвайной остановке, прокричал в вату какие-то слова, которые сам не услышал. Потом Люда повернулась ко мне лицом, но на меня никак не отреагировала — то ли не узнавала, то ли я был невидимым. Вокруг сновали гнусные типы, и я вдруг обнаружил, что при мне не было ни единого документа, ни единого доказательства, что я живу в Америке. Я молча прокричал гнусам: «Я не ваш, вы не имеете права даже прикасаться ко мне!» А один гнус прошипел в ответ: «Джейкоб Тенцер». Дрожь пробежала по телу — это что ж, на пятьдесят лет обратно, в Союз? Я проснулся от ужаса. Гнус исчез, но с ним исчезла и Люда. В Харьков я больше не хотел и решил немного позаниматься.

Наша университетская команда готовилась к региональным конкурсам по международному праву в Питсбурге. Члены команды играли друг с другом в «адвоката дьявола», представляя то солярийцев, то проксимийцев. На состязаниях будут настоящие судьи, высокое место может помочь потом с работой. Чем больше я вгрызаюсь в тему, тем ненавистнее она мне. Ведь в реальной жизни солярийцы и проксимийцы отрыли бы топор войны в тот самый день, когда американцы или англичане нашли нефть в прибрежных водах этих недоразвитых стран. И рубились бы они день и ночь напролет, а уж потом, когда одна сторона повергнет другую, на сцену выйдут юристы в париках и в международном суде в нейтральной стране подведут юридическую базу под захват всего нефтяного шельфа победителем.

А чем мой случай так сильно отличается от территориального конфликта, который в реальной жизни обычно решается в обход норм международного права? Советский Союз подписал и ратифицировал Конвенцию по Международным правам человека. Ну и что? Разве он когда-нибудь выполнял положения этой Конвенции, особенно что касается ее статьи номер 12, предусматривающей свободный выезд из страны — участницы Конвенции? Но раз Советский Союз нарушает международный закон, то почему я должен его соблюдать? Для меня граница СССР или Югославии так же свята, как для них статья 12 этой самой Конвенции.

Рассуждая таким вот образом, я наливался праведным гневом, и настал момент, когда мне стало трудно отделить любовь к Люде от ненависти к Советскому Союзу. Остановить меня

уже было нельзя. * * *

Я не особенно удивился, когда на стене кабинета Бернис увидел карту Балкан. В Югославию было воткнуто несколько булавок. Бернис сидела за столом и раскладывала пасьянс. Я пообещал в свой следующий приход научить ее раскладывать любимый пасьянс моего папы — «косыночку». Она попросила описать этот пасьянс, и оказалось, что она его знает.

Мы перешли к карте.

— Покажи свой главный план.

Я очертил тупым концом карандаша овал вокруг Триеста.

— Исключено. Ни тебя, ни твоего друга, ни Люды не должно быть и близко около Триеста.

— Почему?

— Потому что там я вижу кровь. Не смерть, нет, но тяжелое ранение. Скорее всего, твое. Кстати, как ты собирался переходить там границу?

Я рассказал о Душане и Карло. Бернис снова села за стол и разбросала свои диковинные карты Таро. Закурила, пустила струйку дыма в сторону спящего попугая.

— Зла они против тебя не замышляют, но дела с ними иметь не надо. И вообще забудь о Триесте, считай, что нет у тебя этого пути. Я три раза раскладывала карты для тебя еще до твоего прихода. Булавками я отмечала на карте хорошие для тебя места и плохие. Триест очень плохое место. Три раза карты мне это показали, при тебе — четвертый раз.

— Австрия хорошее для меня место?

— Да, Австрия — хорошее место. Наверное, лучшее.

— Я подумаю, Бернис, насчет Австрии. На сегодняшний день я ничего не знаю об австрийско-югославской границе. Я люблю Австрию — это была первая свободная страна, в которую я попал, выехав из Советского Союза.

— Чем тебе так понравилась Австрия? Расскажи мне об этой стране — мне будет легче гадать для тебя.

— Бернис, я только сейчас понимаю, какую роль запахи играют в моей жизни. Даже когда я в первый раз зашел в твой кабинет, меня больше всего поразил особый запах, которого я нигде и никогда прежде не чувствовал. В Советском Союзе пахло дешевыми сигаретами, потным телом, чем-то кислым, прогорклым, будто кто-то наблевал и потом плохо убрали. Хорошо там могло пахнуть на природе или у бабушки на кухне. А Австрия — это запах кофе и шоколада даже на улице. Я не падок на сладкое, да и денег у меня там не было на сладости, но я все же купил маленький кусочек какого-то марципана — просто попробовать. В Вене меня поселили на семь дней в отель, где первые два этажа занимал публичный дом. Весь день женщины в шелковых красных платьях сидели в баре на первом этаже, пили красивые коктейли, кофе и курили. Иногда приходили джентльмены в красивых костюмах, покупали им коктейли, садились в кресла, а женщины садились совсем рядом, иногда даже к ним на колени. Ничего непотребного или некрасивого я не видел. Потом я увидел комнаты этих женщин в красных платьях на втором этаже. На двери каждой комнаты была фотография ее обительницы в обнаженном виде. Я подумал: неужели я когда-нибудь стану солидным, богатым дядей, буду приходить в такие вот замечательные заведения и проводить там время с такими красивыми девушками? Я ведь всегда думал, что в таких штуках есть что-то плохое, недостойное, а в Вене увидел, что ничего плохого в этом нет. Даже мама одобрила бы, если бы увидела.

— Разве в Советском Союзе нет проституции? Разве есть на свете страна, где ее нет?

— Наверное, есть, но уж во всяком случае эта проституция нелегальная. За двадцать пять лет жизни в Союзе я не встретил ни одной проститутки. Поэтому я не знаю, как себя с ними вести, что им говорить, целовать ли их в губы, как производить оплату за сервис. А в отеле, куда меня поселили, я увидел, как просто и элегантно может вести себя мужчина в публичном доме.

— Обычно я не критикую клиентов, но, по-моему, ты наивен, — сказала Бернис.

— Да я и сам сейчас понимаю, что был настолько очарован Западом в первые дни после выезда из СССР, что если бы попал на публичную казнь на венской площади, то и там почувствовал бы запах кофе и шоколада и писал бы домой письма — «как было красиво!». * *

*

На каникулы я поехал в Нью-Йорк. От Буффало до Нью-Йорка около семи часов езды — как раз достаточно, чтобы прийти в себя. Первый стосорокамильный отрезок пути Буффало-Сиракузы. К Сиракузам учеба отходит на второй план. Второй участок Сиракузы-Скрэнтон, это еще сто двадцать миль, — американские отношения тускнеют, теряют значение, и душа начинает готовиться к встрече со старыми друзьями. И, наконец, финишный отрезок — Скрэнтон-Нью-Йорк, тоже сто двадцать миль, — английский сжимается в комочек и прячется где-то в организме до финишного отрезка, но уже в обратном направлении. Сжатие английского начинается около Москвы, что совсем недалеко от Скрэнтона, когда-то узлового железнодорожного центра Пенсильвании. Отсюда уходили в разные концы страны товарняки, груженные пенсильванским углем.

Маршрут Буффало-Нью-Йорк я совершил бесчисленное количество раз, но так никогда и не удосужился заглянуть в Москву. В этот раз я съехал со скоростной дороги и на развилке повернул налево. Зеленый указатель сообщил, что до пенсильванской Москвы две мили. Банк, дайнер, небольшой супермаркет, две заправки, мастерская для починки грузовиков, бедные, но ухоженные домики. Тихо. На улице, как и почти во всех американских городах, ни души. Я поездил по улочкам — ни театра, ни даже кинотеатра не нашел. Музея тоже не обнаружил. Наткнулся на школу, куда ходил толстовский Филиппок. Припарковав «Тойоту» возле дайнера, зашел выпить чашку кофе. У стойки сидели две девушки и разговаривали с хозяйкой. Я сел за стол и заказал чашку кофе с бутербродом.

— Куда едешь? — спросила одна из девушек.

— В Нью-Джерси, — правдиво ответил я, поскольку собирался остановиться у Алика, жившего в Нью-Джерси.

— О, Нью-Джерси! А ты знаешь Линду?

— Не знаю.

— Ну такая блондинка с короткими волосами. Если встретишь Линду, обязательно передай ей привет от Бекки и Мэгги. Мэгги — это я.

— Передам. Рад познакомиться с вами, Бекки и Мэгги.

— И мы рады, — сказала Мэгги.

— Как вам тут живется, в Москве? Нравится?

— Очень нравится, — за себя и за Бекки сказала Мэгги.

— А что вам больше всего тут нравится?

— До Скрэнтона недалеко.

— А вы в Нью-Йорке бывали?

— Нет, но мой папа был, — сказала Мэгги. — И школьная учительница была.

Ни одного вопроса в свой адрес я не услышал. Расплатился, попрощался и через две минуты уже мчался по Триста восьмидесятому шоссе. Почему-то начал думать о высадке американцев на Луне, вообще о достижениях Америки. Неужели я сам себя уговаривал, что кроме Мэгги и Бекки в Америке живут и другие люди и есть другие города, кроме пенсильванской Москвы? Будто не встречался я в деревне в тридцати километрах от Харькова с колхозниками, никогда не бывавшими в Харькове? Единственное различие между теми колхозниками и моими новыми пенсильванскими подругами заключалось в том, что подруги были счастливы, а колхозники просили меня «передать в Харьков», что у них «до сих пор электричества нет и вообще ни хуя нет». А у моих подруг было жилье, жратва, и было чисто. Немало. Была еще у них 12 статья Международной Конвенции по правам человека. Но они об этом не знали. Как не знали колхозники, что у них этой статьи нет.

Триста восьмидесятое шоссе влилось в трансконтинентальную скоростную Восьмидесятую дорогу, и я покатыл на восток, к Нью-Джерси, где жила Линда. * * *

Алик не обрадовался предложению прокатиться со мной в Югославию. Скорее наоборот — он огорчился. Не из-за отсутствия склонности к авантюрам, а по идеологическим соображениям. Если Бернис видела прошлое, то Алик его знал. Бернис не интересовало далекое будущее — а что будет после того, как Люда окажется в Америке? Алика интересовало именно это. Бернис раскладывала карты Таро и говорила наверняка. Алик сомневался во всем.

Я не стал говорить Алику, что его поездка — дело решенное и что решение было принято на самом верху. Ляля, жена Алика, видя пассивность мужа, сказала, что если он со мной не летит, то полетит она. Я подумал, что, с одной стороны, Бернис на этот счет ничего не говорила, но с другой стороны, такое заявление жены должно сподвигнуть Алика на положительный ответ. Уехал я от Алика, не заручившись ни да, ни нет, но тем не менее попросил его заполнить и отослать в иммиграционную службу заявление о получении документа для выезда и въезда в США.

В Нью-Йорке я навестил штаб-квартиру Юридического комитета по правам человека. Находилась она на Седьмой авеню, недалеко от большого стриптиз-бара. Штаб-квартира состояла из нескольких комнат, заваленных папками. Старая офисная мебель, поломанные вентиляторы, всюду пыль. Среди всего этого убожества разгуливал симпатичный бородатый еврей, старше меня лет на десять. Мы представились друг другу. Звали его Майкл Коэн. Майкл сказал, что он президент Комитета, получает зарплату, а больше платных должностей нет, так что если я ищу работу, то он может предложить мне ее только на волонтерских началах. Он добавил, что сотни адвокатов по всей стране сотрудничают с Комитетом, и поскольку с правами человека на земном шаре еще есть кое-какие проблемы, то проектов хватает.

— Я пришел со своим проектом, Майкл, — сказал я. — Помощь в работе мне не нужна, я сделаю все сам, но мне нужна поддержка.

— Расскажи о своем проекте, — попросил Майкл, устроившись поудобнее в своем раздолбанном кресле и положив ноги на стол.

— Как ты знаешь, Советский Союз и социалистические страны нарушают двенадцатую статью Конвенции по правам человека. При этом все они подписали и ратифицировали Конвенцию.

— Прекрасно! — перебил Майкл Коэн. — Напиши статью с конкретными примерами нарушений, мы ее опубликуем в нашем вестнике.

— Майкл, конкретных нарушений двести пятьдесят миллионов каждый день. Ты же еврей, ты что, не знаешь, как американские евреи боролись за право выезда советских евреев в Израиль? Ты ничего не слышал о поправке Джексона, связывающей право выезда евреев с предоставлением Союзу статуса наибольшего благоприятствования? Нет, я не буду писать статей, я буду предпринимать конкретные шаги.

— Какую же акцию ты задумал провести?

— Я задумал с группой студентов юридических факультетов разных стран открыто перейти границу из Югославии в Австрию. Конечно, нас всех повяжут, но потом под давлением общественности отпустят. А через год повторить акцию, но уже с переходом советской границы.

— И ты хочешь, чтобы наш представитель участвовал в этой акции? Мне надо посоветоваться с советом директоров, я сам не могу принимать такие решения.

— И этого я не хочу. Все, что мне нужно, это иметь письмо от Комитета, адресованное кому угодно и просящее оказать поддержку подателю.

— Я тоже должен это обсудить.

— Майкл, к чему вся эта бюрократия? Если ты сомневаешься, что я студент юридического факультета Университета в Буффало, то вот мой студенческий пропуск.

— Но я же не знаю, чем вы там собираетесь заниматься. Мирная ли это будет акция? Кто в ней на самом деле будет участвовать, помимо студентов? Может, ты соберешь боевиков из Лиги защиты евреев? Мы с ними не сотрудничаем, они экстремисты. Какие еще организации тебя поддерживают?

Стало понятно, что таким путем ничего от Майкла не добиться. Я посмотрел на Майкла — около 40 лет, красивое лицо, высокий лоб, не похож на неудачника, хоть и сидит в какой-то дыре. Глаза хорошие, насмешливые, но меня не изучают — я ему не интересен. Почему умный адвокат-еврей работает в Комитете за явно небольшую зарплату, вместо того чтобы быть к его возрасту партнером в солидной юридической фирме, имея доход в полмиллиона долларов в год? Неужели из бывших хиппарей с обостренным чувством социальной справедливости? Я встречал таких в юридической школе. Лучшая студентка моего курса Йоланда Вилла собиралась устраиваться после выпуска в государственную контору, предоставляющую бесплатные юридические услуги неимущим. Мой друг, очень сильный студент Кевин Касутто, мечтал устроиться в государственную организацию, следящую за выполнением корпорациями экологических норм. Вполне возможно, что и Майкл из этой когорты. Если это так, он мог бы откликнуться на призыв помочь по-человечески, без консультаций с советом директоров.

Рассказал я Майклу свою историю, предварительно извинившись за то, что морочил ему голову. Конечно, о Бернис Голден и югославских футболистах я ему не рассказывал, но сказал, что попытаюсь переправить Люду из Югославии в Австрию и хотелось бы это сделать как можно более легально.

— Легальность не имеет степени, либо что-то легально, либо нет, — резонно заметил Майкл.

— Ну и чем тебе поможет письмо от Комитета по правам человека?

— Еще не знаю. Я обращусь на территории Югославии в австрийское консульство и попрошу для Люды визу. Я знаю, что они скорее всего откажут. Тогда я покажу письмо от Комитета,

попрошу еще раз. Ведь Комитет, как я понимаю, не государственная организация, а орган при Американской ассоциации адвокатов.

— И даже не орган. Комитет существует всего два года, это негосударственная организация. Мало того, особенно мы давим на американское правительство, требуя, чтобы оно соблюдало права человека в своей международной политике.

— Это Америка-то должна соблюдать права человека?

— А ты как думал, у нас с этим все в порядке? Америка оказывает помощь страшным режимам, террористическим организациям, кому угодно, если это в ее сиюминутных интересах. Возьми Чили, Аргентину, Конго. Даже Кубу, если хочешь. Официально мы отказываемся от покушения на иностранных лидеров, а Фиделя убрать готовились. Нет, Америка в плане прав человека не намного лучше Советского Союза.

— Майкл, что ты несешь? Может, и Израиль поддерживать не нужно? Агрессор все-таки.

— Ты знаешь, иногда, может, и не нужно. Как нам может доверять мировое сообщество, если мы используем двойные стандарты в своей политике? Одним из результатов деятельности Комитета, как это ни покажется тебе странным, будет повышение международного авторитета США.

— Майкл, мы не договоримся. Мне нужно письмо на бланке Комитета, чтобы спасти свою задницу, если что не так. Оно может и не пригодиться, но я буду чувствовать себя спокойнее, зная, что оно у меня в кармане. Дай мне такое письмо.

— Я чувствую, втравишь ты меня в историю. Тебе нужно дело иметь с Лигой защиты евреев, а не с Комитетом.

— Люда не еврейка.

— А им все равно, лишь бы пострелять дали. Диктуй текст.

Через десять минут у меня в руках было письмо на бланке Юридического комитета по правам человека, которое гласило:

КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ

Данным письмом просим оказать всемерную поддержку в рамках закона вашей страны и положений международных договоров и конвенций, которые ваша страна подписала и ратифицировала, а также в рамках других соответствующих международных законов и принципов подателю сего письма (мои имя и фамилия). Вы можете направлять запросы по данному письму президенту Американского юридического комитета по правам человека г-ну Майклу Коэну по телефону, указанному ниже.

Президент Майкл Коэн.

К письму Майкл приложил рассекреченные, но еще не опубликованные циркуляры Госдепартамента США по работе некоторых иностранных посольств и консульств и пообещал достать список австрийских консульских работников в Белграде и Загребе.

День выдался продуктивный. * * *

Какой будет наша встреча? Где она произойдет? В кафе? На аллее, тянущейся вдоль моря? Какие будут мои первые слова? Сразу ли я поцелую Люду или тихо скажу: «Иди за мной и не оборачивайся»? Я где-то читал, что человеческая кожа обновляется раз в семь лет. Значит, на Люде будет та же самая кожа, к которой я последний прикасался в ноябре 1976 года. Я

постараюсь взглядеться в эту кожу, найти знакомые приметы. Я могу очень долго думать о Люде, вспоминать ее по сантиметру, отключившись от реального мира вокруг. Но говорить мне с ней трудно. Когда я начинаю диалог, мне кажется, я говорю за нее слова, которые она никогда не произнесет. В моем внутреннем мире она, наверное, лучше, чем на самом деле, но какая она на самом деле, я помню не очень хорошо. Кожу помню лучше, чем слова. В последние годы мы много раз встречались ночами, но так и не прикоснулись друг к другу. И не поговорили тоже. То гэбистские гнусы мешали, то какие-то мелочи отвлекали. Если не ошибаюсь, то же самое было и в реальной жизни много лет назад.

К концу весны 1981 года я понял, что Люда толком не знает, где именно она будет в Югославии. В одном из писем она сообщила, что будет в Башке. Сначала я подумал, что она просто сократила название «Башка-Вода» до «Башка». Но, просидев столько времени над картой Югославии, я вспомнил, что Башка на карте тоже значилась. И я на самом деле ее нашел. Башка находилась на острове Крк, недалеко от Риеки.

Некоторые подумают — большое дело, какая разница между Башкой и Башкой-Водой? Те, кто так подумают, не имеют права командовать даже взводом. Ведь Башка-Вода находится на континенте, а Башка на острове! Сколько же у меня будет времени для отрыва? Как быстро спохватится руководитель группы, что Люды с ними больше нет? Как скоро он сообщит об этом в милицию, а скорее, в местную гэбуху? Какую операцию начнут гэбисты по нашему отлову? Для Люды Башка и Башка-Вода были одно и то же. В фильмах меня всегда раздражали глупые красавицы, которые мешали главным героям сражаться, убегать, догонять, думать, короче, совершать осмысленные действия. И вот Люда туда же.

Первым делом надо узнать, какое сообщение между островом Крк и континентом. В Нью-Йорке я познакомился с турагентом Еленой Васильевной, которая работала в Манхэттене. Елена Васильевна была из второй волны иммиграции — ее девочкой привезли родители в США после войны, а родилась она то ли в Германии, куда угнаны были родители, то ли на Украине. Елена Васильевна говорила на красивом русском языке, с незнакомым мне акцентом. Называл я ее только по имени-отчеству. В иммиграции все становятся Мариками и Танями вне зависимости от возраста и положения. Сначала мне льстило, что я могу уважаемого профессора назвать «Анатолий» и он отзовется. Мне также нравилось, когда какая-нибудь сопливая шантрапа называла меня по имени — это молодило. Но Елену Васильевну, которая была старше меня лет на десять, иначе назвать, как по имени-отчеству, в голову не приходило. Она и сама представилась «Елена Васильевна». А на визитке стояла ее фамилия: Роджерс.

Позвонил я в Нью-Йорк Елене Васильевне и дал ей задание узнать, как можно из Риеки попасть на остров Крк. Может быть, есть паром, на который можно погрузить машину? Мне нужно было летнее расписание всех транспортных средств, курсирующих между континентом и Крком.

Я написал Люде письмо, в котором просил уточнить, будет ли она в Башке или в Башке-Воде. Ответ пришел очень быстро, и из него следовало, что она толком не знала. Я был поражен. Не знаешь — так пойди и узнай! Уже лето на носу, пора билеты заказывать, машину бронировать, окончательный план составлять с расписанием наших действий по дням и по часам. Я понял, что переписываться с Людой было пустой тратой времени. Хотелось крикнуть в пространство: «Где же ты, еб твою мать, будешь?» Если б не ненависть к Советскому Союзу, наверное, отправил бы я Люде медленной почтой письмо: «Дорогая, как только ты будешь точно знать, где и когда ты будешь, сообщи, но в этом году у нас ничего не получится по причине твоего полного распиздяйства».

А собственно говоря, какого хера я готовлю ее похищение? Разве она хоть в одном письме намекала, что хотела бы удрать в Америку? Или что хотела бы прожить всю оставшуюся жизнь со мной? Почему я решил вопрос о ее побеге за нее? С другой стороны, если она все

же решит бежать, то другого шанса у нас не будет, а значит, надо быть готовым к побегу. Да, у нее есть полное право отказаться, уговаривать я ее не буду. Или все-таки буду? Немножко, но буду. Если бы дело было только в ней, может, вообще не стал бы уговаривать, но тут еще Софья Власьевна замешана, а ее мне хотелось поиметь извращенным способом.

Я начал составлять план, включающий два сценария — с Башкой и Башкой-Водой. Летим (с Аликом, разумеется, раз того хотят карты Таро) во Франкфурт, там садимся на поезд до Загреба. Если бы я точно знал, что Люда будет в Башке, я бы выбрал географическим узлом операции Любляну, но от Любляны слишком далеко до Сплита. Не зная, в Сплит ли придется ехать или через Риеку на Крк, я вынужден был остановиться на Загребе.

В Загребе берем машину и едем либо на Риеку, а оттуда на Крк в Башку, либо в Сплит, а оттуда рукой подать до Башки-Воды. Если Люда будет в Башке, нам надо успеть удрать с острова и как можно быстрее добраться до Загреба. В случае преследования хорошо было бы иметь хату в Карловаче или в самом Загребе. Куда-то надо будет деть машину — не сдавать же ее обратно, если ты в розыске. Значит, машину надо бросить в какой-нибудь деревне, желательно в стороне от трассы Риека-Карловач-Загреб.

Если Люда будет в Башке-Воде, план будет примерно такой же, за исключением того, что мы не будем связаны паромным сообщением, что хорошо, но путь из Сплита до Загреба чуть ли не втрое дольше, чем от Риеки до Загреба, что плохо. Для такого длинного пути надо было бы иметь две хаты — одну в районе Обровача, другую — в том же Карловаче.

И для первого, и для второго сценария остается один и тот же вопрос — как добраться от Загреба до австрийской границы, если мы идем на нелегальный переход? Где осуществить переход? Мой выбор пал на словенский город Марибор. Именно туда мы должны будем добраться каким-то образом из Загреба, там надо иметь надежную хату, где мы могли бы скрываться в случае необходимости долгое время. От Марибора до австрийской границы всего восемнадцать километров. Их можно преодолеть на попутке (рискованно), каким-нибудь автобусом (еще хуже, если мы в розыске), на арендованной машине (плохо по предыдущей причине плюс машину нужно куда-то деть), пешком (плохо, потому что не знаем дороги, да и путь неблизкий). Было бы идеально, если бы какой-нибудь свой человек подбросил нас на своей машине.

Я снова встретился с Зораном. Задача простая — нужна хата в Мариборе и человек с машиной, который бы согласился нас подвезти до какого-нибудь места вблизи австрийской границы. Зоран пообещал узнать, выполнимо ли это задание. Я также попросил Зорана, Душана и Бетти найти мне хаты в Карловаче, Оброваче, а главное, в Загребе.

Иногда мы просим малознакомых людей об одолжении. Они соглашаются нам помочь, но и они и мы знаем, что из этого ничего не выйдет, — и мы просим вяло, понимая, что ничем они нам не обязаны, и они это чувствуют. Я решил попросить об одолжении убедительно. От их помощи зависела жизнь Люды, Алика и моя. Меня не устраивал ответ «Извини, никого не нашел» и тем более ответ «Вот имя и адрес», если не было подтверждения реальной готовности помочь. Я собрал Душана, Зорана и Бетти у себя дома. Пригласил Боба, Дхарма и еще двух близких друзей из юридической школы, которых я решил посвятить в свои планы, — Кевина и Билла. Я хотел, чтобы югославы увидели, что я не один, что обещание помочь мне услышано несколькими людьми. Американцы простые люди, а потому склонны к патетике. Об индусе Дхарме я уже не говорю. На нашем собрании звучали страшные слова, высокие слова. Даже футболист Душан проникся моментом и пообещал сделать все возможное. * * *

Поездка в Питсбург команды нашего университета была удачной. Мы заняли первое место в категории «Лучшее юридическое исследование вопроса». А потом началась сессия с ее многочисленными экзаменами. Юридическая школа Буффальского университета была особой, новаторской. Экзамены могли длиться по несколько дней. Профессор дает ситуацию,

которую надо обсосать со всех сторон: проанализировать факты, вскрыть все юридические проблемы, установить главный юридический вопрос конфликта, выстроить аргументы в пользу одной стороны и контраргументы в пользу другой, взвесить убедительность каждого аргумента и контраргумента в свете обычного права, то есть предыдущих решений судов, после чего предсказать решение суда в данном конфликте с его полным обоснованием. Работать над ответом можно было где угодно — в библиотеке или хоть у себя дома. Пользуйся любыми материалами, списывай что хочешь, откуда хочешь и в любом количестве, но если списываешь — сделай сноску и укажи, откуда текст. Разумеется, профессор снижал оценку за использование чужого текста, но не до «двойки». А вот если профессор тебя поймает на списывании, которое ты не отметил, то поставит тебе «кол», и кредиты за курс не пойдут в зачет. А если ты списывал, проявляя изощренную хитрость, то есть переделывал фразы или менял фразы из оригинала местами, пытаешься скрыть плагиат, тебе конец: дело не ограничится «колом», тебя могут запросто выгнать из юридической школы — нам адвокаты-обманщики не нужны. Один из старейших сенаторов Соединенных Штатов — Джо Байден, возглавляющий сенатский комитет по внешней политике. Лет шестнадцать тому назад он участвовал в президентской гонке, но выбыл на раннем этапе — журналисты-сволочи раскопали, что в юридической школе студент Байден списывал! Конечно, президентом такой мошенник быть не может, и Байден, невразумительно пытавшийся что-то объяснить своим избирателям, выбыл на тот момент из борьбы за Белый дом. Что, впрочем, не помешало ему стать потом вице-президентом.

Но что такое американская юридическая школа для человека, прошедшего советский университет? В силах ли теория контрактов потягаться с научным коммунизмом, а корпоративное право с политэкономией? В общем, сдал я сессию и начал собираться в Нью-Йорк. Перед отъездом заглянул к Бернис на кофе. Она как всегда раскинула карты Таро, потом подошла уже к серьезной карте — Югославии, которая теперь постоянно висела у нее на стене, стояла возле нее, дотронулась красным ногтем до каких-то мест, что-то пошептала.

— У тебя все будет в порядке, — сказала Бернис. — Если что, звони мне в любое время суток. Помни — Триест для тебя закрыт. А теперь я скажу тебе что-то по секрету. Наклонись ко мне.

Я наклонился, и Бернис начала что-то шептать мне на ухо. В комнате никого, кроме попугая и нас двоих, не было, и я не понял, к чему такие предосторожности. Бернис шептала долго, кое-что из того, что она говорила, было непонятно — тарабарщина какая-то. Закончив шептать, Бернис встала и сказала:

— Повернись и уходи. Не прощайся со мной, не допивай кофе, ничего не ешь, ничего не пей и ничего не говори до конца дня.

Я повернулся и вышел. * * *

В Нью-Йорке меня ждала летняя стажировка в маленьком юридическом офисе. Платили мне ерунду, но было интересно — я ходил на разные слушания в суды, готовил документы, писал контракты. Свободного времени было много, и я старался его не терять — изучал карты Югославии, Австрии и Италии, расписание поездов и паромов, автобусные маршруты — все могло пригодиться в совсем недалеком будущем.

Почти каждый день звонил своим друзьям в Буффало, чтобы узнать, как продвигаются дела с поисками точек. Какие-то варианты пришлось отвергнуть — слишком далеко от предполагаемого маршрута или хозяин хаты не внушал доверия по той или иной причине. Я составил список всех найденных точек и разбил их на три категории — «очень полезные», «весьма полезные» и «на всякий случай». Больше всего точек оказалось в третьей категории, но я не унывал — до отъезда оставалось еще почти два месяца.

Наступило время заказывать билеты на самолет и на поезд и зарезервировать машину. Босс помог мне получить мою первую кредитную карточку в жизни — «Америкэн экспресс». Теперь я не был ограничен одолженной суммой. Елена Васильевна заказала для меня два авиабилета на Франкфурт с вылетом из Нью-Йорка 17 августа и два железнодорожных билета от Франкфурта до Сплита через Загреб.

В Загребе и в Сплите я забронировал самую дешевую машину — «Рено-4». Платить за машины заранее, к счастью, было не нужно. Решение, до Сплита ли мы поедем или сойдем с поезда в Загребе, я отложил до выяснения, в каком городе будет Люда — в Башке или в Башке-Воде. Я еще раз написал ей, прося выяснить, наконец, этот вопрос, а также сообщить, в каком отеле она остановится.

Я планировал добраться до места (Башки или Башки-Воды) 19 августа вечером, за полтора дня до прибытия Люды. За эти полтора дня я рассчитывал ознакомиться с местностью, посмотреть, как ходят паромы, часто ли они опаздывают, сколько находятся в пути, сколько дорог ведет от Башки к порту острова Крк.

По какой-то причине Алик вовремя не подал документы на получение загранпаспорта, а без него он не мог выехать за границу. Как только я узнал, что документы не отосланы, я отослал их сам. Времени было впритык — некоторые получали паспорт за две недели, а некоторые за три месяца. Конечно, я очень расстроился, потому что не мог для себя объяснить, почему Алик не отослал документы. Забыл? Не захотел? Почему не захотел?

Второй неприятный сюрприз преподнесли югославы. Оказалось, что их консульство рассматривает заявления на визы в течение трех недель. Моя виза была уже готова, но если Алик получит свой паспорт даже в середине августа, времени на оформление визы уже не останется. Итальянцы, австрияки и греки, к счастью, ставили визы в день подачи заявления.

Иногда я заходил к Майклу Коэну, и каждый раз у него находилось что-нибудь полезное для меня. Это мог быть адрес и номер телефона Красного Креста в Загребе или Белграде, имена и номера телефонов американских корреспондентов «Ассошиэйтед Пресс», работающих в Балканском регионе, какой-нибудь очередной рассекреченный циркуляр Госдепа, касающийся Югославии или Австрии. Майкл, похоже, увлекся моим проектом. Он подарил мне фонарь и моток веревки, чтобы идти в связке и не потеряться, если передвигаться придется ночью, и отдал свой пояс с потайным отделением для денежных купюр. Пояс я вернул — он был слишком длинным.

Однажды Майкл попросил меня принести ему фотографии, где мы с Людой вместе. Я принес несколько фоток советских еще времен, он их долго рассматривал.

— Ну, что скажешь? — любопытно спросил я.

— Изучаю жизнь в СССР. Ведь на фотографиях не только вы. Тут и прохожие есть. Мне интересно, как они одеты. Почему-то они все смотрят вниз. Вот это, наверное, парк — красивые деревья. Вот трамвай, последний раз я видел трамвай в Торонто. Красивые дома без пожарных лестниц. Не вижу витрин, кроме вот этой. Это, наверное, кафе, все буквы я знаю, а буква «ф» такая же, как в греческом.

— Правильно. Ты наблюдательный. Хочешь поехать со мной? Будет о чем вспоминать всю жизнь.

— Ты думаешь, что будешь вспоминать эту поездку всю жизнь?

— Конечно, Майкл. Может быть, ради одной памяти об этом стоит совершить эту поездку.

— Ты на самом деле так сильно любишь Люду? Неужели за почти пять лет разлуки у тебя ни

с кем не завязались серьезные отношения?

— Завязались, но три раза в неделю по ночам я уезжаю к Люде. Это будет несправедливо по отношению к любой женщине, которая меня полюбит.

— Поездка за Людой излечит тебя?

— Должна. Я не хочу сейчас думать, как мы будем жить, будем ли мы ладить. Я подозреваю, что образ Люды в моем сознании сильно отличается от той женщины, которую я встречу в Югославии. Но кого бы я ни встретил, я вылечусь и больше не буду путешествовать по ночам. Кроме того, приятно хоть немножко насолить Советскому Союзу.

— Ну а если Люде здесь не понравится? Вернуться она не сможет, а здесь жить не захочет. Я не хотел бы оказаться в ее положении.

— У нее было почти пять лет для раздумий. Я надеюсь, пока мы тут разговариваем, она как раз думает на эту тему.

— Ты будешь ее уговаривать, если она скажет «нет»?

— Боюсь, что буду. К сожалению, я могу уговорить кого угодно, но мне хотелось бы, чтобы побег был ее решением. Я ей скажу, что второй раз за ней не поеду.

— Почему? Может быть, ей нужно больше времени, чтобы все взвесить и обдумать.

— Возможно, но тогда она мне не нужна. И я перестану посещать ее ночами. Ты рассуждаешь, будто американской литературы двадцатого века не существовало вовсе. Ты Хемингуэя читал? Герои в «Фиесте» сильно все обдумывали? Где красота жизни, когда все обдуманно и просчитано? Посмотри на счастливые американские семьи в рекламных роликах. Эти ролики и есть квинтэссенция обдумывания — от покупки машины до средства от запора. Правильное, обдуманное решение вызывает прилив радости. Но в «Фиесте» радость совсем другая, да и печали там больше, чем радости. Я направляюсь в Югославию не за счастьем. Если у этой истории будет счастливый конец, это будет случайность, а не результат обдуманных действий.

— Утешает, что ты хотя бы операцию по ее похищению обдумываешь.

— Тоже до определенного предела. Нельзя себя жестко программировать, нужно быть готовым ко всему. Если подвернется какая-нибудь благоприятная ситуация, надо суметь ею воспользоваться, сковывать себя заранее намеченным планом глупо.

Меня удивило, что Коэн задавал мне практически те же самые вопросы, что ранее задавал Алик. Алик очень сомневался в конечном смысле всего предприятия и гораздо сильнее, чем Коэн, сомневался в благоразумии поступка. Кроме того, в отличие от Коэна Алик знал, чем может закончиться вся история для родителей и сестры Люды — затаскают на допросы, попрут с работы, а то и чего похуже. Знал об этом и я. Может быть, поэтому мне легче было обсуждать операцию с Бернис или моими наивными американскими друзьями, чем с Аликом. Бернис — мистический голос сверху или снизу, все предопределено, карты Таро не врут, а американским друзьям и в голову не пришло бы задать вопрос: «А для чего ты все это затеял?» или «Оправдывает ли операция риски для родных и близких Люды?» Как я мог дать Алику четкий ответ на первый вопрос или слукавить, отвечая на второй? Я раздумывал над вопросом «как это сделать?», а Алик — над вопросом «для чего это делать?». И у обоих на сердце было тяжело. * * *

В Нью-Йорке июль всегда жаркий.

Спускаешься в сабвей, как в преисподнюю, — липкая влага обволакивает тебя, нечем

дышать. Тогда не продавали на каждом углу воду в бутылках, и большинство вагонов нью-йоркского метро не имели кондиционеров. Вагоны были расписаны граффити, окна летом открывались, жар снаружи смешивался с жаром внутри.

Я мотался по судам, помогая боссу в мелких делах, однако одно дело, которое он мне доверил, было крупным как по сумме, так и по калибру ответчика. Один русский коллекционер, который умудрился переправить на Запад почти всю свою коллекцию, открыл в Манхэттене картинную галерею.

Периодически он выставлял на аукционы значительные произведения искусства. Каким-то образом аукцион Кристи потерял несколько его работ. Работы не были проданы, и Кристи должен был их тут же вернуть в галерею. Казалось бы, чего тут судиться — ну, потеряли, бывает, заплатите владельцу рыночную стоимость работ, и дело с концом. Ведь все работы были застрахованы. Но Америка — страна сутяжная. Кристи уже согласился заплатить восемьдесят процентов от начальной аукционной цены, рассуждая, что раз работы не ушли за начальную цену, то покупная цена, равная восьмидесяти процентам от начальной, будет справедливой. Клиент же хотел сто двадцать процентов от начальной, настаивая на том, что аналогичные работы на аукционе Сотби — конкуренте Кристи — уходили минимум за цену, равную ста двадцати процентам от начальной. Разница в сорок процентов составляла восемьдесят тысяч долларов. Счет нашему клиенту за юридические услуги перевалил за сто тысяч. Кристи, который пользовался более дорогими адвокатами, наверняка уже попала тысяч на сто двадцать пять, если не больше. Упорство сторон играло на руку всем адвокатам.

Мой босс должен был допрашивать сотрудников Кристи, которые проводили аукцион и хоть как-то соприкасались с лотами нашего клиента. Я готовил босса к допросу, предоставляя ему выкладки юридических доктрин на данную тему, а также информацию о практике аукционов, страховке предметов искусства и процедурах по хранению и отправке картин их владельцам. Босс был старше меня на пару лет, но он был прирожденным адвокатом — мудрым, уравновешенным, знающим, когда идти на компромисс, а когда стоять насмерть. У меня сложились с боссом дружеские отношения, но я его не посвятил в планы похищения Люды из Югославии. Умный человек такие планы одобрить не мог. Наверное, он бы сказал: «Ты не можешь во всей Америке найти одну красивую и умную еврейку?» И был бы прав.

Вторая неделя июля принесла хорошие новости из Буффало: у меня появились две надежные точки — одна в Карловаче и одна в Мариборе. Я позвонил Зорану, который «принес» Марибор, и попросил его начать договариваться насчет доставки нас всех (Люды, Алика и меня) как можно ближе к границе, откуда мы совершим финальный бросок в Австрию. Кроме того, не имея понятия, какой тропинкой идти, через какие кусты продирааться, я также попросил Зорана собрать как можно больше информации на эту тему. Зоран перезвонил через день и сказал, что его контакт в Мариборе доставит нас бесплатно к точке, откуда до границы буквально рукой подать — пешком пройти не больше трех километров. Выступить нужно будет после полуночи, чтобы добраться до Австрии до четырех утра. Поскольку австрийских пограничников на границе не будет, нужно будет максимально углубиться на территорию Австрии — бывали случаи, когда югославские пограничники задерживали нарушителей уже на австрийской территории и без всяких международных конфликтов доставляли их обратно — напрямик в мариборскую тюрьму.

Я купил компас и нож. Не защищаться от югославских пограничников, а просто потому, что в дороге всегда нужен нож. Я записал мелким шрифтом все добытые югославские контакты, адреса и номера телефонов и сделал пять копий каждой записи. Пришлось тщательно продумать, куда спрятать эти записи, — одну наметил зашить в ручку сумки, другую затолкать под стельки сникеров, третью спрятать в футляре для солнечных очков. Самые главные имена, адреса и номера телефонов я просто запомнил, особенно ценными мне казались координаты мариборца Иво.

В конце июля я прокатился в Буффало, чтобы еще раз повидаться со своими югославскими друзьями и получить подтверждение, что все контакты на месте. К Бернис я не заходил. В конце июля произошло еще одно важное событие — в Америку приехала на две недели мама Ляли, жены Алика, а это значило, что появилась возможность передать Люде устные инструкции.

В 1981 году никто из Советского Союза в Америку в гости не ездил. У Лялиной мамы, Елены Андреевны, в Америке жила с середины сороковых годов родная сестра, Лидия Андреевна. Во время войны она была угнана в Германию, откуда, как и сотни тысяч других «перемещенных лиц», в основном из Украины, эмигрировала в США. Лидия Андреевна была смертельно больна и хотела попрощаться с сестрой. Елена Андреевна пошла в харьковский ОВИР просить визу в США. Там ее спросили, правда ли, что ее дочь живет в Америке со своим мужем. «Правда», — честно ответила Елена Андреевна. «Ну а если вы будете в США, вы конечно же навестите свою дочь», — разумно предположил работник ОВИРа. «Конечно навещу», — бесхитростно сказала Лялина мама. «Вот поэтому-то мы вас туда и не пустим, — радостно сказал овировец. — Есть инструкции, касающиеся тех, кто покинул территорию СССР и осел за границей, — к таким советских граждан пускать в гости нельзя».

Елене Андреевне крыть было нечем — Ляля действительно «осела» за границей. А обещать, что навестит только сестру, а к дочери ни ногой — смешно, никто в это не поверит, да и самой грех на душу брать не хочется. Так бы и не попрощалась Елена Андреевна с Лидией Андреевной, но через друзей Лидии Андреевны в дело вмешался Красный Крест. В результате этого вмешательства советские власти сочли возможным сделать исключение из гуманных инструкций, касающихся бывших «осевших» граждан.

Елена Андреевна сообщила мне, что Люда будет в Башке, в гостинице «Звезда». Я подумал: «Что за странное название для гостиницы?» Наверное, за пять лет я отвык от коммунистической знаковой системы. Затем я пожалел о напрасной трате денег за железнодорожный билет Загреб-Сплит (на двоих), который теперь был не нужен. Я также позвонил Елене Васильевне и отменил машину в Сплите — на Макарской Ривьере дел у меня больше не было.

Просить Елену Андреевну передать Люде письмо, учитывая международное положение, было скотством, но я это сделал. Я постарался сделать текст как можно более невинным. Я рассказал Елене Андреевне о своих скромных югославских планах, и несчастная женщина, не сомневаюсь, пожалела, что знакома со мной. Ведь она знала, что ее точно будут тягать в КГБ после возвращения. Будут за ней следить, может быть, будут допрашивать, а я ее прошу встретиться с Людой и передать ей письмо и устные инструкции, касающиеся побега. И тем не менее она согласилась передать и письмо, и устные инструкции.

Инструкции сводились к тому, какую одежду брать и как отрываться от группы в Югославии. У Люды наверняка заберут паспорт, и поэтому ей надо заранее обдумать причину, которая казалась бы убедительной, чтобы получить его обратно. Без паспорта пускаться в отрыв бессмысленно. И главное — встретимся мы на набережной, где расположены наши гостиницы: ее — «Звезда» и наша — «Эспланада». Мы увидим друг друга, но не подадим никакого знака. Я развернусь и пойду, а она будет следовать за мной. Как столько раз во сне.

* * *

Наступил август, а паспорт Алика еще не был готов. Я начал волноваться, что придется лететь одному. Меня не беспокоила эта перспектива сама по себе, но Бернис уверяла меня, что мой друг полетит со мной. Раз она ошиблась в этом, то, значит, могла ошибаться и в остальном — начиная от выбраковки Триеста и кончая предсказанием удачного завершения операции.

Паспорт Алика пришел в субботу пятнадцатого августа. Вылет у нас в понедельник

семнадцатого. Я сидел у Алика дома и все время думал о Бернис. Конечно, мысленно ругал Алика, но в основном себя, что вовремя не проверил, отправил ли Алик документы. Без единой визы вылететь Алик мог только в Канаду, Мексику и страны Карибского бассейна. Билет его, однако, был до Франкфурта. Ну, допустим, мы успеем поставить немецкую визу в понедельник утром. Если будем передвигаться бегом, успеем получить и австрийскую. Но это все. Итальянскую визу получить мы уже не успеем, а о югославской, главной, и говорить нечего — югославы оформляли визы три недели.

В свете такого поворота событий надо было много в моем первоначальном плане переиграть. Предположим, Алик летит со мной до Франкфурта, затем едет в Грац или Клагенфурт, где будет меня ждать. Если я не появлюсь в течение трех дней, скажем, 24, 25 и 26 августа, он должен поднять всех на ноги. Вот только кого поднять на ноги? Клагенфуртских пожарных? Моих родителей в Нью-Йорке? ООН? Ну, разумеется, всю западную общественность, которая содрогнется, узнав, что меня с Людой взяли за жопу в мариборском лесу. Но Бернис видела кровь у Триеста, а не в Мариборском лесу. Нету в мариборском лесу никакой крови. А звонить Алик будет американским корреспондентам в регионе, в американское посольство в Белграде, американское консульство в Загребе, Майклу Коэну в Нью-Йорк. Жаль, конечно, что я не американский гражданин, а только постоянный житель. Не будут за меня американцы биться до последнего. Вообще не будут биться.

Ночевал я у Алика. Утром, проснувшись, опять начал думать о Граце и Клагенфурте. Хотел позвонить Елене Васильевне и забронировать в обоих городах по комнате, но вспомнил, что сегодня воскресенье — она не работает. А если нет свободных мест, где тогда Алик будет ночевать?

Я с удивлением поглядывал на Алика, который, похоже, был весьма доволен, что лететь ему, в общем-то, и не надо.

— Куда лететь, если виз нет? — не скрывая радости, приговаривал Алик.

Я ему вяло говорил:

— Собрал бы ты вещи в дорогу.

На что он отвечал:

— А куда мне ехать, если виз нет? Или ты ждешь, что визы нам сюда принесут?

Днем я позвонил Бернис Голден.

— Бернис, ты обещала, что я полечу вместе со своим другом.

— Именно так, — ответила Бернис. — Ничего не изменилось.

— Ну так знай, Бернис, что у моего друга нет ни одной визы, и что завтра мы должны вылететь во Франкфурт, и что югославам нужно три недели, чтобы выдать визу.

— Я сказала, что ты полетишь со своим другом, и он будет с тобой в Югославии. Все будет в порядке.

— Бернис, у тебя есть связи в югославском консульстве? Как мой друг попадет в Югославию?

— У меня связи везде. На «Кодаке» мне тоже не верили. Не повторяй их ошибки. Как я сказала, так и будет. Точно и несомненно.

Я повесил трубку. Посидел, пытаюсь заглянуть в будущее. Наконец сбросил с себя

оцепенение и сказал Алику, чтобы он быстро собирался, так как ночевать мы будем у меня в Нью-Йорке, а дел завтра невпроворот. Мне показалось, что жена Алика Ляля была довольна таким поворотом дел. Алик доволен не был и не скрывал этого. * * *

В понедельник семнадцатого августа мы проснулись в семь часов утра, быстро позавтракали, схватили вещи и помчались в югославское консульство. Каково же было мое разочарование, когда на двери консульства я увидел табличку «Консульский отдел закрыт в связи с переездом». Рядом с дверью валялись ящики с порезанной бумагой, устаревшие канцелярские принадлежности и всякая подобная рухлядь.

— Ну раз так, пошли, — сказал Алик.

Я молча смотрел на дверь, перестав слышать и видеть все вокруг. Весь мир сосредоточился для меня в этой двери. Я впал в странное состояние, которое никогда до этого момента не испытывал. Начал стучать в дверь. Никто не открывал. Продолжая стучать, все громче и громче, я знал, что буду стучать до тех пор, пока не откроют, но за дверью не слышалось ни звука. Я стал барабанить кулаком, но без злости, а чтобы не болели костяшки пальцев. Во мне постоянно звучало: «Бернис не может ошибаться». Я бил в дверь кулаком, зная, что успех зависит от моей настойчивости.

Дверь открылась. На пороге стоял высокий красивый усатый мужик в джинсовом костюме.

— Чего стучите? Не видите — мы переезжаем, — сказал мужик.

— Нам с консульским работником встретиться нужно.

— Я и есть консул, — ответил мужик. — Но мы сейчас переезжаем. Приходите через неделю.

— Мы очень любим вашу страну, — начал я. — Давно мечтали туда поехать. Вот мой паспорт с югославской визой, вот билеты на сегодняшний вечерний рейс. Мы потеряем столько денег, если мой друг не получит визу, весь наш отпуск пропадет. Пожалуйста, поставьте ему визу.

— Так ведь мы переезжаем, — повторил консул.

Мир опять сузился, теперь до консула. То ли древние заклятия я бормотал, то ли повторял «дяденька, не бейте», то ли солидным голосом, не унижаясь, просил войти в наше положение, я не помню. Помню только, что произносил звуки, смотрел на консула, а потом замолчал.

— Ладно, — сдался консул, — сейчас принесу заявление, заполните и дадите мне.

Алик заполнил заявление и отдал его лучшему усатому красавцу в мире — югославскому консулу. Консул просмотрел заявление и почему-то спросил, где работает жена Алика. Алик ответил, что в дизайнерской компании.

— А кто владеет компанией? — спросил консул.

— Итальянцы, — честно и неумно ответил Алик.

— А какие у них связи с Югославией? — продолжал допытываться консул.

— Да никаких, они с Сицилии, — уже умнее ответил Алик, уводя и без того далеких персонажей подалее от границы с Югославией.

На этом интерес консула потух, он достал из какого-то ящика печать и бахнул визовый штампель в паспорт Алика. Я сказал «хвала», что означает по-хорватски «спасибо», и мы умчались. Следующая остановка — консульство ФРГ.

Войдя в приемную, мы увидели, что одна из стен увешана фотографиями Алика. Это были находящиеся в розыске террористы из группы Баадер-Майнхофф. Как и Алик, все особи мужского пола этой группы носили длинные волосы и усы. Мы сдали паспорт Алика и стали ждать. Пока сидели и рассматривали фотографии, Алик рассказал, как в Италии, где они жили несколько месяцев, прежде чем попасть в Штаты, его арестовали в супермаркете «Станда». Было это в марте 1978 года, через несколько дней после похищения итальянского премьера Альдо Моро «Красными бригадами». Тогда вся Италия была обклеена фотографиями членов этой организации, и Алик являл собой собирательный образ ее мужской части. Конец этой истории никак не связан с ее началом, потому что оказалось, что главная претензия к Алику состояла в отсутствии пробитого чека за йогурт, а не в похищении премьера Италии. Чек в итоге был найден в коляске годовалого сына Алика и Ляли. Счастливым концом рассказа совпал с выносом паспорта с вклеенной в него немецкой визой. С австрийской визой никаких проблем тоже не было, и к двум часам дня Алик был готов к вылету. Он не переставал удивляться, как это так быстро все получилось. До него наконец дошло, что он летит со мной и является участником, а не наблюдателем событий.

Мы пообедали в дешевой забегаловке, купили бутылку коньяку в дорогу и направились в аэропорт имени Кеннеди. Мы тряслись в поезде метро, и я размышлял над тем, какие страшные силы призвала Бернис мне в помощь. Алик, ничего не подозревая, что-то рассказывал.

В зале регистрации людей было не очень много, поэтому я сразу уловил славянские звуки, исходившие от двух парней в джинсовых костюмах. Очевидно, они прощались, так как обнимали друг друга. Наконец один из них ушел, и я подошел к оставшемуся.

— Куда летишь? — спросил я по-русски.

— Во Франкфурт, — тоже по-русски ответил парень.

— Поляк? — поинтересовался я.

— Чех, — ответил парень.

— Как тебя зовут? — спросил я и, прежде чем он ответил, представил Алика и себя.

— Марек.

— Так это же польское имя, — сказал Алик.

— Чешское тоже.

Мы все вместе зарегистрировались на рейс, в результате чего оказалось, что сидели мы рядом, в среднем ряду. Я показал Мареку бутылку коньяка, и он сдержанно обрадовался. Он вполне сносно говорил по-русски. Рассказал, что живет в Америке два года, а эмиграция его происходила следующим образом: три года назад ему посчастливилось получить путевку в Австрию, где он задержался на год, а оттуда уже попал в США как беженец.

«Боинг-747» компании «ПанАм» тем временем набирал высоту, оставив позади и внизу полыхающий огнями Нью-Йорк.

Я разлил по первой за встречу. Марек выпил коньяк залпом, как и мы с Аликом. Закусили орешками. Разливали мы почти в открытую — пассажиров было мало, и стюардессы проводили время, болтая в отсеке между салонами. После третьей я спросил Марека, что он думает по поводу сложности перехода границы из Югославии в Австрию.

— А мой брат Иван и еще одна знакомая, Эва, так и сделали, — радостно сказал Марек. — Там удобная тропинка есть. Главное, с дороги не сбиться, а то Эва чуть не умерла, гуляя по

лесу. Она боялась выходить на открытое место, и все гуляла и гуляла. Ее случайно нашли австрийские пограничники, которые за ней следили. Оказалось, она углубилась в Австрию на двенадцать километров. Они ей сказали, что правильно делала, что боялась, потому что югославы часто ловят беглецов уже в Австрии и тащат их обратно. Им деньги дают за каждого пойманного. Иван тоже шел по этой тропинке, обдываясь от страха, но его ждал Мирослав и еще пара ребят с австрийской стороны. Большую группу мужчин югославы назад не потащат — можно и по шее получить, а стрелять на территории Австрии они не будут.

Мы разлили еще по одной и выпили за Ивана и Эву. Я вопросительно посмотрел на Алика, сидевшего справа от меня, но он не понял моего вопроса. Так еще в школьные времена бывало, когда я частенько просил его дать списать решение задачи, а он, не понимая, о чем я его прошу, громко спрашивал, в чем дело. Я снова посмотрел на Алика и вопросительно-утвердительно кивнул головой.

— Коньяк не пошел? — участливо спросил Алик.

— Пошел, пошел, — ответил я и принял решение. — Понимаешь ли, Марек, — это я уже к Мареку, — мы с Аликом должны будем перейти границу из Югославии в Австрию. Мы, собственно говоря, сейчас за этим и летим.

— А вам-то это зачем?

— Нам надо мою девушку переправить в Австрию. Мы с ней встретимся в Югославии, а оттуда хотим попасть в Австрию. Марек, мы не знаем, где тропинка.

Я снова разлил коньяк по стаканчикам.

— За девушек, — провозгласил Марек. Выпив, продолжил: — Я тоже к своей девушке лечу, к Ружене. Она в Линце живет, в общежитии для беженцев. Там и Иван. Он в Линце «Ладу» купил, дурень. Столько машин хороших, а он «Ладу» купил. У него в Чехословакии «Лада» была, вот он снова «Ладу» и купил.

— Марек, как ты думаешь, Иван бы мог нам рассказать, а еще лучше показать, где эта тропинка? С австрийской стороны, конечно. У нас в запасе есть два дня, мы бы могли мотнуться из Линца на границу и обратно.

— Конечно, мог бы. Мы бы вас встречали на границе, как Ивана встречали его друзья.

— Марек, давай выпьем за тебя с Иваном. Это не просто совпадение, это провидение!

Мы снова разлили по стаканам коньяк и с чувством выпили. Было видно, что Алик тоже поражен удивительным совпадением. Мы тут же достали карту, по которой определили, что нам надо будет сойти с поезда в Зальцбурге и оттуда поехать в Линц. До Зальцбурга наш билет уже оплачен, так как он находится по пути из Франкфурта в Загреб. Конечно, было бы удобнее не расставаться с Марекком, который направлялся напрямиком из Франкфурта в Линц, но у нас каждый доллар был на счету. Мы договорились встретиться с Марекком завтра в Линце. Он нам дал номер телефона и адрес Ружены в Линце, и мы снова выпили. За свободу.
* * *

Во Франкфурте мы сели в поезд на Загреб, доехали до Зальцбурга и пересели на поезд, идущий в Линц. Страшно хотелось спать после бессонной ночи в самолете и пьянки. Кое-как придя в себя, мы начали обсуждать открывшиеся перед нами новые возможности.

— А если Марек с Иваном не придут нас встречать? — спросил Алик. — Кто мы им такие? Марек уже, наверное, забыл про нас.

— А что мы теряем? — отвечал я. — Все равно нам переться через границу. Так у нас хоть

шанс есть, что нам покажут или расскажут, куда идти.

— Не верю я почему-то этому Мареку. Не выглядит он серьезным человеком.

— Алик, серьезные люди границу не переходят. Если ты сейчас со мной, ты тоже несерьезный человек.

— Да, я тоже несерьезный человек, — согласился со мной Алик. — Не верю я Мареку.

— А что мы теряем? — опять сонно спросил я.

— Темп теряем. Могли бы лучше осмотреться в Башке.

— Всю Башку, наверное, можно обойти за пять минут.

— Слышу русскую речь! — раздался вдруг голос. Это произнес симпатичный парень, сидевший у Алика за спиной. Парень наклонился к нам и улыбался.

Познакомились. Парня звали Володей, работал он на «Свободе» в Мюнхене, жил с семьей в Вене. Жена его была чешка. Володя возвращался домой после работы. Я все ждал, когда он расскажет, как переходил границу из Югославии в Австрию, но этого не произошло. Наверное, жизнь в Вене была скучная, потому что он начал усиленно приглашать нас с Аликом в гости. Я попросил у него карточку и сказал, что позвоню, если у нас будут трудности в дороге. Володя попытался уточнить, какие именно трудности нас ожидают, но я не стал вдаваться в подробности. Мне было любопытно, сумеет ли он по радио «Свобода» сообщить миру, если с нами что-то случится. Володя сказал, что сумеет, но я понял, что не сумеет. На всякий случай я записал наши имена и фамилии на листке бумаги и дал Володе. Также записал домашний телефон Алика и попросил позвонить Ляле, если в течение двух недель я не сообщу, что с нами все в порядке. Володя оказался мне человеком нашего круга, и у меня стало легче на душе. А сумеет или не сумеет он что-то — там будет видно. * * *

Уже вечерело, когда в Линце мы сошли с поезда. Взяли такси и поехали по адресу, который Марек записал на листке бумаги, выдранным из самолетного журнала «ПанАм». Шофер высадил нас у комплекса из нескольких унылых трехэтажных зданий. В воздухе витали некапиталистические запахи. Алик, превратившийся вдруг из Ватсона в Шерлока Холмса, заметил, что не видит на паркинге никаких «Лад» или «Жигулей». Это наблюдение нас встревожило. Мы вошли в здание с нужным номером и поднялись на второй этаж. Дверь открыла чешка, на которую в иное время я бы обратил большее внимание. Увы, это была не Ружена. Спросили у нее про Марека и Ивана. Она сказала, что Иван где-то пьет в ожидании Марека, который еще не приехал. Мы сказали ей, что летели с Марексом в одном самолете, но эта информация никак не повлияла на ситуацию — чешка по-прежнему не знала, где Марек, Иван или Ружена. Зайти внутрь она не пригласила. Мрачные предсказания Алика начали сбываться — Марек о нас забыл. Встретил брата, давно не виделись, понятное дело, забухали.

Мы, как глупые пни, стояли на паркинге, вглядываясь в подъезжающие машины.

— Ты хоть помнишь, как «Лада» выглядит? — спросил Алик.

— Конечно, помню. Грязный такой кирпичик. На нем еще «Лада» написано латинскими буквами, сзади, на багажнике.

— Куда подевался этот блядский Марек? Кстати, когда отходит последний поезд на Зальцбург? Ты вроде проверял расписание на вокзале.

— Через полтора часа. Если на него сядем, к одиннадцати будем в Зальцбурге.

— А ночевать где будем?

— Не знаю. Где-нибудь на вокзале. Рано утром отправляется поезд на Загреб, если мы его пропустим, нам придется дожидаться поезда, каким мы приехали, а он отходит только в пять часов дня. Давай уж на вокзале как-то перекантуемся.

— Надо было бы позвонить по телефону, который оставил Марек. Хотя я больше на него не рассчитываю — а если он забухает, когда надо будет идти нас встречать?

Неподалеку светилась вывеска «Hotel», и мы поплелись на этот огонек. Мы вошли, и нас вновь обступил капитализм. На английском попросили портье набрать номер телефона, записанный на той же бумажке, что и адрес. Пожилой австриец набрал номер и дал мне трубку. Я услышал смех, музыку, какой-то шум. Мне что-то сказали по-немецки, и я сказал: «Их виль шпрахе мит Ружена». Я не понял, что мне ответили, и повторил свою просьбу по-русски. Ответа я опять не понял и дал трубку портье, сказав, что мне нужно поговорить с Руженой или Иваном. Но великолепный немецкий австриец тоже не помог — он с трудом понял, что их нет и неизвестно, когда будут. Австриец нажал какую-то кнопку, и из телефонного аппарата вылез счет за разговор. Он оказался астрономическим. Мы спросили австрийца, легко ли поймать такси, и он ответил, что невозможно — такси нужно заказывать. Заказ такси мне стоил еще долларов пять.

Мы прибыли в Зальцбург ровно в одиннадцать часов вечера. Прошлись взад-вперед по перрону. Ночевать на вокзале было негде. Мы падали от усталости, пытаюсь найти укромное местечко, где можно было бы прилечь и закрыть глаза. Вышли на привокзальную площадь.

— Здесь родился Моцарт, — сказал Алик.

— И Гитлер, — сказал я.

— Гитлер родился в Браунау, но это недалеко, — поправил меня Алик.

Мы побродили по пустой площади, затем вернулись на вокзал. Чисто, но вокзал есть вокзал — своя компания алкашей все же присутствовала. Внешне они были похожи на харьковских забулдыг, но говорили все-таки по-немецки. Киоск на вокзале был еще открыт, и алкаши то и дело подходили к местной тете Клаве наполнить кружечку. Мы тоже купили пива, кусок холодной курицы и два яйца, сваренные вкрутую. Ровно в полночь тетя Клава опустила металлические жалюзи. Зальцбург, родина Моцарта и, если не мелочиться, Гитлера, отошел ко сну.

Я нашел пустые картонные ящики в правом крыле (какая разница, откуда смотреть) вокзала. Ящики были громадные, наверное, из-под холодильников. Забрался в один из ящиков, накрылся куском другого и заснул. До сих пор не знаю, где спал Алик и спал ли он в ту ночь вообще. Никто ему не мешал найти такой же ящик. При желании много чего можно найти на вокзале.

Проснулся я рано и пошел искать Алика. Нашел, и мы вместе с проснувшимися алкашами (не знаю, где они спали) встали в очередь у киоска, ожидая фрау Клаву. Она подняла жалюзи ровно в шесть утра. Мы съели по булочке и выпили апельсинового соку. Через час подошел поезд на Загреб. С тяжелым чувством мы влезли в вагон и сели у окна друг против друга. * * *

В авиации есть термин «бессобытийный полет». Когда полет бессобытийный, это очень хорошо. Именно таким был наш въезд в Югославию. Паспорта проверили два вполне цивилизованных пограничника, которые поставили штамп въезда и двинулись по проходу дальше. Мы простояли на пограничном пункте около часа. За окном вагона лежала Югославия — страна наших будущих подвигов и возможного тюремного заключения на

долгий срок.

Поезд дернулся, и краски утратили интенсивность. Выцветшие крыши, не такие ровные заборы, не такие упитанные домашние животные, кое-где кучи хлама. Или этот избитый кинорежиссерский трюк с переходом с цветной пленки на черно-белую происходил только в моем антикоммунистическом сознании? Я спросил у Алика, каковы его впечатления, и оказалось, что он тоже антикоммунист. А то я не знал!

В вагон заходили все новые югославы, похожие на цыган и, наверное, на югославов. Все мужики курили, все женщины ели яйца и колбасу. Как и у Зорана с Душаном, у мужиков были тонкие носы и немного выпирающие скулы. Никто не был чисто выбрит. Наверное, это были крестьяне. На нас, американцев, никто не обращал никакого внимания.

Мы сошли с поезда в Загребе. Или это был Харьков? Сортирные запахи, бабы с мешками, нищие, просящие подаяния. Знакомую советскую картину нарушали иностранные машины. Тут же на вокзале мы обменяли доллары на динары и сели в такси-«Мерседес», чтобы ехать забирать бронированное «Рено-4». Пункт проката машин занимал одноэтажное строение посреди пустыря на окраине города. Несколько тревожных минут, пока клерк нашел мой заказ. Сначала я говорил по-английски, но потом перешел на русский, что вызвало у клерка вздох облегчения. Я спросил, как выехать на шоссе на Риэку и за сколько я доберусь до острова Крк.

— Теперь, когда мост построили, за быстро, — ответил клерк.

— Что, неужели уже закончили строительство моста? — с неподдельным восторгом спросил я.

— Так давно уже, почти год назад.

— А я на карте никакого моста не видел.

— Вот на этой карте уже есть, а на других до сих пор нет. — Клерк протянул мне карту.

«Рено-4» выглядела сделанной из картона: двери совсем тонкие, окна не опускались, а открывались, как форточки, кулиса в форме клюки торчала из приборной доски. Чтобы переключить скорость, ее требовалось сначала дернуть на себя, а потом воткнуть в нужное положение. Крыша была овальной и тоже очень тонкой. Мы погрузились и поехали сначала обратно в Загреб, так как я хотел заехать в гостиницу, где я бронировал номер, и лично убедиться, что все в порядке.

Гостиница оказалась в красивом, уютном районе. Мы вошли и тут же услышали громкую американскую речь — в фойе расположилась группа молодых ребят, очевидно, студенты на каникулах. У меня стало спокойнее на душе, и я поприветствовал их: «Хеллоу, пипл». «Пипл» оказался из разных штатов, кто из Миннесоты, кто из Огайо. Я сказал, что я из Нью-Йорка, а Алик из Нью-Джерси. Пять минут легкого, по сути, никакого разговора, а все равно было приятно, что земляков встретил. Наверное, я мандражировал, если затеял этот разговор. Такие же пустые и бесполезные разговоры заводят с медсестрой, которая везет тебя в операционную, — все, что тебе нужно, это слово, признак жизни, косвенное подтверждение, что все в порядке. Вот американские студенты в Югославии, все живы и здоровы, и с тобой точно так все и будет.

Я поговорил с портье, сказал, что обязательно остановимся на обратном пути, и попросил держать две комнаты, начиная с двадцать третьего августа. Портье попросил задаток, и я дал ему тридцать долларов. Цены тогда были смешные даже для меня — пятнадцать долларов за ночь. Мы немного погуляли по Загребу, который нам очень понравился. Да, не Вена и не Рим, но и не Морристаун и не Буффало. В американских городах, за исключением

нескольких, гуляют только в парках, а на улицах обычно ни души. Загреб был небогатый, но вполне достойный европейский город: красивые дома, кафе, чистые трамваи. По тротуарам идут вполне прилично одетые люди. Я искал глазами транспаранты, знамена, портреты классиков марксизма-ленинизма, но не нашел ни одного. Мы вернулись к машине, втиснулись в ее крохотный салон и взяли курс на Риeку.

Названия, которые я столько раз видел на карте, приобретали реальность. Карловач.

— Вперед, на Карловач! — продекламировал я.

— Сказал Михайлович, — подхватил Алик.

Имея за плечами опыт более чем пятнадцатилетнего тесного общения, мы тут же оба поняли, что Михайлович — югославский герой, возможно, соратник Тито, глава партизанского отряда. Для лучшей рифмы мы произносили «МихайловАч». Если вы скажете, что эта деталь, эта маленькая наша забава несущественна, то будете правы. Но существенны ли были мои разговоры с Бернис Голден? А ведь без нее ничего, наверное, не было бы. Или было бы не так. Почему молитва перед боем важна, а припев «Вперед на Карловач, сказал Михайловач» не важен? Может, без него тоже было бы все не так?

Дорога пошла в гору. Наш «Рено» натужно попердывал на узком шоссе с непривычным для нас встречным движением. На горной дороге я никак не мог заставить себя пойти на обгон какого-нибудь грузовика, зато нас обгоняли почти все. Югославы любили риск и жизнь свою ценили недорого — они обгоняли даже тогда, когда встречная машина была всего в паре сотен метров. Жикнут слева и тут же перестраиваются прямо перед моим капотом. Ездили югославы на «Заставах» местного производства, но часто и на старых «Рено», «Ситроенах», «Фиатах», «Фольксвагенах». Иногда попадались большие «Мерседесы».

Около Карловача мы остановились на обед в придорожной столовой. Выбор блюд был минимальный, но поданный кусок мяса был честный и вкусный. Поглощая пищу, я поймал себя на мысли, что не думаю о предстоящей операции, а вместо этого веду себя как турист — просто с любопытством глазею на все вокруг. А нужно подмечать и запоминать какие-то полезные вещи, но я забыл, какие. Я понял, что расклеился, и мне стало не по себе. Снова обвел глазами помещение — столовка как столовка. Работяги жрут, выпивают, с ними разговаривает официант. Что тут для нас полезного, что из всего этого нам может пригодиться? Интересно, это государственное предприятие общественного питания или частная столовка? Я посмотрел на Алика — он ел и тоже, очевидно, что-то обдумывал. Я задал ему вопрос насчет формы собственности столовки, и он подтвердил, что это тоже его занимает. Мы стали обсуждать приметы, указывающие на то, что столовка частная, — достаточный уровень санитарии, отсутствие агитматериалов. Да, по всему выходило, что это частное заведение.

— В государственном тебе такую большую порцию не дали бы, точно спиздили бы половину, — резонно подытожил Алик.

Мы миновали Карловач, а затем Риeку. На закате перед нашим взором открылся вид на мост, соединяющий континент с островом Крк, — прекрасное зрелище для любого человека и вдвойне прекрасное для меня — теперь мы не были привязаны к паромному расписанию. За проезд по мосту надо было заплатить, что меня обрадовало, — признак капитализма, а значит, цивилизации. Мы миновали мост и еще через полчаса прибыли в пункт назначения — Башку, где без труда нашли отель «Эспланада». Забронированный номер обошелся мне здесь подороже, чем загребский, — аж 25 долларов за ночь. Мы поднялись в комнату и завалились на кровати. Джет-лэг, бессонная ночь в самолете, почти бессонная ночь на зальцбургском вокзале, предательство чехов, напряженная езда по Югославии — все это немедленно погрузило нас в сон без сновидений. Послезавтра должна произойти встреча,

которую я ждал пять лет, но сил на ее предвкушение у меня уже не было. * * *

Бывала ли в вашей жизни долгая разлука с близким человеком? Для чего встречаются одноклассники, празднуя двадцатипятилетие, а то и пятьдесят лет со дня окончания школы? Нам интересно встретить знакомых людей спустя много лет, нам интересно побывать в местах, где мы долго не бывали, — родной город, курорт, куда мы ездили в детстве, просто красивое место, которое когда-то проезжали и куда заглянули на несколько минут. Мы всматриваемся в дома — те ли эти дома? Обветшали, стали ниже. Другие, наоборот, обновились и стали выглядеть хуже, потому что иначе почти всегда означает хуже. Расставаясь с людьми, местами и вещами, мы хотим, чтобы они не менялись, чтобы все застыло во времени навсегда. На других мы переносим желание самим застыть навсегда.

Весь следующий день мы с Аликом шатались по Башке. Через много лет Алик рассказывал мне, какой красивый остров Крк и какой живописный городок Башка. Но я этого не помню. Ни Крк, ни Башку. Помню только, что мысленно обозначал место нашей с Людой завтрашней встречи, — немного левее от ее гостиницы, немного правее от моей, на набережной. Я подаю ей знак следовать за мной, поворачиваюсь и иду. Куда иду? Надо найти укромное место. Я прохаживаюсь по набережной, всматриваюсь в улочки, отходящие от нее, — они открыты, все на виду. Но вот я нахожу маленький пустырь за одной из гостиниц. Да, сидеть негде, зато ни души. Пустырь — плохое обрамление для романтической встречи, и ни один японец не выбрал бы пустырь для встречи с возлюбленной. Бурьян, небольшая куча мусора, отсутствие тени. В голову лезли японцы — мастера обставлять любые церемонии. Это плохо, потому что у японцев опасные для евреев традиции — например, бросаться со скалы, если родители влюбленных не одобряют их отношений. Наши родители, кстати, тоже никогда не были в восторге от наших отношений — за это они и поплатятся. Ни ее родители, ни мои не знают, где сейчас их дети. Нет, не нравится мне пустырь, и я ищу другое место.

В Башке полно отдыхающих европейцев, в основном немцев. Мы с Аликом одеты хуже всех, и мне немного обидно за Америку — не сумела она одеть элегантно своих новых сыновей. На всех мужиках красивые цветастые рубашки, и все они выглядят как настоящие иностранцы. А мы опять — как «совки». Правда, моя по-ковбойски простроченная рубашка «Wrangler» очень удобна — на ней два больших нагрудных кармана — один для сигарет, другой для какой-нибудь небольшой нужной вещи.

Я начинаю думать, что Людин автобус может прибыть в любую минуту и встреча может произойти не завтра, а сегодня. Я вглядываюсь в красивых брюнеток, фланирующих по набережной, время от времени сожалея, что та или иная понравившаяся мне девушка не Люда. Такая нецелостность не очень хороший признак. Получается, что вся операция затеяна ради самой операции, а не во имя большой любви. Интересно, а как сейчас Люда воспринимает молодых людей? Легко ли ее вытащить из автобуса на остановке красивому парню из Загреба? Я представляю, какое письмо она мне потом напишет из Загреба, объясняя, почему не приехала на Крк, и меня разбирает смех.

Но в жизни такое бывает — я встречаюсь на башкинском блядохе с молодой нацисткой и переезжаю к ней в Дюссельдорф, а Люда находит счастье с загребским ветеринаром. Я совсем не исключаю для себя и Люды такого исхода югославской эпопеи, но полностью исключаю его для Алика. Алик точно вернется в маленький городок Лэйк-Гайавата в Нью-Джерси, где его не может не ждать Ляля.

На ужин мы с Аликом ели рагу, выпили немного местного вина. Говорили мало. Меня к вечеру охватила нервная дрожь и стало знобить. Шутить не хотелось. Мы вернулись в гостиницу и легли спать. Заснул я с трудом — перед глазами крутились разные варианты нашей встречи — я вижу Люду в толпе, затем стоп-кадр, следующий кадр — я вижу Люду одну, идущую по набережной, опять стоп-кадр, потом я подхожу к ней сзади и тихонько окликаю ее... * * *

Мы увидели друг друга одновременно около двух часов дня, как я и предполагал, на набережной. Мы медленно шли с Аликом после завтрака, высматривая Люду в толпе гуляющих. Вдруг я ее увидел и прошептал Алику:

— Смотри, Люда!

— Где, где? — заволновался Алик и тут же ее увидел.

Как мы заранее условились, Алик отошел от меня. Если бы по какой-то причине нас с Людой задержали или арестовали, он смог бы сообщить об этом миру.

Наверное, Люда готовилась к этой встрече не так тщательно, как я, потому что вытянула шею и стала всматриваться — мол, точно ли это я? А кого еще она ожидала увидеть? Я же тренировался пять лет, поэтому никакого удивления не выказал, наоборот — успокоился. Губами я прошептал: «Иди за мной», повернулся и пошел. По пути думал: «Я много раз так шел, но каждый раз это был сон. Какие у меня есть доказательства, что сейчас я не сплю?»

Доказательств не было никаких. Я принял — соленый ветер, горьковатый аромат каких-то деревьев. Во сне, по-моему, не было запахов. Оборачиваться не хотелось. Обернешься — точно сон, и Люды уже нет. Я не слышал звуков — кино про меня было немое. Ища приметы реальности, посмотрел на вывеску на ресторане — «Plodovi moga», но такое я и сам мог выдумать.

На магазине рядом с рестораном была вывеска «Cipele». Что «cipele» означает «туфли», я догадался по выставленной обуви в витрине. Мог ли я и такое придумать? К сожалению, мог. В моих снах и не такие подробности присутствовали — так мне легче было уговорить себя в реальности происходящего. Я шел не оборачиваясь и заново искал укромное место. Свернул налево, к морю, опять налево — вот то что надо. Доска на двух кирпичках, самодельная скамья. Сел, полез за сигаретами. Через несколько секунд подошла Люда.

Я был рад, что надо было соблюдать конспирацию, — я не смог бы обнять Люду, прижать к себе, сказать слова любви из душевного индийского фильма. Может быть, не было таких слов и таких жестов в моем арсенале. За пять лет я встречался с Людой сотни раз, а слова и жесты так и не отработал. Как обнять, чтоб не опозлить, чтоб не разочаровать и не разочароваться? Конечно, надо быть проще, но те, кто проще, не обязательно добираются до острова Крк.

Подошел Алик. Его встреча с Людой была гораздо теплее и натуральнее, чем моя, что и понятно — его ведь пять лет кошмары не преследовали. Убедившись, что все в порядке, Алик оставил нас вдвоем. Я достал из сумки бутылку с остатками коньяка — на самом доньшке. Я специально таскал эту бутылку с собой, чтобы выпить по капле при встрече, — ведь коньяк был куплен и начат в Америке, ну пусть над Америкой. Тот самый коньяк, что мы пили в самолете с Марекком. Я отпил из горлышка и протянул бутылку Люде.

— Ну, привет.

— Привет.

— Паспорт отобрали?

— Отобрали.

— И как ты собираешься его назад получить?

— Не знаю. Скажу, что встретила друзей, и они пригласили меня покататься по окрестностям, а без паспорта в чужой стране опасно ездить на машине.

— Встретила друзей из Америки?

— Нет, конечно. Сокурсников.

— А теперь сокурсники пачками в Югославию на отдых ездят?

— У тебя есть лучший вариант?

— Кто отобрал паспорт?

— Руководитель группы.

— Опиши его.

— Пожилой партиец. По-моему, бздит, чтоб кто-нибудь из группы не дернул.

— Хорошо. Скажи ему, что встретила сокурсников, попроси паспорт. Если не даст, скажи, поедешь без паспорта, но он будет отвечать, если что не так.

— Мы так и будем здесь сидеть?

— Зачем же? Пойдем представишь меня руководителю группы. Скажешь, что я американский коммунист, отдыхаю в партийном санатории.

— Ты как раз очень похож на американского коммуниста.

— Ладно, пошли искать Алика. Ты идешь минимум в десяти шагах за мной. Разглядывай витрины. Я пойду к отелю «Эспланада». Там на нас не должны обратить особого внимания — полно немцев и всяких бельгийцев. Наш номер тридцать два — на третьем этаже, вторая дверь справа от лифта. В номере на всякий случай ни о чем таком не говори. Если ты паспорт получишь, ты готова смываться?

— Не знаю. Мы еще так мало виделись.

— Ну давай месяцок проведем в Югославии, ты подумаешь.

У Люды на глазах навернулись слезы. Так мы наконец поцеловались. А потом уже долго стояли у доски, лежавшей на двух кирпичках, и целовались. Стало все равно — наблюдает ли за нами руководитель группы, или агенты югославской разведки, или самого КГБ. А пока целовались, поняли, что операция наша продолжается.

Мы без приключений добрались до нашего номера в отеле «Эспланада». Посидели, повспоминали, пообнимались. На большее не рискнули, ожидая прихода Алика. Он не подвел — пришел минут через двадцать, включил телевизор и стал с интересом смотреть передачу на хорватском языке. Потом выключил телевизор и присоединился к разговору. Люда все еще немного колебалась, я говорил ей, что больше за ней не приеду, — либо сейчас, либо никогда. Алик начал объяснять Люде, почему надо бежать с политической точки зрения. Судя по реакциям Люды, этот аспект был ей безразличен. Мало того, она проявила неуважение к нам, американцам, назвав Рейгана дураком, чем вызвала у меня большое раздражение: я любил Рейгана. Конечно, разговаривая в гостинице на такие темы, мы серьезно нарушили конспирацию.

Через час политзанятий Алик сказал, что хочет спать. Он говорил правду, потому что заснул сразу. Нам с Людой негде было заниматься любовью, кроме как на другой кровати. Думаю, что даже английская королева нас бы простила. Конечно, Алику хорошо было бы пройтись по набережной и поплавать в Адриатическом море, но его сморило, и я не могу его обвинять в нетактичности. Это мы были бестактны, а не он. Хотя мог бы и поплавать часок.

Прощаясь, мы с Людой договорились встретиться на следующий день на набережной в девять утра. Если Люде удастся забрать свой паспорт, то уходим в отрыв сразу же. В таком случае Люда должна захватить с собой маленькую сумочку и положить в нее самое необходимое. Я предупредил ее, что, возможно, нам придется идти лесом, рассказал про фонарь и веревку. Люда сказала, что для такого путешествия у нее ничего с собой нет. Решили купить джинсы и кеды в Загребе.

— Ничего не бери с собой, кроме самого необходимого, — напутствовал я ее. — Никто не должен догадываться, что ты сбежала. Нам необходим отрыв в двадцать четыре часа. * * *

Ровно в девять часов я увидел Люду, выходящую из «Звезды» с маленькой сумочкой, болтающейся на левой руке. Она была в легком платье, которое я когда-то прислал ей из Америки. Я развернулся и пошел в сторону нашего отеля, затем свернул налево и еще раз налево — на наше старое место встречи.

— Паспорт у тебя?

— У меня.

— Это все, что ты с собой взяла? — кивнул я на сумочку.

— Да. Помада, две пары трусиков, еще пара вещей, которые мне нужны.

— Хорошо. Ты уже знаешь, где «Эспланада». Наша машина запаркована во дворе за гостиницей. Погуляй ровно пятнадцать минут и иди в тот двор. Ты нас увидишь. Если во дворе никого нет, иди прямо к машине, забирайся на заднее сиденье и ложись — мы накроем тебя нашими вещами. Если во дворе будут люди, погуляй еще пять минут и возвращайся. Когда убедишься, что во дворе никого нет, залезай в машину, а если кто-то будет, иди есть мороженое. Но не в сторону своей гостиницы. Вот тебе пара хиляд. — Мне нравилось слово «хиляда», по-хорватски это «тысяча».

Наши с Аликом вещи были собраны. Мы быстро спустились в лобби, выписались из отеля и пошли к машине. Я попросил Алика постоять на противоположной стороне улицы и понаблюдать за теми, кто будет входить во двор. Машину пришлось отогнать в дальний конец двора, чтобы ее с улицы совсем не было видно. Потом я вынул из сумок наши с Аликом вещи и разбросал их на заднем сиденье, а почти пустые сумки сложил в крошечный багажник. Оставив мотор включенным, я откинул переднее пассажирское сиденье, вышел из машины и стал ждать. Через несколько минут появилась Люда. За ней буквально по пятам следовал Алик, хотя я предполагал, что он в лучших шпионских традициях выждет несколько минут, чтобы убедиться, что за ней никто не следит. За Аликом, однако, никто не шел.

Я открыл пассажирскую дверь, Люда скользнула внутрь и свернулась калачиком на заднем сиденье. Я посмотрел вокруг — ничего подозрительного. Мы с Аликом набросали поверх Люды все наше шмотье, так чтобы ее не было видно. Еще раз осмотрелись — вроде бы все в порядке. Во дворе ни души. Я тихо тронул «Рено-4», мы выехали со двора и покатали через Башку к мосту, ведущему на континент.

— Так и не скупнулся в Адриатическом море, — сказал я.

— А я скупнулся, — сказал Алик. — Вчера, когда вы разговаривали.

— Ну и как?

— Очень хорошая вода, — сказал Алик.

— Я уже могу вылезти? — спросила Люда.

— Нет еще, — ответил я. — Вот переедем мост, тогда и вылезешь.

— Наверное, лучше до моста вылезти. Вдруг на мосту проверка, найдут ее, тогда нам всем хана, — сказал Алик. — А так, ну едут три человека, ничего особенного. Мы же еще границу не нарушили, а значит, никакого преступления не совершили, — сказал Алик.

— Разумно. Вылезай, так и быть, — разрешил я Люде.

Вдали показался мост. Никакой проверки не было, мы проскочили мост за пару минут, с облегчением вздохнули, и я повернул на шоссе, ведущее на Риэку. Алик с Людой разговаривали, я рулил, выдвигая и задвигая в приборную доску клюку коробки передач. Люда рассказала, что ее поселили в комнате еще с одной девушкой, которая уже бывала в Югославии.

— Точно стукачка, — сказал Алик.

— Не сомневаюсь, — поддержал я. — Такая тревогу быстро забьет, всех на ноги подымет.

— Сказала ей, что встретила друзей по университету и приду поздно ночью. А свой чемодан со всеми вещами оставила на кровати, чтобы она не волновалась.

— Она тебя спрашивала, каких именно друзей ты встретила? — спросил я.

— Нет.

— Странно. Стукачка, которая не интересуется подробностями.

— Наверное, сама собирается деру дать, — пошутил Алик. — Надо было бы и ее прихватить с собой.

На обочине промелькнул знак «Карловач».

— Вперед, на Карловач! — крикнул я.

— Сказал Михайловач, — откликнулся Алик.

Молодость спасала нас от тяжелых раздумий о предстоящем переходе границы. Наверное, правильно, что в армию призывают с восемнадцати лет. Убивать и нелегально переходить границу лучше в юности, а быть убитым никогда не лучше. Мы еще несколько раз спели «Вперед, на Карловач», Люда тоже нам подпевала.

В Загребе мы без труда нашли отель, в котором я оставил по пути в Башку тридцать долларов, и заняли две комнаты. Бросив вещи в номерах, мы вышли на улицу поискать кафе. За ужином я рассказал о планах на завтрашний день: утром едем в австрийское консульство, где попытаемся получить австрийскую визу. Пока мы с Людой будем в консульстве, Алик ждет нас в машине. Если австрияки отказывают, мы связываемся с контактом Зорана в Мариборе — Иво — и направляемся к нему, предварительно закупив необходимое снаряжение. Иво довезет нас до границы на нашей машине, покажет, куда идти, а потом отгонит машину в Загреб и оставит ее ночью на площадке прокатной фирмы. Ели мы молча. Вдруг Люда рассмеялась.

— Ты по-прежнему ешь по-хомячьи, — сказала она Алику. — Жуешь быстро-быстро.

— Ну а если вас два часа не будет? — спросил Алик, пропуская мимо ушей наблюдение Люды. — Куда мне тогда ехать?

— Быстро выписываешься из гостиницы и сразу в американское консульство. Я дам тебе

адрес консульства в Загребе и американского посольства в Белграде. Сообщишь им, что произошло. Затем садишься на поезд и дуешь во Франкфурт. Там звонишь Майклу Коэну и рассказываешь все ему. Еще позвони Бернис Голден — у нее могут быть контакты на высоком уровне. Затем меняешь билет и летишь в Нью-Йорк. В Нью-Йорке встречаешься с Майклом, опять звонишь Бернис — может быть, к тому времени она выйдет на кого-нибудь в Госдепе. Посольства и консульства подчиняются Госдепартаменту, и человек оттуда может повлиять на посольских работников, чтобы они какие-то шаги предприняли. Ведь я не гражданин США, и они не обязаны идти на какие-то экстраординарные действия.

— Что сказать родителям?

— Что хочешь. Надеюсь, поймут.

— А что с юридической школой? Кстати, твои сокурсники все-таки будущие адвокаты, может, они смогут поднять шум?

— Отличная мысль, я об этом даже не подумал. Позвони Кевину Касутто и Биллу Шарпу, все телефоны я дам, и расскажи им, что произошло. Если надо, смотайся в Буффало. Встреться там с Бернис. Я понятия не имею, что они могут сделать, но шум очень важен. Может, позвонить нашему новому другу Володе, чтобы и «Свобода» поучаствовала?

— Если только позже... Это может помешать Госдепу работать, если они вообще будут что-то делать. С другой стороны, нужно дать «совкам» знать, что вы не бесхозны, что кто-то беспокоится о ваших судьбах. Если контакт в Госдепе на самом деле возникнет, пусть там и советуют, что делать. Если контакта не будет, тогда я соединюсь с Володей, «Новым русским словом», кто там еще у нас есть?

— Обязательно выйди на «Международную амнистию» и Хельсинкскую Группу по наблюдению за соблюдением прав человека. Позвони в «Новый американец», меня там все знают — и Довлатов, и Орлов, и Рубин, и Меттер. Должны же у них быть знакомые, хоть кто-нибудь с выходом на сенаторов или конгрессменов.

Я так увлекся колоссальными возможностями по нашему спасению, что даже поверил в их реальность. * * *

Не сомневаюсь, что в ту ночь мы с Людой занимались любовью, хотя я не помню ту ночь. Понятно, что каждый коитус запомнить невозможно, но первые хотя бы десять с любимой женщиной после пятилетней разлуки я обязан был помнить.

Мы проснулись рано, выпили кофе. Алик пил чай, он не пьет кофе. Затем я дал Алику лист бумаги с нужными номерами телефонов и адресами, распорол ручку сумки и вынул оттуда координаты Иво, которые перепрятал в машине. Из тайника чемодана достал письмо от Юридического комитета по правам человека и положил его в свой американский паспорт. Все наличные деньги я отдал Алику, за исключением двадцати долларов — на всякий случай.

— А если вдруг меня повяжут, пока вы там будете? — спросил Алик. — Нет, уж лучше пусть деньги у тебя будут. В консульстве вас точно не повяжут. Кстати, какой план действий, если меня повяжут?

— Я передам Ляле, что она свободна. — Я спрятал деньги в карман.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Алик.

Мы сели в «Рено-4», Алик рядом, Люда сзади, и, оглядываясь (не пасут ли нас?), поехали в гости к австриякам. Их консульство находилось у красивого парка. Погода была замечательная — утреннее солнце, зеленый пустой парк, старое здание консульства с

медной доской, прибитой к фронто́ну. Я запарковал машину неподалеку, и Алик пересел за руль. Мы еще раз осмотрелись — ничего подозрительного. Мы с Людой вылезли из машины и быстрым шагом направились к консульству.

Я нажал на кнопку рядом с доской. Обратив внимание на объектив телекамеры, висящий справа, принял совсем уж невинный вид. Динамик, вмонтированный слева от доски, что-то прохрипел по-немецки.

— Мы из Соединенных Штатов, — четко и громко сказал я по-английски.

Дверь запищала, и я с трудом открыл ее — настолько она была массивной. Мы очутились в большой приемной. Справа застекленная стойка с окошком. По периметру приемной сидели посетители — человек пять-шесть.

— Чем я могу вам помочь? — по-английски спросила женщина за стойкой.

Я усадил Люду и подошел к окошку.

— Я из Америки. Девушка, которая со мной, из Советского Союза. — Я показал свой американский документ и протянул женщине советский паспорт Люды. — Ей нужно получить австрийскую визу. — Я говорил очень тихо, чтобы меня не слышали посетители.

Австриячка взяла советский паспорт Люды, раскрыла его. Посмотрела на меня, покачала головой.

Еще больше понизив голос, я сказал:

— Нам нужна ваша помощь.

Я достал письмо Американского юридического комитета. Женщина нерешительно взяла письмо, медленно прочитала его. Подозвала охранника, глазами показала на посетителей, потом на дверь. Затем сняла телефонную трубку и, не набирая номера, что-то в нее сказала. Одно или два слова. Через несколько секунд появился еще один охранник с автоматом.

Первый охранник попросил всех посетителей немедленно покинуть помещение. Услышал я и знаменитое «Schnell!», но, не имея генетической памяти, не вздрогнул, а почему-то обрадовался, как будто все Waffen SS стало на мою сторону. В приемной не осталось никого, кроме Люды и меня. Охранники заперли массивную входную дверь, соединили и закрыли на засов створки еще одной внутренней стальной двери, спустили с потолка железную решетку, которую тоже закрыли на засов. Прутья решетки были толщиной с мою руку. Австриячка в окошке спокойно наблюдала за действиями охранников.

— Теперь рассказывайте, в чем дело, — обратилась она ко мне по-английски.

— Как только эта девушка доберется до Вены, она попросит в американском посольстве статус беженца. Американцы о ней знают, вы читали письмо. Я член Американского юридического комитета, пожалуйста, помогите мне доставить ее в Австрию.

Я не знаю, почему я выбрал именно такую игру — мол, действую чуть ли не по заданию ЦРУ или Белого дома. Но я не представлял, что буду сейчас рассказывать Эльзе Кох историю своей любви. Хотя Эльза была симпатичной женщиной, мне показалось, что романтикой ее не возьмешь.

— Вы понимаете, мы не можем поставить визу в ее паспорт. Ее паспорт только для социалистических стран, там ведь все написано кириллицей, включая ее имя и фамилию. Для поездок в капиталистические страны советским гражданам выдают другие паспорта — там информация дана латинскими буквами. Даже если я нарушу межвизовое соглашение между

СССР и Австрией и поставлю ей визу, у вас все равно на границе могут быть проблемы, потому что наши пограничники не обязаны читать по-русски.

— Мне нужен ваш совет. Отсюда нам выходить уже опасно. Если она попросит политическое убежище у Австрии прямо здесь и сейчас, что вы будете делать?

Эльза мягко, по-еврейски, улыбнулась и снова покачала головой. По тому, как она улыбнулась, я понял, что разговор не окончен.

— Нам нужно добраться до Австрии, нас там ждут. Американцы о ней знают, они предупреждены, — продолжал почему-то лгать я. Я надеялся сделать из австриячки сообщницу — ну не может она, гражданка свободной страны, не хотеть показать кукиш Советам.

— Понимаете, кириллица...

— Сделайте с этой кириллицей что-нибудь. Это вопрос жизни и смерти.

— Сядьте рядом с вашей девушкой и ждите, — приказала Эльза и закрыла окошко.

Я сел на стул рядом с Людой. Люда молчала, я тоже. Охранник без автомата ходил взад-вперед. Охранник с автоматом сел на стул возле решетки. Я взял Люду за руку. Она ведь совсем не знала, что происходит, и не слышала моего разговора с Эльзой. Не представляю, о чем она думала. Неужели она полагалась на меня, как маленький ребенок на папу, — когда папа рядом, ни о чем волноваться не стоит, папа сильный и умный, он все сделает как надо, все будет хорошо. Я посмотрел Люде в глаза — нет, в голове ее шли другие процессы, в глазах был страх.

— Все будет в порядке, — прошептал я. — Наверное, попремся ночью через границу. Сейчас пойдем покупать тебе джинсы и кеды.

Люда не ответила. Но я понял, что попрется как миленькая. Я подумал о Бернис — кому-то она сейчас в далеком, чудесном Буффало предсказывает судьбу. Интересно, о чем сейчас думает Алик? Кстати, сколько прошло времени с тех пор, как мы вышли из машины? Вряд ли два часа, скорее минут двадцать. Становилось жарко, кондиционеров в приемной не было.

Открылось окошко, и в нем появилось лицо Эльзы.

— Подойдите оба, — скомандовала она.

Мы подошли.

— Консул согласился поставить австрийскую визу, — улыбнулась Эльза. — Мало того, он разрешил мне написать имя и фамилию Людмилы латинскими буквами прямо в ее паспорте, чтобы на границе было меньше вопросов. Я желаю вам удачного путешествия в Австрию.

— У меня нет слов, чтобы выразить вам лично и господину консулу нашу благодарность, — заблажил я, еще не полностью осознавая происходящее.

— У меня к вам вопрос — каким транспортом вы собираетесь добираться до Австрии?

— На поезде.

— Когда?

— Постараемся успеть на сегодняшний.

— Я позвоню на пропускной пункт и предупрежу, что вы будете ехать. Все-таки межвизовое

соглашение, а паспорт у нее с кириллицей. Но уже и с латиницей.

Я открыл паспорт — рядом с кириллицей печатными латинскими буквами выведены имя и фамилия Люды, рядом роспись консула, на отдельной странице виза.

— Я люблю вас, — сказал я Эльзе.

— Счастья вам в свободном мире, — сказала Эльза Люде.

Затем она приказала зондер-команде распечатать бункер, и мы с Людой вышли на улицу.

— Сколько вас ждать можно? — заворчал Алик. — Ну что, дали визу?

— Дали, дали. Погнали в гостиницу выписываться.

— Ну так расскажи, как дело было.

— Потом. Нам надо успеть на вокзал к четырем часам, на зальцбургский поезд.

— У нас полно времени, сейчас только двенадцать.

— Выписаться, сдать машину, купить хоть что-то для Люды. У нас очень мало времени. * * *

Уже было темно, когда мы подъезжали к австрийской границе. Мы втроем сидели в купе, я в обнимку с Людой, Алик напротив. Предстояло еще одно испытание — надо было выехать из Югославии. Тот факт, что австрийские пограничники предупреждены, не означал, что их югославские коллеги не будут иметь к нам вопросов, особенно если руководитель Людиной группы уже сообщил кому следует о пропаже советской туристки. Да и как он мог не сообщить? Прошло уже 36 часов с того момента, когда Люда, оставив чемодан на кровати, вышла из гостиницы, отправляясь якобы на прогулку с одноклассниками. Сколько Люда могла гулять с одноклассниками? Сегодня днем ее должны были точно хватиться. Сообщить в органы — дело пяти минут, а дальше — и того меньше. Уже хочется расслабиться, но рано — ведь прежде, чем въедешь в Австрию, надо покинуть Югославию. Нелегальный переход через границу начал казаться гораздо более безопасным путем.

Дверь купе открылась. На пороге стояли двое пограничников в форме и дядька в штатском.

— Документы, — произнес штатский на эсперанто.

Мы засуетились, доставая паспорта и принимая беспечный вид. Штатский взял паспорта — два американских белого цвета, потому что не для граждан, а только для постоянных жителей, и один советский — красного цвета. Наверное, в глазах любых пограничников мы были странной компанией.

Я думаю, что лучше всех выглядел Алик. Глядя на него, я вспомнил, что самыми лучшими шпионами были люди с нешпионской внешностью: незаметные бухгалтеры, фотографы. Абель был таким, руководитель «Красной капеллы» Треппер был таким. Алик был таким.

Штатский вернул паспорта, закрыл дверь купе. Мы молчали. Мы не разобрали, кто были эти пограничники — югославы, австрийцы? Поезд стоял. По перрону бегали какие-то люди. Моей душе хотелось знать, радоваться или печалиться, но никакого сигнала не поступало. Я сидел в обнимку с Людой, никто из нас не произнес ни слова.

Дверь купе снова открылась. На пороге опять стояли пограничники. Они были в черной форме, и с ними был, очевидно, офицер — китель навыпуск, фуражка с красивой кокардой.

— Паспорта, — мрачно сказал офицер.

Мы снова засуетились, роясь в сумках и принимая безмятежный вид. Офицер раскрыл мой паспорт.

— Это что еще такое? — не помню на каком языке сказал офицер.

— Это паспорт постоянного жителя США.

— Тут нигде не написано, что это паспорт.

— Правильно. Этот документ называется «Право на въезд». Он доказывает, что я живу в США.

— Первый раз в жизни вижу такой документ.

— Смотрите, сколько разных консульств в Нью-Йорке поставили в него визу, значит, все в порядке.

— Не знаю, не знаю...

Офицер засунул мой документ под мышку и раскрыл паспорт Люды. Я понял, что сейчас все и начнется.

Он долго разглядывал Людин паспорт, вдруг широко улыбнулся и сказал:

— А я знаю, что здесь написано, я русский учил. Вот это паспорт, а у вас не паспорт, — обратился офицер уже ко мне.

Он засмеялся и отдал Люде паспорт. Документ Алика, который ничем не отличался от моего, у офицера тоже вопросов не вызвал. Он снова извлек из-под мышки мой паспорт, повертел его брезгливо в руках и вернул мне. Дверь закрылась.

— Кто это были? — спросил я.

— Австрияки, наверное, — сказал Алик.

— Тогда первыми были югославы, — заключил я.

— Логично, — ответил Алик. — Чего он так пристебался к твоему паспорту?

— Сейчас догоню его и спрошу.

Поезд дернулся. Мы уставились в окно, и вскоре перед нами проплыла вывеска «Osterreich». Хотелось пить шампанское и делать неприличные жесты, какие делают футболисты, забившие гол. Но ни того ни другого не было — ни тогда, ни потом. Игра, спорт, азарт закончились, начиналась жизнь. Да и результат этой игры должен храниться в секрете — в Союзе остались родители и сестра Люды. Их еще вызовут в КГБ, но все обойдется.

Поезд мчался по свободной австрийской земле, приближаясь к Зальцбургу — родине Моцарта и, по большому счету, Гитлера. Молча, в изнеможении от нервного напряжения, мы с Людой сидели прижавшись друг к другу, обреченные на счастье... * * *

Мы прожили с Людой четыре года. Сейчас она живет в Париже, а я по-прежнему в Америке. Наша дочка Мишель тоже живет в Париже. Скоро она окончит Сорбонну. Все оказались правы — и Бернис, и Алик, и я.

Примечания

1

Суров закон, но закон (лат.).